

МИЭТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования
Научный журнал

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс
в ООО Агентство «Книга-Сервис»:
80114

№ 2 (34)

Апрель — июнь 2022 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research
Scientific Journal

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of LLC Agency «Book-Service»:
80114

No. 2 (34)

2022 April — June

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2022
© МИЭТ, 2022

© “Economic and Social Research”, 2022
© MIET, 2022

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Редакционный совет

Председатель редсовета

*Анискин Ю. П., доктор экономических наук,
профессор, профессор НИУ МИЭТ*

Сопредседатель редсовета

*Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИФ РАН*

Агапов В. С., д. психол. н., проф., РосНОУ

Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф., РГСУ

*Бертош Е. В., к. э. н., доц., зав. кафедрой, БНТУ
(Республика Беларусь)*

Бондарева Я. В., д. филос. н., проф., МГОУ

Гагарин А. В., д. пед. н., проф., РАНХиГС

*Гладков И. С., д. э. н., проф., гл. науч. сотр.,
ИДВ РАН*

*Данильченко А. В., д. экон. н., проф., декан, БНТУ
(Республика Беларусь)*

*Зазыкин В. Г., д. психол. н., проф.,
вед. науч. сотр., РГУ им. С. А. Есенина*

*Захлебный А. Н., д. пед. н., проф., академик РАО,
Ин-т стратегии развития образования РАО*

*Инфанте Д., Dr. Sci. (Polit. Econ.), проф.,
Университет Калабрии (Италия)*

Князев В. Н., д. филос. н., проф., МПГУ

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф.,

Рижский университет (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф.,

зав. кафедрой, МГППУ

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.,

проф.-конс., НИУ МИЭТ

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф., МосГУ

Пирогов А. И., д. филос. н., проф., НИУ МИЭТ

*Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф., Евроакадемия
(Эстония)*

Смирнова Ж. Вяч., PhD (Econ.), доц.,

Университет Калабрии (Италия)

Редакционная коллегия

Заместитель главного редактора

*Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор,
профессор НИУ МИЭТ*

Алексеев С. В., д. пед. н., проф., СПб АППО

*Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф., вед. науч. сотр.,
ИФ РАН*

Гуськова Н. Д., д. э. н., проф., МГУ им. Н. П. Огарева

Даниелян Н. В., д. филос. н., доц., проф., НИУ МИЭТ

Евдокимова М. Г., д. пед. н., доц.,

директор Ин-та ЛПО, НИУ МИЭТ

Еленева Ю. Я., д. э. н., проф., зав. кафедрой, МГТУ

«СТАНКИН»

Емец В. С., д. полит. н., проф., РЭУ им. Г. В.

Плеханова

Иванова Г. П., д. пед. н., проф., МГОУ

Ильин В. В., д. филос. н., проф.,

КФ МГТУ им. Н. Э. Баумана

Кальней В. А., д. пед. н.,

проф., МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ)

Лукичева Л. И., д. э. н., проф., НИУ МИЭТ

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф., РАНХиГС

Мушта А. А., к. филос. н., доц., вед. спец.,

Акад. управления при Президенте РБ

(Республика Беларусь)

Панов А. И., д. полит. н., проф., МГОУ

Прокофьев А. А., д. пед. н., к. ф.-м. н., доц.,

зав. кафедрой, НИУ МИЭТ

Родин В. Ф., д. пед. н., проф., Моск. ун-т МВД РФ

им. В. Я. Кикотя

Салимова Т. А., д. э. н., проф.,

декан, МГУ им. Н. П. Огарева

Смирнова Ж. Вен., к. пед. н., доц., зам. зав. кафедрой,

НГПУ им. Козьмы Минина

Степанов С. А., д. пед. н., проф., МНЭПУ

Стуканова С. С., д. э. н., доц., НИУ МИЭТ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Научный редактор — **Т. В. Растимешина**

Выпускающий редактор — **Ю. В. Лункина**

Компьютерная верстка — **С. О. Брылев**

Ведущий редактор — **А. И. Пирогов**

Редактор — **Е. В. Малинкина**

Дизайнер обложки — **С. Ю. Рыжков**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru **Сайт:** <http://esgi-miet.ru>

Подписано в печать 20.06.2022. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 26,5 усл. печ л., 19,0 уч.-изд. л. Заказ № 22.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editor-in-Chief

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Editorial Board

Chairperson

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET

Vice Chairperson

*Chumakov A. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Acad. of
REA, Lead. Res., Institute of Philosophy of RAS*

*Agapov V. S., Dr. Sci. (Psy.), Prof., Russian New
University*

Andriyenko E. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., RSSU

*Bertosh E. V., Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., BNTU
(Republic of Belarus)*

Bondareva Ya. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MRSU

Gagarin A. V., Dr. Sci. (Ped.), Prof., RANEPА

*Gladkov I. S., Dr. Sci. (Econ.), Prof.,
Institute of Far Eastern Studies of RAS*

*Danilchenko A. V., Dr. Sci. (Econ.), Prof., BNTU
(Republic of Belarus)*

*Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psy.), Prof.,
RSU n. for S. Yesenin*

*Zakhlebny A. N., Dr. Sci. (Ped.), Prof., Acad. of RAE,
Institute of Education Development Strategy
of RAE*

*Infante D., Dr. Sci. (Polit. Econ.), Prof.,
University of Calabria (Italy)*

Knyazev V. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MPGU

*Lace N., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Riga Technical
University (Latvia)*

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MAI

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MSPPU

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET

Mrochko L. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MosUH

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MIET

*Põlajeva T., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Euroacademy
(Estonia)*

*Smirnova J. V., PhD (Econ.), Prof.,
University of Calabria (Italy)*

Publishing Board

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MIET

Alekseev S. V., Dr. Sci. (Ped.), Prof., SPb APPO

*Alekseeva I. Yu., Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
Institute of Philosophy of RAS*

*Guskova N. D., Dr. Sci. (Econ.), Prof.,
Ogarev Mordovia State University*

Danielyan N. V., Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., MIET

Evdokimova M. G., Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., MIET

Eleneva J. Ya., Dr. Sci. (Econ.), Prof., STANKIN

Emets V. S., Dr. Sci. (Polit.), Prof., PRUE

Ivanova G. P., Dr. Sci. (Ped.), Prof., MRSU

*Ilyin V. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
Kaluga Branch of BMSTU*

Kalney V. A., Dr. Sci. (Ped.), Prof., MSUTM

Lukicheva L. I., Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET

Mamedov N. M., Dr. Sci. (Philos.), Prof., RANEPА

*Mushta A. A., Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.,
Lead. Analyst, APA RB (Republic of Belarus)*

Panov A. I., Dr. Sci. (Polit.), Prof., MRSU

*Prokofyev A. A., Dr. Sci. (Ped.), Cand. Sci.
(Phys.-Math.), Assoc. Prof., MIET*

*Rodin V. F., Dr. Sci. (Ped.), Prof., Kikot Moscow
University of the Ministry of the Interior of Russia*

Salimova T. A., Dr. Sci. (Econ.), Prof.,

Ogarev Mordovia State University

*Smirnova Zh. V., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.,
Minin University*

Stepanov S. A., Dr. Sci. (Ped.), Prof., IIUEPS/MNEPU

Stukanova S. S., Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., MIET

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Executive editor — **Yu. V. Lunkina**

Digital page makeup — **S. O. Brylev**

Senior editor — **A. I. Pirogov**

Editor — **E. V. Malinkina**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Tel.: +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru **Web:** <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.06.2022. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 26.5. Published sheets: 19.0. Order No. 22.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Белоусова Н. Н., Плис Н. И.</i> Состояние дел с производством гражданской продукции крупного предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности: проблемные вопросы, требующие решения	6
<i>Гладков И. С.</i> Международная торговля 2021: на подъеме	17
<i>Головенчик Г. Г.</i> Рейтинговый анализ приоритетных направлений развития умных городов	26
<i>Егорычева Е. В., Тришкина А. Г., Шишонкова О. С.</i> Студенческое самоуправление как инструмент практико-ориентированной подготовки современных менеджеров	39
<i>Колосова С. С.</i> Сертификационный вебинар как средство обучения продавцов в рамках коммерческого взаимодействия компаний-партнеров	51
<i>Кошелева Ю. П.</i> Ценность интеллектуальной собственности в инновационной деятельности стартапов	58

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Белобрагина А. С., Гвайта Г. В.</i> Роль философии гуманизма в научном познании и процессе цифровизации	66
<i>Варакина М. И., Трофимова Е. С., Левченко Я. А.</i> Философский дискурс о проблеме гармонизации отношений человека с обществом и природой в конфуцианстве	74
<i>Катанандов С. Л., Ковалев А. А.</i> Политико-управленческие аспекты в учении Иисуса Христа	87
<i>Ковалев А. А.</i> Деятельность и учение Иисуса Христа как предмет политологического исследования	98
<i>Лобастов Г. В.</i> Математика с геометрией и логика	108
<i>Морозов М. Ю.</i> Принцип фрагментарности в свете теоретической рефлексии	120
<i>Музафарова Н. Р.</i> Ступы в северном буддизме: философская составляющая	131
<i>Попов В. И.</i> Мораль и политика: взаимоотношение в массовом сознании	139
<i>Равочкин Н. Н., Щенников В. П.</i> Наука и общественное мнение как институты духовной сферы: социально-философский анализ. Часть 2	151
<i>Самохвалова В. К.</i> Достоинство, личность, культура: ракурс И. Г. Фихте	162
<i>Фазыльянова Г. И., Неганов В. В., Соколова Т. Ю., Агаева А. И.</i> К вопросу о проектировании мультимедийного контента объектов культурного наследия: онтологический аспект	170

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Филиппченкова С. И.</i> Коммуникативные технологии в онкологической практике: векторы персонализированной медицины	178
<i>Итоги круглого стола Института ЛПО «Актуальные вопросы современной лингвистики» 10 апреля 2022 г.</i>	186
<i>Байдикова Н. Л.</i> Методологические аспекты смешанного обучения в соотнесении с типами научной рациональности	187
<i>Бычкова М. А.</i> Цифровые технологии при обучении иноязычной письменной речи учащихся старших классов	195
<i>Глущенко А. В.</i> Использование LMS Moodle для развития умений аудирования иноязычного текста	198
<i>Громова Д. П.</i> Особенности перевода «ложных друзей переводчика» с английского языка на русский в текстах по телекоммуникационным технологиям	202
<i>Даниелян Н. В.</i> Рациональность использования ИКТ при обучении иностранным языкам	206
<i>Майорова К. Ю.</i> Обучение школьников иноязычной монологической речи с помощью интеллект-карт платформы CANVA	214
<i>Муханова Г. З.</i> Особенности перевода неологизмов компьютерной тематики с английского языка на русский (на материале пособий по программированию)	218

Личность. Общество. Государство

<i>Зазыкин В. Г.</i> Конфуций о принципах, условиях и критериях эффективности государственного управления	222
---	-----

Информация

К сведению авторов	229
Этические нормы публикационного процесса	231

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Belousova N. N., Plis N. I.</i> State of affairs with civil products' manufacturing at the large enterprise of defense industry complex of radioelectronic industry: problematic issues requiring solution	6
<i>Gladkov I. S.</i> International trade 2021: on the rise	17
<i>Goloventchik G. G.</i> Rating analysis of priority areas for the development of smart cities	26
<i>Egorycheva E. V., Trishkina A. G., Shishonkova O. S.</i> Student self-government as a tool for practice-oriented training of modern managers	39
<i>Kolosova S. S.</i> Certification webinar as a means of training sellers in the framework of commercial cooperation of partner companies	51
<i>Kosheleva Yu. P.</i> The value of intellectual property at innovation activity of startups	58

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

<i>Belobragina A. S., Gvaita G. V.</i> The role of the philosophy of humanism in scientific knowledge and the process of digitalization	66
<i>Varakina M. I., Trofimova E. S., Levchenko Ya. A.</i> Philosophical discourse about the problem of harmonizing relations of man with society and nature in Confucianism	74
<i>Katanandov S. L., Kovalev A. A.</i> Political and managerial aspects in the teaching of Jesus Christ	87
<i>Kovalev A. A.</i> Activity and teaching of Jesus Christ as a subject of political science research	98
<i>Lobastov G. V.</i> Mathematics with geometry and logic	108
<i>Morozov M. Yu.</i> The principle of fragmentation in the light of theoretical reflection	120
<i>Muzafarova N. R.</i> Stupas in Northern Buddhism: philosophical component	131
<i>Popov V. I.</i> Morality and politics: relationship in the mass consciousness	139
<i>Ravochkin N. N., Shchennikov V. P.</i> Science and public opinion as spiritual sphere institutions: socio-philosophical analysis. Part 2	151
<i>Samokhvalova V. K.</i> Dignity, personality, culture: I. G. Fichte's perspective	162
<i>Fazylzyanova G. I., Neganov V. V., Sokolova T. Yu., Agayeva A. I.</i> On the issue of designing multimedia content of cultural heritage objects: ontological aspect	170

Pedagogical Coordinate System: Education, Upbringing, Human Development

<i>Filippchenkova S. I.</i> Communication technologies in oncological practice: vectors of personalized medicine	178
<i>Results of the round table of the LPO Institute "Actual Issues of Modern Linguistics" April 10, 2022</i>	186
<i>Baydikova N. L.</i> Methodological aspects of blended learning in relation to scientific rationality types	187
<i>Bychkova M. A.</i> Digital technologies in teaching foreign language writing skills to high school students	195
<i>Glushenko A. V.</i> Using LMS Moodle to develop foreign language listening skills	198
<i>Gromova D. P.</i> Specific features of the translation of "false friends of translator" from English into Russian in telecommunication texts	202
<i>Danielyan N. V.</i> Rationality of using information and telecommunication technologies in teaching foreign languages	206
<i>Maiorova K. Yu.</i> Teaching monologue with CANVA's mind map at EFL classes.	214
<i>Mukhanova G. Z.</i> Features of computer neologisms translation from English into Russian (on the material of programming manuals)	218

Personality. Society. State

<i>Zazykin V. G.</i> Confucius about governance principles, conditions and efficiency criteria	222
--	-----

Information

For the Authors	229
Ethical Norms of Publishing	231

**ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH:
THEORY AND PRACTICE**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 6—16.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 6—16.

УДК 338.45:338.33
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-6-16

**Состояние дел с производством гражданской продукции крупного
предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности:
проблемные вопросы, требующие решения**

Наталья Николаевна Белоусова^{1, 2}, Николай Иванович Плис²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Зеленоград, Россия*
² *АО «Ангстрем», Москва, Зеленоград, Россия*

¹*belousova@angstrem.ru,*
²*plis@angstrem.ru*

Аннотация: Рассмотрены вопросы диверсификации деятельности предприятия оборонно-промышленного комплекса по производству изделий микроэлектроники, в текущей ситуации и на перспективу. Авторы предложили дополнения к действующим мерам государственной поддержки, направленные на развитие производства гражданской радиоэлектронной продукции в условиях санкций. Проанализированы возможности диверсификации — расширения продуктового портфеля предприятия и используемых технологий в целях работы на внутреннем и внешнем рынках.

Ключевые слова: диверсификация, оборонно-промышленный комплекс, импортозамещение, государственная поддержка, изделия микроэлектроники, санкции, радиоэлектронная промышленность, гражданская продукция.

Для цитирования: Белоусова Н. Н., Плис Н. И. Состояние дел с производством гражданской продукции крупного предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности: проблемные вопросы, требующие решения // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022, no. 2 (34). С. 6—16. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-6-16>

**State of affairs with civil products' manufacturing at the large enterprise
of defense industry complex of radioelectronic industry:
problematic issues requiring solution**

Natalia Nikolaevna Belousova^{1, 2}, Nikolay Ivanovich Plis²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*
² *Angstrem, JSC, Moscow, Russia*

belousova@angstrem.ru,
plis@angstrem.ru

Abstract: The issues of diversifying the activities of defense-industrial complex enterprises producing microelectronic products, in the current situation and for the future, are considered. The authors proposed additions to the existing measures of state support aimed at developing the production of civilian radioelectronic products under conditions of sanctions. The authors analyzed the possibilities of diversification — expansion of the company's product portfolio and technologies used in order to work in the domestic and foreign markets.

Keywords: diversification, defense industry complex, import substitution, state support, microelectronic products, sanctions, radioelectronic industry, civilian products.

For citation: Belousova N.N., Plis N.I. State of affairs with civil products' manufacturing at the large enterprise of defense industry complex of radioelectronic industry: problematic issues requiring solution // Economic and Socio-Humanitarian Studies. 2022, no. 2 (34). P. 6—16. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-6-16>

В условиях санкционных ограничений внешнеэкономической деятельности, при трудностях с обеспечением российских производителей радиоэлектронной промышленности материалами и комплектующими, обусловленных импортозависимостью многих ключевых отраслей, — как никогда остро встает вопрос использования промышленного потенциала крупных предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Предприятия ОПК играют ключевую роль в экономике страны, так как аккумулируют технологический, кадровый, научно-технический потенциал отрасли, а именно технологии производства продукции спецприменения, которые используются при определенной адаптации конструкторско-технологической документации, опробовании опытных образцов изделий в аппаратуре заказчика, проведении комплекса испытаний и могут найти применение в гражданских отраслях промышленности.

Термин «диверсификация» впервые был введен в научный оборот в 1962 г., с тех пор многие государства, их экономические модели проходили этапы диверси-

фикации производства: США, Китай, СССР, страны Западной Европы [1, с. 6]. Например, в США предприятиям, проводящим конверсию, оказывалась государственная поддержка с целью сохранить уникальный потенциал военной промышленности: во всех федеральных исследовательских институтах, конструкторских бюро и министерских структурах создавались специальные подразделения, обеспечивающие передачу научно-технологических результатов, полученных в военной области, — в гражданское производство (трансфер технологий).

Опыт диверсификации в странах Западной Европы состоит в применении на федеральном уровне системы организационно-экономических инструментов: выбор приоритетных отраслей для направления инвестиций, налоговых и иных льгот и преференций; закрепление в законодательных актах концептуальных подходов государства к решению проблемы усиления гражданской направленности ОПК; перераспределение производственных мощностей между военным и гражданским производством [2].

В 1979 г. началась диверсификация в Китае: военные министерства преобразовывались в гражданские, с учреждением своих торгово-промышленных корпораций, которые определяли развитие гражданского производства. В 2002 г. китайские военно-промышленные корпорации стали рентабельными, этому способствовали следующие этапы диверсификации: интеграция государственных оборонных подрядчиков и частных компаний; переход военных инноваций в гражданский сектор; адаптация военной техники к гражданскому сектору; покупка передовых зарубежных технологий и их развитие; акционирование путем создания национальных холдинговых структур по отраслевому принципу [2].

За 70 лет существования СССР предприятия ОПК пережили четыре конверсии в периоды после Гражданской войны и после Великой Отечественной войны и периоды правления Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева. В 1992 г. принят закон «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации», однако программы конверсии не были профинансированы в полном объеме, предприятия ОПК не смогли конкурировать по цене на свободном рынке в связи с высокими накладными расходами [3, с. 5–12]. Подчеркнем, что высокие коммерческие и управленческие расходы на современном этапе диверсификации в Российской Федерации также являются препятствием для продвижения предприятий ОПК на рынок гражданской продукции.

Согласно информации из государственных источников, доля гражданской продукции на предприятиях ОПК составила 25,6 % за 2020 г. [4], прогнозные цифры 2021 г. — 28,6 % [5].

Задача увеличения выпуска гражданской продукции на предприятиях ОПК, поставленная Правительством, курируется Министерством промышленности и торговли Российской Федерации и ФГУП «ВНИИ «Центр», выделены три группы

предприятий ОПК по отношению к процессу диверсификации [2]:

1) предприятия, которые принципиально «не вписываются» в рынок гражданской продукции;

2) предприятия, которые легко диверсифицируются и уже работают на гражданском рынке (доля гражданской продукции 25 % и более);

3) предприятия, доля гражданской продукции которых не превышает 10 %, диверсификация таких предприятий возможна, но с большими затратами и серьезной реорганизацией.

Рассмотрим данную градацию в отношении предприятий ОПК. Опыт крупных предприятий ОПК радиоэлектронной промышленности показывает, что градация имеет место на предприятиях, выпускающих электронные блоки, печатные платы. Предприятия, выпускающие электронную компонентную базу, в первую очередь интегральные микросхемы, полупроводниковые приборы, могут, на наш взгляд, при определенных мерах государственной поддержки успешно наращивать долю гражданской продукции, используя Государственный Оборонный Заказ (далее ГОЗ) как драйвер роста, когда гарантирован рынок на первом этапе, и тем самым составить вторую группу.

Однако необходимо найти пути, где доля гражданской продукции будет расти более высокими темпами. Исторически известно, что предприятия микроэлектроники, организованные еще в советские годы, бурно развивались и выпускали как специальную электронную компонентную базу для нужд ГК «Роскосмос», ГК «Росатом», так и товары народного потребления, например, электронные игры, часы, калькуляторы по КМОП-технологии, которая должна была соответствовать мировому уровню. Впоследствии, по мере стабилизации, получения воспроизводимости технических параметров, данную технологию стали использовать

для изготовления продукции спецназначения. Постановка технологий требовала повышения профессионального уровня инженерно-технических специалистов, поскольку обрабатывалась вся технологическая инфраструктура: оснастка, инструмент, специальные технологические материалы, специальное технологическое оборудование, — что способствовало стабильному выпуску качественных изделий. Производство товаров народного потребления предприятиями ОПК стимулировалось государством, объем продаж этих изделий входил в основные технико-экономические показатели.

Результатом стабильного развития предприятий ОПК можно считать выход России на международный рынок в 90-е годы XX в., когда в связи с открытием границ внутренний рынок страны заполнили дешевые, некачественные иностранные товары данного вида. В этот период предприятие ОПК радиоэлектронной промышленности АО «Ангстрем» самостоятельно вышло на рынок микроэлектроники Юго-Восточной Азии в части поставок микрочипов для производства часов и калькуляторов. При этом АО «Ангстрем» успешно конкурировало с мировыми производителями (Samsung, Winbond), ежемесячные поставки в те годы составляли до 180 млн чипов. Впоследствии эта же технология стала главной для изделий, поставляемых по ГОЗ.

Анализируя опыт крупных предприятий ОПК радиоэлектронной промышленности, в части состояния дел и задач, стоящих сегодня, и в проекции на перспективу, учитывая такие факторы, как действие санкций, необходимость развития, движение научно-технического прогресса, придем к выводу, что сегодня жизненно необходимо научиться использовать оборонные технологии, материалы, комплектующие, оборудование, оснастку, инструменты, кадровые ресурсы (разработчики, операторы, технологи) именно при производстве гражданской продукции. Исследование и анализ иностранной элек-

тронной компонентной базы, завозимой в Россию, показывает, что она имеет те же чипы, что и продукция спецназначения, только отличается определенными техническими параметрами и конструктивами. Разработчики изменяют конструктивы, убирая «спецтребования» к электронной компонентной базе, чтобы в создании продукции гражданского применения задействовать те же производственные мощности и кадры, которые используются для производства продукции с военной приемкой.

Отметим, что пятый технологический уклад сегодня находится в стадии зрелости, среди основных отраслей преобладают Интернет, нефтегазовая и атомная энергетика. Вместе с тем в начале 2000-х гг. началось зарождение шестого технологического уклада — с построения глобальных информационных сетей, развития нанотехнологий, альтернативной энергетики, в отличие от пятого технологического уклада, ядро которого составляет электронная промышленность, вычислительная техника, а ключевым фактором являются микроэлектронные компоненты [6, с. 38—62]. Правительство поставило задачу развивать гражданские отрасли, распределить мощности на производство гражданской продукции, что позволит снизить постоянные затраты на выпуск продукции спецназначения и таким образом начать поиск способов инвестирования в производство. Ценообразование продукции с военной приемкой регламентируется Федеральным законом № 275-ФЗ от 29.12.2012 [7] и Постановлением Правительства Российской Федерации № 1465 от 02.12.2017 [8], что не позволяет отчислять большие средства в развитие производства.

Особенностью внутреннего рынка гражданской продукции микроэлектроники сегодня является необходимость замены продукции иностранного производства, доработки изделий спецприменения до соответствия гражданскому рынку, разработки новой электронной компонентной базы для нужд

предприятий, которые выпускают конечную продукцию. Этим целям должна отвечать программа развития на долгосрочную перспективу, включающая модернизацию действующего парка оборудования, постановку технологий двойного применения, адаптацию кадрового ресурса к задачам диверсификации, налаживание цепочки кооперации в гражданском секторе рынка, использование потенциала внешнеэкономической деятельности. Для реализации такой программы требуются инструменты государственной поддержки.

О мерах государственной поддержки, необходимых крупным предприятиям ОПК радиоэлектронной промышленности, поставлен вопрос в предыдущем исследовании (см.: [9, с. 14—21]). Анализ предлагаемых на текущий момент времени государственных мер поддержки показал, что для их использования предприятию необходимо соблюдать ряд условий, которые отражены в Постановлениях Правительства Российской Федерации.

1. В Постановлении Правительства Российской Федерации № 1252 от 24.07.2021 оговорены условия предоставления субсидий в целях стимулирования деятельности организаций электронной и радиоэлектронной промышленности, специализирующихся на разработке и производстве электронных компонентов и модулей на их основе гражданского применения [10].

2. Постановлением Правительства Российской Федерации № 2136 от 16.12.2020 определено предоставление субсидий в целях стимулирования деятельности российских организаций электронной промышленности по разработке и производству материалов и средств автоматизированного проектирования. В условиях санкций затруднен доступ к современному зарубежному оборудованию, запасным частям, расходным материалам для ремонта иностранного оборудования, в связи с этим стимулирование производства материалов, оснастки собственными силами рос-

сийских предприятий представляется необходимым компенсационным механизмом, который позволит восполнить недостаток в отечественном машиностроении [11].

3. Постановление Правительства Российской Федерации № 1619 от 27.09.2021 является опорным документом в механизме предоставления субсидий в рамках сквозных проектов электронной промышленности. Оно нацелено на достижение доли не менее 70 % от российской продукции радиоэлектронной промышленности, используемой в конечной продукции в рамках реализации проекта [12].

4. Субсидии в целях стимулирования инновационной деятельности организаций, основанной на проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по современным технологиям, непосредственно связанных с последующим созданием и (или) адаптацией под требования отдельных рынков, производством и реализацией инновационной продукции в рамках реализации инновационных проектов выделяются на основе Постановления Правительства Российской Федерации № 1649 от 12.12.2019 [13].

5. Размер минимальной доли закупок схем интегральных электронных и полупроводниковых приборов российского происхождения 90 % в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 2013 от 03.12.2020 [14].

6. Постановление Правительства Российской Федерации № 719 от 17.07.2015 в отношении интегральных схем первого и второго уровней определяет такие условия, как обладание определенными правами на технологию, включая методики и ноу-хау, а также патенты, права на конструкторскую и технологическую документацию, права на топологию интегральных схем, — условия разработки и производства интегральных схем [15].

7. Снижение затрат при осуществлении инноваций в г. Москве возможно в части

реализации комплекса мер, направленных на достижение экономического эффекта от инноваций, в том числе от создания нового продукта и(или) использования новой технологии по созданию продукта на основе Постановления Правительства Москвы № 717 от 27.05.2021 [16].

8. Субсидия по Постановлению Правительства Российской Федерации № 109 от 17.02.2016 нацеливает на увеличение доли радиоэлектронных изделий, произведенных на территории Российской Федерации, в общем объеме внутреннего рынка радиоэлектроники [17].

9. Постановление Правительства Российской Федерации № 110 от 17.02.2016 фиксирует, что предоставление субсидии организациям радиоэлектронной промышленности обусловлено целями, связанными с созданием, расширением и модернизацией технологической и производственной базы для производства радиоэлектронной аппаратуры, комплексов и систем в области телекоммуникационного оборудования, вычислительной техники, специального технологического оборудования и систем интеллектуального управления [18].

10. Программы Российского экспортного центра [19] и Московского экспортного центра [20] по поддержке внешнеэкономической деятельности предприятия, в том числе в части проведения маркетинговых мероприятий за рубежом, предъявляют к потенциальным соискателям также условие соблюдения налоговой чистоты.

С учетом санкционных ограничений, установленных коллективным Западом, сформулируем следующие предложения по решению задач диверсификации производства государственными органами управления.

1. Рассмотреть вопрос полного освобождения предприятий микроэлектроники от всех видов отчислений в бюджет и внебюджетные фонды, а именно: отчислений на

оплату труда, по налогу на доходы физических лиц, налогу на имущество, а также налогу на прибыль. Минимизировать до 10 % перечисления в счет уплаты всех видов платежей в бюджет и внебюджетные фонды. Перенаправить сумму высвободившихся средств на модернизацию производственного комплекса и разработку новых изделий.

2. Предоставить предприятиям возможность получать государственную поддержку по фактическим результатам реализации проектов гражданского назначения.

3. Оперативно решить вопрос производства на предприятиях Российской Федерации материалов, закупка которых за рубежом затруднена: назначенным предприятиям-исполнителям выделить ресурсы, установить сроки; предприятиям-потребителям выдать технические требования, предоставить ответственных специалистов. Учитывая трудности с доставкой материалов из-за рубежа (недоступность авиа и морских перевозок, перегруженность Российской железной дороги и таможни), решить вопрос оперативной доставки, упростить таможенные процедуры.

4. Уточнить условия получения мер поддержки для системообразующих предприятий радиоэлектронной промышленности Министерства промышленности и торговли Российской Федерации — в редакции Постановлений Правительства РФ № 296 от 06.03.2022, № 359 от 14.03.2022 [21, 22].

5. Оказать содействие в ценообразовании готовой продукции в условиях быстрого изменения цен на материалы и комплектующие.

6. Организовать централизованные государственные закупки иностранных технологических материалов и запасных частей для нужд предприятий радиоэлектронной промышленности Российской Федерации — для ремонта и модернизации специального технологического оборудования.

Обратим внимание на готовность АО «Ангстрем» к решению задач диверсификации.

На текущий момент предприятие вкладывает в свою деятельность только собственные средства, однако заинтересовано в реализации программ импортозамещения, диверсификации, локализации и нуждается в различных мерах государственной поддержки, поэтому свои предложения и программу развития направляет в соответствующие отраслевые структуры. В последующем планируем рассмотреть конкретные действия по реализации программы диверсификации, выполняемые крупным предприятием ОПК, на примере АО «Ангстрем».

Список источников

1. Диверсификация продукции оборонно-промышленного комплекса / Агентство промышленного развития Москвы [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://apr.moscow/content/data/6/06%20%20Диверсификация%20продукции%20оборонно-промышленного%20комплекса.pdf> (дата обращения 25.04.2022)
2. Программы обучения. Диверсификация предприятий ОПК: предпосылки, механизмы, возможности // Федеральный кадровый центр оборонно-промышленного комплекса: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fkc-opk.ru/seminary-i-povyshenie-kvalifikacii/programmy-obucheniya> (дата обращения 25.04.2022).
3. Шелудько В. Г. Конверсия предприятий оборонно-промышленного комплекса и пути продвижения гражданской продукции на рынок // Менеджмент социальных и экономических систем. 2018. № 1. С. 5—12.
4. Доля гражданской продукции предприятий ОПК за 2020 год составила 25,6 % // ТАСС [Электронный ресурс]. 10 июня 2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11618235> (дата обращения 25.04.2022).
5. Борисов заявил, что доля гражданской продукции в ОПК может достичь 28% в 2021 году / ТАСС [Электронный ресурс]. 10 декабря 2021 // Рамблер: финансы. URL: https://finance.rambler.ru/business/47743463/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copy-link (дата обращения 25.04.2022).
6. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
7. Федеральный закон. О государственном оборонном заказе. № 275-ФЗ от 29.12.2012: Принят Государственной Думой 19 декабря 2012 года // КонсультантПлюс: правовой сервер [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140175/ (дата обращения 25.04.2022).
8. О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации № 1465 от 02.12.2017 (ред. от 21.05.2022) // КонсультантПлюс: правовой сервер [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284195/ (дата обращения 25.04.2022).
9. Белоусова Н. Н., Плис Н. И. Проблемы диверсификации производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации: на примере микроэлектроники // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 3 (23). С. 14—21.
10. Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на финансовое обеспечение части затрат на создание электронной компонентной базы и модулей: Постановление Правительства Российской Федерации № 1252 от 24.07.2021 // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/AKwr3d5P2eO8jd5df9uAzW2I9xHgKi6N.pdf> (дата обращения 25.04.2022).
11. Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на финансовое обеспечение мероприятий по проведению НИОКР в области средств производства электроники: Постановление Правительства Российской Федерации № 2136 от 16.12.2020 // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202012210014.pdf> (дата обращения 25.04.2022).

12. Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на финансовое обеспечение части затрат, связанных с внедрением российской продукции радиоэлектронной промышленности: Постановление Правительства Российской Федерации № 1619 от 27.09.2021 // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73129392/> (дата обращения 25.04.2022).

13. Об утверждении правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на финансовое обеспечение части затрат на проведение НИОКР по современным технологиям в рамках реализации такими организациями инновационных проектов: Постановление Правительства Российской Федерации № 1649 от 12.12.2019 // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/73229392/> (дата обращения 25.04.2022).

14. О минимальной доле закупок товаров российского происхождения: Постановление Правительства Российской Федерации № 2013 от 03.12.2020 // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74907257/> (дата обращения 25.04.2022).

15. О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации № 719 от 17.07.2015 // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71139412/> (дата обращения 25.04.2022).

16. О внесении изменений в Постановление Правительства Москвы № 1863 от 27.12.2019: Постановление Правительства Москвы № 717 от 27.05.2021 // Официальный сайт мэра Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/dpir/documents/normativnye-pravovye-akty-goroda-moskvy/view/254275220/> (дата обращения 25.04.2022).

17. Об утверждении правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на финансовое обеспечение части

затрат на создание научно-технического задела по разработке базовых технологий производства приоритетных электронных компонентов и радиоэлектронной аппаратуры: Постановление Правительства Российской Федерации № 109 от 17.02.2016 // Кодификация РФ: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rulaws.ru/government/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-17.02.2016-N-109/> (дата обращения 25.04.2022).

18. Компенсация процентов по кредитам на создание инфраструктуры отрасли, в том числе кластеров, организациям радиоэлектронной промышленности: Постановление Правительства Российской Федерации № 110 от 17.02.2016 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420337815> (дата обращения 25.04.2022).

19. Финансовые и нефинансовые меры поддержки для экспортеров // Российский экспортный центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aluminas.ru/upload/iblock/fed/Finansovye-i-nefinansovye-mer-y-podderzhki-dlya-eksport-terov.pdf?ysclid=l2g5afu67c> (дата обращения 25.04.2022).

20. Субсидии и грант экспортерам Москвы // Московский экспортный центр. Департамент предпринимательства и инновационного развития г. Москвы: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://moscow-export.com/646/> (дата обращения 25.04.2022).

21. О внесении изменений в правила отбора организаций, включенных в отраслевые перечни системообразующих организаций российской экономики, претендующих на предоставление в 2020 году мер государственной поддержки: Постановление Правительства Российской Федерации № 296 от 06.03.2022 // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/oP4F9AQx5puFMWH1b4LkkaXSX7IcwGE1.pdf> (дата обращения 25.04.2022).

22. О внесении изменений в правила отбора организаций, включенных в отраслевые перечни системообразующих организаций российской экономики, претендующих на предоставление

в 2020 году мер государственной поддержки: Постановление Правительства Российской Федерации № 359 от 14.03.2022 // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202203150005.pdf> (дата обращения 25.04.2022).

References

1. Diversifikacija produkcii oboronno-promyshlennogo kompleksa [Jelektronnyj resurs] / Agentstvo promyshlennogo razvitija Moskvy. 2020. URL: <https://apr.moscow/content/data/6/06%20%20Diversifikacija%20produkcii%20oboronno-promyshlennogo%20kompleksa.pdf> (data obrashhenija 25.04.2022)
2. Programmy obuchenija. Diversifikacija predpriyatij OPK: predposylki, mehanizmy, vozmozhnosti [Jelektronnyj resurs] // Federal'nyj kadrovij centr oboronno-promyshlennogo kompleksa: oficial'nyj sajt. Rezhim dostupa: <https://fkc-opk.ru/seminary-i-povyshenie-kvalifikacii/programmy-obucheniya> (data obrashhenija 25.04.2022).
3. Shelud'ko V. G. Konversija predpriyatij oboronno-promyshlennogo kompleksa i puti prodvizhenija grazhdanskoj produkcii na rynek // Menedzment social'nyh i jekonomicheskikh sistem. 2018. № 1. S. 5—12.
4. Dolja grazhdanskoj produkcii predpriyatij OPK za 2020 god sostavila 25,6 % [Jelektronnyj resurs] // TASS. 10 ijunja 2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11618235> (data obrashhenija 25.04.2022).
5. Borisov zajavil, chto dolja grazhdanskoj produkcii v OPK mozhet dostich' 28% v 2021 godu [Jelektronnyj resurs] / TASS. 10 dekabnja 2021 // Rambler: finansy. URL: https://finance.rambler.ru/business/47743463/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (data obrashhenija 25.04.2022).
6. Glaz'ev S.Ju. Ryvok v budushhee. Rossija v novyh tehnologicheskom i mirohozjajstvennom ukladah. M.: Knizhnyj mir, 2018. 768 s.
7. Federal'nyj zakon. O gosudarstvennom oboronnom zakaze. № 275-FZ ot 29.12.2012 [Jelektronnyj resurs]: Prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 19 dekabnja 2012 goda // Konsul'tantPljus: pravovoj server. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140175/ (data obrashhenija 25.04.2022).
8. O gosudarstvennom regulirovanii cen na produkciju, postavljaemuju po gosudarstvennomu oboronnomu zakazu, a takzhe o vnesenii izmenenij i priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 1465 ot 02.12.2017 (red. ot 21.05.2022) // Konsul'tantPljus: pravovoj server. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284195/ (data obrashhenija 25.04.2022).
9. Belousova N. N., Plis N. I. Problemy diversifikacii proizvodstva na predpriyatijah oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossijskoj Federacii: na primere mikrojelektroniki // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2019. № 3 (23). С. 14—21.
10. Ob utverzhdenii Pravil predostavlenija iz federal'nogo bjudzheta subsidij rossijskim organizacijam na finansovoe obespechenie chasti zatrat na sozdanie jelektronnoj komponentnoj bazy i modulej [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 1252 ot 24.07.2021. URL: <http://static.government.ru/media/files/AKwr3d5P2eO8jd5df9uAzW2I9xHgKi6N.pdf> (data obrashhenija 25.04.2022).
11. Ob utverzhdenii Pravil predostavlenija iz federal'nogo bjudzheta subsidij rossijskim organizacijam na finansovoe obespechenie meroprijatij po provedeniju NIOKR v oblasti sredstv proizvodstva jelektroniki [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 2136 ot 16.12.2020. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202012210014.pdf> (data obrashhenija 25.04.2022).
12. Ob utverzhdenii Pravil predostavlenija iz federal'nogo bjudzheta subsidij rossijskim organizacijam na finansovoe obespechenie chasti zatrat, svjazannyh s vnedreniem rossijskoj produkcii radiojelektronnoj promyshlennosti [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 1619 ot 27.09.2021 // GARANT.RU: informacionno-pravovoj portal. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73129392/> (data obrashhenija 25.04.2022).
13. Ob utverzhdenii pravil predostavlenija subsidij iz federal'nogo bjudzheta rossijskim organizacijam na finansovoe obespechenie chasti zatrat na provedenie NIOKR po sovremennym tehnologijam v ramkah realizacii takimi organizacijami innovacionnyh proek-

тов [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 1649 ot 12.12.2019 // GARANT.RU: informacionno-pravovoj portal. URL: <https://base.garant.ru/73229392/> (data obrashhenija 25.04.2022).

14. O minimal'noj dole zakupok tovarov rossijskogo proishozhdenija [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 2013 ot 03.12.2020 // GARANT.RU: informacionno-pravovoj portal. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74907257/> (data obrashhenija 25.04.2022).

15. O podtverzhenii proizvodstva promyshlennoj produkcii na territorii Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 719 ot 17.07.2015 // GARANT.RU: informacionno-pravovoj portal. URL: <https://base.garant.ru/71139412/> (data obrashhenija 25.04.2022).

16. O vnesenii izmenenij v Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy № 1863 ot 27.12.2019 [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy № 717 ot 27.05.2021. URL: <https://www.mos.ru/dpir/documents/normativnye-pravovye-akty-gorodam Moskvy/view/254275220/> (data obrashhenija 25.04.2022).

17. Ob utverzhenii pravil predostavlenija iz federal'nogo bjudzheta subsidij rossijskim organizacijam na finansovoe obespechenie chasti zatrat na sozdanie nauchno-tehnicheskogo zadela po razrabotke bazovyh tehnologij proizvodstva prioritetnyh jelektronnyh komponentov i radiojelektronnoj apparatury [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 109 ot 17.02.2016 // Kodifikacija RF: oficial'nyj sajt. URL: <https://rulaws.ru/government/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-17.02.2016-N-109/#:~:text=N%20109%20%22Ob%20utverzhenii%20Pravil,2> (data obrashhenija 25.04.2022).

18. Kompensacija procentov po kreditam na sozdanie infrastruktury otrasli, v tom chisle klasterov, organizacijam radiojelektronnoj promyshlennosti [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 110 ot 17.02.2016 // Jelektronnyj fond pravovyh i normativno-tehnicheskikh dokumentov. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420337815> (data obrashhenija 25.04.2022).

19. Finansovye i nefinansovye mery podderzhki dlja jeksporterov [Jelektronnyj resurs] // Rossijskij jeksportnyj centr. URL: <https://www.aluminas.ru/upload/iblock/fed/Finansovye-i-nefinansovye-mery-podderzhki-dlya-eksporterov.pdf?ysclid=12g5afu67c> (data obrashhenija 25.04.2022).

20. Subsidii i grant jeksporteram Moskvy [Jelektronnyj resurs] // Moskovskij jeksportnyj centr. Departament predprinimatel'stva i innovacionnogo razvitija g. Moskvy: oficial'nyj sajt. URL: <https://moscow-export.com/646/> (data obrashhenija 25.04.2022).

21. O vnesenii izmenenij v pravila otbora organizacij, vkljuchennyh v otraslevye perechni sistemoobrazujushhijh organizacij rossijskoj jekonomiki, pretendujushhijh na predostavlenie v 2020 godu mer gosudarstvennoj podderzhki: [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii N 296 ot 06.03.2022. URL: <http://static.government.ru/media/files/oP4F9AQx5puFMWH1b4LkkaXSX7IcwGEI.pdf> (data obrashhenija 25.04.2022).

22. O vnesenii izmenenij v pravila otbora organizacij, vkljuchennyh v otraslevye perechni sistemoobrazujushhijh organizacij rossijskoj jekonomiki, pretendujushhijh na predostavlenie v 2020 godu mer gosudarstvennoj podderzhki [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii N 359 ot 14.03.2022. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202203150005.pdf> (data obrashhenija 25.04.2022).

Информация об авторах

Белуцова Наталья Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), директор Аналитического департамента рынка ЭКБ ОПК РФ АО «Ангстрем» (Россия, 124460, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 2, стр. 3).

Плис Николай Иванович — кандидат технических наук, первый заместитель генерального директора АО «Ангстрем» (Россия, 124460, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 2, стр. 3).

Information about the authors

Natalia N. Belousova — Candidate of Economic Sciences, associate professor at Economics, Management and Finance Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin Sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), Chief of Analytical Department of Specific IC, Angstrom, JSC (bldg 3, 2, Shokin Sq., Zelenograd, Moscow, 124460, Russia).

Nikolay I. Plis — Candidate of Technique Science, First Deputy General Director, Angstrom, JSC (bldg 3, 2, Shokin Sq., Zelenograd, Moscow, 124460, Russia).

Статья поступила в редакцию 25.04.2022.

The article was submitted 25.04.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 17–25.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 17–25.

УДК 339.56
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-17-25

Международная торговля 2021: на подъеме

Игорь Сергеевич Гладков

Российская академия наук, Москва, Россия

professorgis@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены наиболее значительные изменения в актуальной динамике международной торговли на фоне нарастания турбулентности в современной мирохозяйственной эволюции. Акцент в проведенном исследовании сделан на сдвигах в восстановительный период (2021 г.) после мировой кризисной ситуации, связанной с повсеместным распространением вирусной инфекции, принятием защитных мер во многих странах мира. Приведены новейшие данные о трендах в глобальной товарной торговле на этапе посткризисного «отскока» 2021 г. В статье показаны основные перемены в сфере экспортно-импортной деятельности ведущих субъектов международного обмена, среди которых заметных позитивных результатов добилась Российская Федерация. Предпринятый автором анализ основывался на методологии сравнительного статистического исследования с использованием недавно опубликованных новейших официальных статистических материалов и расчетных авторских данных, впервые вводимых в российский научный оборот.

Ключевые слова: международная торговля, внешняя торговля, товарный экспорт, товарный импорт, товарооборот, торговый баланс, турбулентность, санкции, Китай, США, Япония, Европейский Союз, Германия, Нидерланды, Великобритания, Российская Федерация, Республика Корея.

Для цитирования: Гладков И. С. Международная торговля 2021: на подъеме // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 17–25. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-17-25>

International trade 2021: on the rise

Igor Sergeyevich Gladkov

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

professorgis@rambler.ru

Abstract: The most significant shifts in the current dynamics of international trade against the background of increasing turbulence in the modern world economic evolution are considered. The focus of the study is on the changes in the recovery period (2021) after the global crisis situation

associated with the widespread spread of viral infection, the adoption of protective measures in many countries of the world. The latest data on trends in global commodity trade at the stage of the post-crisis “rebound” of 2021 are presented. The article shows the main changes in the sphere of export-import activities of the leading subjects of international exchange, among which the Russian Federation has achieved notable positive results. The analysis undertaken by the author was based on the methodology of comparative statistical research using the recently published latest official statistical materials and calculated author’s data, introduced into Russian scientific circulation for the first time.

Keywords: international trade, foreign trade, merchandise exports, merchandise imports, trade turnover, trade balance, turbulence, sanctions, China, USA, European Union, Germany, Netherlands, United Kingdom, Japan, Russian Federation, Republic of Korea.

For citation: Gladkov I. S. International trade 2021: on the rise. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 17–25. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-17-25>

Динамика международной товарной торговли в XXI в. демонстрировала различные (как позитивные, так и негативные) тренды на отдельных этапах мирохозяйственной эволюции. Тем не менее, стоимостные объемы мирового товарного экспорта в начальный период (2001—2013 гг.) возросли в 3,1 раза, а на протяжении новейшего времени (2014—2021 гг.) — только на 14,0 %. При этом выраженная синусоидная траектория стоимостных показателей вывоза на последнем 8-летнем отрезке не смогла бы достичь даже этого уровня, если после вялых флуктуаций, а затем и кризисного падения в 2020 г. в связи с повсеместным распространением в мире новой вирусной инфекции не произошел бы весьма существенный «отскок» данного индикатора в 2021 г. (см. и далее подробнее: [1; 2; 3; 4; 5; 11; 12; 13]).

Действительно, после снижений стоимости мирового товарного экспорта на 2,95 % в 2019 г. и 6,74 % в результате введенных локдаунов в 2020 г. этот показатель продемонстрировал резкий подъем — на феноменальные для новейшего периода 22,94 % (!). Таким образом, в абсолютном исчислении стоимостные объемы глобального вывоза товаров возросли с 17,499 трлн долл. США в 2020 г. до 21,513 трлн долл. США в 2021 г. (см. табл. 1). Подобная динамика сложилась на фоне соответствующих сдвигов в мировом производ-

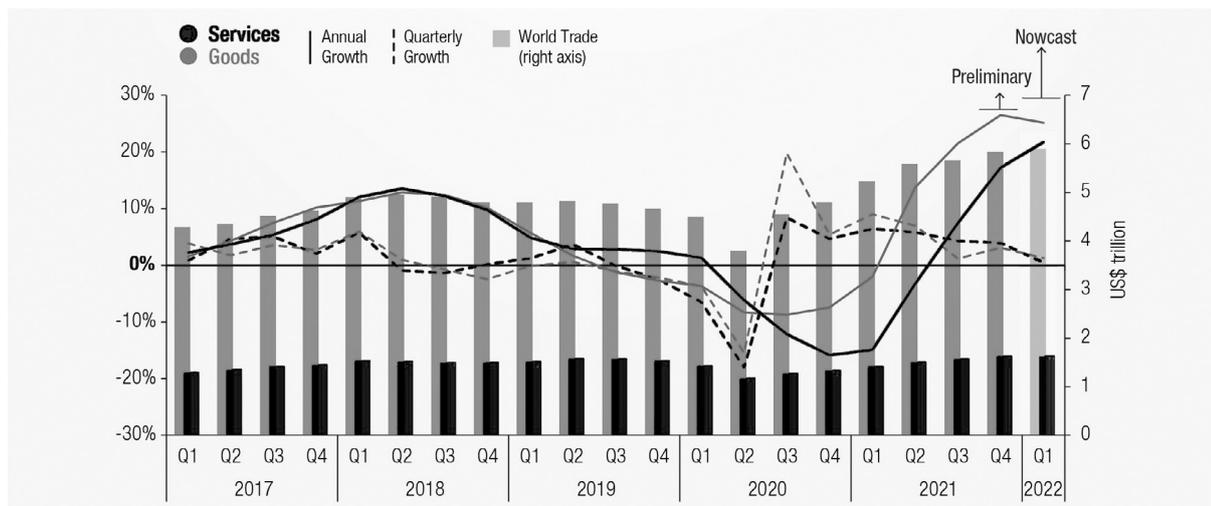
стве валового продукта, которые нашли отражение в статистических данных Международного валютного фонда (МВФ) по периоду 2019—2021 гг. — соответственно 2,9 %, — 3,1 % и 6,1 % (см.: [3; 7; 8; 9; 10]). Кстати, ранее МВФ публиковал свои предварительные оценки роста международного товарного экспорта в 2021 г. на несколько более оптимистичном уровне +26,30 % [Ibid.].

При рассмотрении динамики стоимости глобальных закупок товаров в последние годы просматриваются аналогичные тренды. Так, после двух лет ее падения на 2,91 % и 7,25 % соответственно в 2019 г. и 2020 г. отмечалось повышение показателя на 23,44 % (см. табл. 2).

То есть в абсолютном исчислении мировой товарный импорт возрос с 17,721 трлн долл. США в кризисном 2020 г. до 21,875 трлн долл. США в 2021 г. [Ibid.].

Тем не менее, предваряя исследования траектории изменения стоимости международной товарной торговли на протяжении текущего года, можно отметить, что прогнозы МВФ и ЮНКТАД на 2022 г. немного расходятся.

Если Фонд в своем последнем апрельском докладе предполагает рост стоимостных объемов мирового вывоза товаров до 24,631 трлн долл. США, то есть (согласно расчетам автора) на 14,49 %, то ЮНКТАД в конце февраля нынешнего года оценивал перспективы развития международной торговли

Примечание: Квартальный рост — квартальный темп роста значений по сравнению с предыдущим кварталом с учетом сезонных колебаний. Годовой рост относится к последним четырем кварталам. Данные за 4 квартал 2021 г. являются предварительными. 1 квартал 2022 г. — современная оценка.

Рис. 1. Тенденции развития мировой торговли товаров и услуг, 2017—2022 гг. Составлено по: [9; 10].

товарами (и услугами) более сдержанно, обращая внимание на то, что ее рост может оказаться в 2022 г. несколько ниже, чем ожидалось, с учетом текущих макроэкономических тенденций (см. рис. 1, а также: [9; 10; 13]).

Тем не менее рассмотрение динамики международного товарного обмена в успешном 2021 г. наглядно показывает, что в прошедшем году был достигнут наивысший показатель его стоимостного объема, превышающий все предыдущие достижения на протяжении XXI в. Соответственно оказался превзойденным также допандемийный уровень 2019 г. как в общемировом плане, так и в ведущих национальных экономиках — крупнейших экспортёрах современного мира (за исключением только Великобритании, вывоз товаров которой в 2019 г. составлял 468,3 млрд долл. США, а в 2021 г. — 468,1 млрд долл. США) [7; 8; 10; 12; 13].

Основными причинами появления неординарно высокого стоимостного показателя международного товарного экспорта в 2021 г. эксперты считают заметно более высокие темпы его роста в регионах — экспортёрах сырьевых товаров, обусловленные повышением цен на эти товары. Помимо этого,

существенный рост экспорта отмечался в ряде прочих секторов, в том числе он оказался выше среднего по металлам и химикатам, но за исключением транспортного оборудования (см. подробнее: [8; 10; 12]).

Таким образом, по оценке экспертного сообщества, позитивные итоги эволюции международной торговли в 2021 г. в значительной мере опирались на рост цен на сырьевые товары, ослабление пандемических ограничений и заметное восстановление спроса благодаря пакетам экономических стимулов.

При рассмотрении географических аспектов развития товарной торговли эксперты ЮНКТАД отмечают более заметное повышение внешнеторговой активности в развивающихся странах, чем в экономически развитых странах. Согласно приведенным данным, товарный вывоз развивающихся стран в 2021 г. оказался выше, чем в 2020 г., примерно на 30 %, тогда как его рост в развитой зоне составил 15 %. Не осталась без внимания и активизация обмена по линии Юг-Юг с превышением среднемирового показателя по росту — в 2021 г. он составил 32 % (см.: [10]). Тем не менее в *группе ведущих товарных экспортёров традиционно доминируют развитые страны* (см. табл. 1).

Таблица 1

**Динамика географического распределения мирового экспорта,
2014—2021 гг. (млрд долл. США, %)**

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Экспорт мир, всего	18 858,9	16 413,1	15 926,9	17 568,1	19 332,3	18 763,1	17 499,0	21 513,1
Темпы роста, %	0,01	-12,97	-2,96	10,31	10,04	-2,95	-6,74	22,94
Экспорт мир, всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:								
1. Китай	12,4	13,9	13,3	12,9	12,9	13,3	14,8	14,1
2. США	8,6	9,2	9,1	8,8	8,6	8,8	8,1	8,2
3. Германия	7,9	8,1	8,4	8,2	8,1	7,9	7,9	7,6
4. Япония	3,7	3,8	4,1	4,0	3,8	3,8	3,7	3,5
5. Нидерланды	3,1	2,8	2,9	3,0	3,0	3,1	3,2	3,2
6. Гонконг (САР Китая)	2,8	3,1	3,2	3,1	2,9	2,9	3,2	3,1
7. Республика Корея	3,0	3,2	3,1	3,3	3,1	2,9	2,9	3,0
8. Италия	2,8	2,8	2,9	2,9	2,8	2,9	2,8	2,8
9. Франция	3,0	3,0	3,1	3,0	2,9	3,0	2,7	2,6
10. Бельгия	2,5	2,4	2,5	2,4	2,4	2,4	2,4	2,5
<i>По подгруппе, итого</i>	<i>49,8</i>	<i>52,3</i>	<i>52,6</i>	<i>51,6</i>	<i>50,5</i>	<i>51,0</i>	<i>51,7</i>	<i>50,6</i>
11. Канада	2,5	2,5	2,4	2,4	2,3	2,4	2,2	2,3
12. Мексика	2,1	2,3	2,3	2,3	2,3	2,5	2,4	2,3
13. Российская Федерация	2,6	2,0	1,8	2,0	2,3	2,3	1,9	2,3
14. Великобритания	2,7	2,8	2,6	2,5	2,5	2,5	2,3	2,2
15. Сингапур	2,2	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1
16. Тайвань	1,7	1,7	1,8	1,8	1,7	1,8	2,0	2,1
17. Вьетнам	0,8	1,0	1,1	1,2	1,3	1,4	1,6	1,9
18. Индия	1,7	1,6	1,6	1,7	1,7	1,7	1,6	1,8
19. Испания	1,7	1,7	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8
20. Швейцария	1,7	1,8	1,9	1,7	1,6	1,7	1,8	1,8
<i>По подгруппе, итого</i>	<i>19,7</i>	<i>19,5</i>	<i>19,4</i>	<i>19,5</i>	<i>19,6</i>	<i>20,2</i>	<i>19,7</i>	<i>20,6</i>
<i>По 20 странам, всего</i>	<i>69,5</i>	<i>71,8</i>	<i>72,0</i>	<i>71,1</i>	<i>70,1</i>	<i>71,2</i>	<i>71,4</i>	<i>71,2</i>

Составлено и подсчитано автором по: [3; 4; 6; 9; 11; 12; 13].

Таблица 2

**Динамика географического распределения мирового импорта,
2014—2021 гг. (млрд долл. США, %)**

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Импорт мир, всего	18 926,5	16 567,0	16 072,7	17 801,8	19 679,8	19 107,8	17 721,2	21 875,4
Темпы роста, %	0,31	-12,47	-2,98	10,75	10,55	-2,91	-7,25	23,44
Импорт мир, всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:								
1. США	12,7	14,0	14,0	13,5	13,3	13,4	13,6	13,4
2. Китай	10,4	10,2	9,9	10,3	10,8	10,8	11,6	11,1
3. Германия	6,4	6,4	6,6	6,5	6,5	6,5	6,6	6,5
4. Япония	4,3	3,9	3,8	3,8	3,8	3,8	3,6	3,5
5. Гонконг (САР Китая)	3,2	3,4	3,4	3,3	3,2	3,0	3,2	3,3
6. Франция	3,5	3,4	3,5	3,4	3,4	3,4	3,2	3,2
7. Великобритания	3,7	3,8	4,0	3,6	3,4	3,6	3,6	3,2
8. Нидерланды	2,7	2,5	2,5	2,6	2,6	2,7	2,7	2,8
9. Республика Корея	2,8	2,6	2,5	2,7	2,7	2,6	2,6	2,8
10. Индия	2,4	2,4	2,2	2,5	2,6	2,5	2,1	2,6
<i>По подгруппе, итого</i>	<i>52,1</i>	<i>52,6</i>	<i>52,4</i>	<i>52,2</i>	<i>52,3</i>	<i>52,3</i>	<i>52,8</i>	<i>52,4</i>
11. Италия	2,5	2,5	2,5	2,5	2,6	2,5	2,4	2,5
12. Бельгия	2,4	2,3	2,4	2,3	2,3	2,2	2,2	2,4
13. Мексика	2,1	2,4	2,4	2,4	2,4	2,4	2,2	2,3
14. Канада	2,4	2,5	2,5	2,4	2,3	2,4	2,3	2,2
15. Испания	1,9	1,8	1,9	1,9	2,0	2,0	1,9	1,9
16. Сингапур	2,0	1,8	1,8	1,8	1,9	1,9	1,9	1,9
17. Тайвань	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,5	1,6	1,7
18. Польша	1,1	1,1	1,2	1,2	1,4	1,3	1,4	1,5
19. Вьетнам	0,8	1,0	1,1	1,2	1,2	1,3	1,5	1,5
20. Швейцария	1,5	1,5	1,7	1,5	1,4	1,5	1,6	1,5
<i>По подгруппе, итого</i>	<i>18,1</i>	<i>18,3</i>	<i>18,9</i>	<i>18,6</i>	<i>18,9</i>	<i>19,0</i>	<i>19,0</i>	<i>19,4</i>
<i>По 20 странам, всего</i>	<i>70,2</i>	<i>70,9</i>	<i>71,3</i>	<i>70,8</i>	<i>71,2</i>	<i>71,3</i>	<i>71,8</i>	<i>71,8</i>
21. Российская Федерация	1,5	1,1	1,1	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3

Составлено и подсчитано автором по: [3; 4; 6; 9; 11; 12; 13].

Помимо динамики общемировых показателей товарного обмена вполне закономерный интерес представляют также сдвиги в экспортно-импортной деятельности крупнейших субъектов международной торговли.

К ним относится группа стран — лидеров в сфере вывоза и ввоза товаров, на которую в рассматриваемый период 2014—2021 гг. (с присущим ему синусоидным трендом развития — чередованием взлетов и падений стоимости международной торговли) приходилось в среднем 70-71 %, то есть почти 3/4 общемирового товарного экспорта, импорта. С учетом такого индикатора, как стоимостные объемы внешней торговли, целесообразно выделить 20 лидирующих стран, входящих в данную группу, состав которой отличается определенной стабильностью. Однако на фоне различных факторов и острой конкуренции между ними нередко наблюдаются изменения в соотношении сил. Так, имевший в начале XXI в. скромные показатели товарного вывоза Китай смог менее чем за десятилетие нарастить стоимостные его объемы, войти в «тройку» лидеров наряду с традиционными США и Германией, а с 2009 г. возглавить ее и сохранить мировое первенство вплоть до настоящего времени, при этом наращивая отрыв от преследователей.

Позиции лидирующей «тройки» в международной торговле продолжают сохранять Китай (в 2021 г. имевший долевого вклад в мировой вывоз 14,1 %), США (8,2 %) и Германия (7,6 %). Но если КНР в основном наращивала свое присутствие в международном экспорте, то США и Германия периодически сокращали свое участие. При этом отмечалось повышение доли ведущей «тройки» в мировом товарном вывозе — с 28,9 % в 2014 г. до 29,9 % в 2021 г. (см. табл. 1, расчеты автора).

При рассмотрении результатов развития внешнеторговой деятельности первой подгруппы в составе 10 наиболее крупных экспортеров мира можно отметить среди них Японию (оттесненную Китаем с ее прежней

третьей позиции и с падающим долевым вкладом в международный вывоз до 3,5 % в 2021 г.), Нидерланды (с подросшей долей — до 3,2 %), Гонконг (Специальный административный район Китая, с растущим вкладом — до 3,1 %), Республику Корея (РК, 3,0 %), Италию (2,8 %), Францию (2,6 %) и Бельгию (2,5 %). Но если РК, Италия и Бельгия смогли при прошедших потрясениях и катаклизмах в целом сохранить свою долю в мировом вывозе товаров, то Франция ее постепенно утрачивала, хотя в начале XXI в. страна находилась на 5-м месте среди ведущих экспортеров мира с долей 4,7 % [7; 8; 9; 12].

Стоит отметить, что совокупный вклад данной подгруппы 10 стран в международный товарный экспорт составлял в рассматриваемый период в среднем 51-52 %, или свыше 1/2 (!). Таким образом, неравномерность в сфере долевого участия отдельных национальных экономик в мировом вывозе настолько велика, что всего на 10 первых стран-лидеров приходится свыше половины всего стоимостного объема международного экспорта (!).

При этом следующая подгруппа в составе 10 стран (в нее входит Россия) постоянно обеспечивает примерно 20 % общемирового товарного вывоза. То есть ее долевого вклад оказывается почти в 2,5 раза ниже участников первой лидирующей подгруппы. Формально во вторую подгруппу входят Канада, Мексика, Российская Федерация (13-е место в мировом экспорте в 2021 г.), Великобритания, Сингапур, Тайвань, Вьетнам, Индия, Испания и Швейцария. Долевого вклад этих стран в международный товарный вывоз колеблется от 2,3 % (Канада, Мексика, Россия) до 1,8 % (Индия, Испания, Швейцария). Вполне очевидно также, что среди участников подгруппы заметно больше экономик, которые относятся к числу развивающихся стран. Тем не менее, несмотря на неформальное выделение 20 стран в лидирующий эшелон крупнейших в мире экспортеров, можно

отметить, по крайней мере, количественное доминирование в нем экономически развитых экономик.

Рассмотрение сферы *международного товарного импорта* позволяет сделать аналогичные выводы. Так, в данной области можно выявить формальное наличие схожей группы стран, в состав которой, как и в сфере экспорта, входят фактически те же национальные экономики, хотя и при некоторых отличиях (см. табл. 2). Примером может послужить Польша, по стоимостным объемам своего вывоза занимающая 22-е место в рейтинге (и не входящая в группу 20 ведущих стран-экспортеров), но по стоимости своего ввоза находящаяся во второй подгруппе крупнейших импортеров, в частности, вытесняя из нее Российскую Федерацию (занявшую в 2021 г. 21-ю позицию). Польша относится к числу «новых европейцев», вошедших в состав Европейского Союза в 2004 г. При этом она стала одним из наиболее крупных бенефициаров членства в ЕС. Так, за этот период стране удалось нарастить свой товарный экспорт в 4,3 раза, импорт — в 3,8 раза. Но частое превышение стоимости ввоза над вывозом сохраняет отрицательное сальдо (в 2021 г. — 17,619 млрд долл. США) ее внешнеторгового баланса (см.: [3; 4]).

Но поскольку сфера импорта имеет свою специфику в контексте целесообразности поддержания активного внешнеторгового баланса, не всегда оправданным становится активное расширение заграничных закупок.

По этой причине далеко не все лидирующие по стоимости ввоза страны демонстрируют положительное сальдо торгового баланса. Так, абсолютное первенство по стоимостным объемам товарного импорта пока принадлежит США, обладающим наиболее крупным в мире отрицательным сальдо, размер которого составлял 920,715 млрд долл. в 2019 г. Затем он возрос до 981,997 млрд долл. в 2020 г. и 1183,123 млрд долл. в 2021 г. На 2-м месте после США находится Великобритания — по объему хронически пас-

сивного баланса во внешней торговле (в 2019 г. — 224,171 млрд долл. США, в 2020 г. — 238,483 млрд долл. США и в 2021 г. — 221,639 млрд долл. США), на третьем — Индия (соответственно 155,633 млрд долл. США, 92,491 млрд долл. США и 175,588 млрд долл. США) [7; 8; 9]. Далее, Франция, Филиппины, Турция, Пакистан, САР Китая Гонконг, Панама и Испания составили «десятку» экономик с самыми крупными размерами отрицательного сальдо во внешней торговле.

Тем не менее среди ведущих импортеров товаров находятся страны с активным внешнеторговым балансом. Среди них можно выделить такие экономики с довольно солидным объемом постоянно положительного сальдо, как Китай (в 2021 г. — 587,547 млрд долл. США), Германия (205,192 млрд долл. США), Российская Федерация (198,812 млрд долл. США) и Саудовская Аравия (115,212 млрд долл. США), вслед за которыми расположились Австралия, Вьетнам, Нидерланды, Ирландия, Тайвань и Бразилия, хотя не все вышеназванные страны вошли в лидирующую «двадцатку» по размерам своего ввоза [Ibid.].

Сравнительный анализ статистических и расчетных авторских данных в табл. 1 и 2 показывает также, что долевой вклад первой подгруппы в сфере товарного импорта оказывался несколько выше, чем в области экспорта — в диапазоне 52-53 %, а второй подгруппы — ниже — в интервале 18-19 %, при этом бóльший разрыв между ними составлял примерно 2,9 раза. Таким образом, подтверждается сохраняющееся доминирование первой подгруппы (в составе 10 экономик) в системе международной товарной торговли, весьма заметная неравномерность в распределении основных товарных потоков.

При подведении итогов исследования следует констатировать, что после кризисных «провалов» 2020 г. международная товарная торговля в 2021 г. смогла не только «отыграть» упущенное, но и достичь феноменального

результата по наращиванию стоимостных объемов экспорта и импорта. При этом первенство в данных сферах сохраняется группой ведущих экономик, среди которых отчетливо выделяется «триумvirат» Китая, США и Германии, постоянно контролирующей до 30–31 % общемировой торговли. На фоне снижения позиций Японии активизировали свои экспортно-импортные связи САР Китая Гонконг, Республика Корея, Индия, Тайвань и Вьетнам, повысив совокупный вклад в международный товарный обмен до 11,9 %. Не менее заметных успехов в 2021 г. достигла Российская Федерация, сохранив свое положение в лидирующей группе экономик — ведущих мировых экспортеров, расширив долю в международном товарном вывозе до 2,3 %. При этом России пришлось преодолевать санкционные преграды, что существенно повышает значимость ее неординарных достижений. Не случайно поэтому актуализировалась целесообразность нового подхода к функционированию системы современной международной торговли без санкционных и прочих дискриминационных барьеров.

Библиографический список

1. **Гладков И. С.** Мировое производство и международная торговля: корреляционная динамика, оценки, прогнозы (2020—2022 гг.) // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2022. № 2. С. 4—11.

2. **Гладков И. С.** Мирхозяйственная динамика — 2020—2022: замедление темпов восстановления, нарастание неопределенности // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2022. № 1. С. 4—11.

3. **Гладков И. С.** Международная торговля: основные тренды за первые 20 лет XXI века (2001—2020 гг.) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 2 (30). С. 16—27. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2021-2-16-27>

4. **Гладков И. С.** Внешнеторговые связи Европейского Союза: трансформации за

первые 20 лет XXI века (2001—2020 гг.) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 3 (31). С. 17—30. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2021-3-17-30>

5. **Гладков И. С.** Внешняя торговля Российской Федерации и санкции: предварительные итоги // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 112—130.

6. Федеральная таможенная служба России: [официальный сайт]. URL: <https://customs.gov.ru> (дата обращения 20.05.2022).

7. International Merchandise Trade Statistics 2022: [web]. Режим доступа: авторизация. URL: <https://comtrade.un.org/survey/Account/Login?ReturnUrl=%2Fsurvey%2FHome%2FSurvey> (дата обращения 20.05.2022).

8. TrendEconomy: Annual International Trade Statistics by Country (HS02): [web]. URL: <https://trendeconomy.com/data/h2> (дата обращения 20.05.2022).

9. UNCTAD: Statistics: [web]. URL: <https://unctad.org/statistics> (дата обращения 20.05.2022).

10. Global trade hits record high of \$28.5 trillion in 2021, but likely to be subdued in 2022 // UNCTAD: News: [web]. URL: <https://unctad.org/news/global-trade-hits-record-high-28,5-trillion-2021-likely-be-subdued-2022> (дата обращения 20.05.2022).

11. World Economic Outlook (WEO) / International Monetary Fund. April 2021. Washington, DC: IMF Publ. Services, 2021. 170 p.

12. World Economic Outlook (WEO) / International Monetary Fund. October 2021. Washington, DC: IMF Publ. Services, 2021. 152 p.

13. World Economic Outlook (WEO) / International Monetary Fund. April 2022. Washington, DC: IMF Publ. Services, 2022. 178 p.

References

1. Gladkov I. S. World production and international trade: correlation dynamics, estimates, forecasts (2020—2022). *Tamozhennoe regulirovaniye. Tamozhennyj kontrol'*, 2022, no. 2, pp. 4—11. (In Russian).

2. Gladkov I. S. Global economic dynamics 2020—2022: slower recovery, growing uncertainty. *Tamozhennoe regulirovanie. Tamozhennyj kontrol'*, 2022, no. 1, pp. 4—11. (In Russian).
3. Gladkov I. S. International trade: key trends for the first 20 years of the XXI century (2001—2020). *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research*, 2021, no. 2 (30), pp. 16—27. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2021-2-16-27>
4. Gladkov I. S. Foreign trade relations of the European Union: transformations for the first 20 years of the XXI century (2001—2020). *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research*, 2021, no. 3 (31), pp. 17—30. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2021-3-17-30>
5. Gladkov I. S. Foreign trade of the Russian Federation and sanctions: preliminary results. *Mezdunarodnaa zizn'*, 2015, no. 5, pp. 112—130. (In Russian).
6. *Federal Customs Service of Russia*, official site. (In Russian). Available at: <https://customs.gov.ru> (accessed 20.05.2022).
7. *International Merchandise Trade Statistics 2022*, web. Access mode: authorization required. Available at: <https://comtrade.un.org/survey/Account/Login?ReturnUrl=%2Fsurvey%2FHome%2FSurvey> (accessed 20.05.2022).
8. *TrendEconomy: Annual International Trade Statistics by Country (HS02)*, web. Available at: <https://trendeconomy.com/data/h2> (accessed 20.05.2022).
9. *UNCTAD*, web. Available at: <https://unctad.org/statistics> (accessed 20.05.2022).
10. Global trade hits record high of \$28.5 trillion in 2021, but likely to be subdued in 2022. *UNCTAD*, web. Available at: <https://unctad.org/news/global-trade-hits-record-high-28,5-trillion-2021-likely-be-subdued-2022> (accessed 20.05.2022).
11. International Monetary Fund. *World Economic Outlook (WEO)*. April 2021. Washington, DC, IMF Publ. Services, 2021. 170 p.
12. International Monetary Fund. *World Economic Outlook (WEO)*. October 2021. Washington, DC, IMF Publ. Services, 2021. 152 p.
13. International Monetary Fund. *World Economic Outlook (WEO)*. April 2022. Washington, DC, IMF Publ. Services, 2022. 178 p.

Информация об авторе

Гладков Игорь Сергеевич — доктор экономических наук, профессор; Российская академия наук (РАН) (125009, Москва, Никитский переулок, д. 2), professorgis@rambler.ru

Information about the author

Igor S. Gladkov, Dr. Sci. (World Econ.), Full Professor; Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences (2 Nikitskiy Lane, Moscow, Russia, 125009), professorgis@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 03.06.2022.

The article was submitted 03.06.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 26—38.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 26—38.

УДК 338.28
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-26-38

Рейтинговый анализ приоритетных направлений развития умных городов

Галина Геннадьевна Головенчик

Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск, Беларусь

goloventchik@bsu.by

Аннотация. Умный город рассматривается как целостный подход, направленный на решение актуальных городских проблем и использование возможностей, предоставляемых последними достижениями в области цифровых технологий и урбанизации. С позиции цифровизации исследуются 15 рейтингов умных городов, выделяются приоритетные направления цифровизации, которые в совокупности стали драйверами умных городов. Представлен гибридный консенсус-рейтинг 25 самых умных городов мира. Выявлена связь уровня цифровизации страны с уровнем развития в ней умных городов. Сделан вывод, что активное использование инновационных цифровых технологий помогает преодолеть последствия пандемии COVID-19.

Ключевые слова: умный город, интеллектуальное управление, цифровые технологии, рейтинг.

Для цитирования: Головенчик Г. Г. Рейтинговый анализ приоритетных направлений развития умных городов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 26—38. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-26-38>

Rating analysis of priority areas for the development of smart cities

Galina Gennadyevna Goloventchik

Belarusian State University (BSU), Minsk, Belarus

goloventchik@bsu.by

Abstract: Smart city is considered as a holistic approach aimed at solving urgent urban problems and using the opportunities provided by the latest advances in digital technology and urbanization. From the position of digitalization 15 ratings of smart cities are investigated, the priority areas of digitalization, which together have become the drivers of smart cities, are highlighted. A hybrid consensus ranking of the 25 smartest cities in the world is presented. The relationship between the level of digitalization of the country and the level of development of smart cities in it is revealed. It is concluded that the active use of innovative digital technologies helps to overcome the consequences of the COVID-19 pandemic.

Keywords: smart city, intellectual management, digital technologies, rating.

For citation: Goloventchik G. G. Rating analysis of priority areas for the development of smart cities. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 26—38. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-26-38>

Быстрый рост городского населения, который начался во второй половине прошлого века, породил множество проблем, в частности нехватку доступного жилья и критически важных ресурсов (питьевой воды, различных видов энергии и т. п.), ухудшение состояния городской инфраструктуры (дорог, школ, объектов здравоохранения, общественного транспорта), нестабильность цен, изменение климата, повышение спроса на экономические и социальные выгоды.

Вместе с тем экономические и технологические изменения, вызванные глобализацией, предоставили новые, ранее недоступные возможности развития городской инфраструктуры и муниципальных сервисов. В настоящее время города становятся центрами глобально интегрированной, основанной на услугах мировой экономики, местами концентрации физического, финансового и человеческого капитала. Это согласуется с наблюдаемым в начале XXI в. процессом политической трансформации — от модели национального государства к многоуровневому управлению, когда города получают больше власти и свободы действий. Глобальные социальные и торговые сети, криптовалюты, интернет вещей и прочие обезличенные информационные средства транзакций вывели международную торговлю и финансы за пределы национальных юрисдикций и существенно повлияли на развитие городов [1, с. 4]. Последние достижения в области цифровых технологий — дешевые мобильные точки доступа в интернет, бесплатные социальные сети, облачные вычисления и экономически эффективные способы обработки больших объемов данных — предоставляют городам лучшие возможности и инструменты для понимания и прогнозирования городских функций.

Эти противоречивые процессы, вместе взятые, стали одним из основных драйверов умных городов — высокотехнологичных городских территорий, объединяющих людей, информацию и цифровые технологии; сообществ, которые стремятся к устойчивому экономическому развитию за счет инвестиций в человеческий и социальный капитал и управляют природными ресурсами посредством политики участия.

Концепция умного города. Концепция умных городов все еще развивается, и различные заинтересованные стороны имеют разные представления о том, что такое умный город или каким он должен быть. Можно принять определение Yin et al.: «Умный город — это системная интеграция технологической инфраструктуры, которая опирается на передовую обработку данных с целью сделать городское управление более эффективным, граждан — счастливее, бизнес — более процветающим, а окружающую среду — более устойчивой» [2]. Таким образом, цель создания умного города — это решение проблем городского менеджмента и взаимодействия между гражданами и городскими учреждениями для достижения более высокого качества жизни.

Главными активно действующими субъектами в умных городах являются институты: согласно знаменитой «триаде Ицковица» (взаимодействия университетов, бизнеса и государства), основными их функциями являются организованное производство знаний, создание экономического богатства и административный контроль. Lombardi et al. (2012) дополнили модель «тройной спирали» четвертым актором — гражданским обществом [3]. CONCERTO —

исследовательский проект Европейской комиссии — предполагает, что для создания умных городов необходимо объединить усилия местных органов власти, частных инвесторов, НПО и ассоциаций, поставщиков материалов, дизайнеров, градостроителей, застройщиков, энергетических компаний, подрядчиков, инженеров, арендаторов и владельцев [4]. Подробнее о концепции умного города можно прочитать в исследовании теоретической основы и генезиса применения этой многофакторной модели [5].

Анализ мировых рейтингов умных городов.

Все большее внимание ученых и городских менеджеров привлекают рейтинги умных городов, которые на основе множества количественных и качественных показателей ранжируют города. Рейтинги определяют «умность» соответствующего города в сравнении с другими и тем самым выявляют сильные и слабые стороны городов и ранжируют их в соответствии с их потенциалом и достижениями в цифровизации.

Рассмотрим наиболее известные мировые рейтинги умных городов с позиции цифровизации городских процессов, ее приоритетных направлений:

1) «Будущее близко: индекс готовности городов» (2017) компании PricewaterhouseCoopers [6];

2) Smart Cities — What's In It For Citizens? (2018) исследовательской компании Juniper Research [7];

3) Global Cities' AI Readiness Index (2019) международного консалтингового агентства Oliver Wyman [8];

4) Índice IESE Cities in Motion (CIMI) (2020) Центра глобализации и стратегии бизнес-школы Университета Наварры в Испании [9];

5) The Cities of the Future Index (2021) шведской компании в области геолокации и парковки при помощи мобильных приложений EasyPark Group [10];

6) Innovation Cities Index: Top 100 World's

Most Innovative Cities (2021) австралийского консалтингового агентства в сфере инноваций 2thinknow [11];

7) fDi x TNW Tech Cities of the Future (2021) изданий по технологиям и инновациям fDi Intelligence и TNW (The Next Web) [12];

8) Global Cities Report (2021) агентства AT Kearney [13];

9) Local Online Service Index (LOSI) (2020) Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [14];

10) Global Innovation Index (2021) Всемирной организации интеллектуальной собственности в партнерстве с Корнельским университетом и французской бизнес-школой INSEAD [15];

11) Smart City Index (2021) Центра мировой конкурентоспособности Швейцарского Международного института развития менеджмента в партнерстве с Сингапурским университетом технологии и дизайна [16];

12) Top 50 Smart City Government Rankings (2021) консалтинговой компании Eden Strategy Institute и ONG&ONG Experience Design [17];

13) Tholons Services Globalization Index (2021) индийского консалтингового агентства в сфере инноваций Tholons [18];

14) The Smart Centres Index (2021) британской компании Z/Yen [19];

15) Global Smart Cities Ranking (2021) Института информации Шанхайской академии общественных наук и Исследовательского центра «Умный город» Университета Фудань при поддержке Сети государственного управления ООН [20].

Связь консенсус-рангов умных городов и цифровизации страны. Путем агрегации приведенных рейтингов рассчитаем консенсус-ранг и выявим 25 лучших умных городов мира. Для расчета консенсус-ранга умного города $R_{SmartCity}$ используем формулу, аналогичную формуле (см. [21]), предложенной для расчета консенсус-ранга глобализации R_{glob} страны:

$$R_{SmartCity} = \frac{\sum_{i \in M} \left(\frac{\ln n_i^1}{\ln(k_i^1 + 1)} \cdot e^{\left(\frac{k_i^0 - k_i^1}{n_i^0 - n_i^1}\right)} \right)}{M}, \quad (1)$$

где k_i^0, k_i^1 — место умного города в предыдущем и последнем рейтинге i ;
 n_i^0, n_i^1 — количество городов в предыдущем и последнем рейтинге i ;
 M — множество рейтингов, в которых участвует город в последнем году.

Для более корректного расчета консенсус-ранга исключим из консенсусного набора рейтинги 1, 2, 7, 9, 15, поскольку они характеризуют малое количество умных городов из числа лидеров.

Результаты ранжирования умных городов по методике на основе формулы (1) представлены в таблице. Чем больше консенсус-ранг, тем выше место города в консенсус-рейтинге.

Топ-25 консенсус-рейтинга представляют 19 стран, при этом 13 стран (Австрия, Великобритания, Германия, Гонконг (Китай), Дания, Канада, Нидерланды, Республика Корея, Сингапур, США, Финляндия, Швейцария и Швеция) входят в топ-20 и по уровню цифровизации, и по уровню глобализации, а еще четыре страны (Австралия, Ирландия, Франция и Япония) являются лидерами одного из упомянутых консенсус-рейтингов (подробнее см. [21]).

Топ-25 умных городов мира на основе консенсус-рейтинга

Место города в консенсус-рейтинге	Город	Направление цифровизации										Консенсус-ранг
		Oliver Wyman Forum: Global Cities AI Readiness Index 2019	IESE: Cities in Motion 2020	2thinknow: Innovation Cities Index 2021	EasyPark Group: The Cities of the Future Index 2021	IMD-SUTD: Smart City Index 2021	Z/Yen: The Smart Centres Index 2021	AT Kearney: Global Cities Index 2021	Tholons: Services Globalization Index 2021	WIPO GII: Science and Technology clusters 2021	Smart City Government Rankings 2020/2021	
Количество городов в рейтинге, том числе:		105	174	500	100	118	72	156	100	100	50	
1.	Лондон (Великобритания)	1	1	11	1	22	2	2	7	15	3	4,39684
2.	Нью-Йорк (США)	3	2	3	6	12	1	1	10	9	6	3,65387
3.	Сингапур	2	9	5	8	1	6	29	2	29	1	3,39751
4.	Токио (Япония)	41	4	1	18	84	47	4	14	1	22	3,09657
5.	Сеул (Республика Корея)	16	19	7	15	13	25	17	15	4	2	2,38375
6.	Париж (Франция)	5	3	10	20	61	31	3	49	10	—	2,26257
7.	Сан-Франциско (США)	4	20	12	7	60	17	11	4	5	13	2,16249
8.	Гонконг (Китай)	20	10	49	28	41	5	7	—	2	41	2,06867
9.	Торонто (Канада)	27	30	43	19	36	27	20	1	40	—	2,01233
10.	Копенгаген (Дания)	25	6	54	2	7	8	43	54	56	25	1,98255
11.	Пекин (Китай)	18	84	19	54	69	23	6	—	3	15	1,90128

Место города в консенсус-рейтинге	Город	Направление цифровизации										Консенсус-ранг
		Oliver Wyman Forum: Global Cities AI Readiness Index 2019	IEESE: Cities in Motion 2020	2thinknow: Innovation Cities Index 2021	EasyPark Group: The Cities of the Future Index 2021	IMD-SUTD: Smart City Index 2021	Z/Yen: The Smart Centres Index 2021	AT Kearney: Global Cities Index 2021	Tholons: Services Globalization Index 2021	WIPO GII: Science and Technology clusters 2021	Smart City Government Rankings 2020/2021	
Количество городов в рейтинге, том числе:		105	174	500	100	118	72	156	100	100	50	
12.	Амстердам (Нидерланды)	7	8	24	5	17	19	22	18	19	10	1,89895
13.	Бостон (США)	8	28	2	21	57	16	21	44	7	32	1,88800
14.	Стокгольм (Швеция)	6	14	16	3	25	9	41	23	35	50	1,85613
15.	Цюрих (Швейцария)	23	11	70	13	2	7	30	—	50	45	1,84138
16.	Сидней (Австралия)	10	17	4	41	18	38	15	11	37	18	1,83385
17.	Берлин (Германия)	9	7	31	10	50	22	13	61	45	23	1,66788
18.	Шанхай (Китай)	37	58	15	71	71	28	10	—	8	8	1,65272
19.	Лос-Анджелес (США)	14	16	20	27	31	13	5	21	14	40	1,65000
20.	Вашингтон (США)	17	15	18	16	35	29	14	37	13	—	1,64028
21.	Чикаго (США)	15	13	9	22	59	11	8	33	23	42	1,63540
22.	Хельсинки (Финляндия)	—	22	41	14	6	—	61	66	74	5	1,60752
23.	Барселона (Испания)	51	26	52	33	58	—	28	41	47	4	1,59355
24.	Дублин (Ирландия)	12	33	92	79	48	10	45	5	—	26	1,54063
25.	Вена (Австрия)	33	18	22	44	11	36	25	—	71	9	1,50958

На рисунке 1 эти 17 стран, занимающих первые места в консенсус-рейтингах, представлены в координатах «цифровизация страны/умный город (страна)» в соответствии с рассчитанными консенсус-рангами. Диапазон консенсус-рангов цифровизации — от 1,60 (Франция) до 4,32 (США); умных городов — от 1,51 (Австрия, Вена) до 4,40 (Великобритания, Лондон). Чем ближе позиция страны к пунктирной линии, тем в более равной степени она цифровизована и тем наиболее умный город она имеет. К таким странам (разница в индексах менее 1, выделены серым цветом) можно отнести Германию,

Австралию, Ирландию, Сингапур, Австрию, Гонконг (Китай), Канаду, Нидерланды, Францию, США, Республику Корею, Финляндию (разница в индексах составляет 0,01875...0,94054). Разница в индексах более 1 в консенсус-рангах цифровизации и умного города — у Великобритании, Швейцарии, Швеции, Дании и Японии (выделены белым цветом). Таким образом, уровень развития цифровых технологий в стране непосредственно влияет на уровень развития умных городов, т. е. цифровизация страны является ключевым драйвером развития умных городов. Отметим, что, по данным Statista, глобальный

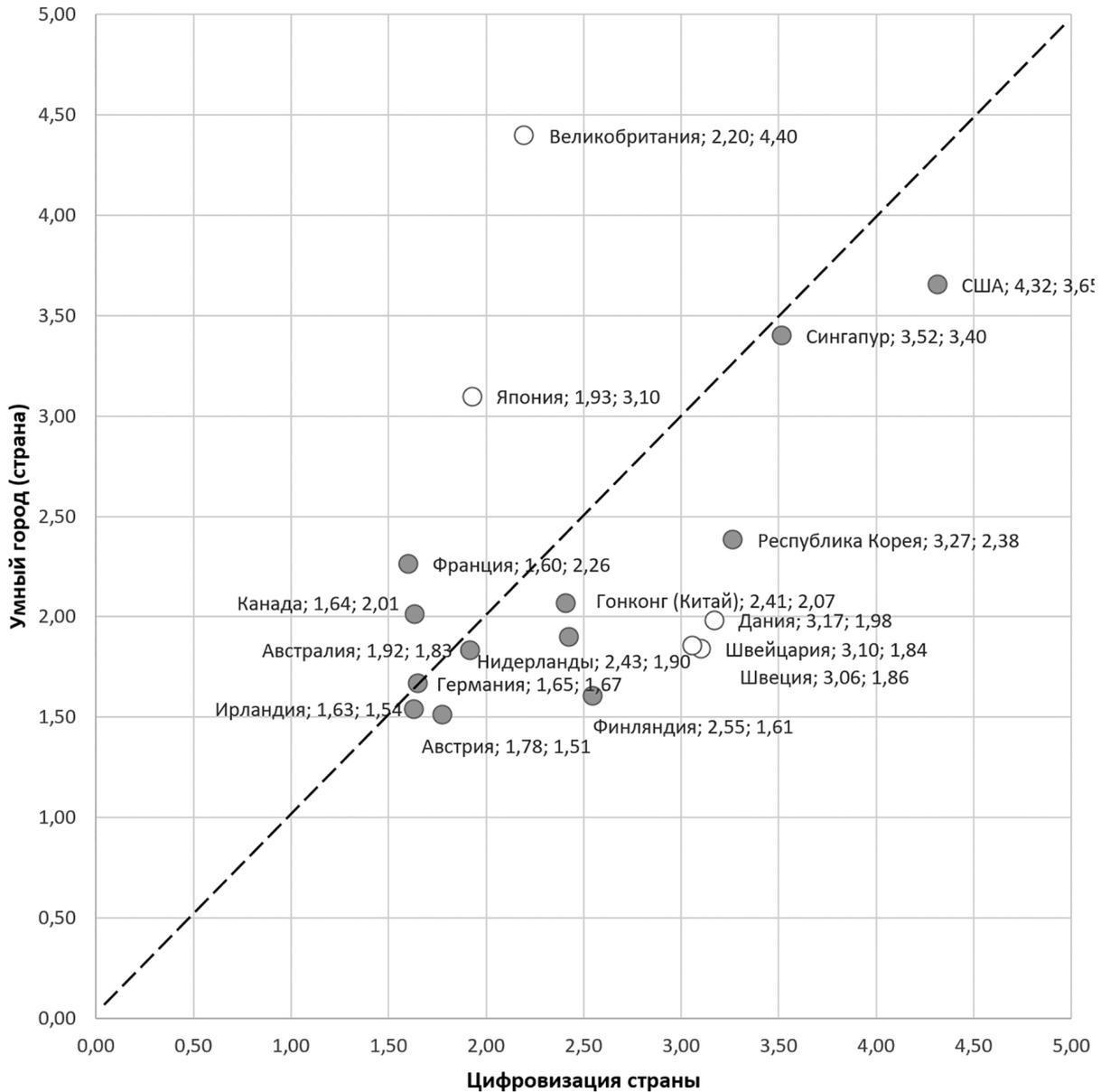

Рис. 1. Зависимость консенсус-ранга цифровизации страны и цифровизации умных городов

доход от продажи компаниями цифровых технологий, продуктов и услуг (включая облачные вычисления, технологии подключения и т. п.) умным городам достиг в 2021 г. 129 млрд долл. [22].

Приоритетные направления и технологии развития умных городов. Таблица и описание рейтингов умных городов позволяют сделать ряд важных выводов и представить приоритеты в направлениях цифровизации города и внедрения цифровых технологий (см. рис. 2 и рис. 3).

1. В консенсус-рейтинге 25 ведущих умных городов мира более всего представителей Западной Европы (11 городов), Азиатско-Тихоокеанского региона (7), Северной Америки (7). Лучший результат среди стран у США (6 городов). Отметим, что еще несколько американских городов (Атланта, Даллас, Майами, Портленд, Сан-Антонио, Сан-Диего, Сан-Хосе, Сиэтл, Хьюстон) входят в топ-20 ряда рассмотренных рейтингов по итогам 2020—2021 гг. Обратим внимание

на вторую по развитию умных городов страну — КНР: Гонконг, Пекин и Шанхай занимают в консенсус-рейтинге соответственно 8-е, 11-е и 18-е места; в топ ряда рейтингов входят Иньчуань, Уси и Ханчжоу. Кроме того, китайские умные города быстро прогрессируют: например, в рейтинге GSO-2021 из восьми городов, которые поднялись более чем на 10 позиций, пять являются китайскими: Гуанчжоу (+20), Шанхай (+15), Шэньчжэнь (+15), Чунцин (+12) и Сучжоу (+10).

2. В консенсус-рейтинге умных городов явное преимущество имеют мегаполисы, обладающие хорошо развитой цифровой инфраструктурой и активами (регуляторными, инновационными, человеческими), но небольшие города могут быть столь же готовы к цифровизации. Среди лидеров консенсус-рейтинга только три европейских города являются мегаполисами (Лондон, Париж, Берлин), остальные относятся к категории средних городов. Например, в число мировых лидеров входят Амстердам, Дублин, Копенгаген, Хельсинки, Стокгольм — небольшие хорошо управляемые города, которые в полной мере используют цифровые технологии, извлекая выгоду из умной городской экономики благодаря ее нематериальному и мобильному характеру. Высокое положение в консенсус-рейтинге занимают скандинавские умные города, поскольку делают все возможное, чтобы обеспечить устойчивую и комфортную среду для жизни граждан, внедряя цифровые технологии.

3. Более высокий уровень развития цифровых технологий в умных городах, как правило, коррелирует с количеством новых рабочих мест, уровнем жизни, экономическим развитием и объемом инвестиций. Поэтому такие умные города наиболее пригодны для жизни и более привлекательны для квалифицированных специалистов и высокотехнологичных компаний. Так, столица Великобритании, первая в консенсус-рейтинге, в рекордном для венчурного финансирования

2020 г. стала мировым центром привлечения ПИИ. По данным Dealroom.com, лондонские технологические компании привлекли 10,5 млрд долл. для реализации 366 инновационных проектов, что составило четверть всего европейского технологического финансирования за год. Столица Великобритании продолжает оставаться центром инноваций мирового класса: согласно данным Бюро по патентам и товарным знакам США, в период с 2003 по 2020 г. в Лондоне было зарегистрировано почти 7000 патентов на программное обеспечение и более чем 150 патентов в сфере искусственного интеллекта — более, чем в любом другом городе. Кроме того, в столице Великобритании ежегодно обучаются более 370 тыс. студентов, там расположены семь из 500 лучших университетов мира в области компьютерных наук и инженерии. Как глобальный финансовый центр, Лондон предлагает высокотехнологичным стартапам множество вариантов финансирования, начиная от венчурных фондов и бизнес-ангелов до краудфандинговых платформ и банков (среди которых отметим цифровые банки Revolut и Monzo). В городе имеется более чем 80 тыс. компаний в области программного обеспечения и ИКТ-услуг, что почти вдвое превышает количество компаний, зарегистрированных в любом другом европейском городе.

4. Рейтинги 2020—2021 гг. показывают, что умные города во всем мире продемонстрировали позитивную реакцию на пандемию COVID-19. Это объясняется, прежде всего, тем, что умный город оснащен хорошей цифровой инфраструктурой, а граждане и фирмы располагают большим количеством цифровых технологических решений, с помощью которых во время пандемии была создана безопасная и пригодная для жизни цифровая городская среда, что оказало профилактическое воздействие на сдерживание вирусной инфекции. Кроме того, умные города, оснащенные системами глобального

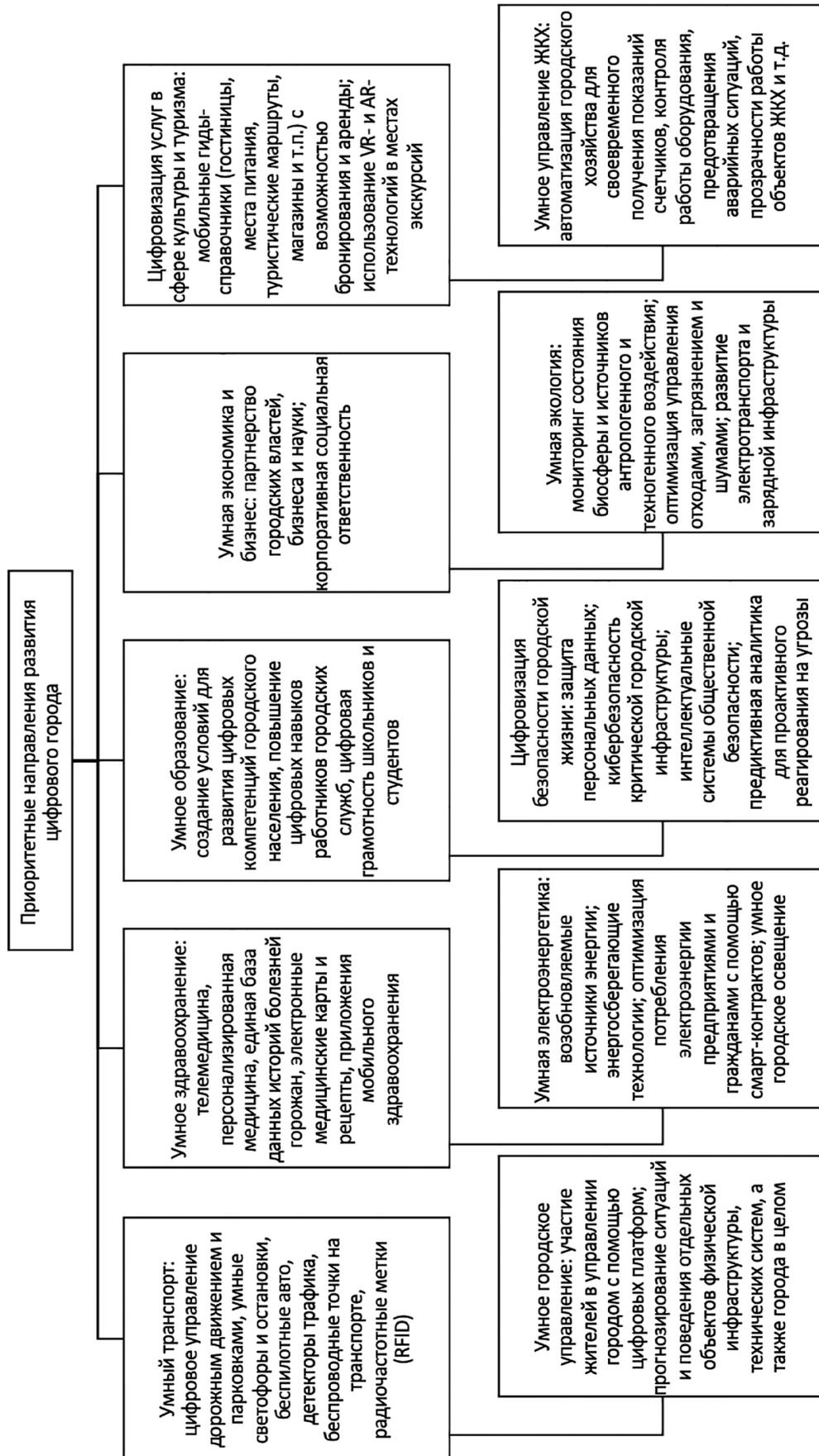

Рис. 2. Приоритеты цифровизации города

Рис. 3. Цифровые технологии для функционирования умных городов

позиционирования, цифровой идентификации граждан и воздушного наблюдения, стали эффективными площадками для разработки и реализации масштабных программ сдерживания инфекции и оказания адресной экономической и социальной помощи. Наконец, широкое внедрение цифровых технологий в умных городах позволило поддерживать разрушаемые локдауном контакты между людьми, укрепить доверие между гражданами и муниципальными чиновниками, способствовало эффективному циф-

ровому сотрудничеству государственного и частного секторов, предоставило возможность лучше координировать усилия по борьбе с COVID-19. В этом контексте умные города продемонстрировали большие возможности по мобилизации своих ресурсов, что имело столь важное значение для замедления распространения COVID-19. Умные мегаполисы, наиболее связанные с остальным миром, по многим показателям сильнее всего пострадали от пандемии, однако благодаря хорошо развитой цифровой инфра-

структуре они также продемонстрировали большую устойчивость и стали базой для восстановления национальной экономики и адаптации общества к изменившемуся миру.

В заключение отметим, что умный город — это прежде всего комфортный город, расходы ресурсов оптимизированы с помощью цифровых технологий и умного управления активами. Основной целью создания умных городов является формирование городской экосистемы, чувствительной к потребностям жителей и позволяющей повысить их социальную активность и качество жизни (удобство пользования городскими услугами и экономия времени). Это требует готовности цифровой инфраструктуры, регулятивной среды, цифровой компетентности граждан и цифровых компетенций в бизнесе, а также качества национальной инновационной системы (стартапы, венчурные фонды и т. п.). Приоритетные направления (сферы) в цифровизации города — городской транспорт, здравоохранение, образование, экономика и бизнес, энергетика и экология, культура и туризм, общественная безопасность граждан. Быстрота создания умных городов требует высочайшей квалификации городских властей и их направленности на стимулирование цифровизации во всех перечисленных сферах городской жизни.

Рейтинговый анализ позволяет заключить, что наиболее продвинутыми в отношении умных городов являются страны, входящие в топ-30 по развитию цифровой экономики, а значит, чем более цифровизована страна, тем более активно возникают и развиваются на ее территории умные города.

Очевидно, что умные города показали впечатляющие результаты в борьбе с COVID-19. Оказалось, что среди стран с одинаковой системой здравоохранения более устойчивы в пандемический кризис те, которые придают большее значение развитию умных городов. При этом умный город в условиях пандемии не только продемонстрировал быструю реакцию со стороны муниципалитета, но также давал больше технологических реше-

ний в направлении «снизу вверх», предоставляемых частным сектором.

Таким образом, наблюдается положительная обратная связь: цифровые технологии способствуют появлению и развитию умных городов, а последние, в свою очередь, становятся столицами цифровой экономики, локомотивами цифровой трансформации национальных экономик.

Список источников

1. *Глазьев С.* Великая цифровая экономика: вызовы и перспективы для экономики XXI века // *Завтра*. 2017. № 37(1241). С. 4—5.
2. *Yin C.T., Xiong Z., Chen H., Wang J., Cooper D., David B.* A literature survey on smart cities // *Science China Information Sciences*. 2015. № 58. P. 1—18.
3. *Lombardi P., Giordano S., Farouh H., Yousef W.* Modelling the smart city performance // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2012. № 25. P. 137—149.
4. What Smart Cities can learn from CONCERTO [Electronic resource]. 2013. // BUILD UP: The European portal for energy efficiency in buildings. URL: <https://www.buildup.eu/en/practices/publications/what-smart-cities-can-learn-concerto> (date of application: 3.02.2022); Energy Solutions for Smart Cities and Communities. URL: https://www.ehpa.org/fileadmin/red/03._Media/03.02_Studies_and_reports/Eu_studies_and_reports/2014_Energy_solutions_for_smart_cities_and_communities.pdf (date of application: 03.02.2022).
5. *Головенчик Г. Г.* Концепция «умный город»: генезис, приоритетные направления развития, проблемные аспекты и рейтинги // *Журнал Белорусского государственного университета*. Серия: Экономика. 2020. № 1. С. 103—117.
6. Будущее близко: индекс готовности городов [Электронный ресурс] / PwC. Июль 2017. URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/9743/budyshheeblyzko.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
7. Smart Cities — What's In It For Citizens? [Electronic resource] / Juniper. Research. URL: <https://newsroom.intel.com/wp-content/uploads/sites/11/2018/03/smart-cities->

whats-in-it-for-citizens.pdf (date of application: 28.01.2022).

8. Global Cities' AI Readiness Index [Electronic resource] // Oliver Wyman: Forum. URL: <https://www.oliverwymanforum.com/city-readiness/global-cities-ai-readiness-index-2019.html> (date of application: 3.02.2022).

9. IESE Cities in Motion Index 2020 [Electronic resource]. 27 октября 2020 г. // IESE: [website]. URL: <https://blog.iese.edu/cities-challenges-and-management/2020/10/27/iese-cities-in-motion-index-2020/> (date of application: 30.01.2022).

10. The Cities of the Future Index [Electronic resource]. 12 октября 2021 г. / Easy Park: [website]. URL: <https://www.easyparkgroup.com/news/the-cities-of-the-future-index/> (date of application: 31.01.2022).

11. Innovation Cities™ Index 2021: Top 100 World's Most Innovative Cities [Electronic resource] // 2thinknow. Innovation Cities: Program. URL: <https://www.innovation-cities.com/worlds-most-innovative-cities-2021-top-100/25477/> (date of application: 30.01.2022).

12. Tech Cities of the Future [Electronic resource]. August 12, 2021 // fDI Intelligence: [website]. <https://www.fdiintelligence.com/article/79733> URL: <https://www.fdiintelligence.com/content/rankings-and-awards/fdi-x-tnw-tech-cities-of-the-future-2021-the-winners-80076> (date of application: 31.01.2022).

13. Global Cities: divergent prospects and new imperatives in the global recovery [Electronic resource]. 2021 Global Cities Report // Kearney: [website]. URL: <https://www.kearney.com/global-cities/2021> (date of application: 1.02.2022).

14. E-Government Survey 2020 [Electronic resource] // UN E-Government Knowledgebase: interactive database. Access mode: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2020> (date of application: 30.01.2022).

15. Глобальный инновационный индекс 2021 [Электронный ресурс] // WIPO. Всемирная организация интеллектуальной собственности: портал ИС. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2021/index.html (дата обращения: 30.01.2022).

16. Smart City Observatory [Electronic resource] // IMD: International Institute for Management Development: [website]. URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/home/> (date of application: 28.01.2022).

17. Top 50 Smart City Governments [Electronic resource] / Eden Strategy Institute // Smart City Governments: [website]. Access mode: <https://www.smartcitygovt.com/202021-publication> (date of application: 3.02.2022).

18. Tholons Global Innovation Index 2021 [Electronic resource] // Tholons: [website]. Access mode: <http://tholons.com/> (date of application: 04.02.2022).

19. Smart Centres Index 4 [Electronic resource] // Z/Yen: [website]. URL: <https://www.zyen.com/publications/public-reports/smart-centres-index-4/> (date of application: 30.01.2022).

20. Global Smart Cities 2021 — Smart Cities at the Epicenter of the Pandemic [Electronic resource] // United Nations: Public Administration Network: official website. URL: <https://unpan.un.org/node/1538> (date of application: 30.01.2022).

21. Головенчик Г. Г. Эволюция подходов к измерению уровня глобализации стран // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. 2021. № 2. С. 59—76.

22. Projected revenue generated by companies in the global smart city from 2020 to 2025 [Electronic resource] // Statista: [website]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1111626/worldwide-smart-city-market-revenue/> (date of application: 31.01.2022).

References

1. Glaz'ev S. Velikaja cifrovaja jekonomika: vyzovy i perspektivy dlja jekonomiki XXI veka // Zavtra. 2017. № 37(1241). S. 4—5.

2. Yin C.T., Xiong Z., Chen H., Wang J., Cooper D., David B. A literature survey on smart cities // Science China Information Sciences. 2015. № 58. P. 1—18.

3. Lombardi P., Giordano S., Farouh H., Yousef W. Modelling the smart city performance // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2012. № 25. P. 137—149.

4. What Smart Cities can learn from CONCERTO [Electronic resource]. 2013. // BUILD UP: The European portal for energy efficiency in buildings.

- URL: <https://www.buildup.eu/en/practices/publications/what-smart-cities-can-learn-concerto> (date of application: 3.02.2022); Energy Solutions for Smart Cities and Communities. URL: https://www.ehpa.org/fileadmin/red/03._Media/03.02_Studies_and_reports/Eu_studies_and_reports/2014_Energy_solutions_for_smart_cities_and_communities.pdf (date of application: 03.02.2022).
5. Golovenchik G.G. Konceptija «umnyj gorod»: genezis, prioritetnye napravlenija razvitija, problemnye aspekty i rejtingi // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. 2020. № 1. S. 103—117.
6. Budushhee blizko: indeks gotovnosti gorodov [Jelektronnyj resurs] / PwC. Ijul' 2017. URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/9743/bydysheeblyzko.pdf> (data obrashhenija: 02.02.2022).
7. Smart Cities — What's In It For Citizens? [Electronic resource] / Juniper. Research. URL: <https://newsroom.intel.com/wp-content/uploads/sites/11/2018/03/smart-cities-whats-in-it-for-citizens.pdf> (date of application: 28.01.2022).
8. Global Cities` AI Readiness Index [Electronic resource] // Oliver Wyman: Forum. URL: <https://www.oliverwymanforum.com/city-readiness/global-cities-ai-readiness-index-2019.html> (date of application: 3.02.2022).
9. IESE Cities in Motion Index 2020 [Electronic resource]. 27 oktjabrja 2020 g. // IESE: [website]. URL: <https://blog.iese.edu/cities-challenges-and-management/2020/10/27/iese-cities-in-motion-index-2020/> (date of application: 30.01.2022).
10. The Cities of the Future Index [Electronic resource]. 12 oktjabrja 2021 g. / Easy Park: [website]. URL: <https://www.easyparkgroup.com/news/the-cities-of-the-future-index/> (date of application: 31.01.2022).
11. Innovation Cities™ Index 2021: Top 100 World's Most Innovative Cities [Electronic resource] // 2thinknow. Innovation Cities: Program. URL: <https://www.innovation-cities.com/worlds-most-innovative-cities-2021-top-100/25477/> (date of application: 30.01.2022).
12. Tech Cities of the Future [Electronic resource]. August 12, 2021 // fDI Intelligence: [website]. URL: <https://www.fdiintelligence.com/article/79733> URL: <https://www.fdiintelligence.com/content/rankings-and-awards/fdi-x-tnw-tech-cities-of-the-future-2021-the-winners-80076> (date of application: 31.01.2022).
13. Global Cities: divergent prospects and new imperatives in the global recovery [Electronic resource]. 2021 Global Cities Report // Kearney: [website]. URL: <https://www.kearney.com/global-cities/2021> (date of application: 1.02.2022).
14. E-Government Survey 2020 [Electronic resource] // UN E-Government Knowledgebase: interactive database. Access mode: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2020> (date of application: 30.01.2022).
15. Global'nyj innovacionnyj indeks 2021 [Jelektronnyj resurs] // WIPO. Vsemirnaja organizacija intellektual'noj sobstvennosti: portal IS. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2021/index.html (data obrashhenija: 30.01.2022).
16. Smart City Observatory [Electronic resource] // IMD: International Institute for Management Development: [website]. URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/home/> (date of application: 28.01.2022).
17. Top 50 Smart City Governments [Electronic resource] / Eden Strategy Institute // Smart City Governments: [website]. Access mode: <https://www.smartcitygovt.com/202021-publication> (date of application: 3.02.2022).
18. Tholons Global Innovation Index 2021 [Electronic resource] // Tholons: [website]. Access mode: <http://tholons.com/> (date of application: 04.02.2022).
19. Smart Centres Index 4 [Electronic resource] // Z/Yen: [website]. URL: <https://www.zyen.com/publications/public-reports/smart-centres-index-4/> (date of application: 30.01.2022).
20. Global Smart Cities 2021 — Smart Cities at the Epicenter of the Pandemic [Electronic resource] // United Nations: Public Administration Network: official website. URL: <https://unpan.un.org/node/1538> (date of application: 30.01.2022).
21. Golovenchik G.G. Jevoljucija podhodov k izmereniju urovnja globalizacii stran // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika. 2021. № 2. S. 59—76.

22. Projected revenue generated by companies in the global smart city from 2020 to 2025 [Electronic resource] // Statista: [website]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1111626/worldwide-smart-city-market-revenue/> (date of application: 31.01.2022).

Информация об авторе

Головенчик Г. Г. — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Белорусского государственного университета (220132 г. Минск 2-ой пер. Кольцова д.50).

Information about the author

G. G. Goloventchik — PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor, Department of International Economic Relations Belarusian State University (220132 Minsk 2nd Lane Koltsova 50).

Статья поступила в редакцию 21.02.2022.

The article was submitted 21.02.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 39—50.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 39—50.

УДК 378.147
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-39-50

Студенческое самоуправление как инструмент практико-ориентированной подготовки современных менеджеров

*Екатерина Викторовна Егорычева¹, Анастасия Геннадьевна Тришкина²,
Ольга Станиславовна Шишонкова³*

¹⁻³ Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹⁻³ egor-kate@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена подготовке управленческих кадров для предприятий России. Изложены результаты анализа применяемых сегодня моделей компетенций руководителей. Предложена авторская модель компетенций, разработанная для управленцев и учитывающая особенности экономики инноваций. Проведена оценка роли студенческого самоуправления в формировании авторской модели компетенций. Рассмотрены особенности и перспективы развития студенческого самоуправления как эффективного инструмента практико-ориентированной подготовки современных менеджеров.

Ключевые слова: студенческое самоуправление, практико-ориентированное обучение, подготовка управленческих кадров, современный менеджмент, модель управленческих компетенций.

Для цитирования: Егорычева Е. В. [и др.] Студенческое самоуправление как инструмент практико-ориентированной подготовки менеджеров / Е. В. Егорычева, А. Г. Тришкина, О. С. Шишонкова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 39—50. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-39-50>

Student self-government as a tool for practice-oriented training of modern managers

*Ekaterina Viktorovna Egorycheva¹, Anastasiya Gennadievna Trishkina²,
Olga Stanislavovna Shishonkova³*

¹⁻³ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹⁻³ egor-kate@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the training of managerial staff for Russian enterprises. The results of the analysis of managerial competence models used today are presented. The author's model of competencies developed for managers and taking into account the peculiarities of the economy of innovation is proposed. The article assesses the role of student government in the formation of the author's model of competencies. The peculiarities and prospects of development of

student self-governance as an effective tool of practice-oriented training of modern managers are considered.

Keywords: student self-government, practice-oriented training, management training, modern management, model of managerial competencies.

For citation: Egorycheva E. V., Trishkina A. G., Shishonkova O. S. Student self-government as a tool for practice-oriented training of modern managers. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 39—50. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-39-50>

Важнейшим ориентиром современной экономики является реализация проектов, направленных на создание инновационной продукции. Эта задача требует от системы образования постоянного совершенствования инструментов и методов подготовки высококвалифицированных кадров. Особое значение в этом процессе приобретает практико-ориентированная подготовка менеджеров, способных эффективно управлять разработкой и внедрением инноваций. Эта задача становится еще более актуальной в условиях санкционного давления на Россию со стороны США и ряда западных стран, а также в ходе деглобализации отечественной экономики.

Приоритетом современных наукоемких предприятий сегодня является создание единой системы, охватывающей как научную, так и производственную деятельность. Руководство таких компаний ставит глобальную цель — не только довести разработку до серийного производства, но и сделать ее уникальной среди зарубежных аналогов. А значит, особая роль отводится научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (НИОКР), непрерывному обновлению производственных фондов и совершенствованию научно-исследовательской базы [1].

Научно-технический потенциал России весьма высок, но внедрение и коммерциализация разработок остается проблемной сферой [2]. Проблема нехватки квалифицированных управленческих кадров становится причиной отсутствия эффективного взаимодействия науки и производства, что не поз-

воляет отечественным компаниям успешно конкурировать с зарубежными производителями. Сегодня мы наблюдаем полную зависимость российских наукоемких предприятий от иностранных комплектующих. Эта плачевная ситуация во многом обусловлена отсутствием компетенций по внедрению наукоемких технологий у современных менеджеров.

Нехватка управленческих кадров сегодня приводит к жесткой критике системы высшего образования, которая не успевает быстро адаптироваться к динамике потребностей рынка. Каждый год появляются новые профессии в сфере менеджмента (например, product-менеджеры, CRM-маркетологи, таргетологи, копирайтеры, SMM и SEO-менеджеры), а учебные программы вузов не успевают так быстро обновляться.

Требования к менеджерам становятся все более комплексными и охватывают все больший спектр знаний, умений и навыков. Отметим, что модель компетенций современных руководителей включает не только жесткие навыки *hard skills*, к которым относятся профессиональные знания и умения. Не менее важными являются и мягкие навыки *soft skills*, а именно кросс-функциональные компетенции, обеспечивающие эффективность реализации ключевых управленческих коммуникаций.

Процесс формирования перечисленных компетенций достаточно длительный и требует развития практико-ориентированных форм обучения. Мы придерживаемся

мнения, что этот процесс должен начинаться как можно раньше, на базе программ бакалавриата, не только для студентов, обучающихся по направлению «Менеджмент», но и студентов технических направлений, которые в перспективе могут возглавить подразделения, целевым назначением которых является разработка инновационной продукции.

Эффективным инструментом практико-ориентированной подготовки профессиональных менеджеров является студенческое самоуправление. Об этом свидетельствуют результаты нашего исследования: мы выявили элементы модели управленческих компетенций, формируемые путем активного вовлечения студентов в самоуправление (привлечения студентов к созданию форм самоуправления). В рамках исследования выполнен анализ применяемых моделей управленческих компетенций. На базе исследованных моделей разработана собственная компетентностная модель, учитывающая специфику экономики инноваций. Итогом исследования стало определение роли студенческого самоуправления в формировании модели управленческих компетенций. Рассмотрим результаты проведенного нами исследования по этапам.

Этап 1. Анализ современных моделей управленческих компетенций. Основой современной отечественной модели являются требования, сформулированные во ФГОС, по направлению «Менеджмент» для бакалавриата и магистратуры. В результате освоения образовательных программ у выпускников должен быть сформирован комплекс универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций [3; 4]. Универсальные компетенции для программы бакалавриата охватывают спектр умений и навыков *soft skills*. К ним можно отнести критическое мышление, способность к эффективным коммуникациям, умение работать в команде, способность управлять своим временем, а также создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности.

Общепрофессиональные компетенции базируются не только на знании экономической, организационной и управленческой теорий, но и на способности разрабатывать проекты управленческих решений, собирать, оценивать и анализировать информацию, в том числе с использованием информационных технологий. Такие компетенции (в дополнение к тем, которые должны быть сформированы в бакалавриате) включают умение руководить проектной и процессной деятельностью, в том числе выполнять научно-исследовательские проекты.

В отношении профессиональных компетенций вузам предоставлено право самостоятельно формулировать требования к деловым качествам на основе профессиональных стандартов.

Если оценивать компетенции, которые должны быть сформированы у выпускников бакалавриата и магистратуры по направлению «Менеджмент», то можно сделать вывод, что универсальные компетенции магистратуры практически идентичны компетенциям бакалавриата.

Добавим, что помимо ФГОС существует множество других подходов к определению состава управленческих знаний, умений и навыков. Особый интерес представляет компетентностная модель, разработанная выдающимся греко-американским ученым-теоретиком Ричардом Бояцисом [5]. В классификации компетенций Бояциса выделены пять кластеров компетенции менеджеров: 1) управление целями и действиями; 2) лидерство; 3) управление человеческими ресурсами; 4) руководство подчиненными; 5) «фокус на других». По мнению ученого, эффективная работа менеджера или руководителя всегда должна начинаться с постановки целей и разработки конкретных вариантов их достижения. Компания, не ставящая перед собой краткосрочных или долгосрочных целей, подобна флюгеру, приводимому в движение ветром. Такая компания не знает, в каком направлении ей следует двигаться,

какие рынки осваивать, какие продукты производить.

Однако важно не только уметь ставить цели, но и контролировать их выполнение. Перед управленцем стоят сложные задачи: проанализировать рынок и имеющиеся в распоряжении ресурсы, оценить риски, рассмотреть все аспекты организации процесса принятия управленческого решения, а в сложных ситуациях — прибегнуть к использованию инструментов кризис-менеджмента. Для этого менеджеру необходимо уметь убеждать своих подчиненных в правильности принимаемых решений, проявлять креативность и инициативность, сохраняя ориентацию на результат и эффективность деятельности.

Успешный руководитель должен быть таким лидером, который умеет фокусироваться на интересах и потребностях сотрудников. Это довольно сложный процесс, он подразумевает не авторитарное руководство, не навязывание своей точки зрения, а воздействие путем убеждения и мотивирования. Такой руководитель всегда ставит своей целью сплочение группы и стремится создать в коллективе атмосферу гармонии и взаимного уважения, повышающую работоспособность. Он не самоутверждается за счет подчиненных, а предоставляет каждому сотруднику возможность проявить себя и подняться на качественно новый уровень. Порой руководителю команды необходимо проявлять жесткость, твердость и независимость в принятии решений и при этом сохранять в коллективе атмосферу творчества и инновационной восприимчивости. Ему следует прислушиваться к мнению каждого из подчиненных, но последнее слово всегда должно оставаться за ним. В условиях экономики инновационной, как отмечает Р. Бояцис, главным активом организации являются человеческие ресурсы. Именно от трудового потенциала зависит генерация новых идей и формирование интеллектуального капитала организации.

Интерес также представляет компетентностная модель, разработанная консалтин-

говой компанией «ЭКОПСИ Консалтинг» совместно с работодателями ведущих отечественных наукоемких компаний. Модель включает семь основных кластеров профессиональных управленческих компетенций: 1) планирование и принятие решений; 2) ориентация на развитие; 3) влияние на людей; 4) работа с информацией; 5) корпоративность; 6) партнерская коммуникация; 7) ориентация на бизнес-результат [6]. Компетенции структурированы по осям «настоящее — будущее» и «аналитика — коммуникация». Каждой компетенции авторы поставили в соответствие набор конкретных управленческих умений и навыков.

Известно, что даже самое незначительное на первый взгляд управленческое решение способно значительно повлиять на долгосрочные перспективы компании, поэтому авторы модели выделяют такие важные компетенции, как ориентация на бизнес-результат (настоящее, краткосрочная перспектива) и ориентация на развитие (будущее, долгосрочная перспектива).

Рассмотрим ось «аналитика — коммуникация». Роль аналитики в бизнес-процессах сложно преувеличить, ее цели глобальны: изучить организационно-производственную структуру предприятия и рыночную среду; грамотно организовать процесс производства, соответствующий рыночным запросам; произвести правильное планирование развития компании, а также создать систему непрерывного мониторинга и анализа рыночной конъюнктуры.

Налаживание внутренних и внешних коммуникаций также является важным элементом менеджмента. По долгу службы руководитель напрямую задействован в процессе принятия управленческих решений, ему необходимо взаимодействовать с сотрудниками и бизнес-партнерами, уметь убеждать их в своей правоте или оказывать скрытое влияние. В рамках рассматриваемой модели выделяются два кластера компетенций: влияние на людей и партнерская коммуникация.

Модель управленческих компетенций

Кластер компетенций	Перечень компетенций
А. Управленческие компетенции	<ul style="list-style-type: none"> • Умение управлять человеческими ресурсами • Навыки кризис-менеджмента • Способность принимать управленческие решения • Навыки формирования эффективной команды
Б. Универсальные компетенции	<ul style="list-style-type: none"> • Критическое мышление • Эмоциональный интеллект • Лидерство • Умение выстраивать эффективные коммуникации • Ответственность • Инициативность • Нацеленность на развитие • Системное мышление • Навыки самоменеджмента
В. Профессиональные компетенции	<ul style="list-style-type: none"> • Способность видеть стратегические перспективы • Навыки управления инновациями и инвестициями • Умение управлять интеллектуальной собственностью

По завершении первого этапа исследования отметим, что все компетенции объединены важнейшим понятием «корпоративность». Этот термин называет способность руководителя быть частью организации — разделять взгляды сотрудников на настоящее, строить совместное будущее, быть заинтересованным в дальнейшем успешном развитии организации.

На основе анализа рассмотренных компетентностных моделей мы разработали новую модель с учетом специфики наукоемких предприятий, ориентированных на создание и внедрение инноваций. Рассмотрим нашу модель более подробно.

Этап 2. Разработка модели управленческих компетенций с учетом специфики экономики инноваций. Предлагаемая модель представляет собой комплекс знаний, умений и навыков, которыми должен обладать эффективный менеджер современного наукоемкого предприятия (см. табл. 1).

Как показано в таблице 1, модель включает три кластера компетенций: управленче-

ские; универсальные; профессиональные. Рассмотрим их более подробно.

А. Кластер управленческих компетенций. Этот кластер составляют управленческие компетенции, которые не зависят от уровня управления и функциональной специфики подразделения, возглавляемого менеджером. Определим состав компетенций, входящих в этот кластер.

1. Умение управлять человеческими ресурсами. Руководитель должен рассматривать каждого сотрудника как фактор достижения генеральных целей предприятия. Данная компетенция включает навыки:

- постановки целей и задач;
- организации рабочего процесса;
- делегирования полномочий и ответственности;
- управленческого контроля;
- разработки системы мотивации сотрудников;
- определения траекторий развития персонала;
- реализации социально ориентированной политики.

2. *Навыки кризис-менеджмента.* Рано или поздно каждая организация сталкивается с трудностями: уменьшение спроса, прибыли, возникновение кризисных явлений или непредсказуемых обстоятельств. В рамках данной компетенции руководитель обязан произвести диагностику проблемы, выявить причины ее возникновения и найти пути ее устранения. Для кризис-менеджера важным качеством является креативность, так как порой самые нестандартные и, на первый взгляд, абсурдные решения являются правильными.

3. *Способность принимать управленческие решения.* Основным продуктом деятельности менеджера являются грамотные и обоснованные управленческие решения. Эта компетенция предполагает способность руководителя не только генерировать альтернативные варианты решений, но и осуществлять выбор оптимального решения, исходя из заданных критериев оптимизации.

4. *Навыки формирования эффективных команд.* Комплиментарные команды — это источник синергетического эффекта, который лежит в основе командной эффективности. Современные менеджеры должны знать командные роли, а также владеть инструментами и методами эффективного объединения отдельных сотрудников в команды.

Б. Кластер универсальных компетенций.

В этот кластер собраны компетенции, которыми могут обладать не только управленцы, но и специалисты, не имеющие работников в своем подчинении (объединим эти две группы под названием «сотрудники»).

Универсальные компетенции напрямую не связаны с управленческой деятельностью и конкретной предметной областью, а являются кросс-функциональными. К таким компетенциям относится *критическое мышление*, которое позволяет сотруднику интерпретировать события, взвесить обстоятельства и сделать выводы. Также здесь важен *эмоциональный интеллект*, т. е. способность распознавать собственные эмоции, а также эмоции окружающих людей и управлять ими.

1. *Лидерство* — это способность оказывать влияние на коллег, партнеров, клиентов и других лиц, от которых зависит деятельность предприятия. Влияние — это поведение менеджера, вносящее изменения в поведение других людей. Особенно важным является *умение выстраивать эффективные коммуникации*. Для этого лидер должен знать основные принципы и методы эффективных коммуникаций, владеть навыками проведения деловых совещаний, знать особенности и преимущества устной, письменной и невербальной коммуникации.

2. *Ответственность и инициативность* — это два вектора, один из которых направлен на настоящее, а другой — на будущее. Первый отвечает за точность и четкость выполнения намеченных планов в настоящем, а второй создает стимулы для генерации планов в будущем.

3. *Нацеленность на развитие* — это стремление сотрудника не останавливаться на достигнутом, а искать новые пути повышения эффективности деятельности.

4. *Системное мышление* — это способность собрать из отдельных элементов, «пазлов», целостную «картинку», выявить связи между отдельными подсистемами, понять закономерности и составить цельное представление об исследуемом явлении.

Отметим, что особое значение имеет способность сотрудника управлять собой и своим временем. *Самоменеджмент* включает навыки управления своим голосом, речью, мимикой и телодвижениями, внешним видом и, конечно, своим временем (тайм-менеджмент).

В. Кластер профессиональных компетенций. Этот кластер отражает специфику наукоемкого производства, функционирующего в условиях экономики инноваций. Высокотехнологичное предпринимательство постоянно требует научных разработок и внедрения наукоемких технологий. Менеджер, руководящий таким предприятием, по сути является первопроходцем, потому что сфера внедрения

инноваций зачастую очень сложна и непредсказуема. В первую очередь это обусловлено отсутствием четко выработанного производственного механизма, так как продукт производится впервые, а значит, могут потребоваться значительные финансовые вложения не только в исследовательские работы, но и в обновление производственных фондов. Кроме того, существуют риски, связанные с выходом на рынок. Производитель не может с уверенностью сказать, будет ли его продукт успешно принят потребителем. Внедрение инноваций иногда встречает и сопротивление изнутри — со стороны персонала компании.

Рассмотрим основные элементы кластера профессиональных компетенций.

1. Умение видеть стратегические перспективы. Быстрая смена технологий, обусловленная непрерывным технологическим прогрессом, обострила необходимость в проведении стратегического планирования и анализа, направленного на обеспечение эффективности компании в долгосрочной перспективе. Успешный руководитель должен принимать решения, опираясь не только на текущие обстоятельства, но и на долгосрочную перспективу: должен предвидеть изменения в поведении покупателей и конкурентов, появление новых рыночных сегментов, потенциально более прибыльных, возникновение кризисных явлений, по причинам, напрямую не связанным с деятельностью компании, и др. На основе имеющейся информации, а также благодаря профессиональному чутью и интуиции руководитель должен видеть стратегические перспективы развития предприятия и ориентировать его деятельность именно в этих направлениях.

2. Навыки управления инновациями и инвестициями. Для реализации успешных инновационных проектов менеджерам необходимо знать особенности и последовательность этапов цикла создания и освоения новой техники (цикла СОИТ), методики оценивания инвестиционных показателей,

а также процедуры поиска источников финансирования. Квалифицированный специалист умеет интерпретировать результаты финансово-экономического анализа, видит проблемные сферы и направления повышения эффективности хозяйственной деятельности предприятия.

3. Умение управлять интеллектуальной собственностью. Создание наукоемкой продукции базируется на результатах интеллектуальной деятельности (РИД). Уникальные разработки: изобретения, полезные модели, промышленные образцы, топология интегральных микросхем, ноу-хау, базы данных, программные решения, — все это ключевые бизнес-активы современных наукоемких предприятий. К ним также относятся объекты авторского права, средства индивидуализации юридических лиц — товарные знаки, фирменные наименования, коммерческие обозначения, наименования мест происхождения товаров и географические указания. Перечисленные активы принято называть «интеллектуальной собственностью» (ИС). Руководитель наукоемкого предприятия должен не только хорошо ориентироваться в многообразии объектов ИС, но и выполнять основные функции управления интеллектуальной собственностью. К ним, в частности, относятся [2]:

- определение основных направлений проведения НИОКР и создания ИС;
- организация инвентаризации ИС;
- обеспечение правовой охраны ИС;
- выбор формы коммерческого оборота и обеспечение коммерциализации ИС;
- мониторинг соблюдения исключительных прав и пресечение их нарушения [2].

Предлагаемая модель может дополняться и расширяться на основе профессиональных стандартов и отраслевой специфики.

Рассмотрим, каким образом студенческое самоуправление способствует формированию управленческих компетенций, входящих в разработанную модель.

Этап 3. Определение роли студенческого самоуправления в формировании управленческих компетенций. С каждым годом студенческая молодежь России становится все более активной: развиваются студенческие движения, появляются новые студенческие объединения, повышается значимость студенческого самоуправления. Являясь важнейшей подсистемой воспитательного процесса, студенческое самоуправление превращается в эффективную площадку для личностного развития и самоопределения студентов [7; 8].

Участие в СтС предоставляет студентам возможность самореализации, удовлетворения социальных потребностей, отстаивания своих прав и интересов, реализации новых проектов и идей. Среди основных направлений деятельности Студенческого совета Национального исследовательского университета «МИЭТ» можно выделить следующие:

- организация и проведение культурно-массовых и спортивных мероприятий,
- взаимодействие с представителями коммерческих предприятий и инновационных образовательных площадок,
- проведение образовательных мероприятий, способствующих развитию профессиональных компетенций,
- социальная помощь студентам, защита их прав и интересов,
- помощь в социальной адаптации первокурсникам [9].

Важно подчеркнуть, что реализация перечисленных направлений является отличным инструментом практико-ориентированной подготовки будущих управленцев. Проведенное исследование позволило оценить вклад студенческого самоуправления в формирование разработанной модели управленческих компетенций. В таблице 2 символ «+» указывает на то, что компетенция формируется посредством участия студентов в СтС. Чем больше символов «+» напротив конкретной компетенции, тем сильнее влияние СтС на формирование данной

компетенции. Символ «+» указывает на компетенцию, формирования которой не происходит, но закладывается ее база.

Участие в СтС способствует активному формированию всех управленческих и универсальных компетенций, а также закладывает основу для формирования профессиональных умений и навыков.

А. Управленческие компетенции в СтС. Деятельность СтС фактически моделирует работу реальных управленцев и позволяет студентам на практике отработать навыки управления человеческими ресурсами, навыки целеполагания, делегирования полномочий, принятия решений и формирования эффективных команд, и особенно навыки кризис-менеджмента. Будучи руководителями подразделений СтС, студенты впервые соприкасаются со сложными управленческими ситуациями, получают практический опыт при выходе из тяжелых ситуаций, учатся принимать правильные, иногда абсолютно неординарные решения. Важно отметить, что навыки принятия решений в условиях неопределенности и стресса лучше начинать формировать в молодом возрасте в рамках студенческого самоуправления, когда риски от последствий принятого решения не так велики. Молодые люди способны подходить к решению проблемы с абсолютно непредсказуемой стороны, демонстрируя гибкость и креативность, что чрезвычайно важно для будущей деятельности в наукоемкой сфере.

Б. Универсальные компетенции в СтС. Сложно переоценить вклад СтС в формирование универсальных управленческих компетенций. Студенческое самоуправление наиболее активно в формировании делового общения, в умении выстраивать эффективные коммуникации. Студенты постоянно работают в команде, приобретают опыт публичных выступлений и ведения общих собраний, эффективных совещаний. Это способствует развитию навыков активного слушания, умения достигать взаимопонимания

Таблица 2

Оценка формирования компетенций при студенческом самоуправлении

Кластер компетенций	Перечень компетенций	Оценка степени формирования компетенций
А. Управленческие компетенции	Умение управлять человеческими ресурсами	++
	Навыки кризис-менеджмента	+++
	Способность принимать управленческие решения	++
	Навыки формирования эффективных команд	+++
Б. Универсальные компетенции	Критическое мышление	+
	Эмоциональный интеллект	++
	Лидерство	+++
	Умение выстраивать эффективные коммуникации	+++
	Ответственность	++
	Инициативность	++
	Нацеленность на развитие	++
	Системное мышление	+
Навыки самоменеджмента	+++	
В. Профессиональные компетенции	Способность видеть стратегические перспективы	+ -
	Навыки управления инновациями и инвестициями	+ -
	Умение управлять интеллектуальной собственностью	+ -

с разными людьми, развитию ораторского мастерства. В процессе выполнения поставленных задач студенты учатся взаимодействовать с администрацией вуза, спонсорами, единомышленниками, также получают знания делопроизводства. Такая коммуникация развивает и эмоциональный интеллект, способность идентифицировать эмоции и находить способы их экологичного выражения.

К навыкам, присущим руководителям подразделений Студенческого совета вуза,

отнесем также лидерство. На практике осваивая различные формы влияния на коллектив, студенты осознают достоинства и недостатки существующих форм власти и стилей управления. Начиная с авторитарного стиля, они зачастую переходят к демократическому или даже либеральному стилю; экспериментируют с формами власти, приходя к сочетанию экспертной и мотивационной форм.

Выступая в роли руководителей, студенты активно осваивают инструменты и методы

самоменеджмента: учатся планировать свой день, грамотно формулировать цели, составлять приоритеты в выполнении задач, бороться с хронофагами, обеспечивать баланс рабочего и личного времени. При этом развивается критическое и системное мышление; совершенствуются аналитические способности — умение отделять главное от второстепенного, навыки дедукции и индукции.

Участие в студенческом самоуправлении — это, прежде всего, проявление инициативы — серьезный импульс к самостоятельности, а также развитие силы воли, проактивности и креативности, — поскольку студент постоянно находится в группе таких же активных и инициативных единомышленников.

Деятельность в СтС формирует такую важную управленческую компетенцию, как ответственность. Независимо от позиции, какую студент занимает в СтС, он несет ответственность за выполнение поставленных перед ним задач. Степень этой ответственности, конечно, значительно меньше, чем в реальной коммерческой компании. Однако несоблюдение дедлайнов, пренебрежительное отношение к работе влечет за собой срыв сроков выполнения проектов СтС, конфликты и демотивацию участников команды. Такой негативный опыт становится для студентов хорошим уроком.

Как отмечалось ранее, нацеленность на развитие является наиболее востребованной компетенцией руководителя наукоемкого предприятия, поскольку его деятельность сопряжена с постоянными инновациями. Студенческий совет позволяет будущим управленцам реализовывать все свои идеи, даже самые неординарные. Здесь креативность всегда поощряется, постоянно используется мозговой штурм и иные методы экспертного оценивания, помогающие генерировать новые идеи. Отсутствие наработанных годами шаблонов

расширяет возможности управленческих решений.

В. Профессиональные компетенции в Студенческом совете. Студенческое самоуправление закладывает базу для формирования профессиональных компетенций. В процессе разработки проектов СтС студенты учатся анализировать факторы внутренней и внешней среды, выявлять тенденции и видеть стратегические перспективы. Кроме того, сама проектная деятельность СтС — это прообраз реальных инновационных проектов, где всегда есть риск, неопределенность, ограниченность по срокам и ресурсам. Поэтому, в определенной степени, реализация проектов СтС — это формирование навыков управления инновациями (новыми проектами) и инвестициями (ресурсами — человеческими и финансовыми).

Важно отметить, что в СтС студенты получают знание о ключевом бизнес-активе современных предприятий — интеллектуальной собственности. В процессе генерирования идей активно создаются объекты авторского права — материалы для тренингов Школы актива, сценарии проведения мероприятий, статьи и фотоматериалы. Студенты начинают интересоваться режимом правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, получают сведения о роли интеллектуальной собственности в современном мире.

Резюмируя этапы исследования, мы пришли к выводу, что студенческое самоуправление отвечает требованиям времени по эффективной подготовке управленцев. Деятельность СтС направлена на формирование широкого спектра управленческих умений и навыков, что способствует повышению практико-ориентированного уровня современного высшего образования.

Список источников

1. **Веселовский М. Я., Абрашкина Е. М.** Проблемы и потенциал развития промышленных предприятий наукоемких отраслей // Мир (модернизация, инновации, развитие). 2016. № 2(26). С. 152—159.
2. **Лукичева Л. И.** Менеджмент интеллектуального капитала: теория и практика: учебник для магистров / Л. И. Лукичева, Ю. А. Еленева, Е. В. Егорычева. М.: Омега-Л, 2014. 323 с.
3. **Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению 38.03.02 «Менеджмент» [Электронный ресурс]:** утв. приказом Министерства науки и высш. образования РФ от 12 августа 2020 г. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380302B_3_31082020.pdf (дата обращения 15.03.2022).
4. **Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — магистратура по направлению 38.04.02 «Менеджмент» [Электронный ресурс]:** утв. приказом Министерства науки и высш. образования РФ от 12 августа 2020 г. URL.: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Mag/380402_M_3_22082020.pdf (дата обращения 15.03.2022).
5. **Кудрявцева Е. И.** Компетенции и менеджмент: компетенции в менеджменте, компетенции менеджеров, менеджмент компетенций: монография. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2012. 340 с.
6. **Умнов С. В.** Применение модели компетенций для ряда кадровых позиций в крупной фармацевтической компании // Политика и управление в здравоохранении. 2011. С. 54—60.
7. **Залесский М. Л. [и др.]** Роль студенческого самоуправления в формировании профессиональных компетенций выпускника университета предпринимательского типа / М. Л. Залесский, Д. В. Макарова, А. М. Залеская // Образование: вызовы нового времени. 2015. С. 163—169.
8. **Сарментова О. В.** Роль студенческого самоуправления в формировании общекультурных и профессиональных компетенций студентов // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2015. С. 1—4.
9. **Студенческий совет МИЭТа [Электронный ресурс] // МИЭТ: [сайт].** URL.: <https://www.miet.ru/page/105283> (дата обращения 20.03.2022).

References

1. **Veselovskij M. Ja., Abrashkina E. M.** Problemy i potencial razvitija promyshlennyh predpriyatij naukoemkih otraslej // Mir (modernizacija, innovacii, razvitie). 2016. № 2(26). S. 152—159.
2. **Lukicheva L. I.** Menedzhment intellektual'nogo kapitala: teorija i praktika: uchebnik dlja magistrrov / L. I. Lukicheva, Ju. A. Eleneva, E. V. Egorycheva. M.: Omega-L, 2014. 323 s.
3. **Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovanija — bakalavriat po napravleniju 38.03.02 «Menedzhment» [Jelektronnyj resurs]:** utv. prikazom Ministerstva nauki i vyssh. obrazovanija RF ot 12 avgusta 2020 g. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380302B_3_31082020.pdf (data obrashhenija 15.03.2022).
4. **Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovanija — magistratura po napravleniju 38.04.02 «Menedzhment» [Jelektronnyj resurs]:** utv. prikazom Ministerstva nauki i vyssh. obrazovanija RF ot 12 avgusta 2020 g. URL.: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Mag/380402_M_3_22082020.pdf (data obrashhenija 15.03.2022).
5. **Kudrjavceva E. I.** Kompetencii i menedzhment: kompetencii v menedzhmente, kompetencii menedzherov, menedzhment kompetencij: monografija. SPb.: IPC SZIU RANHiGS, 2012. 340 s.
6. **Umnov S. V.** Primenenie modeli kompetencij dlja rjada kadrovych pozicij v krupnoj farmacevticheskoj kompanii // Politika i upravlenie v zdavoohraneanii. 2011. S. 54—60.
7. **Zalesskij M. L. [i dr.]** Rol' studencheskogo samoupravlenija v formirovanii professional'nyh kompetencij vypusknika universiteta predprinimatel'skogo tipa / M. L. Zalesskij, D. V. Makarova, A. M. Zalesskaja // Obrazovanie: vyzovy novogo vremeni. 2015. S. 163—169.
8. **Sarmentova O. V.** Rol' studencheskogo samoupravlenija v formirovanii obshhekul'turnyh i professional'nyh kompetencij studentov // Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. 2015. S. 1—4.
9. **Studencheskij sovet MIJeTa [Jelektronnyj resurs] // MIJeT: [sajt].** URL.: <https://www.miet.ru/page/105283> (data obrashhenija 20.03.2022).

Информация об авторах

Егорычева Е. В. — канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ»;

Тришкина А. Г. — студент, Национальный исследовательский университет «МИЭТ»;

Шишонкова О. С. — студент, Национальный исследовательский университет «МИЭТ».

Information about the authors

E. V. Egorycheva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, National Research University of Electronic Technology, (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, 1);

A. G. Trishkina — student, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, 1);

O. S. Shishonkova — student, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, 1).

Статья поступила в редакцию 28.03.2022.

The article was submitted 28.03.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 51—57.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 51—57.

УДК 658.8:377
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-51-57

Сертификационный вебинар как средство обучения продавцов в рамках коммерческого взаимодействия компаний-партнеров

Светлана Сергеевна Колосова

*Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина,
г. Нижний Новгород, Россия*

kolosovass@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается опыт взаимодействия бренда — производителя техники (А) с крупной федеральной розничной сетью в России (В), реализующей продукцию большого числа разных брендов, в том числе компании А и ее конкурентов, в области обучения продавцов. Приводятся исходные условия, в которых возникает необходимость в обучении продавцов-консультантов партнерской сети знанию техники и технологий определенного бренда. Описывается опыт решения этой задачи средствами дистанционной формы обучения — сертификационного вебинара. Разъясняются коммерческие условия сотрудничества в области обучения продавцов и выгоды для сторон партнерства, приводятся методические рекомендации к применению описываемой методики — сертификационного вебинара, описываются трудности, возникающие в процессе реализации этой методики.

Ключевые слова: обучение в бизнесе, дистанционное обучение, вебинар, обучение продавцов-консультантов, непрерывное обучение, e-learning.

Для цитирования: Колосова С. С. Сертификационный вебинар как средство обучения продавцов в рамках коммерческого взаимодействия компаний-партнеров // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 51—57. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-51-57>

Certification webinar as a means of training sellers in the framework of commercial cooperation of partner companies

Svetlana Sergeevna Kolosova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

kolosovass@yandex.ru

Abstract: The author examines the experience of interaction of the brand-manufacturer of equipment A with a large federal retail network B in Russia, which sells products of a large number of different brands, including company A and its competitors, in the field of training sellers. The

initial conditions under which there is a need to train sales consultants of the partner network to know the techniques and technologies of a certain brand are given and the experience of solving this problem by means of a distance learning form, a certification webinar, is described in detail. The commercial conditions of cooperation in the field of training sellers and benefits for the parties of the partnership are explained. Methodological recommendations for the application of the described methodology, a certification webinar, have been given, and difficulties arising in the process of implementing this methodology have been described.

Keywords: business training, distance learning, webinar, sales consultants training, continuous training, e-learning.

For citation: Kolosova S. S. Certification webinar as a means of training sellers in the framework of commercial cooperation of partner companies. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 51—57. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-51-57>

Введение. Обучение продавцов компаний типа В, реализующих производимый компаниями типа А продукт, является важной составляющей коммерческого успеха как компании-производителя, так и торговой сети. Поэтому менеджмент компании-производителя, понимающей высокую степень зависимости успеха продаж от компетентности продавцов компании В, осознает также необходимость повышения компетенций продавцов-консультантов партнерской сети. Соответственно, партнерское сотрудничество компании-производителя с крупными федеральными сетями-партнерами включает программы непрерывного обучения и повышения квалификации сотрудников партнерских торговых сетей. Вместе с тем при организации такого рода обучения у обеих компаний возникает ряд проблем: недостаточность времени, выделяемого торговыми сетями для повышения квалификации штатных продавцов, значительность и непрерывный рост номенклатуры и моделей реализуемых в сети В товаров, производимых компанией А, невысокая мотивация к обучению самих продавцов-консультантов, значительность временных затрат на обучение, — все эти причины в конечном итоге приводят к тому, что значительная часть затрат на обучение компании-производителя оказывается низкоэффективной.

Партнерское взаимодействие компании-производителя с торговой сетью подразумевает необходимость решения части проблем на стратегическом уровне: так, планы и программы обучения утверждаются на среднесрочную перспективу и являются частью политики партнерского взаимодействия компании-производителя с федеральной партнерской сетью. С другой стороны, часть проблем может быть решена на микроуровне за счет применения инновационных методов и технологий обучения, в том числе сертификационных вебинаров.

Вебинар как эффективный метод и технология обучения. Коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью процесса обучения: за относительно короткий период они стали незаменимой частью передачи знаний, а также обмена ими. Одной из новых информационных и коммуникационных технологий является вебинар, обладающий огромным потенциалом в сфере e-learning, который еще предстоит изучить.

Аудиовизуальные технологии уже давно используются в образовании, но с развитием коммуникационных сетей их роль стала более значительной. В традиционных форматах обучение, как правило, имеет односторонний характер; преподаватель (спикер) при подготовке к занятию, как правило, уделяет основное внимание содержанию лекции, а не взаимодействию или аудиовизуальному

дополнению этого содержания. Это создает огромный разрыв между качеством преподавания, с одной стороны, и содержанием и качеством знаний, с другой. Для повышения эффективности обучения и повышения квалификации в системе e-learning (при экономии ресурсов) компании и образовательные организации осуществляют переход от традиционного обучения к технологическому.

В России, как и в остальном мире, наблюдается растущая тенденция к цифровизации процесса обучения, которая нарастает в соответствии с ростом спроса на различные образовательные программы. Вебинар, новый цифровой инструмент обучения, является одновременно и продуктом, и проводником этого перехода. Среди многих систем компьютерной коммуникации вебинар является одной из последних разработок. Термин «вебинар» впервые был введен Эриком Р. Корбом в 1998 г. [6]. Онлайн-словарь Merriam-Webster 2010 г. определил вебинар как «живую образовательную онлайн-презентацию, в которой участвующие зрители могут задавать вопросы и комментарии» [16]. Таким образом, термин «вебинар» и сама технология обучения посредством вебинара являются относительно новыми в сфере образования: как следует из названия, основная идея вебинаров — это сочетание традиционной формы обучения — семинара — с инновационной технологией его проведения на онлайн-платформах. Однако значение вебинаров в более широком смысле в последнее время не ограничивается только онлайн-семинарами: в настоящее время они также включают встречи, конференции, демонстрации, тренинги или обучение и информационные сессионные мероприятия. Существует три формата проведения вебинара-сессии: а) докладчик и несколько участников общаются на одном сайте; б) общение ведущего и нескольких участников реализуется с разных сайтов; в) несколько участников с одного сайта коммуницируют с несколькими участниками с другого сайта.

В цифровой экологии передачи знаний вебинар сегодня является ключевым игроком и имеет огромные возможности, поскольку эта технология предоставляет возможность провести физический процесс обучения в очной форме, но на онлайн-портале с помощью системы видеоконференцсвязи. Эффективность этой технологии уже изучали многие авторы. Так, согласно Пану и соавторам, вебинары способствуют эффективному обучению при повышении мотивации слушателей и экономии временных затрат [9]; Ванг и др. полагают, что вебинары могут усилить социальное присутствие всех участников процесса обучения [11]. Дюпьюи и др. изучили влияние видеоконтента на качество обучения и обнаружили, что применение видеороликов оказывает положительное и значительное влияние на результаты экзаменов [3]. Хоув и др. также нашли подтверждение тому факту, что дополнение традиционных методов обучения применением в обучении видеороликов приводит к тому, что слушатели, имевшие неограниченный доступ к видеоконтенту, достигают более высоких результатов по предмету, нежели слушатели, не имевшие такого доступа [4]. Наги и др. также показали положительное влияние вебинара на эффективность обучения [7]. Нельсон отметила отсутствие существенной разницы в результатах обучения посредством синхронного вебинара по сравнению с традиционным обучением (в исследовании приняли участие 224 слушателя курсов медработников) [8]. Кохорст и Кокс показали, что система вебинаров очень эффективна [5]. Алнабелси и др. [1]; Пауэр и Сент-Джейк [10]; Чен и др. [2] в своих исследованиях акцентировали и исследовали различные преимущества вебинара как технологии обучения.

К числу важных преимуществ вебинара относятся следующие [1; 2; 5; 10]: *во-первых*, применение видеоконтента способствует более быстрому и эффективному усвоению знаний слушателями вебинаров по сравнению

с традиционными формами обучающих семинаров. Видео-, аудио- и текстовая коммуникация — неотъемлемая часть любого вебинара; к вебинару можно подготовить любой видеоконтент, кроме того, он позволяет демонстрировать мультимедиа в реальном времени.

Во-вторых, вебинар может проводиться на различных платформах: Zoom, Google Hangouts и Meet, TeamLink, Webex, Go To Meeting и т. д., — это некоторые из широко используемых программ, которые имеют как бесплатные, так и платные версии. Присоединившись к вебинару, участник окажется в виртуальном классе или комнате для совещаний. Технический потенциал любого портала для вебинаров предоставляет слушателям следующие возможности: приложение для коммуникации между слушателями, окно чата, опция вызова, запись сеансов, окно опроса. Спикер или преподаватель проводит семинар, в то время как другие участники могут поднимать проблемы или задавать вопросы с помощью функции поднятия руки и окна чата, как это предусмотрено в программном обеспечении. Вебинары можно записывать и ссылаться на них позже (эта функция полезна для архивирования и просмотра сеанса). Вебинары также позволяют участнику взаимодействовать с другими участниками семинара.

В-третьих, преимуществом вебинара является то, что в нем может участвовать большая и разнородная аудитория, не покидая своего рабочего места или дома. На этой платформе ни спикер, ни участник не должны физически присутствовать на месте проведения. Таким образом, вебинар экономит время и спикеров (консультантов), и слушателей, а также облегчает организацию массового обучения. Другим важным фактором является то, что компания — организатор вебинара может более эффективно использовать оплачиваемое рабочее время консультантов и спикеров, поскольку один спикер может работать с сотнями слушателей в различных регионах России.

Сертификационный вебинар как элемент коммерческой политики компании-производителя. Сертификационный вебинар — это онлайн-мероприятие, проводимое на вебинарной платформе с возможностью задать вопросы в чате и последующим проведением сертификационного тестирования для продавцов торговой сети компании-партнера. Сертификационные вебинары проводятся компанией-производителем с периодичностью один раз в квартал. Во время проведения вебинара консультантом демонстрируется презентация, на слайдах которой приводится обучающая техническая и маркетинговая информация о производимых компанией продуктах, содержащая в доступной и наглядной форме ответы на вопросы слушателей курса и потенциальных покупателей. Важной заключительной частью сертификационного вебинара является прохождение слушателями сертификационного тестирования, об этом ведущий вебинара напоминает участникам в начале семинара и в ходе презентации. Во время просмотра вебинара участникам рекомендуется делать записи и скриншоты слайдов. Продолжительность вебинара составляет приблизительно один астрономический час, в течение которого сорок пять минут ведущий излагает материал, демонстрируя слайды, а также отвечает на возникшие в чате вебинара вопросы, а пятнадцать минут отведено организаторами на прохождение сертификационного тестирования. Модели продуктов, изучению характеристик которых посвящен вебинар, выбираются исходя из того, какие изделия компании-производителя являются приоритетными для продажи. К недостаткам сертификационного вебинара как технологии обучения относятся: жесткая ограниченность по времени проведения вебинара, высокий уровень зависимости от качества связи и технического обеспечения, а также сложность удержания внимания аудитории по сравнению с очными методами обучения.

Методические рекомендации для проведения сертификационного вебинара. К важным факторам эффективности сертификационного вебинара можно отнести: своевременность планирования вебинара, выбор наиболее подходящей вебинарной платформы, результаты итогового тестирования. Выбор вебинарной платформы обуславливается следующими требованиями: возможность демонстрации слайдов презентации, возможность видеотрансляции, наличие чата для участников, возможность проведения тестирования и выгрузки результатов тестирования, возможность выгрузки списка участников. Анализ проведенного тестирования включает в себя определение процента успешного прохождения тестирования участниками и проверку соответствия результатов заявленным в коммерческой политике компании. По результатам проведения сертификационного тестирования на основании критериев, определенных компанией-производителем, компания-продавцу выплачивается бонус в виде процента от объема продаваемой продукции. Таким образом, учитываются интересы двух сторон: компании-производителя — в повышении компетентности продавцов в области знаний ее продуктов и компании — розничной сети, реализующей продукцию производителя и других брендов. Поэтому после анализа результатов тестирования сведения о нем предоставляются специалисту отдела маркетинга компании-производителя для принятия решения о выплате бонуса.

Вывод. Практика проведения сертификационных вебинаров и тестирований зарекомендовала себя как успешная практика для обучения продавцов крупной федеральной партнерской сети знанию продукции и технологий компании-производителя. Сертификационные вебинары проводятся регулярно, раз в квартал. Количество посещающих такие вебинары специалистов в несколько раз выше количества участников обычных вебинаров от вендоров, поскольку

оно контролируется федеральной розничной сетью. Как правило, по итогам вебинаров достигается запланированный компанией-производителем установленный процент успешно прошедших тестирование продавцов.

Библиографический список

1. *Alnabelsi T., Al-Hussaini A., Owens D.* Comparison of traditional face-to-face teaching with synchronous e-learning in otolaryngology emergencies teaching to medical undergraduates: a randomised controlled trial // *European Archives of Otorhinolaryngology*. 2015. Vol. 272. P. 759—763. <https://doi.org/10.1007/s00405-014-3326-6>
2. A model for synchronous learning using the Internet / *N. S. Cheng, H. C. Ko, Kinshuk, T. Lin* // *Innovations in Education and Teaching International*. 2005. Vol. 42 (2). P. 181—194. <https://doi.org/10.1080/14703290500062599>
3. *Dupuis J., Coutu J., Laneville O.* Application of linear mixed-effect models for the analysis of exam scores: Online video associated with higher scores for undergraduate students with lower grades // *Computer and Education*. (2013). Vol. 66. P. 64—73. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2013.02.011>
4. *Hove M., Corcoran K.* If you post it, will they come? Lecture availability in introductory psychology // *Teaching of Psychology*. 2008. Vol. 35 (2). P. 91—95. <https://doi.org/10.1080/00986280802004560>
5. *Kohorst K., Cox J. R.* Virtual office hours using a tablet PC: E-Illuminating Biochemistry in an online environment // *Biochemistry and Molecular Biology Education*. 2007. Vol. 35 (3). P. 193—197.
6. *Korb E. R.* WEBinar: U.S. Patent no. 75478683; filed: 0004.05.1998; publ.: 25.01.2000 // *US Patent and Trademark Search: [Web]*. URL: <https://uspto.report/TM/75478683> (accessed: 28.06.2022).
7. *Nagy J. T., Bernschütz M.* The impact of webinar-webcast system on learning performance // *Education and Information Technologies*. 2016. Vol. 21 (6). P. 1837—1845. <https://doi.org/10.1007/s10639-015-9422-4>
8. *Nelson L. S.* Learning outcomes of webinar versus classroom instruction among baccalaureate nursing students: A randomized controlled trial //

TWU Dissertations and Theses Repository: [Web]. 2010. URL: <http://hdl.handle.net/11274/287> (accessed: 28.06.2022).

9. **Pan C. C., Sullivan M.** Promoting synchronous interaction in an eLearning environment // *T. H. E. Journal*. 2005. Vol. 33 (2). P. 27—30.

10. **Power M., St-Jacques A.** The graduate virtual classroom webinar: A collaborative and constructivist online teaching strategy // *Journal of Online Learning and Teaching*. 2014. Vol. 10 (4). P. 681—696.

11. **Wang S. K., Hsu H. Y.** Use of the webinar tool (Elluminate) to support training: The effects of webinar-learning implementation from student-trainers' perspective // *Journal of Interactive Online Learning*. 2008. Vol. 7 (3). P. 175—194.

12. **Ермолаева Ж. Е.** Эффективный вебинар // *Народное образование*. 2014. № 6 (1439). С. 160—166.

13. **Иноземцева Е. А.** Вебинар — современная форма дистанционного обучения // *Вестник Московского государственного университета приборостроения и информатики. Серия: Социально-экономические науки*. 2012. № 39. С. 145—148.

14. **Красавин Е. В., Трешневская В. О.** Выбор программной платформы для вебинаров в корпоративной локальной сети // *Информационное общество*. 2022. № 1. С. 76—84. https://doi.org/10.52605/16059921_2022_01_76

15. **Кубракова А. А.** Анализ мирового рынка e-learning и обоснование актуальности внедрения инновационных форм обучения в систему высшего образования России // *Петербургский экономический журнал*. 2015. № 4. С. 75—80.

16. Webinar // *Merriam-Webster Online Dictionary*: [Web]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/webinar> (accessed: 28.06.2022).

References

1. Alnabelsi T., Al-Hussaini A., Owens D. Comparison of traditional face-to-face teaching with synchronous e-learning in otolaryngology emergencies teaching to medical undergraduates: a randomised controlled trial. *European Archives of Otorhinolaryngology*, 2015, vol. 272, pp. 759—763. <https://doi.org/10.1007/s00405-014-3326-6>

2. Cheng N. S., Ko H. C., Kinshuk, Lin T. A model for synchronous learning using the Internet. *Innovations in Education and Teaching International*, 2005, vol. 42 (2), pp. 181—194. <https://doi.org/10.1080/14703290500062599>

3. Dupuis J., Coutu J., Laneuville O. Application of linear mixed-effect models for the analysis of exam scores: Online video associated with higher scores for undergraduate students with lower grades. *Computer and Education*, 2013, vol. 66, pp. 64—73. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2013.02.011>

4. Hove M., Corcoran K. If you post it, will they come? Lecture availability in introductory psychology. *Teaching of Psychology*, 2008, vol. 35 (2), pp. 91—95. <https://doi.org/10.1080/00986280802004560>

5. Kohorst K., Cox J. R. Virtual office hours using a tablet PC: E-Illuminating Biochemistry in an online environment. *Biochemistry and Molecular Biology Education*, 2007, vol. 35 (3), pp. 193—197.

6. Korb E. R. WEBinar: U.S. Patent no. 75478683; filed: 0004.05.1998; publ.: 25.01.2000. *US Patent and Trademark Search*. Available at: <https://uspto.report/TM/75478683> (accessed: 28.06.2022).

7. Nagy J. T., Bernschütz M. The impact of webinar-webcast system on learning performance. *Education and Information Technologies*, 2016, vol. 21 (6), pp. 1837—1845. <https://doi.org/10.1007/s10639-015-9422-4>

8. Nelson L. S. Learning outcomes of webinar versus classroom instruction among baccalaureate nursing students: A randomized controlled trial. *TWU Dissertations and Theses Repository*. 2010. Available at: <http://hdl.handle.net/11274/287> (accessed: 28.06.2022).

9. Pan C. C., Sullivan M. Promoting synchronous interaction in an eLearning environment. *T. H. E. Journal*, 2005, vol. 33 (2), pp. 27—30.

10. Power M., St-Jacques A. The graduate virtual classroom webinar: A collaborative and constructivist online teaching strategy. *Journal of Online Learning and Teaching*, 2014, vol. 10 (4), pp. 681—696.

11. Wang S. K., Hsu H. Y. Use of the webinar tool (Elluminate) to support training: The effects of webinar-learning implementation from student-trainers' perspective. *Journal of Interactive Online Learning*, 2008, vol. 7 (3), pp. 175—194.

12. Ermolayeva Zh. E. Effective webinar. *Narodnoye obrazovaniye = School Technologies*, 2014, no. 6 (1439), pp. 160—166. (In Russian).

13. Inozemtseva E. Webinar — advanced method of distance education. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta priborostroyeniya i informatiki. Seriya Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 2012, no. 39, pp. 145—148. (In Russian).

14. Krasavin E. V., Treshnevskaya V. O. Selecting the software platform for webinars in the corporate local network. *Informatsionnoye obshchestvo = Information Society*, 2022, no. 1, pp. 76—84. (In Russian). https://doi.org/10.52605/16059921_2022_01_76

15. Kubrakova A. A. Analysis of the e-learning global market and justification of the relevance of the educational innovative forms introduction in the higher education system of Russia. *Peterburgskiy ekonomicheskij zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 75—80. (In Russian).

16. Webinar. *Merriam-Webster Online Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/webinar> (accessed: 28.06.2022).

Информация об авторе

Колосова С. С. — специалист, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Россия, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1)

Information about the author

Svetlana S. Kolosova — specialist, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Uljanov street, 1)

Статья поступила в редакцию 11.05.2022.

The article was submitted 11.05.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 58—65.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 58—65.

УДК 330.322
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-58-65

Ценность интеллектуальной собственности в инновационной деятельности стартапов

Юлия Павловна Кошелева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации (РАНХ и ГС), Москва, Россия*

information@ranepa.ru

Аннотация. В статье обсуждаются различные трактовки понятия «ценность», обосновывается необходимость его использования как базовой характеристики стартапа: уточнен ключевой понятийный аппарат стартапа, определены особенности и признаки стартапа. Выявляется специфика стимулирования инновационной деятельности в России: выделены ее структурные компоненты. Предлагаются варианты использования интеллектуальной собственности на макро- и микроэкономическом уровнях, адекватные насущным задачам создания интеллектуальной собственности в инновационной деятельности стартапов: приведена технология «Практика решения изобретательских задач» (ПРИЗ), применимая к стартапам.

Ключевые слова: ценность, интеллектуальная собственность, инновационная площадка, инновационная деятельность, стартап, бизнес-модель, стартапер.

Для цитирования: Кошелева Ю. П. Ценность интеллектуальной собственности в инновационной деятельности стартапов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 58—65. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-58-65>

The value of intellectual property at innovation activity of startups

Yuliya Pavlovna Kosheleva

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia*

information@ranepa.ru

Abstract: The article discusses different interpretations of the concept of value and substantiates the necessity of its use as a basic startup characteristic: the key conceptual apparatus of a startup is specified, the features and attributes of a startup are defined. The specifics of stimulation of innovation activity in Russia are revealed: its structural components are highlighted. The options of using intellectual property at macro- and microeconomic levels adequate to the urgent tasks of creating intellectual property in innovative activities of startups are proposed: the technology of «Inventive Problem Solving Practices» (PRIZe) applicable to startups is given.

Keywords: value, intellectual property, innovation platform, innovative activity, startup, business model, startuper.

For citation: Kosheleva Yu. P. The value of intellectual property at innovation activity of startups. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 58—65. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-58-65>

Понятие ценности в экономике многозначно. Оно происходит от английского слова value, которое в зависимости от контекста может переводиться как оценка, стоимость и ценность [5]. Применительно к стартапам, разные значения термина «ценность» используются на разных этапах жизненного цикла стартапа и связаны с решением специфических задач. Например, на начальном этапе, если стартап создает интеллектуальную собственность, ее необходимо оценить, при покупке стартапа нужно определить его стоимость, используя различные методы оценки, а его способность увеличивать свои активы, масштабироваться и генерировать прибыль будет определять его ценность [7; 2; 12]. Будем использовать понятие ценности, подразумевая именно экономическую ценность стартапа как его базовую характеристику, определяющую его место и значимость в системе экономических отношений и включающую его нематериальные признаки, обеспечивающие успешность его бизнес-модели. В этом значении, как только стартап находит своего потребителя, который голосует за него рублем, выходит на рынок, и его спред доходности имеет положительную величину, он начинает генерировать ценность.

Прежде чем стартап выйдет на экономическую эффективность, ему следует пройти ряд шагов, на каждом из которых большое значение имеет управление интеллектуальной собственностью, которая остается актуальной на всем протяжении его существования — до перехода в стадию хорошо отлаженного бизнеса.

Часто стартап отождествляют с началом любого бизнеса, но это не так [10]. С одной стороны, он представляет собой «временную структуру, которая занимается поисками масштабируемой, воспроизводимой, рентабельной бизнес-модели» [2, с. 28]. С другой стороны, стартап обязательно подразумевает создание инновации, в противном случае он будет конкурировать с уже существующим бизнесом и потеряет свою жизнеспособность в силу ограниченности ресурсов по сравнению с бизнесом. Так, в сфере цифровых технологий диджитал-стартапы определяются как «предпринимательские проекты в онлайн среде, как правило, ориентированные на инновацию и быстрый многократный рост» [10, с. 13]. Преимуществом стартапа является его гибкий и быстрый запуск, ориентация на рынок с большим количеством потенциальных потребителей для масштабирования

бизнес-модели и захвата существенной доли рынка. С учетом того, что собственных ресурсов у стартапа нет, приходится искать финансирование на развитие инновационного проекта. На каждом этапе развития стартапа требуется разный объем инвестиций, которые привязаны к раундам и имеют преимущественно венчурный характер финансирования [7]. Как правило, осуществляется оценка стоимости (реальной или потенциальной) бизнеса, а не ценности стартапа. Хотя именно ценность и определяет его жизнеспособность и востребованность на рынке.

Стартапер придумывает новые идеи и тестирует их, а значит, создает инновации. Инновацию составляют результат творческого процесса и процесс внедрения новшества — от идеи до готового продукта (продукт здесь понимается в широком значении, как результат интеллектуальной деятельности), реализуемого на рынке и имеющего экономическое содержание [11]. Процесс внедрения новшества включает все возможные виды деятельности (исследование, проектирование, разработка, организация производства и др.), которые создают цепочку ценности продукта. Стартап осуществляет инновационную деятельность: организует инновационные процессы (затрагивающие основные и вспомогательные), представляющие собой совокупность видов работ по созданию и распространению инноваций, — и управляет ими в практической деятельности.

Необходимость создания инноваций стартапом и осуществления инновационной деятельности обусловлена тем, что он действует в ситуации неопределенности. Неопределенность сама по себе не содержит готовых решений, а стимулирует поиск новых в изменяющихся условиях. Стартап является «вновь созданной организацией, которая занимается разработкой новых товаров и услуг в условиях чрезвычайной неопределенно-

сти» [8, с. 37]. И проблема здесь не в его временной структуре или отсутствии каких-то навыков и знаний у его основателей (хотя такое тоже встречается), а в том, что цель и ценности, которые он предлагает рынку, должны совпадать с тем, что востребовано в текущих условиях. Решение этой проблемы обеспечивает стартапу финансовый успех.

Продуктом стартапа являются именно инновации, причем инновации разных типов: новые бизнес-модели, новые версии существующих продуктов и технологий, прорывные инновации, — все те инновации, которых раньше не было и которые открывают ценность товаров или услуг на новых рынках для новых клиентов. В дополнение следует отметить, что стартап как вновь созданная организация не обязательно должен быть отнесен к малому бизнесу. Такое понимание стартапа применимо к любому проекту, который создает ценность для рынка. Напротив, крупный бизнес, который не сумел найти новые подходы и перестроиться под новые запросы, вынужден уйти с рынка.

Согласно Эрику Рису, успех стартапа, названного автором «бережливым», обеспечивается качеством управления, которое адаптировано к условиям неопределенности, а значит, имеет свои особенности [8]. К ним относятся:

— жизнеспособность: не только воспроизводить существующие бизнес-модели — предлагать товары и услуги, обслуживать клиентов, — но и учиться строить жизнеспособный бизнес;

— цикличность: основной цикл жизнедеятельности «создать — оценить — научиться»; главная задача — превращать идеи в продукты, оценивать реакцию потребителей, после чего решать, следует ли продолжить начатый проект или совершить разворот и снова повторить свой цикл до тех пор, пока не будет определена ценность проекта;

— управление инновациями: уметь учитывать инновации, а следовательно, расставлять приоритеты, готовить отчеты и осваивать систему показателей, отслеживать их, чтобы определять успешность бизнес-модели.

Учитывая ограниченность ресурсов, собственности стартапа и ситуации, в которой он действует, полагаем, что подход к нему должен быть особым. «Бережливый стартап — подход, основанный на применении бережливого производства в процессе создания инноваций» [8, с. 17]. Изучая подходы, предложенные исследователями, выделим следующие признаки, характерные для любого стартапа:

- а) стартап создает ценность;
- б) наличие ценности подтверждается коммерческим успехом стартапа;
- в) ценность не может создаваться вне инновационной деятельности;
- г) в процессе создания инновации образуется интеллектуальная собственность;
- д) интеллектуальной собственностью необходимо управлять, чтобы пользоваться правом на результаты своего труда.

Считаем, что интеллектуальная собственность является ключевым ресурсом стартапа и создает его ценность. Стартап должен научиться умножать, сохранять и использовать эту ценность в своих интересах [2]. Чтобы управление собственностью было успешным, необходимо определить основных участников рынка в той отрасли или нише, в которой работает стартап, и современные технологии, на которые стоит «опираться», или определить, от каких технологий нужно «отталкиваться», чтобы предложить свои. Необходимо также уметь защищать свои идеи и изобретения и превращать их в объекты интеллектуальной собственности, выбирая и планируя, что следует патентовать и когда, а что нет. Вместе с тем практика показывает, что имеются ошибки деятельно-

сти стартапов в отношении интеллектуальной собственности, перечислим наиболее распространенные из них: основатели не отказываются от взаимодействия с предыдущим работодателем; стартап не доказывает своего права на интеллектуальную собственность или утрачивает право на патентную защиту, если сущность изобретения становится известной, а заявка в патентное ведомство не подана в течение оговоренного срока, либо если стартап предоставляет свои права на интеллектуальную собственность в сомнительных случаях, которые могут снизить его ценность.

Наравне с этим понимание интеллектуальной собственности, ее классификация и оценка неоднозначны и инициируют подходы, в которых, в зависимости от позиции автора или его принадлежности к той или иной профессиональной группе, определение ценности интеллектуальной собственности становится непростой задачей. Отнесение интеллектуальной собственности к нематериальным активам, с одной стороны, указывает на то, что ценность интеллектуальной собственности подразумевается, с другой — пересекается с предметными областями знания и практической деятельности человека, в которых уместно использовать другие термины и способы оперирования ими. Так, А. К. Козырев различает понятия интеллектуального капитала, интеллектуальной собственности и нематериальных активов [3]. Понятие «интеллектуальный капитал» входит в более широкое по объему понятие — категорию «капитал». Понятие необходимо в организациях, но, на наш взгляд, характеризует реализацию интеллектуального капитала в зрелых компаниях. Понятие «нематериальные активы» связано, как правило, с оценкой нематериальных активов, но и здесь существует большое отличие в том, кто оценивает (бухгалтеры или

профессиональные оценщики) и по какой системе отчета (МСФО, РСБУ или US GAAP) и учета (бухгалтерский или налоговый) [1]. Понятие «интеллектуальная собственность» является прерогативой юристов, несмотря на то, что именно интеллектуальная собственность создает ценность компании — особенно на ранних этапах ее развития. Если не владеть юридическими знаниями, то проблематично правильно оформить права на интеллектуальную собственность, поставить на баланс предприятия и капитализировать объекты интеллектуальной собственности [6]. Другие трудности возникают при использовании отдельных объектов интеллектуальной собственности в составе нематериальных активов организации. Например, ноу-хау можно отнести как к капиталу, так и к нематериальным активам или интеллектуальной собственности. От этого соотнесения будет зависеть, в какое родовое понятие включен вид «ноу-хау» и какой правовой режим охраны применить [3].

Стартапер изначально должен обладать знаниями об интеллектуальной собственности и нацеливаться на ее капитализацию. Если этого не делать, то увеличивается количество основателей стартапа, растет число идей, которые не подтверждаются на практике, а значит, не имеют ценности. Умение пользоваться правами на интеллектуальную собственность позволяет не только ее определить, но и закрепить за собой имущественные и неимущественные права на нее, извлекая экономическую выгоду и пользуясь соответствующими привилегиями.

Следующий ракурс рассмотрения ценности интеллектуальной собственности в инновационной деятельности стартапов — макро- и микроэкономический эффекты от использования прав на интеллектуальную собственность. Преимущества интеллектуальной собственности на макро-

экономическом уровне затрагивают национальные интересы страны. Умение грамотно выстраивать политику охраны интеллектуальной собственности и грамотно применять ее приводит к экономическому росту [9]. Так, например, по данным опроса, проведенного компанией «Делойт» в докризисный период, доля нематериальных активов в структуре актива баланса западных компаний подтверждает значимость интеллектуальной собственности и обеспечивает им конкурентные преимущества, по сравнению с российскими компаниями [1]. На микроэкономическом уровне преимущества интеллектуальной собственности касаются в основном ее владельцев. Инвестиции в научные исследования и разработки даже в период экономического спада позволяют компаниям получать экономическое преимущество и достигать лидерства на рынке, если конкуренты этого не делают. Стартапы, создающие ценность и достигающие макро- и микроэкономических эффектов от использования прав на интеллектуальную собственность, ценятся в современном мировом сообществе, однако полагаем, что сегодня стартаперы не умеют определять ценность интеллектуальной собственности, закреплять права на нее, оценивать созданную интеллектуальную собственность и ею управлять.

В экономике России уделяется пристальное внимание обоим аспектам стимулирования инновационной деятельности в целях создания интеллектуальной собственности, в том числе и в стартапах. Так, в Послании Президента Федеральному собранию 1 марта 2018 года говорится: «Мы обязаны... выстроить благоприятную среду для стартапов, для быстрого внедрения новых разработок в производство». Чтобы это напутствие стало возможным, необходимо создавать культуру интеллектуальной собственности,

включающую такие ценности, как личная заинтересованность в получении преимуществ от использования интеллектуальной собственности, грамотная кадровая политика, участие в инновационной деятельности и в создании интеллектуальной собственности, а также использование подходящей для этой цели инфраструктуры [4].

В ситуации кризиса актуальность обсуждаемых вопросов резко возросла. Существующих мер поддержки инновационной деятельности, с приоритетом на импортозамещение, и отлаженных механизмов развития стартапов — явно недостаточно. Необходимы новые подходы, отражающие быстроту реагирования и возможность быстрого внедрения инновационных идей, которые бы затрагивали все сферы деятельности человека. К таким инфраструктурным элементам относятся "Точки кипения", сегодня они открыты по всей территории России. "Точка кипения" — это пространство, предназначенное: 1) для совместной работы — для выдвижения инициатив, выработки новых идей, создания стартапов и отбора команд с этой целью; 2) для взаимодействия представителей различных сфер деятельности (бизнеса, науки, образования), а также отдельных граждан и организаций (общественных, государственных, частных) — в целях обмена результатами своей деятельности и опытом, а также наставничества, проработки новых моделей регионального развития, по отдельным направлениям и во взаимодействии. На площадке "Точка кипения" реализуются следующие инициативы:

— деловые встречи лидеров инновационных проектов — в сфере бизнеса, включая социальное предпринимательство и другие сферы деятельности;

— обучение лидеров современным технологиям, взаимное обогащение и развитие;

— совершенствование идей и практик, которые тиражируются и меняют жизнь России к лучшему;

— формирование реального прообраза страны, где хочется жить и работать.

Такая инфраструктура способствует:

— выявлению лидеров, способных генерировать новые идеи и отстаивать их;

— привлечению специалистов и экспертов из разных областей;

— быстрому обучению инициативных людей; определению специализации, как отдельных регионов, так и отдельных "Точек кипения, на площадках которых создаются наиболее благоприятные условия для быстрого старта бизнес-модели.

В число "Точек кипения" вошла также инновационная площадка г. Зеленограда, специализацией которой является управление интеллектуальной собственностью проектов, в первую очередь стартапов. В противовес традиционной методологии ТРИЗ (Теория решения изобретательских задач), в "Точке кипения" Зеленограда предлагается технология ПРИЗ (Практика решения изобретательских задач), которая сразу выходит в плоскость практической деятельности и нацелена на создание ценности интеллектуальной собственности в инновационной деятельности стартапов. Такой подход поднимает престиж инновационной деятельности и позволяет решать ряд задач:

— создавать интеллектуальную собственность и охранять;

— осваивать теорию на конкретных примерах, с иллюстрацией отдачи от инновационной деятельности;

— создавать ценность интеллектуальной собственности для реальных и потенциальных потребителей;

— распространять полученный опыт в других регионах РФ.

Обобщая сказанное, сделаем выводы: инновации являются продуктом стартапа;

любой стартап вовлекается в инновационную деятельность, приобретая таким образом жизнеспособность; в процессе инновационной деятельности создается интеллектуальная собственность, которая должна обладать ценностью; существуют механизмы и технологии, которые позволяют ее обнаружить; благодаря защите интеллектуальной собственности, собственники стартапа способны извлечь из нее экономическую выгоду, принести практическую пользу потребителям инновации и масштабировать свой бизнес. Распространение культуры интеллектуальной собственности, создание ценности интеллектуальной собственности в инновационной деятельности стартапов в пределах страны способствует ее экономическому росту, росту потенциала конкурентоспособности.

Список источников

1. Анализ возможностей и ограничения капитализации нематериальных активов российских предприятий / О.А. Алаторцева [и др.] // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. №3(23). С. 6—13.
2. **Бланк С., Дорф Б.** Стартап: Настольная книга основателя. М.: Альпина Паблишер, 2021. 616 с.
3. **Козырев А. Н.** Оценка интеллектуальной собственности. Функциональный подход и математические методы. М.: Издательские решения, 2017. 183 с.
4. **Кошелева Ю. П.** Создание культуры управления интеллектуальной собственностью // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. №1(13). С. 21—29.
5. Международные стандарты оценки: пер. с англ. / Под ред. И.Л. Артеменкова, С.А. Табаковой. М.: Российское общество оценщиков, 2020. 193 с.
6. **Мухамедшин И. С.** Коммерциализация объектов в сфере интеллектуальной собственности. М.: Проспект, 2021. 104 с.
7. Оценка нематериальных активов и интеллектуальной собственности: учебное пособие для вузов / А. Н. Асаул [и др.]; под ред. А. Н. Асаула. М.: Юрайт, 2020. 181 с.
8. **Рус Э.** Бизнес с нуля: Метод Lean Start-up для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели. М.: Альпина Паблишер, 2021. 255 с.
9. **Соколов Д. Ю.** Патентная защита изобретений после вступления России во Всемирную торговую организацию. М.: ИНИЦ «ПАТЕНТ», 2014. 109 с.
10. **Спиридонов М. Ю., Макович В.** Стартап на миллиард: пошаговое руководство по созданию диджитал-бизнеса. М.: Эксмо, 2019. 256 с.
11. **Сурин А. В., Молчанов О. П.** Инновационный менеджмент. М.: ИНФРА-М, 2008. 368 с.
12. Управление инновациями и интеллектуальной собственностью фирмы: монография / С. В. Валдайцев [и др.]; под ред. О. В. Мотовилова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 352 с.

References

1. Analiz vozmozhnostei i ogranicheniya kapitalizatsii nematerial'nykh aktivov rossiiskikh predpriyatii / O.A. Alatorseva [i dr.] // Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2019. №3 (23). S. 6—13.
2. Blank S., Dorf B. Startap: Nastol'naya kniga osnovatelya. M.: Al'pina Pablisher, 2021. 616 s.
3. Kozyrev A. N. Otsenka intellektual'noi sobstvennosti. Funktsional'nyi podkhod i matematicheskie metody. M.: Izdatel'skie resheniya, 2017. 183 s.
4. Kosheleva Yu. P. Sozdanie kul'tury upravleniya intellektual'noi sobstvennost'yu // Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2017. №1(13). S. 21—29.
5. Mezhdunarodnye standarty otsenki: per. s angl. / Pod red. I.L. Artemenkova, S.A. Tabakovoi. M.: Rossiiskoe obshchestvo otsenshchikov, 2020. 193 s.
6. Mukhamedshin I. S. Kommertsializatsiya ob'ektov v sfere intellektual'noi sobstvennosti. M.: Prospekt, 2021. 104 s.
7. Otsenka nematerial'nykh aktivov i intellektual'noi sobstvennosti: uchebnoe posobie dlya vuzov / A. N. Asaul [i dr.]; pod red. A. N. Asaula. M.: Yu-rait, 2020. 181 s.

8. Ris E. *Biznes s nulya: Metod Lean Start-up dlya bystrogo testirovaniya idei i vybora biznes-modeli*. M.: Al'pina Publisher, 2021. 255 s.

9. Sokolov D. Yu. *Patentnaya zashchita izobretenii posle vstupleniya Rossii vo Vsemirnuyu trgovuyu organizatsiyu*. M.: INITs «PATENT», 2014. 109 s.

10. Spiridonov M. Yu., Makovich V. *Startup na milliard: poshagovoe rukovodstvo po sozdaniyu didzhital-biznesa*. M.: Eksmo, 2019. 256 s.

11. Surin A. V., Molchanov O. P. *Innovatsionnyi menedzhment*. M.: INFRA-M, 2008. 368 s.

12. *Upravlenie innovatsiyami i intellektual'noi sobstvennost'yu firmy: monografiya / S. V. Valdaitsev [i dr.]; pod red. O. V. Motovilova*. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2018. 352 s.

Информация об авторе

Кошелева Юлия Павловна — аспирант, академическая аспирантура Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1).

Information about the author

Yuliya P. Kosheleva — postgraduate student, Academic postgraduate course, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Prospect Vernadskogo, Building 1, Moscow, 119571, Russia).

Статья поступила в редакцию 17.01.2022.

The article was submitted 17.01.2022.

ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ PHILOSOPHY: UNIVERSE IN MAN AND MAN IN UNIVERSE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 66—73.

Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 66—73.

УДК 122/129

doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-66-73

Роль философии гуманизма в научном познании и процессе цифровизации

Анна Сергеевна Белобрагина¹, Глеб Викторович Гвайта²

^{1,2} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ belobragina@gmail.com

² haiawatha13@gmail.com

Аннотация. Рассматривается становление гуманистических ценностей от Античности до эпохи цифровизации и их взаимосвязи с научным познанием. Проанализировано понятие «цифровой гуманизм», определены основные вызовы современности, связанные с нарастающими темпами цифровой трансформации экономики, науки и социальной сферы. С позиции интересов человека и общества обоснована необходимость гуманитарной экспертизы современных технологий в условиях ориентации научно-технического прогресса на цели устойчивого развития.

Ключевые слова: гуманизм, гуманизация, цифровизация, цифровой гуманизм, цифровизованный гуманизм.

Для цитирования: Белобрагина А. С., Гвайта Г. В. Роль философии гуманизма в научном познании и процессе цифровизации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 66—73. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-66-73>

The role of the philosophy of humanism in scientific knowledge and the process of digitalization

Anna Sergeevna Belobragina¹, Gleb Viktorovich Gvaita²

^{1,2} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ belobragina@gmail.com

² haiawatha13@gmail.com

Abstract: In this work, the formation of humanistic values from Antiquity to the era of digitalization and their relationship with scientific knowledge are considered. The concept of “digital humanism” is analyzed; the main challenges of our time associated with the increasing pace of digital transformation of the economy, science and the social sphere are identified. From the standpoint of the interests of man and society, the necessity of humanitarian expertise of modern technologies has been substantiated in the context of the orientation of scientific and technological progress towards the goals of sustainable development.

Keywords: humanism, humanization, digitalization, digital humanism, digitalized humanism.

For citation: Belobragina A. S., Gvaita G. V. The role of the philosophy of humanism in scientific knowledge and the process of digitalization. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 66—73. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-66-73>

Вступление человечества в XXI в. сопровождается стремительными темпами научно-технологического развития и массовой цифровизацией всех сфер человеческой жизни. Цифровые технологии значительно расширяют коммуникационные возможности и внедряются в производственную и общественную практику значительно быстрее, чем любые другие инновационные разработки, и приводят к масштабным социально-экономическим изменениям. Сегодня социальные сети объединяют почти половину человечества, далеко не всегда способствуя гуманистическим тенденциям общения людей, а нередко сеют между ними вражду и рознь, формируя своеобразную «цифровую Берлинскую стену» вместо позитивно направленного и гуманистически окрашенного сотрудничества государств в цифровом пространстве. В этих условиях возрастает ответственность ученых за результаты научной деятельности и актуализируется необходимость их соответствующего философского осмысления. Тема гуманизма в науке, образовании, культуре исключительно важна именно сейчас, в период быстро нарастающей деглобализации, обостряющегося противостояния двух политических полюсов — Запада и Востока; и всё многообразие научных достижений должно соответствовать ценностям гуманистических идей.

Каким должен быть гуманизм XXI в.? Есть ли место для классических гуманистических идей в эпоху цифровизации? Что такое «цифровой гуманизм» и не подменяется ли им в настоящее время понятие техницизма? Все эти вопросы относятся как к сфере образования, в том числе инженерного, так и к научно-технической деятельности в целом: в идеальной картине мира постгуманистические идеи должны проникнуть не только в научное мировоззрение, оставаясь в системе координат философии науки и техники, но и в саму научную деятельность, научные проекты.

Для глубокого понимания особенностей и закономерностей процессов гуманизации науки в условиях нарастающей дегуманизации обратимся к историческому методу познания и проследим путь гуманистической идеи от античных времен до эпохи цифровизации, определив предпосылки возникновения концепции гуманизации науки и основные вызовы современности.

О гуманизме в узком смысле чаще всего говорят, когда речь идет об эпохе Возрождения, однако сами идеи гуманизма зарождаются за много столетий до периода Ренессанса. Гуманистические поиски начинаются уже тогда, когда человек предпринимает первые попытки осознать самого себя и свое место в этом мире. Как справедливо заметил К. Ясперс, «можно с полным основанием

утверждать, что гуманизм — дитя осевого времени мировой культуры, то есть древних культур Греции, Индии и Китая» (цит. по: [4, с. 10]). Немецкий философ определил период с VIII по II в. до н. э. как временной этап, в ходе которого на смену мифологическому мировоззрению пришло рациональное, философское.

Первой исторической формой гуманизма можно считать гуманизм выдающегося китайского мыслителя Конфуция, жившего в XI — X вв. до н. э. В своих трудах философ создал модель идеальной личности, так называемый конфуцианский идеал, который стал духовным стержнем для цивилизации Китая. Конфуций считал, что этически совершенный человек должен обладать мировоззрением, которое можно назвать «абстрактным гуманизмом»: в его основе лежит «абстрактный человек», которого уважают и воспринимают одинаково хорошо, независимо от того, родственник ли это или подданный [6]. Зачатки «абстрактного гуманизма» можно найти и в древнеиндийских учениях. Так, в буддизме особое внимание уделяется человеколюбию и «любви к дальнему», несмотря на то, что деление общества на касты и вера в «карму» делали невозможной свободу воли для большинства людей [8, с. 231—232].

Перенесемся на острова Эгейского моря и рассмотрим идеи греко-римского гуманизма, который впоследствии стал фундаментом для классического европейского гуманизма эпохи Возрождения. Бердяев так писал об этом: «Для Европы греческий гуманизм остался вечным образом высокой человеческой культуры. Ренессанс вернулся к этому источнику, и ренессансный гуманизм, преисполненный жаждой творчества, обратился к античности и в ней искал опоры» [2, с. 27].

В античной философии о ценностях человеческой жизни, о свободе и счастье человека размышляли Сократ, Платон, Демокрит, Аристотель, Эпикур и многие другие.

Мысли философов Античности во многом сводились к тому, что следование нравственным нормам ведет человека к высшему знанию, совершенствованию человеческой природы, развитию гармонии во взаимоотношениях человека и природы, расширению научного знания в понимании гуманизма. В эпоху Средневековья, период господства церковной догмы, утверждались гуманистические ценности смирения, безропотности и беззаветной веры в Бога. Наивысшим гуманистическим идеалом того времени можно считать человеческую душу. Человек рассматривался как творение Божье и не мыслился отдельно от него. Гуманизм Средневековья определяется христианскими заповедями, которые наставляли человека и объясняли, как нужно жить, чтобы спасти свою душу. При этом средневековая философия осуждала человека за стремление постигнуть мироустройство и крайне негативно относилась к экспериментальным методам познания.

Серьезные ограничения в жизни, развитии, познавательной деятельности и творчестве для простых людей Средневековья и вызванные этим социальные процессы послужили мощным толчком для культурного переворота и достаточно быстрого перехода от теоцентризма к антропоцентризму. Н. А. Бердяев писал об этом так: «Сущность Ренессанса в том, что в нем обнаружился свободный избыток творчества человека» [1, с. 1]. Гуманизм эпохи Возрождения стал движением, которое серьезно повлияло на культуру, политику и литературу Европы. Философская мысль вновь возвратилась к идеям Античности, а гуманистическая идея воплотилась в необходимости раскрытия творческих способностей человека. Наука, в свою очередь, стала ориентироваться на практическую деятельность и эксперимент.

Эпоха Просвещения дала логичное продолжение гуманистическим идеям Ренессанса, но интерес к античной науке сменился на веру в прогресс (достижения человеческого

разума) и помог обогатить человечество множеством открытий и изобретений. Наука развивалась в рамках рационализма и эмпиризма и являлась высшей культурной ценностью. В этот период научное познание и гуманизм становятся неразрывно связаны и определяются друг через друга. Исследователь Е. О. Столярова резюмирует: «Ценность научного познания состоит в том, что наука воплощает действующий и преобразующий действительность разум. Ценность гуманизма заключается в реализации естественной способности субъекта свободно мыслить и правильно действовать» [9, с. 60]. Проводником этих идей и концепций стала знаменитая Французская энциклопедия (1751—1780).

Интерес к гуманистическим аспектам науки усилился в тот момент, когда результаты научно-технической деятельности стали приносить не только пользу, но и ощутимый вред. Сама идея гуманизации науки сформировалась в первой половине XX в. в ответ на сциентистскую концепцию «положительного знания», считающую науку абсолютным благом для человечества и исключаящую социально-мировоззренческую проблематику из спектра важных эпистемологических задач.

Виднейший представитель русской религиозной философии Н. А. Бердяев в своей работе 1934 г. «Я и мир объектов» писал: «Познание есть гуманизация в глубоком, онтологическом смысле слова». Он считал, что в научном познании в целом очень низкий уровень гуманизации, особенно ярко это проявляется в точных науках: «Но физики не замечают, что самые успехи дегуманизированной физики ставят вопрос о силе человеческого познания. Самая эта сила человеческого познания, обнаруживаемая в головокружительных успехах физики, есть сила человека перед тайнами природы, есть гуманизация» [3, с. 17—18].

Немецкий философ К. Ясперс осознавал, что в процессе развития науки и техники особую значимость имеет усвоение и исполь-

зование накопленного ранее гуманистического знания в трудах выдающихся философов и педагогов. Именно это наследие философской и педагогической мысли, по мнению Ясперса, может помочь преодолеть узкотехницистские и сциентистские представления в научной среде. Он считал, что «техника — только средство, сама по себе она не хороша и не дурна. Всё зависит от того, что из нее сделает человек, чему она служит, в какие условия он ее ставит» [12, с. 140].

На рубеже XX — XXI вв. идея гуманистической направленности науки стала достоянием широкого культурного самосознания. Разрушение людьми устоев своей жизни поставило перед философией и наукой целый ряд фундаментальных вопросов. Многие из них были зафиксированы в «Манифесте 2000», который представил всемирно признанный теоретик и практик гуманизма американский философ П. Куртц. Его можно назвать интегратором гуманистических идей современности. Авторы «Манифеста» акцентируют внимание на важности использования научных технологий на благо человечества.

Десять лет спустя, в 2010 г., Куртц представил общественности новый манифест «Неогуманизм: Декларация светских принципов и ценностей — личных, социальных и планетарных». В нем обосновывается необходимость введения нового термина, неогуманизма, и вновь говорится о том, что науку и технику можно и нужно направить во благо. Куртц призывал пересмотреть человеческие ценности и, сделав выводы, изменить собственное поведение. Такой подход, по мнению философа, сможет обеспечить прогресс человечества.

Проследив путь становления гуманистических идей от Античности до современности, обратимся к «цифровому гуманизму» — преобразованию ценностей гуманизма под влиянием цифровизации и информационных технологий. Впервые в научной

литературе его использует американский историк, заведующий кафедрой цифрового гуманизма в Университете Париж — Сорбонна М. Дуэйи. Он берет за основу классификацию гуманизма, предложенную французским антропологом Кл. Леви-Стросом, выделившим три вида гуманизма:

- гуманизм эпохи Возрождения, основанный на текстах классической Античности;
- экзотический гуманизм, связанный с познанием культур Ближнего и Дальнего Востока;
- демократический гуманизм — гуманизм антропологии, который рассматривает весь комплекс деятельности сообществ людей.

Цифровой гуманизм, по мнению М. Дуэйи, — это четвертый тип гуманизма, «результат беспрецедентного столкновения между нашим всеобъемлющим культурным наследием и техникой, которая сегодня является уникальной площадкой для социального общения» [5, с. 33] и способом осмысления новой реальности. Новый тип гуманизма напрямую связан с развитием технологий и их влиянием на все сферы деятельности человека, повсеместной «виртуализации» общественной жизни. Безусловно, происходящие трансформации несут в себе как положительное, так и крайне отрицательное влияние, отчасти ставя под сомнение традиционные постулаты и ценности. К примеру, под влиянием информационных технологий в сфере образования наблюдается «девальвация идеала эрудированной, интеллектуально развитой личности» [11, с. 90], а также ставится под вопрос ценность классического образования. И. В. Цветкова в статье «Симулякры цифрового гуманизма в современном образовании» отмечает, что под влиянием цифровизации человек не только расширяет пространство своей свободы, но и «становится объектом манипулирования со стороны информационных систем» [11, с. 96].

Наглядным примером манипуляции являются алгоритмы и системы искусственного интеллекта, используемые в социальных медиа [7]. Так, современные системы рекомендаций способны, по мнению Э. Маранца, формировать «односторонние, аффективно настроенные коммуникационные пузыри, внутри которых пользователи постоянно находят подтверждение своему узкому ограниченному взгляду на жизнь» [13]. Неоправданные надежды цифровизации открыто признает Т. Бёрнерс-Ли, один из создателей Всемирной сети (WorldWideWeb). При этом главной проблемой он считает отнюдь не сам искусственный интеллект или дезинформацию и пропаганду, а действия регуляторов, искусно манипулирующих подобным цифровым оружием.

Российский философ профессор Г. Л. Тульчинский вводит термин «цифровизованный гуманизм». Он рассматривает цифровизацию как антропологический вызов, указывая на то, что она вместе с роботизацией «практически всех сфер социальной практики выводит на первый план идею гомодицеи — оправдания необходимости существования человека» [10, с. 28]. Отдельное внимание автор уделяет вопросу гуманитарной экспертизы современных технологий. Он считает, что массовая цифровизация требует особого контроля в сфере образования, управления, коммуникаций: необходима оценка не только последствий и условий внедрения той или иной технологии, но и самой необходимости ее разработки или применения.

В то же время внедрение информационных технологий в учебный процесс ставит под угрозу само существование современной гуманистической общественной и образовательной парадигмы, предлагая ей на замену технологизм. Опасность этого явления заключается в изменении цели обучения: вместо непосредственного усвоения знаний учащийся будет стремиться к соблюдению формальных условий оценки этих знаний. С точки зрения концепции технологизма,

предполагающей стандартизированные критерии анализа усвоенной информации, каждый обучающийся будет обязан соответствовать единым нормам, игнорирующим личностные качества, интеллектуальные и физические возможности. Система будет однозначно выделять худших и лучших, исходя не из их знаний или умений, а из их возможности адаптироваться к нормированным требованиям. Длительное существование в такой парадигме способно оказать влияние на исследовательские, экспериментальные, творческие способности человека — зачастую результаты подобной деятельности невозможно оценить объективно, а внедрение коэффициентов и параметров, сравниваемых с неким идеалом, может существенно изменить сам подход к проведению таких работ.

Таким образом, сегодня крайне обострились философские, мировоззренческие, аксиологические, гуманистические и этические проблемы технико-технологического преобразования человеком мира, проблемы цифровизации, развития техники, технологии, технических наук и инженерной деятельности. От их научного познания, философского осмысления и практической реализации напрямую зависят настоящее и будущее мирового сообщества.

Во все времена главной характеристикой гуманизма оставалась ценность человека. Анализируя современное гуманистическое движение, важно помнить о том пути трансформации, который был проделан идеей гуманизма от Античности до наших дней. (Не случайно уже в эпоху Просвещения научное познание и гуманизм становятся неразрывно связаны и определяются друг через друга.)

В условиях информационного общества и цифровой трансформации всех сфер человеческой деятельности всё более острой становится проблема гуманитаризации инженерного и в целом технического образования, а также роль социально-гуманитарного познания в междисциплинарной оценке научно-технического развития. Становится

очевидной необходимость интегрального подхода, призванного объединить социально-гуманитарную экспертизу инновационных технологических проектов, научно-техническую парадигму и прикладную этику в информационном обществе. Такое понимание задает направленность поиску новых идей гуманитаризации отечественного высшего образования, профессиональной научно-технической деятельности и самой «гуманитарности» как особого парадигмального качества познания и мышления специалиста технического профиля.

Ориентируя результаты научно-технического прогресса на цели устойчивого развития и этические императивы, человечество способно превратить технологии из морально нейтральных в ценностно взвешенные и, следовательно, обеспечить будущие поколения ученых и исследователей моральными императивами для гуманизации науки и техники.

Библиографический список

1. **Бердяев Н.** Конец Ренессанса и кризис гуманизма. 21 с. // ЛитРес: [Электронный ресурс]. 2009. URL: <https://www.litres.ru/nikolay-berdyaev/konec-renessansa-i-krizis-gumanizma/> (дата обращения: 14.04.2022).
2. **Бердяев Н. А.** На пороге новой эпохи: сб. статей (1945—1947 гг.). М.: Директ-Медиа, 2008. 159 с.
3. **Бердяев Н. А.** Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения. М.: Директ Медиа, 2019. 187 с.
4. **Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А.** Основы современного гуманизма / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филос. ф-т [и др.]. М.: Рос. гуманист. о-во, 2002. 389 с.
5. **Дуэйи М.** В век новых технологий, цифровой гуманизм // Курьер ЮНЕСКО: Журнал Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры: [Электронный ресурс]. 2011. № 4. С. 32—33. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000213090_rus (дата обращения: 14.04.2022).

6. **Конфуций**. Суждения и беседы / пер. и коммент. Л. С. Переломова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 360 с.: ил. (PRO власть).

7. **Нагель Л.** Цифровые технологии: размышления о различии между инструментальной рациональностью и практическим разумом // Кантовский сборник. 2022. Т. 41. № 1. С. 60—88. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-1-3>

8. **Сергеев В. К.** Истоки гуманистических исканий философской мысли Древнего Востока // Вестник науки Сибири. 2012. № 1 (2). С. 231—236.

9. **Столярова О. Е.** Наука и идеалы гуманизма // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 248—253. <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/23>

10. **Тулчинский Г. Л.** Цифровизованный гуманизм // Философские науки. 2018. № 11. С. 28—43. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-11-28-43>

11. **Цветкова И. В.** Симулякры цифрового гуманизма в современном образовании // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2021. № 2 (40). С. 88—97.

12. **Ясперс К.** Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

13. **Marantz A.** *Antisocial: online extremists, techno-utopian, and the hijacking of the American conversation*. New York: Viking Penguin, 2019. 400 p.

References

1. Berdyaev N. The end of the Renaissance and the crisis of humanism. 21 p. (In Russian). *LitRes*. 2009. Available at: <https://www.litres.ru/nikolay-berdyaev/konec-renessansa-i-krizis-gumanizma/> (accessed: 14.04.2022).

2. Berdyaev N. *Towards a new epoch*. London, Geoffrey Bles, 1949. 117 p.

3. **Berdyaev N. A.** *The Self and the world of objects: experience of philosophy of solitude and communication*. Moscow, Direkt Media Publ., 2019. 187 p. (In Russian).

4. Borzenko I. M., Kuvakin V. A., Kudishina A. A. *The foundations of modern humanism*. Moscow, Ros. humanist. o-vo Publ., 2002. 389 p. (In Russian).

5. Doueih M. Digital humanism. *The UNESCO Courier*, 2011, no. 4, pp. 32—33. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000213090> (accessed: 14.04.2022).

6. Confucius, Perelomov L. S. (transl., comment.). *Conclusions and conversations*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2017. 360 p., PRO vlast' Series. (In Russian).

7. Nagl L. Digital technology: Reflections on the difference between instrumental rationality and practical reason. *Kantian Journal*, 2022, vol. 41 (1), pp. 60—88. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-1-3>

8. Sergeev V. K. Origins of humanistic quest of ancient Oriental philosophical thought. *Vestnik nauki Sibiri = Siberian Journal of Science*, 2012, no. 1 (2), pp. 231—236. (In Russian).

9. Stoliarova O. E. Science and the ideals of humanism. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2021, no. 60, pp. 248—253. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/23>

10. Tulchinski G. Digitized humanism. *Filosofskiye nauki = Philosophical Sciences*, 2018, no. 11, pp. 28—43. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-11-28-43>

11. Tsvetkova I. V. Simulacrum of digital humanism in modern education. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2 (40), pp. 88—97. (In Russian).

12. Jaspers K. *The origin and goal of history*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 527 p. (In Russian).

13. Marantz A. *Antisocial: online extremists, techno-utopian, and the hijacking of the American conversation*. New York, Viking Penguin, 2019. 400 p.

Информация об авторах

Белобрагина А. С. — аспирантка Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Гвайта Г. В. — студент Института систем-ной и программной инженерии и инфор-мационных технологий, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

A. S. Belobragina — postgraduate student of the Institute of High-Tech Law, Social and Human Sciences, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

G. V. Gvaita — student of the Institute of Sys-tem and Software Engineering and Infor-mation Technology, National Research Uni-versity of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 22.04.2022.

The article was submitted 22.04.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 74–86.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 74–86.

УДК 177
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-74-86

Философский дискурс о проблеме гармонизации отношений человека с обществом и природой в конфуцианстве

Маргарита Игоревна Варакина¹, Елизавета Сергеевна Трофимова²,
Ярослава Александровна Левченко³

¹Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, Самара, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

¹margo3535@yandex.ru

²trofimova.elizavetta@yandex.ru

³yaalevchenko@edu.hse.ru

Аннотация. С позиций гармонизации природного и социального ритмов жизнедеятельности человека проведен анализ конфуцианства как официальной государственной идеологии. Показано, что конфуцианские идеи «гуманности», «долга», «стремления к знанию», «почитание коллективного сознания», примат общественных политических интересов над личными и др. являются достаточно устойчивыми, сохраняют свою значимость в современных условиях, адаптируясь к экологическим потребностям стабильного развития не только китайского, но и любого другого общества. Подчеркивается неразрывная связь человека в контексте с природой; такое ощущение мира индивиду в равной степени дают философские традиции конфуцианства и даосизма. В реальной жизни и конфуцианство, и даосизм сосуществовали и даже синкретизировали, способствуя выработке целостной системы экологического мировоззрения. Философские традиции закрепляли эту систему, и почитание природы передавалось из поколения в поколение.

Ключевые слова: конфуцианство, человек и общество, человек и природа, даосизм, философия Китая.

Для цитирования: Варакина М. И., Трофимова Е. С., Левченко Я. С. Философский дискурс о проблеме гармонизации отношений человека с обществом и природой в конфуцианстве // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 74–86. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-74-86>

Philosophical discourse about the problem of harmonizing relations of man with society and nature in Confucianism

Margarita Igorevna Varakina¹, Elizaveta Sergeevna Trofimova²,
Yaroslava Alexandrovna Levchenko³

¹*Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russia*

²*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia*

National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg, Russia

¹*margo.3535@yandex.ru*

²*trofimova.elizavetta@yandex.ru*

³*yaalevchenko@edu.hse.ru*

Abstract: From the standpoint of harmonization of the natural and social rhythms of human life, an analysis of Confucianism as the official state ideology was carried out. It is shown that the Confucian ideas of “humanity”, “duty”, “striving for knowledge”, “reverence for collective consciousness”, the primacy of public political interests over personal ones, etc. are quite stable, retain their significance in modern conditions, adapting to the environmental needs of a stable development of not only Chinese, but also any other society. The inextricable connection of man in the context with nature is emphasized; the philosophical traditions of Confucianism and Taoism equally give such a sense of peace to the individual. In real life, both Confucianism and Taoism coexisted and even syncretized, contributing to the development of an integral system of ecological worldview. Philosophical traditions reinforced this system, and the veneration of nature was passed down from generation to generation.

Keywords: Confucianism, man and society, man and nature, Taoism, Chinese philosophy.

For citation: Varakina M. I., Trofimova E. S., Levchenko Ya. A. Philosophical discourse about the problem of harmonizing relations of man with society and nature in Confucianism. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 74–86. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-74-86>

Конфуцианство – одно из самых древних учений в мире. Его история насчитывает две с половиной тысячи лет. За это время конфуцианство создало огромное философское наследие, которое определило фундаментальную основу мировоззрения китайцев и оставило наиболее заметный след в истории страны. Начиная с глубокой древности, с эпохи Хань, правящие классы Китая почитали Конфуция как святого, а его учение считалось официальной государственной идеологией. «В течение двух с лишним тысяч лет конфуцианство формировало умы и чувства китайцев, влияло на их убеждения, психологию, поведение, мышление, речь, восприятие, на их быт и уклад жизни. Конфуцианство заметно окрасило в свой тона всю национальную культуру Китая, национальный характер его населения. Оно сумело стать, во всяком случае, для старого Китая, незаменимым» [5, с. 23].

Вне зависимости от научных подходов к изучению конфуцианства и его оценки, на протяжении многих веков это учение отражало генезис политической культуры китайского общества, ее экологическую основу. Поэтому оно может быть охарактеризовано в целом с точки зрения функциональной значимости как социально-политический регулятор разнообразных, в том числе и экологических, процессов духовной и материальной жизни Китая [2, с. 170]. Хорошо известно, что деятельность Конфуция относится к периоду крупных изменений в китайском обществе, которые привели к возникновению в социально-политической жизни определенных тенденций, связанных с необходимостью свободного выражения идей, создания обстановки «соперничества всех школ», представлявших множество мыслителей [11, с. 249–362].

Для обозначения понятия культуры ко времени Конфуция сложился термин «вэнь», который связывался им с письменной

традицией народа, его духовной культурой. Указывая на выдающуюся роль Конфуция в разработке понятия «вэнь», Н. И. Конрад отмечал: «Вэнь — духовная культура, это несомненно; но именно та, которая запечатлена в слове. Именно в слове, но не в письме... Вэнь — не письмо, не письменность, а то, что написано знаками письма» [7, с. 417]. Конфуций понимал «вэнь» не только как носителя учености и ритуала. Через «вэнь» он «передавал» древность — традицию, подлежащую сохранению и поддержанию. Этим определяется социально-политическая значимость творчества Конфуция и его последователей. Представления о Древности как идеале социальной гуманности и справедливости они связали с деятельностью по составлению и комментированию древнейших памятников духовной культуры Китая. Книги, вошедшие в конфуцианский канон: «Ши цзин», «Шу цзин», «Чжоу и» («И цзин»), «И ли», «Чжоу ли» — также относятся к «вэнь». Позднее к ним добавлены и другие сочинения, а «вэнь» стала обозначать всю сумму социально-политических представлений, связанных и с экологическим знанием. В «Лунь Юе» проводится четкая мысль о том, что «вэнь» — это то, что человек приобретает в процессе обучения, и каждый должен стремиться овладеть духовной культурой предков. Само понятие «вэнь» как экологической культуры, процесс приобщения к ней представляют собой сложный комплекс социально-политических идей, принципов и методов, реализуемых в человеческой жизни через «дао».

Основу конфуцианства составили вопросы разработки философских проблем: этики, морали, управления обществом и государством. Фокусом своего учения Конфуций сделал анализ взаимодействия «внутренних» импульсов человеческой природы (понятие «жэнь») и «внешних» социализирующих факторов (этико-ритуальная «благопристойность» «ли»). Нормативный тип человека, по Конфуцию, — «цзюнь цзы» («благородный муж»), познавший небесное «предопределение» («мин») и сочетающий в себе идеальные духовно-моральные качества с правом на высокий

социально-политический статус. Конфуцианство сосредоточено на поиске путей создания идеального общественного и государственного устройства, которое возможно через максимальную регуляцию и формализацию именно социально-политических отношений, устанавливающих прямую связь с природой. Особо значимая для конфуцианской мысли идея о личной ответственности за экологическое развитие общества поставила проблему функционального разграничения высших природных сил и человека.

Конфуций развил представления предшествующей эпохи о «небе» и «небесном велении» как сознательно действующей высшей силе. Понятия «небо» и «небесное веление» («судьба») выступают у него в неразрывной связи. Именно они определяют экологические действия и поступки людей, их социально-экологическое положение. Моральные и этико-политические нормы человека также идут от «неба». Сохранение и гибель определенных общественных установлений зависят от «неба». Человек должен беспрекословно следовать «небесному велению», ибо «небо» всеильно и всемогуще. Нельзя высказывать недовольства предостережениями «неба», поэтому Конфуций и заявлял: «не гневлюсь на Небо» [1, с. 95–103].

Для придания официального социально-политического статуса культурным понятиям и принципам, регламентирующим экологическую деятельность, философами-конфуцианцами выдвигались положения о том, что культурно-политические ценности «вышли» из природы. Так, «ханьский Конфуций» Дун Чжуншу воспринял и переработал учения Конфуция и Мэн-цзы о «воле Неба», используя при этом мистифицированное в период Чжаньго оригинальное учение о взаимном воздействии Неба и человека. Всё, что происходит в мире, находит отклик в человеке. Всё, что происходит от человека, эхом отдается в космических пространствах. Такова в китайской политической культуре традиционная парадигма социально-экологического существования. Онтолого-космологическая интерпретация общественно-государственного устройства Дун Чжуншу способствовала усилению экологического воздействия

методов социально-политического управления. Конфуцианство выработало социально-экологическую концепцию государства и общества как непосредственного продолжения упорядоченного космоса, как сферы господства основных экологических законов природы. Монарху принадлежала роль распространителя благих взаимосоответствующих влияний космических и человеческих сил. «Гуманность Высшего Неба опекает народ, четыре времени года следуют в гармоничном порядке. Народ с наслаждением предается делу. Наш государь распространяет благое управление и достигает гармонии» [8, с. 113].

Вопрос о природе – один из важнейших в истории китайской философии, трансформирующийся в экологических представлениях политической культуры. Эта важнейшая проблема находит отражение в учении Чжу Си (1130–1200), который придал неоконфуцианству универсальную и систематизированную форму. Анализируя учения о взаимоотношениях природы и человека, возникшие в различные эпохи, он развил содержащиеся в них социально-экологические положения и создал оригинальное собственное учение о природе человека, в котором соединил «природу по воле Неба» и «природу от первоначальных частиц». Чжу Си считал, что человек представляет собой соединение «высшего принципа Неба» и частиц. Поскольку в нем присутствует «высший принцип», то каждому человеку присущи культурные проявления – человеколюбие, справедливость, правила поведения, разум, почтительность к старшим, преданность и доверие. Поскольку в человеке есть частицы, он может разговаривать, действовать, думать, творить. Идя дальше, Чжу Си противопоставляет «высший принцип Неба» желаниям человека, выдвигая теорию «сохранять высший принцип, уничтожать человеческие желания». Упорядочивающее воздействие высших принципов природных сил на общество в дальнейшем выразилось в социально-экологических по своему существу формулах: «совпадающее единство Неба и человека» («Тянь жэнь хэ и»), «взаимный отклик Неба и человека» («Тянь жэнь гань ин»), «разграничение Неба и человека» («Тянь жэнь чжи фэнь»).

Для формирования экологического сознания человека и приобщения его к «вэнь» Конфуций в свое время выдвинул концепцию «дао» («путь») в предельно широком значении – «этический путь человека и государства». Первоначальное «Дао» – комплекс культурных идей, принципов, методов, не выходящих за рамки морального учения Конфуция, но в то же время формирующее мировоззрение древних об их гармоничных взаимоотношениях с миром природы. Вначале Конфуций конкретизирует «дао» в различных его культурно-этических понятиях: «сыновняя почтительность» и «братская любовь» («сяо ди»), «верность и великодушие» («чжун шу»), «гуманность» («жэнь»), «знание» («чжи»), «мужество» («юн») и т. д. В «Лунь Юе» он определяет «дао» уже как благоприятный ход общественных процессов, а затем как события и явления в человеческой жизни, зависящие не только от «предопределения», но и от самой отдельной личности. Его носителем является и индивид, и государство (Поднебесная). В силу различия носителей различны и их «дао»: большое и малое, прямое и кривое, присущее «благородному мужу» («цзюнь цзы») или «ничтожному человеку» («сяо жэнь») и т. д. Соответственно подобной классификации «дао» различается и «дэ» («добродетель», «благодать»). В самом общем смысле эта категория обозначает основное этико-политическое качество, обуславливающее наилучший способ и экологического существования каждого отдельного существа или вещи, т. е. индивидуальной «благодати», что позволяет нам интерпретировать «дэ» как культурно-экологическое «достижение» древности.

Таким образом, моральные качества человека объявляются Конфуцием исходящими от «неба» через «путь» («дао»). Конечная же цель нравственного самоусовершенствования заключается в овладении этико-политическими принципами «жэнь», «ли», «и» и т. д. Их осуществление и формирует экологическую личность «цзюнь цзы» («благородного мужа») – репрезентативного типа личности всей конфуцианской культуры.

Этика Конфуция подчинена и принципам «срединности» («чжун юн»), и «золотому правилу морали» («шу»). Они отражают основные идеи Конфуция, привнесенные затем в содержание политической культуры: источник гармонии («срединности») в Поднебесной есть человеческая личность; выявление в себе «неизменной» «небесной природы» позволяет совершенствовать экологические методы этико-политического управления; потенциальное внутреннее экокультурное совершенство человека как эманация мира природы реализуется в процессе длительного и требующего значительных внутренних усилий экологически правильного («срединного и неизменного») пути — «дао».

Центральным понятием конфуцианства является «жэнь» («гуманность», «человечность», «милосердие», «доброта») — одна из основополагающих категорий китайской философии и культуры. Широко интерпретируя идею «жэнь», Конфуций тем самым подчеркивал ее всеобъемлющий характер, определяющий не только этико-политическую роль для человеческой природы, жизни государства и семьи. «Жэнь» выступает как закон, совокупность экологически и регулятивных социально-политических принципов взаимоотношения человека и природы. А. М. Карапетянц, анализируя определения «жэнь» в тексте «Лунь Юя», представляет это понятие в нескольких смыслах. «Человечность», «любовь к людям» не являются, по его мнению, единственно проявляющимися значениями «жэнь». «Жэнь» — это и соответствие правилам, регулирующим поведение, «преодоление себя и возвращение к ритуальной благопристойности» («ке цзи фу ли»), понятие, реализующее «золотое правило» морали: «не навязывать другим того, чего не желаешь себе». «Жэнь» подразумевает и обязательный переход в иное состояние за счет усилий в преодолении своей природы и подчинения ее общественным и природным установлениям [6, с. 26]. Поэтому в философии Конфуция «жэнь» — не только источник, предписывающий этико-политические нормы, но и конечная цель

экологического самоусовершенствования на этой основе. Это понятие, с точки зрения современности, можно интерпретировать и как основной экологический закон, следование которому приводит к естественному развитию материального и духовного мира. В дальнейшем он получает более объемное социально-политическое толкование. Дун Чжуншу (II в. до н. э.) сделал шаг к социально-политической онтологизации и экологизации «жэнь», объявив его воплощением «воли Неба» в человеческом (социальном) организме.

Неоконфуцианцы под влиянием Хань Юя (VIII — IX вв.) расширили экологическое и социально-политическое понимание этой категории. Так, Чэн Хао, Чжан Цзай (XI в.), Ван Янмин (XV — XVI вв.) и др. трактовали его как атрибут «Неба», органическую единственность индивида со всем мирозданием, интерпретируемую сегодня как экологическую. У мыслителей XIX — начала XX вв. в трактовках «жэнь» уже отразились особенности восприятия ими западных социально-философских разработок. В XX в. философы, интерпретирующие классические китайские учения, определяют «жэнь» в изначальной конфуцианской форме как сознательное следование этико-политико-экологическим нормам (Ху Ши) или спонтанную нравственную интуицию (Лян Шумин), а в постконфуцианстве — как принцип «моральной метафизики», выражающий самосозидающее личностное начало (Фэн Юлань, Моу Цзунсань, Ду Вэймин) [12]. Конкретным воплощением высшего социально-политического закона «жэнь», методом его осуществления стало и другое понятие учения Конфуция — «ли» («благопристойность» — «этико-политические нормы», «этикет», «ритуал», нормы «культурного поведения» и т. д.) — одна из центральных категорий традиционной политической культуры, выражавшей фактор не только экоккультуры поведения, но и процессов гармоничного космоупорядочения.

Я. Б. Радуль-Затуловский отмечает, что понятие «ли» отражает в себе в качестве единого целого весь колорит социально-политических общественных отношений,

придерживаться которых проповедовали Конфуций и его ближайшие ученики, а также связанную с этими общественными отношениями идеологию [10]. При этом конфуцианцы не стремились к подавлению в человеке естественного природного начала и созданию непримиримого антагонизма Культуры и Природы, «культурного» (т. е. этикетированного) и «естественного» (т. е. не детерминированного правилами «ли») поведения. Они старались найти оптимальный (т. е. экологический) баланс: уравновесить два начала — культурное и природное — и гармонизировать их взаимоотношения. Они призывали научиться «управлять Поднебесной» в соответствии с естественным законом развития «дао». А для этого необходимо было научиться управлять собой, соблюдая принципы «срединности». Конфуций, теоретически осмыслив предшествующее ему толкование понятия «ли», превратил его, по сути, в самую общую социально-политическую характеристику экологически необходимого общественного устройства. Именно поэтому «ли», так же как и «жэнь», имеет многозначное этико-политическое и экологическое содержание. Но «жэнь» всегда выступает в роли главного, определяющего по отношению к «ли» — этико-политическим нормам, ритуалам, этикету.

Распространение тотального этико-политического контроля на чувственную сферу человека стало у Конфуция основой для придания «ли» статуса общеполитического, а значит, и экологического норматива. Тенденция к жесткой структуризации и формализации любого поведения человека и взаимоотношений его с природой, отчетливо проявившаяся в раннем конфуцианстве, получила дальнейшее развитие во времена, когда учение стало господствующей идеологией в политической культуре. Позднее конфуцианцы стали трактовать правила «ли» таким образом, что они оказались почти идентичными легистскому закону «фа», в котором главный упор делался на авторитарные методы управления человеческим поведением и его разнообразными деятельностными отношениями.

Многозначность «ли» (например как «этики» или «этико-эколого-политического ритуала») и позволила основателям противоположных течений в конфуцианстве Мэн Кэ (IV — нач. III вв. до н. э.) и Сюнь Куану (IV — III вв. до н. э.) расширить герменевтическое толкование этой категории: с одной стороны, как внутреннего морального качества человека; с другой, как налагаемой на него извне и выработанной обществом определенной социально-политической формы, детерминирующей экологическое поведение человека. Исходя из признания врожденных экокультурных свойств («доброты») человеческой «природы» («син») и полагая детерминирующим фактором специфики человека «отказывающее [себе] и уступающее [другому] сердце («синь»)), Мэн Кэ называл этот фактор только «началом ли», а само по себе «ли» определял как «благоговееющее и почтительно-осторожное сердце», «исконно присущее» человеку. В противоположность этому, Сюнь Куан ссылаясь на то, что любому человеку от рождения присущи любовь к наживе, выгоде и стремление к плотским утехам. Всё это губит «ли», содержание которого было установлено в обществе древними «совершенномудрыми» («шэн») для контроля «злой человеческой природы». Эти правила и являлись источником необходимой для человека и общества «культуры» («вэнь»).

Универсальность и содержательная многозначность этико-политической категории «ли» давала возможность толковать ее в самой широкой амплитуде. Так, Ли Гоу (1009–1059) определял «ли» как «фокус человеческого дао», «основу научения [молодого] поколения», а уже названные другие четыре категории («гуманность», «должная справедливость», «разумность», «благодетельность») — лишь как «другие имена» «ли». Чжу Си назвал «ли» «ограничительным узором» («цзе вэнь») «небесного принципа» («тянь ли»). Здесь иероглиф («вэнь»), выражающий в первоначальном значении понятие «культура», обладает исходной семантикой «узор». Этот многосложный культурный узор этико-политических (экологических) норм («ли вэнь») рисует «небесный

принцип» для того, чтобы его могли осознать, «видеть люди» и использовать в качестве надежного критерия при «научении». Ван Янмин (1472–1529) еще более определенно заявлял о существующем множестве «ли» и «принципа». Но «принцип» недостаточен чувственному наблюдению и находит проявление в «культуре», являясь с ней «единой вещью» («у»). В целом социально-политический анализ и экологическая интерпретации фрагментов о природе «жэнь» и «ли» позволяет выявить два аспекта одного и того же явления, обозначаемых этими понятиями. Каждый из них указывает на определенную сторону поведения человека в его экологической роли. «Ли» обращает внимание на традиционные политико-экологические образцы поведения и социально-экологические политические отношения, «жэнь» — на человека как того, кто следует этим образцам и устанавливает тем самым соответствующие им отношения.

Наряду с многозначными «жэнь», «ли», наделенными социально-политической регулятивной функцией, более конкретным в этико-эколого-политическом смысле представлено понятие «и» («долг / справедливость»). «Долг» в «Лунь Юе» может выступать как конкретизированный аналог «Гуманности», выгодно отличающийся от нее тем, что не допускает слишком широких трактовок [6, с. 26]. «И» определяет и нормы ролевых социально-политических отношений в обществе, в более широком плане включает в себе идею соответствия содержания форме, субъективных потребностей и чувства общественной справедливости — объективным природным требованиям и общественному долгу. Поэтому в «Лунь Юе» подчеркивается мысль, что «и» — это эталон, в соответствие с которым следует приводить себя и окружающих. Противопоставление морального долга и эгоистического начала представлено в конфуцианстве и в его модификациях терминологической оппозицией «и — ли» («ли» — «польза/выгода»), в которой неоконфуцианская ортодоксия отстаивала примат «и». В числе наиболее важных конфуцианских категорий, относящихся к сфере социально-политической

и эколого-этической регуляции, находятся и понятия «синь» («верность», «искренность»), «сяо» («сыновья почтительность») и некоторые другие.

В качестве центрального экологического фрагмента в политической культуре конфуцианство рассматривало «цзюнь цзы» («благородного мужа»). В «Лунь Юе» он выглядит носителем совокупности конфуцианских добродетелей с противопоставлением «ничтожному человеку» («сяо жэнь») — воплощению эгоистического прагматизма, не способному преодолеть духовно-нравственную ограниченность. У Конфуция понятие «цзюнь цзы» соотносится с личностью правителя или представителя социальных верхов. «Цзюнь цзы» должен был не только соответствовать своему социально-политическому статусу, но и представлять собою этически и экологически совершенную личность, достойную «мандата Неба».

Социально-политическая доктрина конфуцианства в целом зиждется на приоритете моральных ценностей и норм этико-политического ритуала и является традиционным основанием любых иных видов регуляции общественной жизни: административно-правовых, утилитарно-экономических, социально-экологических, естественно-природных, которые разрабатывались уже представителями других учений. Утвердившись как экологическая основа и форма социально-политических традиций политической культуры Китая, конфуцианство в дальнейшем приобретает способность к органическому синтезу своих идей с концепциями других учений. Оно восприняло тезисы легизма, призывавшего оправдывать авторитарную политическую власть и создавать жесткие государственные структуры управления. Это способствовало формированию сильного централизованного государства, его политической культуры, укрепило национальное единство и стабильность, стремление к которым всегда было главной общественной тенденцией.

Развитие культуры Китая и ее субкультур осуществлялось через соперничество школ-носителей разных авторитарных устоев. Но конфуцианство всегда

находилось в центре процесса взаимодействия, взаимовлияния, взаимодополнения социально-политических идей различных философских школ и направлений, превращаясь в обобщенную специфическую форму социально-политических традиций, ставших в свою очередь основой и экологического ее содержания. Глубокая укорененность традиционных конфуцианских этико-политических идей и их эффективность в экологизации сознания позволила им сохранить за счет этого свои позиции на протяжении многих столетий. Часть из них нашла свое воплощение в жизни китайского общества в XIX в. Так, призыв к низвержению власти маньчжурской династии Цин обосновывался конфуцианским положением об утрате прогневившими Небо недостойными правителями «небесного мандата» на управление страной и необходимости передачи Небом этого мандата более достойному. Конфуцианский идеал экологического социально-политического строя «великой гармонии» («да тун») лежал в основе тайпинского плана переустройства общества.

Современные философы-постконфуцианцы отстаивают традиционные концепции о единстве духовного и материального, определяя человека не как «творение», противостоящее творцу, а как самостоятельный моральный субъект, способный экологически правильно трансформировать законы «Неба» и «Земли». Обращение к конфуцианству в современных условиях экологизации и глобализации диктуется необходимостью создания модели «этико-политического» поведения личности в природе по конфуцианской формуле: «внутреннее совершенство – внешняя царственность» («нэй шэн вай ван»). Смысл ее заключается в сочетании духовного развития личности с ее высокой, политически регулируемой, социально-экологической активностью.

Таким образом, история развития философской, социально-политической мысли Китая свидетельствует о функциональной экологической значимости основных идей конфуцианства, необходимых и для

решения проблем в современной социальной реальности, сохранившихся и в форме социально-политических традиций политической культуры.

Конфуцианское учение на протяжении всей истории развития общества в той или иной мере выступало главным компонентом политической культуры Китая, являясь основой его экологического содержания. В центре внимания конфуцианства и его модификаций стояли морально-этические и социально-политические правовые построения. Но в рамках этого учения впервые был поставлен вопрос о соотношении материального и идеального начал в природе человека, явившихся одновременно источником формирования представлений об экологической культуре вообще. Конфуций и его последователи выдвинули и развили целый ряд философских категорий и философских тем, наполнивших экологическим содержанием многие фундаментальные понятия политической культуры: «вэнь» («культура»), «тянь» («небо»), «дао» («путь»), «ли» («закон природы») и т. д.

Этика Конфуция поставила в центр внимания проблему общих моральных качеств – «вечных», «неизменных» принципов гуманности, справедливости, ритуальной «благопристойности», связанных с формированием и экологического сознания человека. Конфуцианские идеи аккумулировали подлинный смысл бытия личности в ее нравственном самоусовершенствовании и в отношениях ее с природой. Потенциальное внутреннее совершенство человека при соблюдении им принципа «срединности», на котором настаивал Конфуций, может быть этико-политическим источником гармоничного равновесия между человеком и природой, а экстраполированное на общество, позволяет совершенствовать политические методы управления процессами взаимодействия с природой и на этой основе консолидировать нацию, цивилизацию, устойчивость ее развития. Конфуцианские идеи «гуманности», «долга», «стремления к знанию», «почитание коллективного сознания», примат

общественных политических интересов над личными и др., возникнув еще в древности, оказались достаточно устойчивыми, чтобы иметь возможность сохранить свою значимость в современных условиях, адаптируясь к экологическим потребностям стабильного развития китайского или любого другого общества.

Новая политика нынешнего руководства КНР в немалой степени опирается на модернизированные традиции прошлого — административно-политические принципы, экологически во многом восходящие к конфуцианству. «Сильная централизованная власть, — отмечает Л. С. Васильев, — ставящая своей целью создание гармоничного общества, в котором было бы некоторое место строго контролируемым для процветания экономики частной собственности и рыночному саморегулированию, — это в какой-то мере все же конфуцианская традиция. Речь вовсе не о том, что между политикой КПК и конфуцианством нет принципиальной разницы. Имеется в виду иное: в своей политике КПК опирается на определенные традиции, само существование которых заметно облегчило как проведение новой экономической политики после Мао, так и обоснование этой политики, практику ее реализации» [3, с. 353].

К. И. Шилин, делая выводы из суждений исследователя конфуцианской традиции Чжан Циюня, пишет, что только опираясь на Конфуция и конфуцианство, можно понять «эко-гармоничное будущее Китая и мира». В этом он отводит большую роль новой интерпретации конфуцианства, понимаемой как Экософия. Введение термина и понятия экософии, считает К. И. Шилин, позволит построить вариант нормативного прогноза культуры Китая и мира в целом, включая и Запад, что дает реальную перспективу на выход из происходящей экокатастрофы. «В своем полном объеме Экософия как Стратегия гармонизации мира, а для Китая — повышения уровня гармоничного совершенства его культуры, а значит, и личности китайца, — может быть построена при помощи Живой логики, ее китайского варианта. Именно в ней выражен новый,

эко-гармонизирующий подход к культуре Китая — России — Запада. Живая логика позволяет осмыслить мудрость Китая, в данном случае — конфуцианство — постконфуцианство как Экософию. И тогда XXI век может стать эко-гармоничным веком, гармонизируемым в том числе и конфуцианством» [13, с. 103].

В целом, китайская традиция философского осмысления взаимодействия природы — человека — общества имеет, по меньшей мере, дуальную структуру с идеологиями даосизма и конфуцианства. Как известно, обе философские системы с различных позиций подходили к пониманию природы, к проблеме соотношения человека с окружающим миром. Если конфуцианство сосредоточивало внимание, главным образом, на проблемах человеческих взаимоотношений и, прежде всего, в плане морально-этическом, то для даосизма самыми важными были вопросы сущности мира, первоначала бытия, субстанции естественной природы. Этот двоякий подход к первоосновам бытия особенно существен тем, что традиционное мировоззрение китайских мыслителей достаточно часто совмещало в себе элементы обеих философских систем: и конфуцианства, и даосизма. Такой своеобразный синкретизм характерен для идейно-этических взглядов выдающихся мыслителей конфуцианской школы, таких как Цзя И (II в. до н. э.), Лю Сян (I в. до н. э.), Ян Сюн (I в. до н. э. — I в. н. э.), Чжоу Дунь-И (XI — XII вв.), Чжу Си (XII в.), Чжан Цзай (XI в.), Чэн И (XI — XII вв.), Чен Хао (XI в.), Шао Юн (XI в.), которые испытали весьма значительное влияние даосизма.

Среди произведений синкретического характера большой интерес представляют сочинения Ян Сюна «Тай сюань цзин» — «Книга о величайшем сокровенном», Ван Би «Чжоу люели» («Основы книги перемен»), труд «Синли дацюань» («Полное собрание сочинений натурфилософов»). В «Тай сюань цзине» развивается мысль о своеобразной субстанции сюань — величайшем сокровенном, по своей сущности приближающемся к субстанции дао в учении Лао-цзы. В тай сюань, благодаря которой

возникают полярные силы инь и ян, а от их взаимодействия рождается все сущее, Ян Сюн видит источник всех вещей и явлений. В своем труде «Чжоу люели» Ван Би, исходя из «Книги перемен» и комментария к нему «Сицзычжуань», стремится объединить метафизику Лао-цзы — его субстанцию мира в виде «дао» — и конфуцианскую доктрину. Творчество Ван Би явилось как бы мостом между древнекитайской философской мыслью и неоконфуцианством позднейших эпох.

«Синли дацюань» — «Полное собрание сочинений натурфилософов» — объединяет работы более ста различных авторов, затрагивающие многообразные проблемы метафизики и космогонии; в них рассматриваются, в частности, категории «дао» в учении Лао-цзы и сверхчеловека конфуцианского толка, важнейшие теории натурфилософии. Так, например, в сочинениях «Тай цзи ту то» («Теория и схема великого передела») и «Туншу» («Книга о проникновениях») Чжоу Дунь-И выдвигается идея единства естественной природы и мира морально-этических отношений, обусловленных всепроницающей сущностью тай цзи — великим пределом. В этом же ряду следует отметить сочинения Шао Юна «Хуан цзи цзин ши шу» («Доктрина о великом пределе в мире»), знаменитое изречение — «Все изменения, все события рождаются в сердце человека», и трактат Чжу Си «Исюэ ци мэн» («Элементы учения о сменах форм»), в котором развивается монистический взгляд на мир естественной природы и человеческого общества. В интерпретации Чжу Си Тай цзи — «великий предел» таит в себе начало материальное и моральное, каждая вещь, в его толковании, состоит из материального содержания и рациональной формы. К ним, например, относится идея самосовершенствования человека как процесса осознания целого и гармоничного совершенствования законов Вселенной и мироздания. Человек в китайских философских учениях никогда не терял связи с природой. Человек — частичка мира Вселенной, который представляет собой единое целое.

К. Г. Юнг, говоря о психологии восточных религий, считал, что «Восток опирается на психологическую реальность, то есть на психику как главное и единственное. В этом-то вся суть: китайский мудрец ищет истину в середине. И постижение им истины есть постижение собственного сердца. В контексте подобных представлений человек — это редуцированный космос. И, таким образом, познание самого себя, познание своей природы равновелико и познанию природы Вселенной. Познание своей природы — это метод постижения Неба, то есть мира природы как нераздельной целостности, единства. Интроверсия — стиль Востока, его постоянный коллективный склад» [14, с. 324].

Помня о собственной природе, восточный человек не забывает и о том, что он сам есть часть природы и принадлежит ей. В мировоззрении Китая мир природы и человека настолько взаимосвязан, что любое неправильное действие людей влечет за собой пагубные изменения в природе. С древних времен китайцы считали, что дурной образ жизни правителя вызывает стихийные бедствия: засуху, наводнения, болезни и голод [9, с. 100]. Согласно концепции «взаимного отклика», разработанной Дун Чжуншу, на ошибки в управлении страной и, соответственно, на дезорганизацию социума (Поднебесной) Небо реагирует сначала предупреждением в виде стихийных бедствий. Если предупреждения безрезультатны, то Небо дает чудесные знамения. И лишь в том случае, если люди продолжают упорствовать в нарушении космических законов, социум приходит к гибели. Устройство же его жизни гармонизирует мир: все природные процессы (Небо) протекают нормально. Мудрость разумного правления, обеспечивающего социально-природную гармонию, отработывалась веками и «закреплялась в социальном генотипе, на страже которого стояли конфуцианцы. Неудивительно, что единственно стоящей мудростью в Китае всегда считалась именно она, так как только она способна научить людей жить по правилам, как то и подобает цивилизованному человеку, т. е. китайцу» [4, с. 125].

Трудно сказать, какая из основных философских школ Китая — конфуцианство или даосизм — в большей степени повлияла на формирование экологической культуры Китая. И хотя китайская нация накопила богатый опыт изучения философской мысли, провозглашающей гармоничное существование человека и природы, человека и общества, не следует думать, что идеи из китайской философии — это готовые решения для современных экологических проблем, к тому же для западного человека, тем более что не всё в них однозначно, да и сами идеи постоянно развивались и изменялись.

Китайские философы, так же, как и их западные коллеги, заняты осмыслением вопроса, где та система цивилизации, которая укажет путь в завтрашний день, и какая философская концепция станет ее духовной основой. Поскольку решение проблемы единства природы и общества, их взаимной связи и разграничения представляет собой, преимущественно, задачу философии, то китайская философия представляет в этом смысле столь же важные ресурсы, что и философия Запада — тем более что уже накоплен богатый опыт эффективного исследования учений китайских философов в аспекте решения экологических проблем. Возможно, богатая экологическая культура Древнего Китая, играя серьезную роль в формировании новой экологической культуры современного китайского общества, будет способствовать оптимизации социо-природного взаимодействия.

Анализ философских традиций даосизма и конфуцианства, с точки зрения проблемы «природа — человек — общество», показывает, что в китайской философской традиции важнейшим является ориентация личности на крайне почтительное и гуманное отношение как к социуму, так и к природному миру. Вместе с тем она ориентирована на совершенствование внутреннего мира человека. Улучшение общественной жизни, порядков, нравов, управления связывается, прежде всего, с изменением индивида и приспособлением его к обществу, а не с изменением внешнего мира. В своем целостном восприятии мира человек

ощущает неразрывную связь с природой; такое ощущение мира индивиду в равной степени дают философские традиции конфуцианства и даосизма. В реальной жизни и конфуцианство, и даосизм сосуществовали и даже синкретизировали, способствуя выработке целостной системы экологического мировоззрения. Философские традиции закрепляли эту систему, и почитание природы передавалось из поколения в поколение.

Человек Востока, не исключая деятельное, активное начало, ставил перед собой цель научиться управлять законами природы, но шел к этому путем, отличным от пути человека Запада. Не отделяя себя от природы, человек Востока никогда не противопоставлял себя последней и не был ей враждебен. Эти гуманистические основы, ставшие принципиальными составляющими новой экологической культуры Китая, являются общими в философии даосизма и конфуцианства.

Библиографический список

1. «Лунь Юй». Гл.: 12.5, 7.23, 11.3. — Цит. по: **Быков Ф. С.** Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1996. С. 95–103.
2. **Абрамова Н. А.** Политическая культура Китая. Традиции и современность. М.: Муравей, 2001. 318 с.
3. **Васильев Л. С.** Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 483 с.
4. **Васильев Л. С.** История Востока: в 2 т. Т. 2: учеб. по спец. История. М.: Высш. шк., 1998. 494 с.
5. **Васильев Л. С.** История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М.: Высш. шк., 1983. 368 с.
6. **Карпетьянц А. М.** Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982. С. 11–37.
7. **Конрад Н. И.** Избранные труды: Синология. М.: Наука, 1997. 621 с.

8. **Мартынов А. С.** Чжу Си и официальная идеология императорского Китая // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982. С. 11—25.
9. **Переломов Л. С.** Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. 333 с.
10. **Радуль-Затуловский Я. Б.** Конфуцианство и его распространение в Японии. М.—Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 451 с.
11. **Степанянц М. Т.** Восточная философия. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1997. 503 с.
12. Чжунго жусюэ (Конфуцианство в Китае). Дунфан чубань чжунсинь, 1997. Т. 1. Кит. яз.
13. **Шилин К. И.** Экоософия постконфуцианства // Информационные материалы. Серия Г: Идеино-теоретические тенденции в современном Китае: развитие традиций и поиск путей модернизации. Выпуск 2. III Всероссийская конференция. Редколлегия: Титаренко, Феоктистов, Ломанов. 27-28 мая 1997 г. М., 1997. С. 99—105.
14. **Юнг К. Г.** Комментарий к немецкому переводу даосских трактатов «Секрет золотого цветка» и «Книга Прозрения и Судьбы» // Восхождение к Дао / Сост. В. В. Малявин. М., 1997.
1. “Lun Yu”. Ch.: 12.5, 7.23, 11.3. Quote on: Выков F. S. *The origin of socio-political and philosophical thought in China*. Moscow, 1996. P. 95—103. (In Russian).
2. Abramova N. A. *Political culture of China. Tradition and modernity*. Moscow, Muravei Publ., 2001. 318 p. (In Russian).
3. Vasiliev L. S. *Cults, religions, traditions in China*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 483 p. (In Russian).
4. Vasiliev L. S. *History of the East*, in 2 volumes. Vol. 2. Textbook in the speciality History. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1998. 494 p. (In Russian).
5. Vasiliev L. S. History of the religions of the East (religious and cultural traditions and society). Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1983. 368 p. (In Russian).
6. Karapetyants A. M. The original meaning of the main Confucian categories. *Confucianism in China. Problems of theory and practice*. Moscow, 1982, pp. 11—37. (In Russian).
7. Konrad N. I. Selected works: Sinology. Moscow, Nauka Publ., 1997. 621 p. (In Russian).
8. Martynov A. S. Zhu Xi and the official ideology of Imperial China. *Confucianism in China. Problems of theory and practice*. Moscow, 1982, pp. 11—25. (In Russian).
9. Perelomov L. S. *Confucianism and legalism in the political history of China*. Moscow, Nauka Publ., 1981. 333 p. (In Russian).
10. Radul-Zatulovsky Ya. B. Confucianism and its spreading in Japan. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1947. 451 p. (In Russian).
11. Stepanyants M. T. *Eastern philosophy*. Moscow, “Vost. literatura” RAS Publ., 1997. 503 p. (In Russian).
12. *Zhongguo Zhuxue* (Confucianism in China). Dongfang chuban zhongxin, 1997. Vol. 1. (In Chinese).
13. Shilin K. I. Ecosophy of post-Confucianism. *Information materials. Series G: Ideological and Theoretical Trends in Modern China: Development of Traditions and Search for Ways of Modernization*. Issue 2. 3rd All-Russian Conference. Editorial Board: Titarenko, Feoktistov, Lomanov. May 27-28, 1997. Moscow, 1997, pp. 99—105. (In Russian).
14. Jung K. G. Commentary on the German translation of the Taoist treatises “The Secret of the Golden Flower” and “The Book of Insight and Destiny”. *Ascension to Tao*, comp. V. V. Malyavin. Moscow, 1997. (In Russian).

Информация об авторах

Варакина М. И. — кандидат философских наук, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва (Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34).

Трофимова Е. С. — преподаватель, кафедра теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов (Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6).

Левченко Я. А. — магистр, кафедра Бизнес и Политика в современной Азии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал (Россия, 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16).

Information about the authors

М. И. Varakina — Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Russia, 443086, Samara, Moscow highway, 34).

Е. С. Trofimova — Lecturer, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya street, 6).

Ya. A. Levchenko — Master, Department of Business and Politics in Modern Asia, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg branch (Russia, 190008, St. Petersburg, Ulitsa Soyuza Pechatnikov, 16).

Статья поступила в редакцию 20.04.2022.

The article was submitted 20.04.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 87—97.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 87—97.

УДК [32:33:34:35]:27-31
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-87-97

Политико-управленческие аспекты в учении Иисуса Христа

Сергей Леонидович Катанандов¹, Андрей Андреевич Ковалев²

^{1,2}Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

¹katanandov-sl@ranepa.ru

²kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. В данной статье представлено исследование политики и религии, которое стремится вывести их из статуса двух непримиримых антагонистов: довольно долго та и другая именно так строили взаимоотношения. Данное исследование направлено на демонстрацию преемственности и взаимодополняемости этих двух сфер человеческой жизнедеятельности. Учение Иисуса, зафиксированное в Библии, — не только источник духовной мудрости и просветления, но еще и весьма ценное практическое руководство в управлении, в ведении дел на государственном уровне, в экономических, социальных, политических и прочих важных вопросах. Настоящее исследование стремится доказать и обосновать наличие политико-управленческих мотивов в учении Иисуса Христа. Структура работы представляет собой последовательный анализ политико-управленческих аспектов в учении Иисуса, их отличие от христианства как такового в его современном воплощении; политической позиции самого Иисуса относительно государственного управления, законов, власти, политических принципов; значимости учения Иисуса для развития и усовершенствования современного политико-государственного управления. В результате проведенного исследования сделан вывод: сформулированные Иисусом принципы способны гармонично войти в управленческую модель современного государства.

Ключевые слова: Иисус, государство, государственное управление, принципы управления, закон, преемственность.

Для цитирования: Ковалев А. А., Катанандов С. Л. Политико-управленческие аспекты в учении Иисуса Христа // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 87—97. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-87-97>

Political and managerial aspects in the teaching of Jesus Christ

Sergey Leonidovich Katanandov¹, Andrey Andreevich Kovalev²

^{1, 2}Northwest Institute of Management in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹katanandov-sl@ranepa.ru

²kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract: This article presents a study of politics and religion, which seeks to bring them out of the relationship of two irreconcilable antagonists, entrenched in their relationship for a long time. This study is aimed at demonstrating the continuity and complementarity of these two spheres of human activity. The teaching of Jesus, recorded in the Bible, is not only a source of spiritual wisdom and enlightenment, but also a very valuable practical guide in matters of governance, doing business at the state level, economic, social, political and other important issues. The present study seeks to prove and substantiate the presence of political and managerial motives in the teaching of Jesus Christ. The structure of the work is a consistent analysis of the political and managerial aspects in the teaching of Jesus, their difference from Christianity in its modern incarnation; the political position of Jesus himself regarding public administration, laws, power, political principles; the significance of Jesus' teaching for the development and improvement of modern political and public administration. As a result of the conducted research, it was concluded that the principles formulated by Jesus are capable of harmoniously entering into the managerial model of a modern state.

Keywords: Jesus, state, public administration, management principles, law, continuity.

For citation: Kovalev A. A., Katanandov S. L. Political and managerial aspects in the teaching of Jesus Christ. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 87—97. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-87-97>

Изучая светские политические режимы и организованное ими государственное управление, не стоит пренебрегать идеями мировых религий: ведь они вот уже много веков колоссально воздействуют на мировую политику. Таково и учение Иисуса Христа: он никогда прямо не говорил о политике и государственном управлении, но, однако, оставил глубокий след в политической истории человечества (см.: [1, с. 58]). Многие века христианство эволюционировало и подвергалось преобразованиям, отвечая меняющимся условиям жизни, в том числе политическим. Поэтому современное христианство нельзя отождествлять с первоисточником, т. е. с учением Иисуса. Именно в учении Иисуса необходимо искать непреложные ценности, не зависящие от правящего режима, несмотря на то, что открыто Иисус никогда не говорил о политике.

Учение Иисуса на протяжении многих веков трактовалось исключительно в рамках богословия, а также этики: исследователи упорно называли учение Иисуса аполитичным, не находя в нем прямых политико-государственных мотивов. Однако современ-

ные исследователи отходят от этой традиции и уверенно признают: учение Иисуса, хотя и не содержит прямых политико-государственных призывов, мнений, высказываний, представляет собой памятник политической мысли человечества и набирает популярность и актуальность как способ решения проблем современного политико-государственного управления.

Итак, трактовку учения Иисуса с политической точки зрения можно обнаружить в работах таких зарубежных исследователей, как В. Каспер, Х. Коэн, Дж.-С. Ларсон, М.-Д. Линдсей, Э. Лозе, Дж. Ньюснер (Нойзнер), Т. Райт, Р. Сонг, А. Сторки, Д. Флюссер (Флюссер), Р.-Р. Хьюитт и пр. Среди отечественных ученых следует назвать следующих авторов: Р. Г. Апресян, А. Ф. Бичехвост, А. Гумеров, С. С. Оганесян, А. Сорокин, Е. В. Силина и многие другие.

В научной литературе отмечается: учение Иисуса и христианство как его институционализированная форма не идентичны — и неправильно сводить одно к другому. Христианство на протяжении всей истории своего существования не могло оставаться

настолько же политически нейтральным, как сам Иисус в период своей жизни. История христианства прочно переплелась с политической историей цивилизованного мира новой эры.

Политическая конъюнктура постоянно «задевала» христианство и его последователей, а оно приспособлялось и в разные эпохи нередко помогало правителям западных государств добиваться политических целей. В данном случае, безусловно, говорить об аполитичности не приходится (см.: [2, с. 233]). При этом стоит отметить, что именно подверженность изменениям в угоду тому или иному политическому режиму, непостоянным правилам государственного управления, сменяющим друг друга политическим элитам и их эгоистичным желаниям нарушало один из принципов учения Иисуса: ведь он предостерегал тех, кто шел за ним, от следования преходящим ценностям, основанным на эгоизме правящей верхушки, и напоминал о приоритете высших ценностей, остающихся неизменными в различных условиях.

Длительное время считалось, что Иисус был аполитичен. Политология не признавала его предметом своих исследований. Укоренилось мнение, что Иисус проповедовал не о правительстве, а только о Боге. Но это заблуждение. Он не мог в своем учении обойти стороной политико-государственную сторону жизни. Ведь проповеди Иисуса о Божьем Царстве, пусть и завуалированно, провозглашали на земле иной порядок, заменяющий авторитарные режимы и защищающий простых людей, а соответственно, посягающий на жестокие способы управления властей.

Вторую и связанную с этим ошибку в трактовке Иисуса государственное управление допускает, когда смешивает учение Иисуса с доктринами христианства. В действительности движение, которое Иисус стремился вдохновить, сильно отличалось от христианства и церкви. Иисус представлял себе своих последователей не как большую

организованную религию, борющуюся с силами Рима, а скорее как небольшую группу политических активистов и просветителей, противостоящих лицемерию в высших кругах. Иисус верил, что политические деятели, которые в его дни были пророками и священниками, влияли на общественный строй гораздо сильнее, чем его последователи (см.: [3, с. 211]).

Вообще Иисус критически относился к институционализированной религии как таковой. Он не мог сказать этого прямо, потому что священники всегда следовали за ним и, вероятно, забили бы его камнями до смерти на месте, но Иисус сделал много заявлений, подразумевающих его неприязнь. Например, он сказал людям, что предпочтительнее не поклоняться публично, но молиться в тайне (Мф. 6:6). Иисус ни в коем случае не пытался системно организовать своих приверженцев — в отличие от Петра, который во имя Иисуса крестил тысячи людей одновременно (Деяния 2:41, 4:4). Организованное, массовое христианство — наследие не Иисуса, а Петра. Также учение Иисуса отличалось от официальной христианской доктрины тем, что Иисус провозгласил равенство всех людей перед Богом, т. е. перед высшим законом, и, главное, сам следовал и призывал следовать этому принципу. С точки зрения политики и государственного управления это означало равенство всех перед законом и судом. В современном мире официальное христианство вряд ли провозгласит такое открыто, а тем более едва ли будет отстаивать. Как справедливо отметил выдающийся американский историк Р. Пайпс, церковь рассматривается как служанка государства [4, с. 215—218]. Несмотря на то, что профессор рассуждал о конкретном периоде развития *нашего* государства, такое положение христианской религии прослеживается и в других странах, и в другие исторические периоды. Либо церковь сама претендует на власть и получает ее, либо потакает правящему режиму, чтобы получить или

сохранить определенные привилегии. Иисус это не признавал.

Еще одно отличие христианства от учения Иисуса состоит в отношении к государству [5, с. 141]. Поскольку сам Иисус не мог открыто говорить о том, как он относится к государству в целом и к его институтам в частности, то о его настоящем отношении удастся судить только по его притчам, истинный смысл которых всегда был завуалирован. Однако можно достоверно сказать, что существующий при самом Иисусе политический порядок многие исследователи именуют периодом упадка и разложения государственности. Поэтому основная политическая миссия Сына Божьего заключалась в том, чтобы покончить с таким порядком.

При этом по мере развития христианства как религиозного учения и официальной государственной религии отношение к государству прослеживалось всё более отчетливое — и, по большей части, негативное (например, у Иоанна Богослова, Августина Блаженного). А главная расплата за отступничество от жизни по Богу — Божий суд в будущем: при этом приверженность ценностям материального (земного) мира христианство также всегда порицало (см.: [6, с. 59—60]). В то же время стоит отметить, что хотя царь и государственная власть никогда не обожествлялись в христианстве, но официальное христианство все же призывало и призывает подчиняться любой законной земной власти; в свою очередь, с христианской точки зрения, и сама земная власть должна быть покорна Божественной власти. Именно при таком положении государственных дел и возможно исполнить слова Иисуса «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк. 12:13—17).

Стоит отметить, что Иисус имел так называемый дар политического предвидения, когда провозгласил, что сам разрушит рукотворный храм — и восстановит в течение трех дней. Если предположить, что Иисус использовал религиозные метафоры, чтобы сделать

выводы о политике, то его заявление о разрушении и переделке храма, вероятно, относилось к историческому процессу, в результате которого мировые системы власти и славы будут опрокинуты [7, с. 46]. Человеческие системы власти и славы имеют тенденцию непрерывно расширяться, становиться все более жесткими и осуждающими — «темными» — на каждом шагу, пока люди, поработанные ими, не окажутся настолько безнадежными, настолько «нищими духом», что будут готовы умереть, дабы спасти свою человечность, — и в этот момент старый порядок разрушится и начнется новая эра, как рассвет нового «дня». Этот образ отчасти и приблизительно подтверждают многие современные исследователи развития цивилизаций, в том числе Макс Вебер (см.: [8]), Освальд Шпенглер (см.: [9]), Арнольд Тойнби (см.: [10]).

По мнению английского социолога А. Сторки, Иисус, по меркам XXI в., был поразительно политически некомпетентен: ведь он, делая добро для больших масс людей, отказывался использовать свой авторитет для дальнейших политических свершений (см.: [11, с. 138]). Однако на самом деле Иисус мыслил шире современных государственных и политиков. Он предлагал разбираться не со следствием политико-государственных и управленческих проблем, но с самими этими проблемами, а также с их причинами. Именно в этом и заключается основной смысл и цель грядущего Царства Божия, которое обращено к простому народу, а не к представителям власти. При этом Бог не прибегает к насилию, привлекая на свою сторону, — он всегда действует через убеждение. Поэтому принять или отвергнуть Царство Божие — выбор каждого (см.: [12, с. 179]).

Таким образом, необходимо последовательно охарактеризовать рассматриваемое в данной работе «учение Иисуса» с позиции политико-государственного анализа (см.: [13, с. 361]). Итак, под учением Иисуса следует

понимать совокупность политико-государственных принципов, имеющих непреходящий характер и не зависящих от политической конъюнктуры, характеризующих отношение к закону, правосудию, народу и правителю.

Среди ключевых политических принципов Иисуса, содержащихся в его учении (и не обозначенных им явно, но раскрывающихся при более детальном анализе), стоит отметить следующие из них. *Во-первых*, равенство всех людей друг перед другом, перед законом и судом. В современных условиях можно в данном контексте говорить о равенстве возможностей, которое обязано обеспечить каждому человеку его государство. *Во-вторых*, исцеление «заблудших душ». Если говорить о современном государственном управлении, это означает принципы социального государства, когда оно заботится о нуждающихся (при этом не важны причины возникновения нуждаемости). *В-третьих*, уважение ко всем людям; это означает отсутствие каких-либо привилегий (обусловленных занимаемой должностью, принадлежностью к высшему элитарному слою, высоким материальным положением и т. д.) у одних людей перед другими. *В-четвертых*, запрет на унижение человеческой личности. Цивилизованное государство обязано гарантировать соблюдение прав человека и гражданина и защищать их. *В-пятых*, исполнение всех заповедей. Применение этого принципа помогает человеку воспитать в себе ответственность и сделаться культурнее. *В-шестых*, всепрощение. В политических условиях следование этому принципу позволит добиться положительных результатов только в том случае, если его будут придерживаться все заинтересованные стороны (например, когда дело касается ведения военных действий): в противном случае одностороннее всепрощение (бесконечные уступки без взаимных компромиссов) способно погубить целые народы. При этом сам Иисус признавал, что участь миротворцев очень тяжела. *В-седьмых*, «всё тайное ста-

новится явным». Актуальная тема для политики. Иисус предостерегал тех, кто обманывает ради получения власти, должности, денег, общественной поддержки, что разоблачение неминуемо (см.: [11, с. 167—210]). Существуют и другие политические принципы, которые читаются между строк в учении Иисуса (политическая терпимость, мудрое управление и др.), — в данной работе приведены наиболее важные из них.

Принципы, сформулированные Иисусом и имеющие явный политический контекст, позволяют каждому человеку сделать выбор «между угнетением и свободой, враждой и миром, обладанием и мудрым управлением» (см.: [11, с. 222]).

Стоит отметить, что для Иисуса, как и для всех евреев, Закон много значил в жизни всего его народа: евреи почитали Тору во все времена. Она содержит в себе важнейшую информацию, которая определяет характер всего еврейского народа, правила его жизни. И сам Иисус подчеркивал в процессе общения с народом, что уважает Закон и не стремится его нарушить: напротив, одна из его основных целей, один из ключевых мотивов — соблюдение Закона. О чем он, среди прочего, и поведал в Нагорной проповеди (см.: [14, с. 233—234]). Иисус никогда открыто не говорил о политике, о государственном управлении, о предпочтительной идеологии, а обходил стороной прямые упоминания данной потенциально опасной темы. Но, исследуя жизнь и учение Иисуса по истечении многих веков, необходимо осознавать, что из «аполитичного» учения Христа можно вычленил множество ценных политико-государственных идей, актуальных и в современном мире.

Возможно, политико-государственные идеи Иисуса, которым уже более двух тысяч лет, не получили достаточного осознания до сих пор, — и ценность его политических и конституционных принципов еще предстоит понять человечеству (см.: [15, с. 55]).

Иисус был весьма популярен среди своих учеников и последователей — с политической точки зрения, такое положение в обществе гарантировало бы ему возможность установить в Иерусалиме собственную власть. Но Иисус иначе воспользовался своей популярностью. Для него политическая победа в классическом понимании была пустой, а властную иерархию, беспрекословное подчинение Иисус никогда не проповедовал — напротив, стремился избавить от них народ (см.: [16, с. 189]).

Так, когда верные ученики Иаков и Иоанн попросили у Иисуса важные государственные посты после политической победы, на которую они рассчитывали, но к которой не стремился сам Иисус, он ответил им, что высокое положение можно получить только с помощью служения и верности. Это важный посыл для современных государственных деятелей и весомых политических фигур: привилегии и высокое положение в обществе нужно заслужить.

Иисус предложил своим ученикам пройти вместе с ним тот трудный путь, который уготован ему (он сформулировал это словами «испить чашу Мою»), но предупредил, что не ему решать, кто из учеников и какое место сможет занять по окончании этого трудного пути: выбирает только Бог («Отец Мой» — так объявил Иисус) (Мф. 20:23). Таким образом, Иисус наделил служение Богу политическим смыслом. Для современного государственного управления важным будет следование принципу, который озвучил Иисус, говоря своим ученикам: «...Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20:25—28). Таким образом, Иисус предостерег своих учеников от жажды власти и желания поставить себе на службу других людей. По его словам, власть имущие должны не поработать тех, на кого эта власть направлена, а, напротив, сами служить этим людям. И он прав! Этот принцип

признают и ценят и в современной политике, когда поднимают тему о так называемых слугах народа (см.: [17, с. 324]). Но, к сожалению, данный речевой оборот упоминают скорее с некоторой насмешкой и горькой иронией. Однако истинная суть этого принципа не теряет правильности и значимости. Здесь нет места личной выгоде и единоличному интересу политиков — на первом месте всегда должны стоять интересы народа: как сказано в расхожем выражении, «не народ служит правителю, а правитель народу». Стоит справедливо отметить, что данная истина, озвученная еще Иисусом, проходила красной нитью по всей истории христианской религии в мире, от ее возникновения и далее, в процессе развития и распространения. Правитель — слуга народа. Так зарождается демократия. Таким образом, фундаментом политической власти становится служение общему благу, интересам народа. Политический лидер должен обладать как властью, так и желанием служить. Иисус показал своим ученикам блестящий пример подобного, когда на Вечере омывал им всем ноги и вытирал затем полотенцем (Ин. 13:3 —5): так он выказывал присущее ему сочетание и власти, и желания служить людям, — и призывал своих учеников делать то же самое по отношению к другим. Так Иисус смог продемонстрировать на собственном примере, как носитель политической власти может быть привержен любви и служению, что в современных реалиях воспринимается как совершенно неестественное и даже невозможное.

Иисус отмечал, что на тех, у кого большие полномочия, и ответственность тоже более высокая: «...кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12:48). При этом Иисус также добавлял: правительство должно быть профессиональным, чтобы наиболее эффективно справляться с задачами, решать которые входит в его обязанности.

Порядок охраняется государственными законами — они не являются продуктом

современной эпохи, а берут начало еще со времен зарождения христианства и Римской империи. Таким образом, государственная система управления, сформированная в Древнем Риме, способствовала упорядочению жизни граждан со стороны государства и приобщению их к цивилизации. При этом Иисус на первое место всегда ставил высший, Божий закон, который человеческие законы лишь дополняли. Божий закон не регламентирует политическую жизнь общества, он не призван решать проблемы, порождаемые несправедливостью человеческой жизнедеятельности (этим занимаются человеческие законы): высший закон в этом отношении превентивен, он изначально оберегает от разного рода несправедливостей (см.: [18, с. 25]).

Стоит отметить, что божественные заповеди постепенно проникают в государственные законы, закладывая основы трудового, семейного, гражданского права, — и так ценности, провозглашенные в заповедях, оказываются под защитой закона. Смысл служения Иисуса заключался в том, чтобы перенести справедливость, чистоту, уважение из Божественного закона в гражданский, чтобы общество вернулось к истокам своей жизни. При этом Иисус утверждал, что Божий закон никогда не был навязан людям: ведь истины, прописанные в нем, выражают саму суть человеческого естества. Таким образом, Иисус вывел простую формулу законопослушания (подходящую не только для рядовых представителей народа, но и для государственных служащих), которая делает жизнь правильной и справедливой: требуется не просто механически соблюдать нормы человеческого закона, боясь осуждения и наказания, — нет, нужно проникнуться этими нормами и понять, что они — естественное состояние жизни. Говоря современным политологическим языком, культура общества (в том числе и политическая) должна определяться не только по внешним признакам, но и по внутренним мотивам ее носителей.

Иными словами, поведение людей как отражение их культуры следует оценивать и по внешним проявлениям, и по внутренним убеждениям, мотивам, установкам. То есть только совокупность сознания и поведения людей способна дать полную картину состояния культуры в каждом конкретном обществе. И Иисус призывал к тому, чтобы люди проявляли законопослушность не внешне, а внутренне, т. е. чтобы поведение и сознание стали (в этом аспекте) идентичны (см.: [19, с. 6]). В условиях современного государственного управления это актуальная проблема: окажись страх наказания единственным мотивом для законопослушания, это обесценит закон, если ослабнет государственный контроль. При этом Божественный закон не сводится к одной только нравственности, хотя если его соблюдать, то, как следствие, на нравственность это повлияет. Потому что Божественный закон призывает людей учиться всю жизнь, воспитывать самих себя, искоренять пороки, присущие каждому человеку. Такую же работу необходимо вести и в сфере государственного управления.

Иисус не сводил к Божьему закону государственный — напротив, государственный закон постоянно будет нуждаться в реформировании: только так он постепенно приблизится к высшим идеалам закона Божьего (см.: [20, с. 78]). То есть возникшие в ходе человеческой жизнедеятельности жестокость, лицемерие, несправедливость следует сопоставлять с Божьим законом и должным образом корректировать. И, как уже было отмечено, закон нельзя использовать во имя удовлетворения частных нужд отдельных лиц, следящих за исполнением закона. Недопустимо переписывать или хотя бы корректировать закон в угоду той политической элите, которая в данный момент находится у власти. Это нарушает заповеди Высшего закона: ведь он не приемлет политической конъюнктуры.

Иисус предполагал, что допустимо толковать, комментировать и разъяснять Закон,

но категорически противился тому, чтобы его толкования приводили к искажению Закона или к его развращению [21, с. 117]. При этом Иисус, подвергая толкованию Тору, делал вывод, что древние законы могут устаревать, и тогда их необходимо адаптировать к новым условиям реальной жизни. И именно Иисус получил такие полномочия [22, с. 258—259].

Но все же не стоит игнорировать то обстоятельство, что Иисус никогда не призывал людей нарушать нормы Торы и не делал этого сам. Однако Иисус также категорически возражал и против гонений на нарушителей законов Торы [23, с. 60]. Он даже просил Бога простить людей, обречших его на мучительную смерть путем распятия на кресте, «ибо [они] не знают, что делают» (Лк. 23:34). При этом некоторые заповеди Иисус подвергал авторскому толкованию с одной только целью: чтобы вернуть этим заповедям истинный смысл, который заложил в них Всевышний и который люди со временем перестали воспринимать правильно. Также подобное толкование приближало Божественный закон к человеческому, т. е. трансформировало религиозный порядок в светский (см.: [24, с. 88]).

Однако стоит справедливо отметить, что Иисус также отвергал беспрекословное следование *букве* закона всегда и при любых обстоятельствах, т. е. критиковал законничество. Это означает, что в ситуациях, когда закон может кому-либо навредить, может нарушить принципы добра, милосердия и справедливости, им можно в некотором смысле пренебречь. Для современного государственного управления в данном положении учения Иисуса таится опасность, так как вполне очевидно: решение, допустимо или недопустимо отступить от закона в той или иной ситуации, возьмут на себя власть имущие, а это может спровоцировать злоупотребления. И вообще сама мысль о том, что хоть какой-либо человек возьмется определять границы того, насколько допустимо нарушить закон, весьма сомнительна: культура и общее развитие

людей не настолько совершенны, чтобы брать на себя такую ответственность, способную обернуться безответственностью (см.: [25, с. 341]).

Сам Иисус предостерегал от подобной практики людей, находящихся у власти. Он призывал всех быть равными перед законом и подчиняться ему. С одной стороны, государственной власти следует действовать в рамках своих полномочий и не претендовать на тотальную регламентацию жизни народа; с другой стороны, никто не должен нарушать принципы справедливого государственного управления. Юристы придерживаются мнения, что закон есть закон, его нельзя преступать; если закон плох, его нужно отменить или откорректировать, но нарушать, пока он имеет юридическую силу, недопустимо.

Важное место в учении Иисуса, как и в системе современного государственного управления, занимает тема справедливого правосудия. В этом вопросе Иисус занимает такую позицию: он призывает возлюбить ближнего своего, как самого себя, а также побуждает нас поступать с другими людьми так, как мы хотим, чтобы они поступали с нами. Вот это ключевой принцип справедливого правосудия. Государство, ответственное за вынесение справедливых судебных решений, обязано позаботиться о беспристрастности и объективности суда. Однако и правосудие должно служить людям: нельзя пренебрегать милостью и состраданием в процессе вынесения судебных решений. Это означает, что недопустимо решать все дела как под копирку, абстрагируясь от людей, — а, напротив, каждый случай нужно рассматривать внимательно, вникая в детали, но при этом не отступая от закона. В основе справедливости в любой из областей человеческой жизни лежит уважение к другому человеку.

Возможно, самый основной шаг, необходимый для формирования духовно ориентированного государственного управления, —

создать видение социального порядка, который мы надеемся воспроизвести. В нынешнем виде человек, обучающийся государственному управлению (в высшем учебном заведении — или позже, в процессе работы), придерживается пустого «профессионализма», опирается на такие абстракции, как «честность», «справедливость», «эффективность» и «ценности режима», а в отдельных случаях и ситуациях руководствуется ими, решая вопросы совести. Если это когда-либо приводит к добру, то только случайно, ибо любой этический кодекс должен быть приспособлен к обстоятельствам. Этика — средство достижения цели, а не самоцель.

Очевидно, Понтий Пилат был честен, справедлив, эффективен и верен римским ценностям, — но система, которую он поддерживал, была злом, и он знал это, иначе не стал бы публично мыть руки, чтобы избавиться от чувства вины. Можно обнаружить, что ученые и практики государственного управления так же осознают свою системную аморальность, когда ищут такой профессиональный этический кодекс, чтобы он защитил бы их от моральной ответственности за ту роль, которую они играют в рамках своей деятельности, но не хотят противостоять ей (см.: [26; 27]).

Иисус говорил о «царствах», чтобы помочь нам сосредоточиться на нашей высшей цели. Он также предложил ее общее описание — по его мнению, наилучшее. Эта цель станет ценить милосердие больше, чем справедливость; ее лидеры сделаются слугами, а не правителями; и она будет руководствоваться двумя простыми заповедями: любить Бога и ближнего своего. Как бы то ни было, государственное управление создает царство, но дисциплина и профессия управленцев позволяют этому царству стать выбранным для них, и выбор сделают не люди из плоти и крови, а надстройка власти, обладающая собственным разумом.

Библиографический список

1. **Briner B.** The Management Methods of Jesus: Ancient Wisdom for Modern Business. Nashville: Thomas Nelson Incorporated, 2005. 114 p.
2. **Corum R.** Principles of Management: A Christian Perspective. WestBow Press, 2015. 306 p.
3. **Heward-Mills D.** Church Administration and Management. Xulon Press, 2011. 554 p.
4. **Пайнс Р.** Россия при старом режиме / пер. с англ. В. Козловский; ред. И. Захаров. М.: Захаров, 2004. 493 с.
5. **Суллина Е. В.** Отношение христианства к государству // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 136—146.
6. **Sunder L. S.** Values and Influence of Religion in Public Administration. SAGE Publications Ltd, 2011. 289 p.
7. **Каснер В.** Иисус Христос / пер. с нем. И. Крекшин; ред. М. Белова. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. 420 с.
8. **Weber M.** The Theory Of Social And Economic Organization / ed. by T. Parsons. Simon and Schuster, 2009. 448 p.
9. **Spengler O.** The Decline of the West. New York: Oxford University Press, 1991. 414 p.
10. **Toynbee A.** A Study of History: [abridged ed.]. Vol. 2 / abridgement of volumes VII — X by D. C. Somervell. Oxford University Press, 1987. 432 p.
11. **Storkey A.** Jesus and Politics: Confronting the Powers. Baker Academic, 2005. 336 p.
12. **Downing S.** World Empire and the Return of Jesus Christ. Xulon Press, 2011. 398 p.
13. **Macquarrie J.** Jesus Christ in Modern Thought. Hymns Ancient and Modern Ltd, 2003. 466 p.
14. **Kereszty R. A.** Jesus Christ: Fundamentals of Christology. New York: Alba House, 2002. 530 p.
15. **Gobelet R.** The Parables of JESUS CHRIST. Lulu.com, 2016. 82 p.
16. **Stalker J.** The Trial and Death of Jesus Christ: A Devotional History of Our Lord's Passion. Good Press, 2019. 243 p.
17. **Lindsay M. D.** Politics as the Construction of Relations: Religious identity and Political Expression

// Evangelicals and Democracy in America. New York: Russell Sage Foundation, 2011. Vol. II: Religion and Politics. Part III: Cycles and the Evolution of Movement. Chapter 10. P. 305—330.

18. **Larson J. S.** Is God a Democrat? Essays from a Christian Perspective. Nova Science Publishers Inc, 2014. 69 p. (Religion and Spirituality).

19. **Hewitt R. R.** The church as Christ's broken body responding to the emerging global challenges in a divided world // HTS Theologiese Studies = Theological Studies. 2017. Vol. 73. № 3. P. 1—8.

20. **Newlands G.** Christ and human rights: The transformative engagement. Ashgate Publishing Limited, 2017. 218 p.

21. **Звягинцев В. Е.** Трибунал для Иисуса: Особое мнение российского судьи. Екатеринбург: Издательские решения, 2016. 281 с.

22. **Райт Н.-Т.** Иисус и победа Бога / пер. с англ. Г. Г. Ястребов. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. 688 с. (Современная библеистика).

23. **Оганесян С. С.** Последовательная передача законодательной инициативы и законотворчества от Бога к человеку // Ценности и смыслы. 2011. № 1 (10). С. 60—75.

24. **Sebastian A. M.** Towards Effective Management of Faith-based Organizations: A Case Study of Baptist Relief and Development Agency. Kumasi: Kwame Nkrumah University of Science and Technology, 2010. 95 p.

25. **Song R.** Christian bioethics and the Church's political worship // Christian bioethics: Non-Ecumenical Studies in Medical Morality. 2005. Vol. 11. Issue 3. P. 333—348.

26. **Chilton B. S., King S. M., Foyou V. E., McDonald J. S.** The Public Administration Profession: Policy, Management, and Ethics. New York: Routledge, 2018. 464 p.

27. **Menzel D. C.** Ethics Management for Public Administrators: Building Organizations of Integrity. 2nd edition. Routledge, 2014. 304 p.

References

1. Briner B. The Management Methods of Jesus: Ancient Wisdom for Modern Business. Nashville: Thomas Nelson Incorporated, 2005. 114 p.

2. Corum R. Principles of Management: A Christian Perspective. WestBow Press, 2015. 306 p.

3. Heward-Mills D. Church Administration and Management. Xulon Press, 2011. 554 p.

4. Pipes R. Russia Under The Old Regime / Russian transl. M.: Zaharov, 2004. 493 p. (In Russian).

5. Silina E. V. The Relation of Christianity to the State // Voprosy rossijskoj justicii = Issues of Russian Justice. 2021. № 11. P. 136—146. (In Russian).

6. Sunder L. S. Values and Influence of Religion in Public Administration. SAGE Publications Ltd, 2011. 289 p.

7. Kasper W. Jesus der Christus / Russian transl. by I. Krekshin; ed. by M. Belova. M.: St. Andrew's Biblical Theological Institute, 2005. 420 p.

8. Weber M. The Theory Of Social And Economic Organization / ed. by T. Parsons. Simon and Schuster, 2009. 448 p.

9. Spengler O. The Decline of the West. New York: Oxford University Press, 1991. 414 p.

10. Toynbee A. A Study of History: [abridged ed.]. Vol. 2 / abridgement of volumes VII — X by D. C. Somervell. Oxford University Press, 1987. 432 p.

11. Storkey A. Jesus and Politics: Confronting the Powers. Baker Academic, 2005. 336 p.

12. Downing S. World Empire and the Return of Jesus Christ. Xulon Press, 2011. 398 p.

13. Macquarrie J. Jesus Christ in Modern Thought. Hymns Ancient and Modern Ltd, 2003. 466 p.

14. Kereszty R. A. Jesus Christ: Fundamentals of Christology. New York: Alba House, 2002. 530 p.

15. Gobelet R. The Parables of JESUS CHRIST. Lulu.com, 2016. 82 p.

16. Stalker J. The Trial and Death of Jesus Christ: A Devotional History of Our Lord's Passion. Good Press, 2019. 243 p.

17. Lindsay M. D. Politics as the Construction of Relations: Religious identity and political expression // Evangelicals and Democracy in America. New York: Russell Sage Foundation, 2011. Vol. II: Religion and Politics. Part III: Cycles and the Evolution of Movement. Chapter 10. P. 305—330.

18. Larson J. S. Is God a Democrat? Essays from a Christian Perspective. Nova Science Publishers Inc, 2014. 69 p. (Religion and Spirituality).

19. Hewitt R. R. The church as Christ's broken body responding to the emerging global challenges in a divided world // HTS Theologiese Studies = Theological Studies. 2017. Vol. 73. № 3. P. 1—8.

20. Newlands G. Christ and human rights: The transformative engagement. Ashgate Publishing Limited, 2017. 218 p.

21. Zvjagincev V. E. Tribunal for Jesus: Special Opinion of a Russian Judge. Ekaterinburg: Izdatel'skie reshenija = Publishing solutions, 2016. 281 p. (In Russian).

22. Wright N. T. Jesus and the Victory of God // Christian Origins and the Question of God / N. T. Wright. Vol. 2 / Russian transl. M.: Saint Andrew's Biblical Theological Institute, 2004. 688 p. (In Russian).

23. Oganesjan S. S. Consistent transfer of legislative initiative and law-making from God to man // Cennosti i smysly = Values and Meanings. 2011. № 1 (10). P. 60—75. (In Russian).

24. Sebastian A. M. Towards Effective Management of Faith-based Organizations: A Case Study of Baptist Relief and Development Agency. Kumasi: Kwame Nkrumah University of Science and Technology, 2010. 95 p.

25. Song R. Christian bioethics and the Church's political worship // Christian bioethics: Non-Ecumenical Studies in Medical Morality. 2005. Vol. 11. Issue 3. P. 333—348.

26. Chilton B. S., King S. M., Foyou V. E., McDonald J. S. The Public Administration Profession: Policy, Management, and Ethics. New York: Routledge, 2018. 464 p.

27. Menzel D. C. Ethics Management for Public Administrators: Building Organizations of Integrity. 2nd edition. Routledge, 2014. 304 p.

Информация об авторах

С. Л. Катанандов — кандидат философских наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43), katanandov-sl@ranepa.ru

А. А. Ковалев — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

Information about the authors

Sergey L. Katanandov — Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Department of State and Municipal Administration at Northwest Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation (Russia, 199178, St. Petersburg, Sredny ave. of V. O., 57/43), katanandov-sl@ranepa.ru

Andrey A. Kovalev — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration at Northwest Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation (Russia, 199178, St. Petersburg, Sredny ave. of V. O., 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2022.

The article was submitted 02.06.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 98—107.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 98—107.

УДК 65
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-98-107

Деятельность и учение Иисуса Христа как предмет политологического исследования

Андрей Андреевич Ковалев

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия*

kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Обоснована целесообразность и релевантность рассмотрения жизни Иисуса Христа, его идей и деятельности в качестве предмета политологического анализа, в терминах и методологии политических наук при условии осуществления научного подхода к выбору методов исследования и опоры на достоверные и авторитетные источники. Утверждается, что Священное Писание содержит в себе ответы на многие вопросы управления, которые актуальны и эффективны спустя несколько тысячелетий. Показано, что основы христианского учения об управлении могут рассматриваться в качестве ценностной платформы для управленческой деятельности во всех сферах жизни человечества. Главным императивом христианского менеджмента называется персональная ответственность руководителя за результат деятельности организации. Утверждается, что, следуя христианской доктрине, руководитель (в широком смысле) должен являться этическим ориентиром для своих подчиненных.

Ключевые слова: наука, религия, политический портрет, Иисус, Священное Писание, политика, управление.

Для цитирования: Ковалев А. А. Деятельность и учение Иисуса Христа как предмет политологического исследования // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 98—107. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-98-107>

Activity and teaching of Jesus Christ as a subject of political science research

Andrey Andreevich Kovalev

*Northwest Institute of Management of the Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Saint Petersburg, Russia*

kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract: In this work, the expediency and relevance of considering the life of Jesus Christ, his ideas and activities as a subject of political science analysis, in terms and methodology of political sciences, on the premise of a scientific approach to the choice of research methods backed by reliable and authoritative sources, is justified. It is argued that the Holy Scripture contains answers to

many management questions that are relevant and effective after several millennia. It is shown that the foundations of the Christian doctrine of management can be considered as a value platform for management activities in all spheres of human life. The main imperative of Christian management is said to be the personal responsibility of the organization's head for the result of its activities. It has been affirmed that, following the Christian doctrine, the leader (in a broad sense) should be an ethical guideline for his subordinates.

Keywords: science, religion, political portrait, Jesus, Holy Scripture, politics, governance.

For citation: Kovalev A. A. Activity and teaching of Jesus Christ as a subject of political science research. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 98—107. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-98-107>

Введение. Христианство (шире — религия) и политика — это неотъемлемые части жизнедеятельности цивилизованного общества. Поэтому в данном исследовании предпринята попытка обосновать целесообразность рассмотрения жизни Иисуса Христа, его идей и деятельности в качестве предмета политологического анализа. Целью настоящей статьи выступает стремление продемонстрировать рациональность и приемлемость изучения личности Иисуса Христа и его идей, зафиксированных в Ветхом и Новом Заветах, в рамках политологических исследований. При этом к решению подобных задач следует подходить объективно: исследователь не должен быть подвержен влиянию политической конъюнктуры.

Методы. Методологический базис исследования составляют общенаучные методы: анализ и синтез литературных и научных источников, аналогия и исторический метод. Результаты исследования обоснованы анализом учения Иисуса, концептуальных основ христианской управленческой парадигмы, содержащихся в Библии, по итогам которого можно сделать вывод о возможности и релевантности изучения деятельности Иисуса Христа и его учения в терминах и методологии политических наук.

Несмотря на неочевидность политического содержания идей Иисуса Христа, в последние несколько десятилетий данная тема стала изучаться достаточно активно не только богословами, но и представителями

социальных наук, поэтому к настоящему времени современная политология накопила существенный методологический потенциал к составлению политического портрета Иисуса Христа. Например, евангельские и апокрифические тексты изучаются в контексте теории государственного управления (и управления вообще), в первую очередь, в методологии этики управления. Это достаточно молодое направление в науке, однако христианское учение в этике управления персоналом активно разрабатывают Г. А. Антонова [1], Н. В. Кузнецова и В. Л. Шпак [11], Б. Оберхолстер [22] и многие другие ученые. Исследованием библейских принципов управления занимаются такие ученые, как Э. Аперочо-Тамбалкве [12], К. Косеоглу и А. Угурлу [15], С. Мак-Дауэлл и М. Биллайлз [19], Р. Мартинес и Л. Густафсон [18], Л. Вулф [26], М. Себастьян [23] и многие другие. В работах таких исследователей, как А. Б. Зубов [3], Р. Ю. Рахматуллин [8], А. Сторки [24], содержатся попытки концептуализации политического учения Иисуса, а также теоретическое обобщение его идей об управлении, государственном устройстве, экономике. В трудах таких ученых, как У. Винк [25], Дж. С. Ларсон [16], Г. М. Ньюлендс [21], Р. Р. Хьюитт [14], также уделено существенное внимание проблеме «Иисус и политика». Соответственно, можно с определенными оговорками заявлять, что современная политическая наука готова к тому, чтобы обрисовать политический профиль Иисуса Христа, поскольку

первые решительные шаги в данном направлении уже сделаны.

Стоит отметить, что эта неоднозначная тема вызывает среди ученых исключительно жаркую полемику. Например, концепция «новой хронологии» и ее автор — А. Т. Фоменко — подвергся бурной критике как за саму концепцию, так и за место и роль в ней Иисуса Христа [5]. Также в данном контексте можно упомянуть научную «перепалку» между профессором И. И. Евлампиевым (автором) и профессором М. И. Ненашевым (рецензентом) [7] по поводу монографии «Неискаженное христианство и его первоисточники» [2]. Главная претензия рецензента к исследованию состояла в том, что, по его мнению, автор пытался «построить собственную версию христианства» [7, с. 207], что представлялось М. И. Ненашеву недопустимым.

Следует признать, что политологический анализ деятельности и учения Иисуса Христа, помимо прочего, осложнен множеством фальсификаций и мифов, которые сопровождают христианство многие века. Так, согласно выводам профессора Р. Ю. Рахматуллина, исторические документы раннего христианства содержат в себе как непредумышленные ошибки, так и фальсификации [8]. Основную причину фальсификаций профессор видит в том, что на заре христианства при попустительстве императора Константина и тогдашних богословов оригинальные христианские тексты (а также Ветхий Завет) были подкорректированы, в соответствии с политической конъюнктурой. В чем бы ни заключались причины такого состояния источников, следует признать, что Священное Писание содержит основания для неоднозначных и противоречивых трактовок роли личности Иисуса Христа в истории [6, с. 65]. Соответственно, между исследователями Иисуса Христа существует огромное число разногласий по вопросам интерпретаций тех или иных текстов и содержащихся в них сведений.

Результаты. У политики и религии на протяжении всей истории человечества были весьма непростые взаимоотношения: то рели-

гия поработала государственные институты, то правящие слои подчиняли себе ресурсы религии и церкви. Непросто складывалась и история взаимодействия христианства и европейской государственности.

Христианство и европейская управленческая мысль. В XXI в. вопросы управления являются актуальным предметом исследования различных социально-гуманитарных наук. При этом, по справедливому замечанию профессора В. С. Сизова, все они содержат в себе большой недостаток: делят участников управленческих отношений на деятельных (активных) субъектов и пассивных объектов [9, с. 32]. При этом современные методы управления как практико-ориентированной деятельности нацелены преимущественно на то, чтобы субъекты управления достигали определенных целей эффективно, т. е. используя объекты управления в качестве ресурсов; моральный выбор субъекта «эффективного управления» в такого рода концепциях вторичен.

Автор настоящей статьи задается вопросом: насколько этично для науки, государственного управления, современного менеджмента ориентироваться на подобные установки? Стоит ли управленцу в погоне за экономической эффективностью игнорировать вечные ценности, которые способны повысить реальную управленческую эффективность, нацеленную, в первую очередь, на человека, который должен, с точки зрения христианской морали, восприниматься как цель и смысл, а не как объект и ресурс управления? Для реализации этого подхода необходимо найти незыблемые основы, на которые можно опереться при анализе управленческих проблем, и такой основой, на взгляд автора, могут стать христианские тексты, в которых много внимания уделено вопросам государственного менеджмента, а также правам и обязанностям управляющих и управляемых.

Важно отметить, что тема управления поднималась не только в Евангелиях, но и в других текстах Священного Писания.

Основными императивами управления во взаимоотношениях человека с человеком, согласно священным текстам, являются следующие:

1) каждый руководитель должен развивать и преумножать свое предприятие, повышая собственный личностный и профессиональный уровень;

2) каждый руководитель имеет определенное призвание в какой-либо деятельности, и именно в этой деятельности он должен расти и добиваться успехов;

3) все материальные ценности должны служить делу преумножения человеческих благ, при этом капитал не является собственностью руководителя, его следует воспринимать как дар Бога;

4) власть в любой организации иерархична: нижестоящие подчиняются вышестоящему, и все они подчиняются Богу и ответственны перед ним;

5) руководитель ответственен перед Богом и получает от него награду либо наказание по результатам своей деятельности;

6) каждый участник отношений управления должен относиться к возложенным на него обязанностям ответственно;

7) руководитель должен идти в ногу со временем, не отставая от новинок в области техники и технологий, если они способствуют умножению всеобщего блага;

8) карьерное продвижение сотрудников той или иной организации должно осуществляться на основе их талантов и способностей, а не через кумовство;

9) чем выше должность руководителя, тем большую ответственность он несет перед Богом [10, с. 222—224].

Таим образом, достижение благополучия предприятия — это долг руководителя перед Богом. Вместе с тем священные тексты предостерегают менеджера (хозяина) предприятия также от того, чтобы относиться к подчиненным только как к средству преумножения материальных ресурсов, поскольку люди — это не элементы системы,

а ее полноправные участники. Стоит отметить, что положительные персонажи Священного Писания ответственно подходят к организации процесса управления. Согласно священным текстам, хороший руководитель должен обладать следующими чертами характера: послушание, покладистость, ответственность, умение планировать, запасливость, бережливость, терпение. Согласно библейской теории управления, небольшие предприятия будут более эффективны при иерархической системе осуществления власти и менеджмента, тогда как более крупные нуждаются в определенной децентрализации [15, с. 9]. Таким образом, Священное Писание содержит в себе ответы на некоторые актуальные вопросы управления.

Сегодня основы христианского учения об управлении могут рассматриваться в качестве ценностной платформы для управленческой деятельности во всех сферах жизни человечества. Главное правило здесь могло бы заключаться в том, что руководитель (в широком смысле) должен являться этическим ориентиром для своих подчиненных, при этом для самого руководителя ориентиром должен оставаться Иисус и его заповеди, одна из которых гласит, что необходимо любить ближнего, как самого себя (Мк. 12:31). Таким образом, этической максимой христианской философии управления является принцип уподобления Богу: следуя ей, земной руководитель должен постоянно прилагать усилия к тому, чтобы получить духовные дары управления от Всевышнего.

Человечество рефлексировало библейские ценности и идеи столетиями, поэтому этическая сторона управленческой деятельности заняла видное место в системе современного менеджмента: постепенно, в том числе в результате такого рода рефлексии, концептуализировались и права человека, и правовое государство, и демократический режим, и многие другие достижения просвещенной мысли.

В чем может быть привлекателен образ самого Иисуса Христа для современного менеджмента? Согласно текстам Евангелий, Иисус Христос выступает в качестве одновременно духовного лидера и менеджера по отношению к своим ученикам и последователям: «Я среди вас как служащий» (Лк. 22:27). Иисус наставлял, проповедовал, советовал, учил, иными словами, организовывал жизнь других людей в духовном, бытовом и политическом смыслах, — Иисус, в этом отношении, был эффективным и грамотным руководителем, достойным примером для своих учеников и последователей. Иисус прямо говорил о том, что руководитель должен всегда быть слугой Бога, и только из такой позиции руководителя проявляются его лучшие качества, поскольку служение — это не признак слабости, а признак избранности [18, с. 24].

Иисус отмечал, что руководитель должен быть «добрым пастырем» для своих подчиненных. В условиях растущей безответственности управленческого аппарата в самых разных областях человеческой деятельности, нередко проявляемого безразличия руководителей к объектам управления персональная ответственность лидера, сопряженная с уверенностью в правоте своих действий и слов, становится весьма привлекательной этической максимой. Пример Иисуса показывает, что такая модель управления позволяет удержать и укрепить власть над подчиненными, а также уберечь управляемую организацию от различных рисков и угроз, как внешних, так и внутренних. Иисусом осуждалась практика nepотизма: так, он отказал матери, которая просила Иисуса предоставить ее сыновьям должности, чтобы вместе с ним властвовать над миром. Иисус ответил, что на всё воля «Отца Моего» (Мф. 20:23).

Практическая ориентированность идей Иисуса также очень ценна: он не просто проповедовал, он был настоящим духовным лидером, демонстрируя последователям пример правильной (праведной) жизни. Вместе с тем, как свидетельствуют Евангелия, Иисус

довольно много говорил о целесообразности разумного подхода к хозяйственно-управленческой деятельности. На основе анализа высказываний и деятельности Иисуса можно сформулировать следующие правила эффективного управления:

1) стоит поддерживать только те предприятия, которые являются реально функционирующими, искусственно не поддерживать изжившее себя;

2) не стоит избегать перемен в случае, если полная реорганизация эффективнее локальных изменений;

3) ответственность тех, которым Богом многое дается (власть, деньги и т. д.), тем выше, чем более высокое положение они занимают;

4) власть — это не привилегия, а колоссальная ответственность; она дается человеку в качестве испытания;

5) качество управления определяется успешностью дела и предприятия, которым управляет человек: убыточное (в широком смысле) предприятие обнаруживает неправомерность (неправедность) менеджмента.

Христианство и политический менеджмент. Апокрифические тексты содержат немало сведений, которые «раскрывают» фигуру Иисуса с не освещенных Евангелиями сторон, однако, на взгляд автора, не менее ценные (хотя и не столь многочисленные) сведения содержатся и в канонической литературе. В данном исследовании автор опирается именно на священные тексты, которые не столь явно, но, на взгляд автора, все же позволяют судить, что Иисус не был аполитичен и не мог быть таковым.

В отношении политического менеджмента Иисус представляется исключительно сложной фигурой. Сами Евангелия не содержат в себе прямых отсылок к политической деятельности Иисуса Христа или хотя бы к его политическим предпочтениям, мыслям и идеям. Однако считать его аполитичным тоже представляется автору не совсем верным подходом, поскольку, по справедливому

замечанию профессора А. Б. Зубова, «любое общество по определению политично» [3, с. 18]. Само христианство как идеология также не является политически нейтральным.

Проповеди Иисуса раскрывают его позицию по многим жизненным вопросам, среди которых и экономика, и управление, и государственное устройство (форма правления), и политические режимы, и вопросы гендерных взаимоотношений, и финансовая грамотность. Иисус много высказывался о Законе и праве. Он отмечал, что людям, живущим по Божественным заповедям, земной, человеческий закон не нужен. Позиция Иисуса отнюдь не базируется на правовом нигилизме, поскольку, с его точки зрения, те, что не соблюдают Божественного Закона, нуждаются в духовном наставнике, который сможет их удержать в рамках дозволенного Богом и поможет им избежать участи потерянных для общества и падших в глазах Бога. Иисус отмечал, что пришел в этот мир не для того, чтобы нарушать Законы Ветхого Завета, напротив, он пришел, чтобы их исполнить (Мф. 5:17-18).

Согласно выводам профессора А. Б. Зубова, сделанным по результатам его исследования, посвященного христианской политике, Иисус защищал и отстаивал следующие политические идеи: во-первых, это идея солидарности, согласно которой следует ориентироваться не только на свои интересы, но и на интересы других (людей, обществ, государств).

Во-вторых, жертвенность, которая, согласно христианскому учению, поможет искоренить из мира политики ложь, лицемерие и коварство.

В-третьих, идея персональной ответственности публичного политика за свои слова и поступки [3, с. 20—21].

Автор солидаризируется с этим ученым в его выводах. Вместе с тем нельзя не признать, что существует также не получившая массового признания версия К. Каутского, который «реставрирует» исторического Иисуса

не как первого гуманиста и Спасителя человечества, Мессию и миротворца, а как радикально настроенного бунтаря [4, с. 373—375]. Согласно этой трактовке, иудеи переживали тяжелые времена (во всех сферах: в политике, социальной жизни, экономике), поэтому Иисус стал лидером национального освободительного движения. На взгляд автора, Евангелия свидетельствуют преимущественно о том, что Иисус придерживался ненасильственных методов достижения целей организованной борьбы. Однако подобные несоответствия политических целей Иисуса и его гуманистических методов Каутский объясняет фальсификациями текстов в раннехристианский период, при которых все радикальные высказывания Христа были якобы вымараны из Писания.

Множество споров вызывает и казнь Иисуса, которая применялась в Римской империи преимущественно к политическим преступникам. Дошедшие до настоящего времени памятники, рассказывающие об Иисусе, свидетельствуют о том, что он не занимался политической деятельностью напрямую и дистанцировался от прямого участия в политических событиях; с другой стороны, человек, сочувствующий борьбе своего народа против порядков правящего режима, не мог оставаться политически нейтральным. Этим соображением можно было бы объяснить политический характер обвинения против популярного в массах проповедника [24, с. 336].

Одним из важных вопросов в рамках общей темы «Иисус, политика и государственное управление» является проблема соотношения морали и политики [20, с. 69].

Очевидно, что Библия не содержит в себе развернутые ответы на политические вопросы современности, однако, на взгляд автора, в ней можно увидеть направление для поиска ответов на вызовы современного мира. Серьезные опасения сегодня вызывают нарушения прав человека во всем мире [21, с. 112—113]. Большинство современных

политических режимов стремится к реализации модели управления по принципу «власть и прибыль»; в разных государствах она принимает разные формы, но последствия, как правило, схожи: при достижении государствами политических целей страдают простые граждане этих стран [13]. Глобальные вызовы современности несут в себе угрозу для всего человечества, так как обезличивают и формализуют отношения на всех уровнях. Если модель «власть и прибыль» будет и дальше разобщать общество, то отношения людей будут иметь по большей части характер товарно-денежного обмена, вопреки одной из заповедей Иисуса Христа, призывавшего относиться к людям как к цели, а не средству. Таким образом, главная опасность и главный глобальный вызов современности — дегуманизация, поскольку вся современная система управления построена так, чтобы экономически и политически сильные стороны становились еще сильнее за счет эксплуатации слабых; в этой неравной борьбе судебная и правовая системы нередко оказываются дискредитированными. В этих условиях стремление современного общества вспомнить заветы Иисуса более чем естественно, поскольку священные тексты могут содержать ответы на многие сложные вопросы политического и государственного управления. По справедливому замечанию профессора Р. Р. Хьюитта из Университета Квазулу-Натал (Южная Африка), «Иисус — учитель, который устанавливает стандарты нашего образа жизни» [14, с. 6]. Возвращение к христианству должно помочь людям стать людьми, ведь, по мнению У. Винка, очеловечивания человека еще не совершено, поскольку есть путь вочеловечивания (через сострадание, милосердие, справедливость и т. д.) и он до сих пор пройден только Иисусом [25, с. 102].

На взгляд автора, церковь как политический институт, согласно христианскому учению, может и должна возглавить сопротивление тенденции дегуманизации. Вместе

с тем государство также может и должно заботиться о благополучии своих граждан, развивая принципы социального государства, однако ни одно государство не обязано возлагать на себя всю полноту ответственности за каждого гражданина, поскольку такого рода патерналистская стратегия неизбежно приведет к культивированию иждивенчества среди граждан. Опасность последнего хорошо раскрывается в притче о талантах, в которой хозяин наказал слугу за то, что тот не преумножил хозяйского богатства в его отсутствие (Мф. 25:26).

Рассмотрение фигуры Иисуса в пространстве политики актуализирует проблему политической ориентированности Иисуса. Например, американский исследователь профессор Дж. С. Ларсон полагает, что Библию можно интерпретировать точно так же, как и «политическую Библию» (Конституцию США), и пытается найти ответ на вопрос, являлся ли Иисус демократом или республиканцем [16]. Исследователь отмечает и находит подтверждение, что Иисус призывал людей платить налоги правительству, чтобы жить в мире и иметь возможность служить Богу: «Отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мк. 12:17). Также ученый обращает внимание на то, что, согласно учению Иисуса, Бог Отец и Бог Сын после Второго пришествия будут править на основе монархической модели правления. Ларсон рассуждает о суждениях Бога с позиций идеологии Республиканской и Демократической партий и приходит к выводу, что Христос придерживался правых политических взглядов [16, с. 59]. Однако исследователь, призывая прислушиваться к Библии, предостерегает от ее буквального понимания (в частности, упоминание в Писании рабов не свидетельствует о том, что Иисус был сторонником рабства).

Выводы. Религиозная тематика во все времена была довольно обособленной, а идеи, в ее рамках продуцируемые, — рискованными как для исследования и теоретических интер-

претаций, так и для применения в прикладных политических, экономических, политических практиках. Очевидно также, что богословие, как и другие области знаний, является пространством, в котором есть место спекуляциям, фальсификациям и добросовестным заблуждениям.

Политика, как и все другие сферы человеческой жизнедеятельности — это область отношений между людьми, институтами власти и ее отдельными представителями, тесно переплетенная с религией [17]. Ввиду сложности и неоднозначности взаимоотношений политической и религиозной сфер, понятны риски и связанные с ними осторожность ученых и богословов, касающиеся политических исследований Библии. Вместе с тем ответственный и методологически выверенный подход к изучению Библии может привести к получению интересных исследовательских результатов: соблюдая осторожность, исследователи могут нацелить свои изыскания на обогащение современной политической теории и практики деятельной мудростью Иисуса.

Выбирая Иисуса и его наследие в качестве предмета политического исследования, необходимо ориентироваться на следующие императивы: во-первых, соблюдать научную осторожность и методологическую деликатность (священные тексты должны выступать в качестве основных научных источников; ученому следует сверяться с авторитетными исследованиями в данной области); во-вторых, важно понимать, что Библия статична, политика динамична, соответственно политика может ориентироваться на христианские ценности, а не наоборот.

Библиографический список

1. Антонова Г. А. Этика общения и управления персоналом организации. М.: Наука, 2000. 216 с.
2. Евлампиев И. И. Ответ на критические замечания в адрес автора монографии «Неисказенное христианство и его первоисточники» // Соловьевские исследования. 2018. № 4 (60). С. 172—179.
3. Зубов А. Б. Христиане и политика: гонимая церковь и гонимая церковь. Почему все, желающие жить во Христе Иисусе, будут гонимы? // Полис. Политические исследования. 2008. № 2. С. 17—22.
4. Каутский К. Происхождение христианства. М.: Политиздат, 1990. 463 с. (Б-ка атеистической литературы).
5. Леонтьев А. В. Иисус Христос в исторической концепции А. Т. Фоменко // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2011. № 4. С. 45—50.
6. Найт К., Ломас Р. Ключ Хирама. М.: Эксмо, 2006. 488 с. (Тайны древних цивилизаций).
7. Ненашев М. И. Рассуждения по поводу ответа И. И. Евлампиева на критику его монографии «Неисказенное христианство и его первоисточники» // Соловьевские исследования. 2019. № 1 (61). С. 205—207.
8. Рахматуллин Р. Ю. Отражение личности Иисуса Христа в зеркале истории // Вестник ВЭГУ. 2011. № 2 (52). С. 98—104.
9. Сизов В. С. Библия как учебник управления // Вопросы новой экономики. 2012. № 3 (23). С. 32—38.
10. Хорошилов А. Библейские принципы управления организацией // Христианское чтение. 2015. № 1. С. 215—242.
11. Шпак В. Л., Кузнецова Н. В. Этика управления в российском бизнесе // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013007367> (дата обращения: 05.07.2022).
12. Aperocho-Tambalque E. Christian values in teaching office management // 33rd International Faith and Learning Seminar (Helderberg College, Somerset West, South Africa, Jan. 30 — Feb. 11, 2005). Silver Spring, MD: Institute for Christian Teaching, 2005. P. 283—302.
13. Chomsky N. Republican party is the most dangerous organization in human history // Independent [Электронный ресурс]. 26.04.2017. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/noam-chomsky-republican-party-most-dangerous-organisation-humanhistory-us-politics-mit-linguist-a7706026.html> (дата обращения: 07.04.2022).

14. **Hewitt R. R.** The church as Christ's broken body responding to the emerging global challenges in a divided world // *Herv. Theol. Stud.* 2017. Vol. 73 (3). P. 1—8. <https://doi.org/10.4102/hts.v73i3.4648>
 15. **Koseoglu K., Ugurlu A.** Christianity and management. Istanbul: Yeditepe University Institute of Social Science Business Administration, 2006. 33 p.
 16. **Larson J. S.** Is God a democrat? Essays from a Christian perspective. Hauppauge, NY: Nova Science, 2014. 69 p.
 17. **Lindsay D. M.** Politics as the construction of relations: Religious identity and political expression // *Evangelicals and Democracy in America: Religion and Politics* / ed.: S. Brint, J. R. Schroedel. New York: Russell Sage Foundation, 2009. P. 305—330.
 18. **Martinez R., Gustafson L.** Teaching strategic management from a Christian perspective. Seattle: Seattle Pacific University, 2003. 62 p.
 19. **McDowell S. K., Beliles M. A.** Liberating the nations: Biblical principles of government, education, economics & politics. Charlottesville, VA: Providence Foundation, 2008. 209 p.
 20. **Moxnes H., Blanton W., Crossley J. G.** Jesus beyond nationalism: Constructing the historical Jesus in a period of cultural complexity. London: Routledge, 2016. 256 p.
 21. **Newlands G.** Christ and human rights: The transformative engagement. London: Routledge, 2017. 228 p. <https://doi.org/10.4324/9781315260396>
 22. **Oberholster B.** Management — a Christian perspective // *International Faith and Learning Seminar* (Helderberg College, Somerset West, South Africa, Dec. 1993). Silver Spring, MD: Institute for Christian Teaching, 1993. P. 229—243.
 23. **Sebastian M.** Towards effective management of faith-based organizations: a case study of Baptist relief and development agency: Theology dissertation. Ghana: Kwame Nkrumah University of Science and Technology, 2010. 103 p.
 24. **Storkey A.** Jesus and politics: confronting the powers. Ada, MI: Baker Academic, 2005. 336 p.
 25. **Wink W.** Just Jesus: my struggle to become human. New York: Crown, 2014. 176 p.
 26. **Woolfe L.** Leadership secrets from the Bible: from Moses to Matthew: Management lessons for contemporary leaders. New York: American Management Association, 2002. 240 p.
- ### References
1. Antonova G. A. *Communication ethics and ethics of corporate staff management*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 216 p. (In Russian).
 2. Evlampiev I. I. Response to criticisms against the author of monograph “Undistorted Christianity and its sources”. *Solov'yevskiy issledovaniya = Solovyov Studies*, 2018, no. 4 (60), pp. 172—179. (In Russian).
 3. Zubov A. B. Christians and politics: persecuting church and persecuted church. Why will all who seek living in Christ, will be persecuted? *Polis. Politicheskoye issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2008, no. 2, pp. 17—22. (In Russian).
 4. Kautsky K. *Foundations of Christianity: A study in Christian origins*. New York, International Publishers, 1925. 480 p.
 5. Leontyev A. Jesus Christ in A. Fomenko's historical concept. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istoriya i politicheskoye nauki = Bulletin of the MSRU. Series: History and Political Sciences*, 2011, no. 4, pp. 45—50. (In Russian).
 6. Knight Ch., Lomas R. *The Hiram key: Pharaohs, freemasons and the discovery of the secret scrolls of Jesus*. New York, Barnes & Noble, 1998. 384 p.
 7. Nenashev M. I. Reflections on I. I. Evlampiev's reply to the criticism of his monograph “Undistorted Christianity and its sources”. *Solov'yevskiy issledovaniya = Solovyov Studies*, 2019, no. 1 (61), pp. 205—207. (In Russian).
 8. Rakhmatullin R. Yu. Reflection of the personality of Jesus Christ in the mirror of history. *Vestnik VEGU*, 2011, no. 2 (52), pp. 98—104. (In Russian).
 9. Sizov V. S. The Bible as a management textbook. *Voprosy novoy ekonomiki = Issues of the New Economy*, 2012, no. 3 (23), pp. 32—38. (In Russian).
 10. Khoroshilov A. Biblical principles of the corporate governance. *Khristianskoye chteniye = Christian Reading*, 2015, no. 1, pp. 215—242. (In Russian).
 11. Shpak V. L., Kuznetsova N. V. Ethics of management in Russian business. *Materialy V Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii “Studencheskiy nauchnyy forum”*. (In Russian). Available at:

<https://scienceforum.ru/2013/article/2013007367> (accessed: 05.07.2022).

12. Aperocho-Tambalque E. Christian values in teaching office management. *33rd International Faith and Learning Seminar (Helderberg College, Somerset West, South Africa, Jan. 30—Feb. 11, 2005)*. Silver Spring, MD, Institute for Christian Teaching, 2005, pp. 283—302.

13. Chomsky N. Republican party is the most dangerous organization in human history. *Independent*. 26.04.2017. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/noam-chomsky-republican-party-most-dangerous-organisation-humanhistory-us-politics-mit-linguist-a7706026.html> (accessed: 07.04.2022).

14. Hewitt R. R. The church as Christ's broken body responding to the emerging global challenges in a divided world. *Herv. Theol. Stud.*, 2017, vol. 73 (3), pp. 1—8. <https://doi.org/10.4102/hts.v73i3.4648>

15. Koseoglu K., Ugurlu A. *Christianity and management*. Istanbul, Yeditepe University Institute of Social Science Business Administration, 2006. 33 p.

16. Larson J. S. *Is God a democrat? Essays from a Christian perspective*. Hauppauge, NY, Nova Science, 2014. 69 p.

17. Lindsay D. M. Politics as the construction of relations: Religious identity and political expression. *Evangelicals and Democracy in America: Religion and Politics*, eds S. Brint, J. R. Schroedel. New York, Russell Sage Foundation, 2009, pp. 305—330.

18. Martinez R., Gustafson L. *Teaching strategic management from a Christian perspective*. Seattle, Seattle Pacific University, 2003. 62 p.

19. McDowell S. K., Beliles M. A. *Liberating the nations: Biblical principles of government, education, economics & politics*. Charlottesville, VA, Providence Foundation, 2008. 209 p.

20. Moxnes H., Blanton W., Crossley J. G. *Jesus beyond nationalism: Constructing the historical Jesus in a period of cultural complexity*. London, Routledge, 2016. 256 p.

21. Newlands G. *Christ and human rights: The transformative engagement*. London, Routledge, 2017. 228 p. <https://doi.org/10.4324/9781315260396>

22. Oberholster B. Management — a Christian perspective. *International Faith and Learning Seminar (Helderberg College, Somerset West, South Africa, Dec.*

1993). Silver Spring, MD, Institute for Christian Teaching, 1993, pp. 229—243.

23. Sebastian M. *Towards effective management of faith-based organizations: a case study of Baptist relief and development agency*, Theology dissertation. Ghana, Kwame Nkrumah University of Science and Technology, 2010. 103 p.

24. Storkey A. *Jesus and politics: confronting the powers*. Ada, MI, Baker Academic, 2005. 336 p.

25. Wink W. *Just Jesus: my struggle to become human*. New York, Crown, 2014. 176 p.

26. Woolfe L. *Leadership secrets from the Bible: from Moses to Matthew: management lessons for contemporary leaders*. New York, American Management Association, 2002. 240 p.

Информация об авторе

А. А. Ковалев — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43)

Information about the author

Andrey A. Kovalev — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration, North-West Institute of Management of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 199178, St. Petersburg, Sredny ave. V.O., 57/43)

Статья поступила в редакцию 12.04.2022.

The article was submitted 12.04.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 108—119.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 108—119.

УДК 16: 161;165;168; 101.2; 101.8
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-108-119

Математика с геометрией и логика

Геннадий Васильевич Лобастов

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) — МАИ, Москва, Россия

lobastov.g.v@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается осуществление мышления внутри науки — без фиксации такого рода, как: «Высокий уровень развития интеллекта привел к возникновению новых производственных технологий». В суждениях подобного рода слышится масштабность общественно-исторических реалий, но, увы, каждый понимает, что наполнение ими головы не приводит эту голову к качественному сдвигу в способностях мышления. В статье проявлена интенция найти точки, в которых соприкасаются, синтезируются и отождествляются определения объективно-чувственного бытия и субъективно-научного движения мысли. Сама мысль тут обнаруживается как проблема, через которую проявляется и удивительная загадочность «чистых» понятий научного мышления. В статье нет больших объемов научного знания, пугающих ученическое сознание, но есть задача привести в сомнение ученый ум в простоте «несомненных» истин.

Ключевые слова: математика, геометрия, логика, истина, противоречие, идеальный образ, форма мышления, понятие, суждение.

Для цитирования: Лобастов Г. В. Математика с геометрией и логика // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 108—119. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-108-119>

Mathematics with geometry and logic

Gennady V. Lobastov

Moscow Aviation Institute (National Research University) — MAI, Moscow, Russia

lobastov.g.v@yandex.ru

Abstract: The implementation of thinking within science is considered — without fixation of this kind, such as: “The high level of intelligence development has led to the emergence of new production technologies”. In judgments of this kind, the scale of socio-historical realities is heard,

but, alas, everyone understands that filling their heads with them does not lead these heads to a qualitative shift in thinking abilities. The article shows the intention to find the points where the definitions of objective-sensory being and subjective-scientific movement of thought touch, synthesize and identify. The thought itself is revealed here as a problem through which the amazing mystery of the “pure” concepts of scientific thinking is manifested. There are no large volumes of scientific knowledge in the article that frighten the student’s consciousness, but there is a task to cast doubt on the scientific mind in the simplicity of “undoubted” truths.

Keywords: mathematics, geometry, logic, truth, contradiction, ideal image, form of thinking, concept, judgment.

For citation: Lobastov G. V. Mathematics with geometry and logic. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 108—119. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-108-119>

Однажды, в 6-м классе, у меня возникло некое ощущение бессмысленности школьных занятий математикой, и я попытался сказать об этом учительнице, оформив свое недоумение в вопрос. Она меня понять не могла, потому как все мои ссылки на какие-то мои непонимания ей были непонятны. Мы говорили на разных языках: я говорил о непонятной мне природе и функции математики, она — о моем понимании этой самой математики, коль скоро я все умею «считать и решать». Мой «каприз» доходил до истерики, и она оставила меня «после уроков» для объяснения мне того, чего я не понимал. В итоге, мы осознали, что не понимаем друг друга: учительница все математические смыслы видела в умении правильно «работать» внутри математики по ее правилам и законам, а я как раз не видел никакого смысла в этом самом умении.

Но нервный срыв не случился, потому как на страницах выброшенной кем-то книжки я встретил мысль, что без этой самой алгебры-математики даже подметку к башмаку изготовить нельзя — в развивающемся обществе 50-х годов прошлого века. Это меня впечатлило, я стал разглядывать оторвавшуюся подметку своего ботинка, обнаружил аккуратные изгибы ее контура и сразу

понял, что мой дедушка, плетя лапти, в самом деле столь красивой подошвы сделать бы не смог и именно по причине, заключил я, что он не знает математики. Это заключение меня приятно поразило и, пораженный, я тогда успокоился. Когда я эти размышления донес до деда и стал доказывать ему практическое значение математики, мол, это не заумь какая-то, а вещь, без которой мы так в лаптях и будем ходить, — дед возразить мне не смог: он был далек и от математики, и от промышленного производства обуви.

Сегодня я удивляюсь, почему же математика не связалась у меня с послевоенным хламом в Восточной Пруссии, разбитыми пушками, танками без башен и гусениц, блеском плоскостей развалившихся самолетов и т. д. — всем тем, что было разбросано войной повсюду в тех местах моего детства, — и пытаюсь сообразить, могла ли та учительница разъяснить мне связь этого далеко не «лапотного» дела с математикой, и почему-то уверен: не смогла бы.

Ибо не может и не умеет это делать и вузовский преподаватель математики, и математик-ученый, который периодически вдруг задумывается над тем, *чем* он занимается и *что* он изучает и *как* он это делает. *Что* позволяет (т. е. что обеспечивает) ему это делать:

ведь знание математических операций не осуществляет решения проблем; в операциях выражен только некий стереотип — как фиксированное выражение некой «математической» способности. Математическое мышление ведь явно втягивает в себя, кроме всех математических операций, некую силу ума, его движущую мощь, обеспечивающую преобразование и развитие наличных форм движения математического знания.

Десять школьных лет, со слезами пробираясь сквозь дебри математических абстракций и сложнейших уравнений, мы вдруг фиксируем в себе не только отсутствие *математического мышления*, но обнаруживаем вопрос: «А зачем все это надо было?» А сегодня, когда я уже не в 6-м классе, мне, как и любому взрослому человеку, понятно, что без математики не взорвалась бы атомная бомба над Хиросимой, но и не работала бы мобильная связь. Одним словом, все блага и беды цивилизации не обошлись без ее участия. Аргументов в обосновании необходимости математического обучения будет миллион, среди них первый: это же наука, первая среди наук, без нее и шага не ступить, все в жизни надо считать, складывать и отнимать, умножать и делить. Без нее ни в олигархии не прыгнешь, ни ракета не полетит. И уж самый авторитетно-внушительный, почти что метафизический, аргумент: математика учит *логике размышления*, уму, поскольку мы предполагаем, что математическое мышление и мышление вообще — вещи тождественные. Математика, может, и заумь, но в ней ум.

Хотя, небось, и любому, чуть внимательному уму, видно, что за формой движения математических абстракций лежат некие более фундаментальные основания, нежели известные операции математических действий, как понятно и то, что *повторить*

за наукой некую формулу и образовать в себе *навык работы* по этой формуле, — далеко не одно и то же. Если это и имеет общий корень, то увидеть и откопать его не сможет не только школьный учитель, с этой задачей справится и не всяк с ученой степенью. Методология математического познания давно усмотрела за движением математического знания некие априорные принципы работы человеческой субъективности, которые обыденное сознание толкует как особую одаренность, а методология математики в попытках найти исходные основания математического мышления толкует их то через принципы интуитивизма, то формализма, то конструктивизма, через идеи, которыми занимается далеко не математика. В этом легко увидеть основания для критического отношения к столь объемному материалу математики в школе: кто умный, тот и без математики умный, ведь ум-то, как его ни объясняй, — ум-то этот лежит за математикой, в ней только особым образом проявляется, а все эти науки, от математики до философии, — заумь несусветная. Дайте только то, что надо: чтобы деньги в уме и в кармане считать, килограмм к куску масла прикладывать. Кому надо больше, пусть изучает: например, тем, кто строит ракеты, — вдруг ему косинус там нужен! А в олигархии и без математики можно: любому понятно, что олигархами становятся там, где как раз нарушаются правила банальной арифметики. Жизнь живет по каким-то другим законам, не по математическим: «В действие, — объясняет ситуацию своих героев Василь Быков, — вступала странная, попирающая математику логика, когда два, разделенное на два, составляло менее чем единицу, так же как в других случаях две вместе сложенных единицы заключали в себе больше двух. Наверно, такое с трудом согласовывалось с нормальной

логикой и было возможно лишь на войне» [1, с. 620]. Нет, дорогой Василь, такое возможно не только на войне. Или война есть всегда и везде.

Конечно же, несложно понять, что разного рода общественные обсуждения школьных вопросов, — это растерзание существа педагогического дела. Математика вот и для математических умов дело непростое, но, скажите, есть что-нибудь в «общественно-педагогических» обсуждениях-дискуссиях от ума математики или самой педагогики? Вот если бы поставить вопрос, что же собой представляет сама эта наука, чистая, так сказать, математика, — поставить без всякой оглядки на юных вундеркиндов и мелких торгашей, и даже без оглядки на самих себя, ученых и умных?

* * *

В научных кругах насчет «чистой» математики разные мнения. Одно из них: математика есть наука, которая занята тем, что выявляет чистые пространственные и количественные формы бытия и внутренние отношения их элементов, не зависящие ни от каких обстоятельств, включая сюда талант и прочие субъективные характеристики. Малообразованному народу от «умопомрачительного» явления математического ума (типа Григория Перельмана) может примыслиться все, что угодно: любое *противоречие в его представлениях* может вывернуться любыми фантастическими чудесами, а особенно шустрые среди всех — с опорой на науку — дойдут до последней «точки» Вселенной и скажут, что она, эта точка, — первая.

Если, конечно, на эти случайно-привходящие обстоятельства не оглядываться, то становится очевидным, что математика, как и всякая другая теоретическая наука, существует как надындивидуальная форма. Мате-

матические формы — не продукт «больной головы» Перельмана. «Но почему их выразила его голова?» — вопрос, который должен обсуждаться не в «демократических» кругах, где «у каждого свое мнение», а там, где в поисках истины подчиняют себя самой этой истине. Математическое мышление, вопреки представлениям, существующим и внутри самой математической культуры, — не зависит по характеру своих всеобще-необходимых определений от человеческого сознания (человеческое сознание может либо адекватно выразить эти определения, либо исказить): математика вообще есть *способ мышления* пространственно-количественных отношений внутри действительности. Что самое интересное, в обоих случаях сознание, и выражая, и искажая, — не всегда способно дать отчет в том, в какой позиции оно, сознание, находится: в истине или искаженном образе, потому и не удивительно, что оно часто теряется перед вопросом, *что* определяет математические формы, от *чего* они зависят, в *чем* и *какова* их природа. Вот как знать, что создает их, эти математические формы (окружности, прямые, точки, числа и их различные отношения и т. д.): *порождающая сила сознания*, или математическое знание лишь выражает некое объективное содержание? Идеальные пространственные и количественные формы в научном сознании есть отражения неких соответствующих форм объективной действительности? Или это созданные умом специальные конструкции, инструментарий, для работы внутри пространства-времени бытия? А когда математическая наука вдруг, скажем, заявляет, что параллельные прямые пересекаются, что любой отрезок состоит из бесконечного числа точек, но ни одна точка не имеет длины и т. д., и когда эта математическая наука как бы забывает, что

«спрятала» в себе противоречия, каким-то образом в составе своего знания их разрешив, — то, конечно же, околomатематическое мышление порождает фонтан фантастических представлений, размещающихся в разного рода мистике, и математические «объекты» начинают казаться весьма загадочными: и из головы их не выведешь, и в объективной действительности не найдешь.

Противоположность субъективистским представлениям о природе математического знания, необходимо вырастающая внутри сознания, заключается в утверждении, что математические отношения выражают глубочайшие связи, лежащие как бы даже за пределами самого этого мира, но его определяющие. Представление это не только логически возможно, но и — как любая логическая возможность — уверенно живет в уме человечества. Представление это восходит к пифагорейцам, полагавшим число в основание мира на основе того факта, что эмпирический мир подчиняется математическим числовым отношениям. А если бы, кстати, это было не так, то, в самом деле, зачем бы была нужна математика? Ведь владея математическими отношениями этого мира, я как субъект реально-практической деятельности и подчиняю пространственно-количественную сторону этого мира себе. Но чтобы чистые математические формы могли погрузиться в эмпирические отношения действительности и, наоборот, действительность могла выразить себя в математических формах, надо вообще знать о связи чисто мыслительных форм с формами объективно-чувственными. Должны быть поняты *чистые понятия пространства и количества*.

Разум науки — всего лишь *рассудок*, который не желает принимать тех противоречий, в которые сам и впадает, когда заглядывает, как говорит Кант, за свои собственные

пределы, — в те области, где его схематизмы оказываются бессильными, а потому и всеобщая *элементарная логическая связь*, выражающаяся в форме *суждения*, кажется связью ограниченной. Чтобы разуму стать разумным, он должен *судить вещь природой самой этой вещи*, рассудок здесь — лишь «встроенная» форма, операционное средство движения мыслящего действительность разума. Иначе говоря, абсолютный момент постигающего разума есть его способность удерживать и разрешать противоречие *всеобщей* формы вещи и ее любого *особенного* образования. Поэтому и суждение тут соотносит вещь не с ее каким-либо особым свойством, а с ее собственной, выражающей ее природу, формой. Сказать, что человек — это животное, для истины мало; не будет истинным и суждение, что человек есть Бог. Только то суждение тут может претендовать на разумность и истинность, которое обнаруживает свой предикат в природе, в основаниях, самих этих «вещей».

Однако не все так просто. Требование судить вещь ее природой тогда, когда эта природа познана, — это требование легко выполнимо, поскольку суждение превращается в банальность внутри известного и обоснованно истинного знания. Мера человека лежит в его собственной природе, но как определить ее? Уж кто и как только ни определяли человека! Фридрих Ницше, например, указывает пространство, где надо искать предикаты суждений о человеке, и дает его метафорический образ: человек — это мостик между животным и Богом. Пройдитесь по нему, добавлю от себя, и увидите это человеческое существо, во всех возможных образах — от звериной зоологии до божественной святости. Сколько предикатов человека можно указать! Искусство во всей своей полноте, формах и видах, именно эти образы

нам и разворачивает. На этом фоне изображенной человеческой многоликости многообразие пространственных форм и измерение их мерой, заданной наукой геометрии, просто, если сказать по аналогии с Эйнштейном, пустяки. Понятие атома, говорил он, есть игра по сравнению с пониманием игры.

Однако судить пространственную определенность вещи тоже ведь не так легко. Соотнося геометрический шар с некоторым шарообразным телом, мы, как легко заметить, попадаем в некое противоречие между формой, образованной наукой, и формой реальной вещи. Здесь противопоставлены субъект и объект: шар, как он выражается в научно-теоретической форме, есть форма, принадлежащая субъекту, и как его произведение, и как его мера. Разум требует соотнести вещь с ее собственной объективно-всеобщей формой, выражающей ее природу и содержащей ее собственную существенность, но где, кроме сознания, можно это соотнесение осуществить?

Догматическое сознание никогда не держит в себе противоречий, оно просто «прыгает» от одной противоположности к другой, от одного проявленного образа к другому, не менее обоснованному в своей проявленности. Любое предпочтение тут опирается на субъективность. Сколько всевозможных догм исповедует рассудок! Сколько их содержится в *предрассудочном* слое бытия! Сколько злобы и гнева извергается в адрес этого мира, который никак не укладывается в абстрактные истины этих догм! Сколько глупости во круг, и «глупый народ» по своей глупости никак эту глупость увидеть и перестать глупым быть не хочет!

Любая чистая форма, например, математически-геометрический шар, человеческой *способностью* должна быть совмещена

с реальной эмпирической формой, с эмпирическим содержанием действительности, должна позволить увидеть в ней, в эмпирической действительности, то, что чувственное восприятие никак схватить не может. Зная эту форму, я и в вещах узнаю ее, ее, эту форму, в вещах намеками угадывая. И в этих же вещах я вижу несомещающуюся с ней, с этой математически-пространственной формой, *содержание*, отличное от нее, и тем более противоположное ей.

Пространственное многообразие вещей в науке геометрии не схвачено в полном объеме: далеко не все пространственные определения действительности адекватно проявили себя в форме пространственно-внешней, эмпирически доступной: даже эта пространственно-внешняя форма заключает в себе таинственность, свою неполную открытость. Наука геометрии же дает образ чистых пространственных форм только как *форму деятельного отношения* к пространственному бытию. «Чистая» форма, *форма мышления*, возникшая у нас как необходимое *условие* суждения и сознания вещи, должна выражать природу вещи, принадлежать самой сути вещи, быть ее собственным внутренним определением. Форма мышления должна быть обоснована как совпадающая с сущностью вещей. Чтобы умно судить вещь, мне надо то, *что явилось* в чувственном образе этой вещи, определить через ее собственную природу, т. е. соотнести вещь с самой собой, ее явление с ее сущностью. Тогда и суждение о вещи будет выражать ее природу.

Но где же мы можем определить вещь через ее собственную природу? Откуда сознание берет геометрическую форму, которая как будто выражает суть пространства вообще? Ведь ясно же, что абстрагировать его, пространство, в качестве некоторого

признака, общего по отношению к ряду всех наблюдаемых вещей, необходимо данных нашему восприятию «под формой» пространства, невозможно: в действительности нет шара, в действительности нет прямой. Лишь для детей в школе и для самих себя, в науке, мы ищем «примеры в природе». Помните, как долго «сооружали», не найдя подобного непосредственно в природе, представляемый образ пространства Лобачевского? Ведь и камень, наиболее округлый, и детский мячик, и прочее подобное — все это школьный учитель предлагает ученикам в качестве *наглядной модели* геометрического шара и этим действием, как понятно, выражает некое суждение и навязывает его нам.

Геометрический шар — это научный образ, образ, создаваемый наукой геометрии, мышлением, движущимся по форме понятия, т. е. через синтез многообразных абстрактных определений в их логической последовательности, выражающей его, этого геометрического шара, становление. Этот теоретический образ школа должна ввести в сознание школьника. Именно по форме понятия. Иначе он, шар, сфера, так и останется всего лишь особой *темой* науки геометрии, которую в силу ее для меня бесполезности и забыть не грех, ибо и без всякой науки (т. е. до школы) этот образ я «несу в душе» и умею им пользоваться и потому солнце подвожу под шар, а не шар под солнце. И вот эти «совершенно разные вещи» — идеальный образ шара в сознании и образ реального камня — я соединяю, сравниваю, отождествляю каждый раз, как только в поле моего восприятия попадают эти камни, футбольные мячи и прочие округло-выпуклые тела. Совершенно бессознательно. Но если бы в моей субъективности, в моей душе не было бы геометрического образа шара, моя душа никогда

бы и не занималась этим «глупым делом отождествления», а потому никогда бы и не проснулась к сознанию. К знанию. Она бы и не знала, что она знает камень. Она бы и в самом деле его видела, но не знала бы, хотя в поле созерцания и имела бы его, имела бы столь же субъективно бессмысленно, как кошка созерцает Сикстинскую Мадонну, безразличная и к камню с его сутью, и к его внешней геометрической форме. Она бы оставалась бессознательной: душа есть, сознания нет, поскольку за созерцанием, дающим образ, должна быть душа, содержащая в себе универсальную способность осуществлять себя во всем диапазоне действительности, должна быть как внутренний момент активной деятельности человека в чувствуемых, мыслимых и преобразуемых обстоятельствах бытия. Именно в этом реальном бытии человек деятельно соизмеряет вещь с самой собой, — и именно потому, что только это тождество ее (вещи) сущностных и явленных определений дает человеку основу и средство своего собственного бытия.

Сознание, осознание, имеет место только тогда, когда есть это самое соотношение — соотношение внешней вещи и ее *общего* образа вне этой вещи. Когда есть *суждение*: «это есть другое», А есть В. То бишь, на языке логики, *противоречие*, а нет этого противоречия, если есть только тождество «это есть это», а «другое есть другое», А есть А, — то и нет никакого сознания. Животное, пишет Маркс, тождественно со своей деятельностью, не отличает себя от себя, потому не знает ни себя, ни действительности. Сознание вообще есть только тогда, когда всеобщая мера противостояит внутри одного и того же: во мне, в образе действительности, — содержанию любой созерцаемой вещи. Основная проблема тут в том, как мне дается всеобщность, будучи объективно-управляющей формой

самых вещей. Как бы это ни понимал Протагор, но его мысль, что человек есть мера всех вещей, — несет истину. «Я» в своем бытии опирается только на это внутреннее различие вещей. Здесь и точка осознания, и точка начала активности. Здесь, в этой форме сознания, заключена и потенция «Я». И здесь же заключается и внутренняя логика разворачивания определений любой особенной вещи через всеобщее, через категориальные формы мышления. Эта деятельная активность — не только есть форма движения мышления, но самый что ни на есть объективный процесс *предметно-преобразовательной деятельности*. Здесь и «Я» начинает формироваться как «Я», отделяясь от самого себя, от активной деятельности, иначе ты не будешь и знать, что сначала ты не был, а потом стал быть, и, ставший собой, человеком, теперь ты понимаешь, что тебя не было до того, пока ты не оказался способным к практическому анализу и синтезу. Поэтому и обезьяну, которая стала тобой, искать не надо. Она — это ты, но ты, который различает и отождествляет, т. е. судит и осознает, — а потому ты не обезьяна.

Вместе с тем, даже сейчас, будучи «научно образованным» и далеко не обезьяной, ты не знаешь, где и кем ты был, когда тебя совсем не было. Поскольку не научился находить всеобщие предикаты для суждений своего ума. Предикаты, обладающие абсолютной значимостью для логики мысли, развитой в пространстве человеческой истории. А сможешь развернуть эту логику — и откроется тебе смысловое пространство человеческого бытия. Сможешь соотнести одну вещь с другой — и откроется тебе поле действительности, чтобы ты мог ориентироваться и действовать в реальном пространстве своей жизни, к каждому реальному элементу действительности прилагая соответ-

ствующую ему меру, которую, конечно же, тебе придется *создавать самому*. Вот тут и «возникает» математика с геометрией. Твоими, человеческими усилиями. А создав эти «чудо-науки», начинаешь ломать голову, откуда все это и зачем оно. Ведь и меры-то как будто не такие уж сложные, и меряют ими внешние величины. А какой мерой измерить мне мою человеческую душу? Человечество, однако, и тут, без всякой науки и задолго до науки, создало такую меру — и удивилось собой созданному чуду! До сих пор никак понять не может, падает ниц, молится, доказать бытие созданного образа уж как только ни пытается, но уже тысячелетия *верит*, что *есть то, что определяет и человеческую жизнь и меру человечности* этой жизни.

А шар разве не столь же чудесная вещь? Как теперь, скажите, объяснить человеку, несущему в себе меру своего человеческого бытия и геометрическую меру для камня, — как же ему «рассказать», что все его основания находятся тут, в его собственной общественно-исторической человеческой действительности, а не в богом predetermined мерях его существования? Уже школьник чувствует некий «вселенский обман» и сам начинает «обманывать» и все школьные программы, и безумными умниками разработанные тесты. Чем не пальба из пушек каменными ядрами по воробьям!?

Гегель сетовал, что история ничему не учит, что человеческий ум развивает себя разрешением тех проблем, в условиях которых оказывается. Диалектика будет пробиваться в сознание, говорил другой классик, развитием самих наук. Совсем разные люди, Гегель и Ленин, но оба революционеры: первый преобразовал взгляд на мышление так, что *как будто* все встало с ног на голову, а второй отказался смотреть на историю как стихийный процесс и сделал диалектику

этой стихии сознательным творческим историческим началом. Оба великолепно понимали место и роль ума в действительной жизни. Гегель развернул его внутреннюю логику — всякий желающий умно войти в мир науки и практики, бери и читай его «Науку логики». Ленин же прочитал, вошел в практику социальных преобразований с отчетливым пониманием диалектики истории. И так же и в такой же степени не были поняты теоретические построения и замысел Ленина, как непонятой до сих пор остается диалектика Гегеля. Мелкому буржуа и обывателю в науке мир кажется упакованным в четкие определения, вырастающие из принципов обыденной жизни и оформленные прозрачными схемами здравого смысла. Принципы мышления, обнаруживающие себя во всеобщей культурно-исторической действительности, в пространстве здравого смысла кажутся просто абракадаброй; как и для не посвященного в тайны высшей математики представляется китайской грамотой «заумь» ее символических хитросплетений. Ведь любой вдумчивый ребенок в школе диву дается, как это может быть, чтобы любой отрезок представлял собой бесконечное число точек, если точка не имеет никаких измерений; он в толк не возьмет, как это любая бесконечность равна друг другу, ведь в таком случае все и любые отрезки будут тоже равны. Наука кажется сложной для понимания ученика, на самом же деле наука гораздо проще любой формы сознания, ибо научное движение мысли есть движение, максимально очищенное от случайных форм, оно есть мышление строго определенное и тяготеет к однозначности.

Сознание возникает как деятельность по определению обстоятельств своих действий. Вот нет у вас, например, нужды ориентироваться в пространстве культурно-историче-

ски выработанной мелодики звуков, и нет музыкального уха, не развивается орган и не возникает мотива строить и настраивать всю ту инструменталистику, обеспечивающую звучание этих звуков. Музыка превращается в шум, математика — в поле пустых и бессмысленных знаков, когда не хватает ума увидеть, что бесконечное пространство отсутствующих смыслов бессмысленно только для меня, что своей способностью суждения я могу судить только то, что ничего судить не могу. Так отнестись к себе не часто случается: апломб самомнения сломать не так легко. Вот так все и происходит, когда в душе нет *человеческих мер измерения этого мира*. Сознание «спит», есть лишь потенция сознания, но нет силы суждения, раскрывающего передо мной этот мир, включая мир своей собственной сущности, а есть только примитивные «околоживотные» *меры* восприятия мира, в которые я и укладываю окружающие обстоятельства, часто столь же инстинктивно и бессознательно.

Потом о бессознательных человеческих формах кто-то создаст науку... Появятся, однако, и те, кто, читая Гегеля и Хайдеггера, почувствуют смысл и найдут в себе смелость и ум, чтобы его, этот смысл, понять.

А все неизмеримое моими мерами — мне безразлично. Оно как будто даже и не существует. Зоологический эгоизм человеческого существования далек и от музыки, и от математики, от Ньютона и от Баха.

Исследование вещи идет по внутренним связям самой вещи, выявляя ее собственные содержательные моменты и отличая их от привнесенных случайных, несущественных, т. е. не влияющих и не определяющих сущность вещи, элементов, без которых вещь не только обходится (иначе говоря, они не необходимы), но которые, наоборот, могут только отягощать ее бытие, мешать ей в ее

самоопределении. Ясно, что если сознание этих различий сделать не сможет, то в науке произойдет преогромная путаница. Как это и происходит в структуре общественного бытия, где имеют место самые различные противоречия, не говоря уж, естественно, о формах истинных и фальшивых, действительных и превращенных. Ибо здесь определение истинности связано с выявлением природы самой общности и того объективного идеала, к которому «тянется» объективное историческое развитие.

Внутренняя диалектика предмета ведет исследователя, если последний внимателен к содержанию тех фактов, с которыми имеет дело. Ведь только в содержании самих фактов ему приходится искать и фиксировать *внутреннюю меру* этих фактов, и ею — и бессознательно, и осознанно — измерять, через нее судить о вещах этого мира. Маленький малыш уже знает геометрический шар, хотя и до школы ему еще далеко, потому различает форму шара и форму камня, соотносит и измеряет одно в другом. Но всеобщей мерой малыш делает именно шар, а не камень: он еще не настолько глуп, как умный взрослый, чтобы говорить, что у него *своя* правда, свое мнение, свой взгляд на мир. Никто не учил ребенка делать шар всеобщей мерой, в то же время, он как-то понял, что, чтобы доказывать истинность своей правды, надо найти общую меру для своего камня и для камня своего приятеля, и что эта мера именно общая: не его, не приятеля, не моя и не твоя, и, чтобы судить умно, необходимо сделать ее своим средством и способом измерения всех вещей — своих и чужих. В условиях всеобщей соотнесенности вещей друг с другом никак не поймешь, где истина, где заблуждение, кто врет, а кто правду говорит (у каждого свой аршин, своя истина

и своя бомба, ее защищающая). Вот тут-то и необходима истинность самих мер, тех чистых форм, которые высвечивает нам наука и философия.

За всеми рассудочными формами математики, выстроенными по схемам формальной логики, лежит нечто большее, чем способность математического преобразования своих собственных построений. Может быть, это и есть то самое математическое мышление, которое математическое образование никак — ни у детей, ни у взрослых — образовать не может? Тот самый математический ум, который вдруг однажды ребенком улавливается и превращается в «естественную» банальность гениального проявления количественных отношений и пространственных форм. В способность отождествления неравных величин. Не только в математическом уравнении. Совсем не банальной способности в ее, математики, казалось бы, самоотжественных определениях видеть противоречия: понимать, почему непротяженная точка оборачивается протяженной величиной.

В то же время, науке, которая своим движением сама порождает эту «злосчастную» диалектику, в которой «прямое и кривое — одно и то же», в которой «дважды нельзя войти в одну и ту же воду» и в которой «параллельные прямые пересекаются», — как науке-то быть? Конечно, если бы предмет своей непосредственной бытийной данностью и в самом деле вел исследователя диалектическими путями своего бытия, не было бы и особых так называемых методологических проблем внутри исследовательского процесса. Однако как давным-давно стало понятным, чувственная данность предмета не есть явление его действительного бытия. Исследователь в силу своей определенности — мировоззренческой и методологической —

относится к объекту своего исследования в некотором смысле априори. То есть как будто бы заранее о предмете нечто зная и опираясь на это знание, даже если оно, это знание, бессознательно. Наличные схемы мышления и восприятия предмета, носителем которых он, исследователь, является, и обеспечивают ему, как бы сказал Кант, опыт, т. е. в данном случае, — научное исследование, толкование и понимание предмета. Поэтому ученый-исследователь всегда видит предмет субъективно, т. е. как определенный объективно-историческими схематизмами своей субъективности.

Более того, сознает то субъект или не сознает, его отношение к предмету есть всегда *заинтересованное* отношение. А этот интерес способен детерминировать и даже ломать любые отработанные в науке схемы. Неслучайно возникло условное суждение, намекающее на странности человеческой действительности: «Если бы теоремы геометрии затрагивали интересы людей, они бы изменялись». Вот ведь сколь велика сила субъективного интереса! И легко понять, как нелегко отделить истину предмета от мифа об этом предмете. И уж тем более не требуется труда догадаться, как «мифологизируется» предмет в условиях рыночных отношений.

Но что же, однако, делать, если в рассмотрении познания мы наталкиваемся на неустранимый факт присутствия в нем нашей субъективности и потому, похоже, обречены никогда не постичь предмет в его истине, каков он сам по себе? Даже если не ставить этот вопрос, а просто рассмотреть все следствия этой ситуации, что великолепно проделал Кант, мы не придем к утешительным выводам не только в теоретическом *понимании* целостности человеческого бытия, но и любого практического человеческого действия. Ведь предмет обволакивается субъ-

ективностью не только в процедурах познания, он *реально* модифицируется по мыслительным схемам субъекта и, естественно, повторю, — по логике его интересов. Предмет можно детерминировать, деформировать, модифицировать, развивать и разрушать так, как только вздумается субъекту. Пределом его действий будет только *неподатливость* самого объекта. Здесь субъект, наталкиваясь на объективную мощь действительности, наталкивается на *предел своей субъективности*, на бессилие своей силы.

Развить свою силу можно единственным путем: погружением в предметную действительность, извлечением оттуда тех «схем», которые в субъекте не содержатся, но которые как бы присущи самому объекту. Это и дает право Френсису Бэкону заявить: «знание — сила». Зная объект, я делаю его подвластным себе. Еще иначе: схема, соответствующая предмету, позволяет мне не только адекватно его воспринимать и мыслить, но и *свободно* действовать с ним. Но это такая схема, которая *одновременно принадлежит мне и предмету*. Полнота восприятия действительности делает и мою субъективность (душу) исполненной полнотой ее, действительности, «схем», ее возможностей, освоенных мною и потому мною присвоенных в качестве уже своих способностей.

Что сам ум не всегда умен, давно известно. Его иллюзии могут длиться веками. И длятся только потому, что они далеко не бессильны. Они активно воплощаются в пространстве человеческой действительности. Если бы наши мнения ограничивались только сферой сознания, воображения, мышления, какие бы заблуждения они в себе ни содержали, особой беды бы в этом не было. Но сила иллюзий в том, что заблуждения *ломают реальный предмет*, оформляют его по своей собственной «логике» и в таком

виде запускают его в пространство реального бытия. И изломанный предмет ломает теперь само это социальное пространство. Как у Эйнштейна тяготеющая масса меняет конфигурацию пространственных измерений. Но, заметим, кстати, и наоборот: конфигурация пространства, по Эйнштейну, определяет и тяготеющий момент массы. В культурно-историческом пространстве эти отождествления глазу даны еще менее, чем теоретическому уму Эйнштейна — в физическом.

Библиографический список

1. **Быков В.** Дожить до рассвета: повести. М.: Эксмо, 2011. 1038 с.

References

1. Bykov V. *To live until dawn: stories*. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 1038 p. (In Russian).

Информация об авторе

Г. В. Лобастов — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) — МАИ (Россия, 125993, г. Москва, Волоколамское ш., 4).

Information about the author

G. V. Lobastov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. at Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University) — MAI (Russia, 125993, Moscow, Volokolamskoe shosse, 4).

Статья поступила в редакцию 16.06.2022.

The article was submitted 16.06.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 120—130.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 120—130.

УДК 18 + 161.12
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-120-130

Принцип фрагментарности в свете теоретической рефлексии

Максим Юрьевич Морозов

Гуманитарно-социальный институт (г. Люберцы, Россия)

maxdiscovery@mail.ru

Аннотация. Представлена авторская попытка теоретической рефлексии понятия фрагментарности в современной теоретической эстетике. Показано, что принцип фрагментарности является предпосылкой и условием специфического способа исследования, который радикально противопоставляется классической традиции философии в работах Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Рассмотрен генезис понятия фрагментарности как одной из форм движения разрывности в контексте разрабатываемой автором единой теории фрактальности. Установлено, что разворачивание собственных определений фрагментарности требует углубления рефлексии на универсально-логический уровень в контексте категорий диалектической логики Гегеля. Утверждается, что становление фрагментарности как принципа связано с интенцией превращения мысли в представление, с заменой примата Идеи на «телесное событие» и следующей из этого перестройкой категориальных установок представителей постмодернизма.

Ключевые слова: фрагментарность, целостность, Гегель, диалектика, постмодернизм, фрактальность, Бодрийяр, симуляция.

Для цитирования: Морозов М. Ю. Принцип фрагментарности в свете теоретической рефлексии // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 120—130. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-120-130>

The principle of fragmentation in the light of theoretical reflection

Maxim Yurievich Morozov

Humanitarian and Social Institute (Lyubertsy, Russia)

maxdiscovery@mail.ru

Abstract: The author's attempt at theoretical reflection of the concept of fragmentation in modern theoretical aesthetics is presented. It is shown that the principle of fragmentation is a prerequisite and condition for a specific method of research, which is radically opposed to the classical tradition of philosophy in the works of J. Deleuze and F. Guattari. The genesis of the concept of fragmentation as one of the forms of movement of discontinuity is considered in the context of the unified theory of fractality developed by the author. It has been established that

the development of one's own definitions of fragmentation requires a deepening of reflection on the universal-logical level in the context of the categories of Hegel's dialectical logic. It is argued that the formation of fragmentation as a principle is associated with the intention of turning a thought into a representation, with the replacement of the primacy of the Idea with a "corporeal event" and the subsequent restructuring of the categorical attitudes of representatives of postmodernism.

Keywords: fragmentation, integrity, Hegel, dialectic, postmodernism, fractality, Baudrillard, simulation.

For citation: Morozov M. Yu. The principle of fragmentation in the light of theoretical reflection. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 120—130. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-120-130>

*Мы оказались в окружении то ли ультраэстетики,
то ли инфрэстетики. Бесплезно искать в нашем
искусстве какую-либо связность или
эстетическое предназначение.*

Жан Бодрийяр

Давно известно, что точность — вежливость королей. Сегодняшняя ситуация, когда короли лишены реальной политической власти и продолжают свое бытие лишь в качестве символов — ситуация вполне постмодернистская. Но не только короли стали симулякрами; та же участь постигает весь многообразный «реальный» мир, так называемую реальность которого приходится заключать — после трудов Бодрийяра это, будто бы, очевидно — в кавычки. Реальность подменяется симуляцией, она становится гиперреальной — настолько «выпуклой», пресыщенной, доведенной до предела, словно сверхфотографическая точность восковой фигуры, что не отражается идеальным образом в человеке, а пугает его. Деформация идет дальше, и уже сам испуг не вполне реален, он — такой же розыгрыш, игра, которая выступает в постмодернистской философии категорией. В эту игру играют безразличные фрагментированные индивиды, которым неинтересно жить, для которых мир бессмертных человеческих чувств давно превращен в «ощущаловку», идеалы — обезображены, истина — обесмыслена.

Но эти-то человеческие чувства, точнее, их движение, а еще точнее — логика этого движения в многослойной действительности многообразного человеческого мира и составляют предмет эстетики как систематической науки. Что предмет этот редко осознается указанным образом даже самими эстетиками *exprofesso* — вовсе не странно. То же самое на поверхности явлений можно увидеть и в философии, единый предмет которой фрагментируется, разлагается на дисциплины, и в каждой из этих областей образует свой специалист, чей предел — «знать почти всё о почти ничём». Философия науки, философия спорта, философия преподавания философии... «Философия того сего», как отшучивался в советское время Э. В. Ильенков. Вот и эстетику путают то с промышленным дизайном, то с искусствоведением, пытаются поймать неуловимую «специфику эстетической потребности», понять, что же является предметом этой потребности, не зная добытого диалектической традицией результата: эстетическая потребность есть потребность человека в своей *самоцельности*

и *самоцелостности*. Королевская точность, хотя она и весьма скомпрометирована развитием (в форме деградации) мысли в последние десятилетия, вовсе не отошла в прошлое вместе с королями, она требуется в науке повсюду, особенно — в остром теоретическом анализе, которого с необходимостью требуют основные понятия всякой науки. И в том, что понятие фрагментарности становится сегодня одним из ключевых в эстетике, сомнений нет. Сомнение касается только того, что это понятие *вполне обосновано как понятие* в ситуации овеществления научной мысли, которая сама в полной мере испытывает на себе влияние разложения и расщепления.

Последовательная экспликация понятий на всеобщем теоретическом уровне в их собственных понятийных (= необходимых и существенных) определениях не является сильной стороной господствующего ныне метода теоретического мышления. О фрагментации следует говорить именно как о *принципе* хотя бы потому, что каждое из этих трех понятий («метода» «теоретического» «мышления»), если судить по наличному положению дел, требуется снова обрамлять кавычками: это более или менее успешное блуждание¹ в «болоте эмпиризма» (К. Маркс) не является ни *методом*, ни *теоретическим*, ни *мышлением*. Скольжение по поверхности, которое в качестве перспективной стратегии предлагает Делёз («поверхность — это глубина»), оставляет исследователя блуждать между сериями смысла, предел развития которого — нонсенс, бессмыслица, что убедительно показано в делёзовской «Логике смысла». Однако убедительно это лишь для уровня *явлений*, где кажимость совпадает с достоверностью: ведь и симуляция Бодрийяра не просто *кажется* существующей, она в самом деле оказывается фактом.

Иное дело, что с этого уровня не хотят идти дальше, к сущности, как предлагает Г. Гегель. Ведь в самой *сущности* положение может оказаться иным, вплоть до противоположности. И в этой сущности всё дело: ее и должен вскрывать теоретический анализ, метод которого есть не что иное, как форма движения своего содержания. И всякий разговор о фрагментарности предполагает поэтому определенную опору на то или иное теоретическое ее понятие, т. е. на ту или иную общепризнанную концепцию, которая выступает предпосылкой такого понятия. Эти предпосылки высвечиваются для сознания исследователя чрезвычайно редко, а потому полное господство в этой области получает или традиция, или авторитетная (модная) в наличных бытийных обстоятельствах философская система. Тем более важно такую рефлексию осуществить: ни первое, ни второе не способствуют критичности взгляда на самого себя и результаты своей деятельности.

Фрагментарность получает распространение на этапе развития культуры, который обычно характеризуется как модернизм. Проблемность последнего в связи с его отношением к постмодернизму классически анализирует С. Н. Мареев, показывая, что современные теоретики часто смешивают два определения понятия «модерн», и в результате этого смешения постмодернизм оказывается то отрицанием, преодолением модерна (как идеалов Просвещения), то прямым продолжением модерна (как стиля в искусстве, тесно связанного с декадансом) [9, с. 286—288]. Тот модернизм, который критикует М. А. Лифшиц [8, с. 40—56], конечно, является предтечей постмодернизма, его прямым генетическим предшественником. Это весьма важно, потому что определить понятие фрагментарности невозможно без контекста его становления и как

¹ Именно такую характеристику дает современному процессу познания его исследователь В. В. Тарасенко [13].

понятия, и как термина, его выражающего². Контекст же весьма точно определен Мареевым: *философия* модернизма превращается в *литературу* [9, с. 286]. Самодвижение идеального плана, которое в классике рассматривается как движение *мысли*, становится «письмом» (Р. Барт), более того: если А. Шопенгауэр считал, что весь мир — это представление, для постмодернизма весь мир превращается в говорение, в текст. Логика как способ (метод) движения *мысли* заменяется ризомой, как способом движения *письма*; в основе переходов в этом движении лежит не идеальный смысл, который и увязывает слово и его значение, не логическая связь (как содержательная причинно-следственная, так и формальная), а творческое воображение, фантазия, ассоциация, иначе — достаточно произвольные сцепления образов.

Эта основная интенция в форме сознательной ориентации на определенную философскую стратегию ярко проявляется, например, в известной работе Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» [5]. Разработка понятийного аппарата такого проекта — концепция, план имманенции, концептуальный персонаж, смычки-мосты между концептами, экс- (де-, ре-) территориализация, география философии вместо ее истории — направлена на придание чистой мысли чувственной достоверности, образности; категория как *мысль* (в ее строгом классическом понимании лишенная всякой чувственной предметности) воображается (возводится-в-образ, облекается в чувственность, обрастает предметной «плотью») и получает «прописку» по ведомству *представления*. С точки зрения истории и логики развития философии как науки о мышлении, это, безусловно, шаг в обратном направлении. Актор (субъект *действующий*) становится автором (субъектом *пишущим*), а мышление — речью, хотя еще Л. Фейербах замечал, что если бы мыш-

ление было речью, то величайшие болтуны были бы величайшими мыслителями. Однако такая стратегия противопоставления классической линии от Платона до Гегеля Делёзом и Гваттари избирается и фиксируется вполне осознанно: с этим тесно связано понимание постмодернизма как отрицание модерна в смысле связи последнего с идеалами разума и человека.

Отход от *мысли* в сторону *слова* есть отход от *содержания* в сторону *формы*. Интересно, что в двадцатом столетии этот «лингвистический поворот» синхронно затрагивает все области мысли, которые не являются прямым продолжением классической философской традиции. Позитивистское исчисление высказываний в математической логике; хайдеггеровское «язык — дом бытия»; господство метода, позаимствованного у структурной лингвистики, в лакановском психоанализе и альтюссеровской версии марксизма и следующий за этим постструктурализм Ж. Делёза и Ж. Деррида — всё это разнообразные (иногда доходящие до прямого столкновения, что для академически мыслящего исследователя доказывает их кажущуюся «непохожесть»), но растущие из единого корня направления. Корень этот имеет вовсе не ризоматический характер и сводится к логическому принципу движения, что предполагает углубление рефлексии на универсально-всеобщий, логический уровень.

На этом уровне картина предстает предельно ясной: *принцип противоречия* в самой сущности ($A=\bar{A}$), высвобождающий внутреннюю диалектику исследуемого предмета и служащий единственным адекватным отражением движения развития, противопоставляется *принципу тождества* ($A=A$), который разрывает живое единство самодвижения. Обычно на этом противопоставлении останавливаются, не исследуя дальнейшего разворачивания определений указанных принципов, как они предстают «в себе и для

² Понятие и термин выступают тождественными лишь для эмпирической традиции в мышлении.

себя» (Г. Гегель). И если первый является внутри-себя-конкретным, опосредствованным собственной противоположностью, и потому целостным, то второй страдает абстрактностью, односторонностью. Всякая абстракция — это *разрыв*, и по линии этого разрыва требуется проследить дальнейшее разворачивание принципа тождества.

Абстрактное (формальное) тождество является моментом принципа противоречия как *тождества различного*. Гегель пишет об этом как о «тождестве тождества и нетождества», то есть тождество здесь оказывается всё-таки довлеющим. Такое отношение называется органической целостностью или *тотальностью*. Будучи разорванной, такое органическое соединение распадается на *части*; и хотя это еще части *целого*, само это целое уже потеряло свою «живую» природу: «части есть лишь у трупа», остроумно замечает Гегель, подчеркивая, что уже для живой природы категории *части* и *целого* оказываются поэтому недостаточными. Однако разрыв, положенный в принципе тождества, не исчезает; он *деформирует* форму тождества и дальше, превращая ее в форму различия ($A \neq A$), ($A \neq \bar{A}$). Именно это недialeктическое различие, выведенное из-под власти тождества, имеет в виду Делёз, противопоставляя его различию гегелевскому, еще «зараженному» тождеством.

Разрыв, доведенный до формы недialeктического различия (или чистой множественности), положен теперь как *фрагмент*, в отличие от *части*. Именно об этой стадии Бодрийяр пишет в связи с утратой идентичности: «Ситуация складывается таким образом, что на очень короткое время нам удается превратиться в эту самую вещь, этот предмет или этот момент, а затем незамедлительно воспроизводится, если так можно выразиться, измерение бытия, во всяком случае — измерение континуальности. Но в течение короткого времени имеют место прерывность и метаморфозы... Надо хорошо представлять себе действующие здесь правила игры, пра-

вила, гарантирующие саму ее возможность и обеспечивающие условия для реализации *становления, которое не является изменением, поскольку сопровождается утратой идентичности...* (выделено М. М.) <...> Утрата идентичности и конституирует этот момент, которому чужда тотальность, ибо он не расстается с фрагментарностью...» [2, с. 65].

Подчеркнутый момент в цитате Бодрийяра — продолжение мысли И. Канта о том, что изменяется только то, что постоянно, различное подлежит лишь смене одного другим. Иными словами, здесь еще *остается само то, что изменяется или становится*, само А. Это с необходимостью ведет к следующему шагу: если отрицается всякое тождество вообще, то отрицается и возможность любого А как целостности. Иное как всецело неравное самому себе; множественность, мыслимая «чисто» и вне Единого; случайность, которая оказывается абсолютной необходимостью в своей истине и потому снимается ей — всё это мы встречаем на страницах «Науки логики». Иное дело, что все эти категории в отрыве от диалектических переливов не имеют собственного самостоятельного бытия: они, по Гегелю, не *реальны*, а *идеальны*, мнимонезависимы, ибо положены лишь как моменты целого — т. е., опять-таки, тотальности.

Попытка отделить Множественность от Единого вновь упирается в дефекты «диалектики изолированностей» и сводится к различию двух отрицаний: формальное (абстрактное, «зряшное» отрицание типа «нет») и отрицание диалектическое (обладающее «памятью»), которое несет в себе «историю» того, что оно отрицало. Изоляция противоположностей оборачивается, как ни стараются критики, изоляцией *всеобщего*, которое, конечно, изоляции не поддается, а потому снова «выворачивается» наизнанку — в свою противоположность. Отсюда у критики остается только один логический ход — подвергнуть этому «зряшному» отрицанию мир в целом. Этот шаг следует обозначить так:

никакого А вообще не существует. Бытия — нет.

Это принцип *фрактальности*, фрактал в его собственной форме. Он соответствует *всеобщей фрагментарности*, которая в пределе есть бессмысленность, и выражает собой абсолютное отрицание развития. Это торжество формального отрицания выражает собой отсутствие всякого А, тотальное Небытие; но отрицание, взятое в своей обычной форме, не может быть отрицанием тотальности, поскольку даже формальное отрицание определено тем, что оно отрицает, и, следовательно, полное избавление от тотальности всё еще невозможно. Поэтому отрицание в своей высшей форме реализует себя как *неопределенное отрицание*, или *ускользание*. Это есть псевдо-истинность, имитация, скольжение, симуляция. Здесь ничего больше не осталось, кроме бессмысленности, которая выступает чистым Ничто любой чистой формы.

Шаг этот вполне понятен. Мы можем не признавать тождество противоположностей. Мы можем даже не признавать тождество вовсе — но это и значит, что А не равно всецело самому себе, т. е. никакого А нет вовсе. Этот шаг может показаться тавтологичным предыдущему, но здесь есть существенная разница; И. Кант недаром говорит об устойчивости того, что изменяется: «Только постоянное (субстанция) изменяется; изменчивое подвергается не изменению, а только *смене*, состоящей в том, что некоторые определения исчезают, а другие возникают» [6, с. 192]. На предыдущем этапе, где различие (или чистая множественность) утверждается через избыточность Идеи, по крайней мере всё еще остается *то, что* изменяется, *само А*: Идея, проявляющая себя в избыточности, или мир, которому различия онтологически принадлежат. Тотальность, которую критики

всё пытаются выставить за дверь, пролезает обратно через окно: она потенциально сохраняется в любом предмете, для которого мы допускаем существование. Ведь атом Демокрита есть Бытие Парменида (Единое = Одно, *das Eins*), потому стоит лишь допустить единичность, полученную даже с помощью самого хитрого «механизма индивидуации» (Делёз), как она с неизбежностью будет нести в себе всеобщее, из которого, как из клетки, разворачивается логически необходимость тотальности для мира в целом. Отсюда — проблема для гегелевской Логики в виде испытания, преодоления, снятия в себе радикальной негативности: отрицается теперь любое А, мир в целом. Небытие есть, бытия нет.

Но этого нельзя достичь, просто отрицая мир в целом. Ведь даже формальное отрицание, не говоря уже о диалектическом, логически не может не нести в себе то, что отрицается. Иными словами, любое отрицание определено тем, что оно отрицает; именно поэтому Г. Гегель справедливо утверждает, что абстрактного отрицания быть не может. Словом, такая стратегия опять не годится. Потому единственный способ здесь — *отрицание неопределенное*, которое, следовательно, и не есть отрицание (ведь, как известно, *determinatio est negatio*)³. Кажется, что это чушь, «жареный квадрат», «сапоги всмятку». И это не только кажется — так оно и есть. «Постмодернизм есть сам хаос»: именно этот способ борьбы с гегелевской Логикой выбран сегодня в качестве генерального — постмодернизм и утверждает разложение смысла, «полную чушь» в качестве итога развития Идеи, что обеспечивается категорией «ускользания». Обесмысливание Логики, а следовательно, и Бытия — вот предел борьбы с движением к Истине. Именно поэтому вопрос утверждения

³ Ж. Бодрийяр фиксирует это в следующем отрывке: «Ничто (даже Бог) не исчезает более, достигнув своего конца или смерти; исчезновение происходит из-за размножения, заражения, насыщения и прозрачности, изнурения и истребления, из-за эпидемии притворства, перехода во вторичное, притворное существование. Нет больше фатальной формы исчезновения, есть лишь частичный распад как форма рассеяния» [1, с. 9].

смысла Бытия и Истины становится полем борьбы противоположных тенденций.

Это объясняет логику мысли Гегеля в следующем отрывке: «Имея в виду взаимоотношения между целым, метафизика могла выставить — в сущности говоря, тавтологическое — утверждение, что если бы была разрушена одна пылинка, то обрушилась бы вся Вселенная» [4, с. 72]. Этот краткий путь от тавтологии (абстрактного тождества $A=A$) до обрушения Вселенной (чистое Ничто) более подробно развернут выше. Разрыв, будучи допущен в диалектическую форму тождества (противоречия), «взрывает» эту форму изнутри путем формального (внешнего, недиалектического, абстрактного) отрицания, которое основным своим определением имеет «аисторичность», забытье прошедшего, основанное на произвольном основании: «Но, конечно, *можно* абстрагироваться также и от этого чистого бытия, присоединить также и бытие ко всему тому, от чего мы уже абстрагировались; тогда остается ничто. *Можно*, затем, если решить забыть о *мышлении* этого ничто, то есть о его переходе в бытие, или если бы мы ничего не знали об этом — *можно* продолжать далее в стиле этого "можно"; а именно можно (слава Богу) абстрагироваться также и от этого ничто (сотворение мира и в самом деле есть абстрагирование от ничто), и тогда остается не ничто, ибо как раз от него мы абстрагировались, а мы снова прибыли в бытие. — Эта "*возможность*" дает внешнюю игру абстрагирования, причем само абстрагирование есть лишь одностороннее дело отрицательного. Сама эта "*возможность*" подразумевает ближайшим образом, что для нее бытие так же безразлично, как и ничто, и что в какой

мере они оба исчезают, в такой же мере они также и возникают; но столь же безразлично, будем ли мы отправляться от действия ничто или от ничто; действие ничто, т. е. голое абстрагирование, есть нечто не более и не менее истинное, чем голое ничто» [4, с. 90].

Именно путем такого «забывания» реализуется разрывность на всех этапах своего развития: *частичность, фрагментарность, фрактальность*.

Следует особо указать на то важное обстоятельство, что с этапа фрагментарности (принцип множественности) разрывность не может функционировать вне *потока*. Скажем, разрывность сознания в обществе, разделенном на классы, конечно, имеет место на всех ступенях его развития. Однако лишь в условиях господства высоких скоростей передачи информации, в условиях поточности контента СМИ и лент социальных сетей разрывность достигает стадии фрагментарности, ведь потребляемые фрагменты не задерживаются, не укореняются в субъективности человека, а вытесняются новыми; эта поточность является необходимым условием (вос)производства фрагментарных индивидов, что на теоретическом уровне отлично представлено в книге М. Бурик [3]. На эмпирическом уровне это отмечали уже французские постмодернисты⁴. Точку перехода фрагментарности во фрактальность фиксирует Ж. Бодрийяр: «Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно про-

⁴ «Коммуникация осуществляется путем единого мгновенного цикла, и для того, чтобы все шло хорошо, необходим темп — времени для тишины не остается. Тишина изгнана с экранов, изгнана из коммуникации. Изображения, поставляемые средствами массовой информации (а тексты подобны изображениям), никогда не умолкают: изображения сообщений должны следовать друг за другом без перерыва. Молчание — разрыв замкнутой линии, легкой катастрофой, оплошностью, которая по телевидению, например, становится весьма показательной, ибо это — нарушение, полное и тревоги, и ликования, подтверждающее, что любая коммуникация, по сути, есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты — и не только от пустоты экрана, но и от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вождением ждем изображения» [1, с. 21–22].

должает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование нисколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным» [1, с. 11–12]. Он же фиксирует четвертую стадию как фрактальную, т. е. разрывную в каждой точке, тотально-фрагментированную [1, с. 10].

Возвращаясь к указанной выше мысли, следует добавить, что отход от мысли в сторону слова есть не просто отход от содержания в сторону формы — это разрыв противоречивого тождества содержания и формы; последняя, говоря словами Ж. Бодрийера, становится гиперреальной (симулятивной), более строго ее следовало бы определить как превращенную (фрактальную) категориальную форму. Категория как бы деформируется, «плывет»: «Всё затронуто спортивным коэффициентом превосходства, усилия, рекорда, инфантильного самопреодоления. Каждая категория, таким образом, совершает фазовый переход, при котором ее сущность разжижается в растворе системы до гомеопатических, а затем до микроскопических доз — вплоть до полного исчезновения, оставляя лишь неуловимый след, словно на поверхности воды» [1, с. 15].

Это экстенсивное расширение есть адекватное проявление количественного принципа, воплощением которого и является фрактал. Рассеяние, разжижение стирает границу между истиной и заблуждением, добром и злом, прекрасным и безобразным, происходит «диффузия ценностей» (Бодрийер). Фрактал есть противоречивость, схваченная средствами формального, потому — парадоксален для всякого мышления, кроме теоретического. Он — безобразность, но воплощенная в образе, лишенном самостождественности, законченности, целостности: фрактал есть чистое «состояние становления», т. е. превращение без момента устойчивости. В этом смысле он, конечно, симулятивен, строго по Бодрийеру.

Тождество формы и содержания на таком превращенном, саморазорванном, симулятивном основании выглядит весьма специфично, хотя привычно для глаза современного исследователя: целостность истинного тождества здесь уступает место гипертрофированности, избыточности, самоценности формы, которая, словно карикатура на известное логическое определение искусства (форма есть содержание), становится формой принципиально бессодержательной; *средство* здесь абстрактно отрицает *цель*, вместо снятия в себе этой последней.

Примером этого может быть как фрагментарное письмо самого Ж. Бодрийера или серии «Логики смысла» Ж. Делёза, так и известный прием «потока сознания» Д. Джойса, который проще всего может быть охарактеризован как фрактальный, потому что несет в себе существенное противоречие непрерывного и дискретного (которое является сущностью не только фрактала, но и количества вообще [10]). Непрерывность потока обеспечивается произвольностью дискретных впечатлений, которые представляют собой дискретные фрагменты. Но если на этом остановиться, то заслуги и величия Джойса мы не увидим; эти определения фрагментарности критиковал в своих статьях уже Н. Г. Чернышевский: «Почему же, спросит нас автор, недовольны вы таким намерением? Не об намерении теперь мы говорим, а об исполнении. А исполняли вы свое намерение, нисколько не заботясь о целостности и стройности вашего произведения, и написали не "комедию", не художественное целое, а что-то сшитое из разных лоскутков на живую нитку» [14, с. 239].

«На живую нитку» логически упорядоченной мысли пишется и предваряющий джойсовские опыты поток сознания Анны Карениной в романе Толстого (первичность Толстого в этом отношении отмечает В. В. Набоков [11; 12]). Однако великое мастерство Джойса позволяет ему реализовать эту фрагментарность потока в чистом виде, без всякого

«шитья». Или, во всяком случае, мастерски имитировать эту диффундированную ризоматическую нестройность, придающую его письму такое обаяние.

Этот пространственно-количественный способ мышления обладает логической и исторической первичностью как в филогенезе, так и в онтогенезе: «Теоретическое мышление ребенка, — пишет К. Маркс, — протекает в категории количества». Отсюда почтение «Государственной газеты», стоящей на «детски-чувственной» точке зрения, к количественно большому, подавляющему. Не довольствуясь обоготворением числа — «величины, складывающейся во времени», — «она простирает свое признание количественного принципа также и на пространственные величины». «Пространство является первым феноменом, импонирующим своими размерами ребенку. В этой форме ребенку впервые открывается величие мира. Ребенок поэтому считает всякого взрослого человека великим человеком, а ребяческая государственная газета повествует нам, что толстые книги несравненно более ценны, чем тонкие, и еще большее преимущество имеют перед газетами, выходящими ежедневно в размере одного только печатного листа» [7, с. 859]. Но не только ребенку, а и человечеству на стадии детства теоретическое мышление впервые открывается также в категории пространства-количества в работах пифагорейцев: известно замечание Ф. Энгельса о том, что именно через понятие числа всеобщие законы бытия входят в человеческое познание.

Возврат к этому количественному принципу, утверждение его в ущерб всему остальному демонстрирует фрагментарная логика фрактальности: «На четвертой же стадии — стадии *фрактальной*, которую мы могли бы назвать также вирусной или стадией диффузии ценностей, уже не существует *соответствия* чему бы то ни было. Ценность распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствуя в каждой скважине и щели. На этой стадии не существует более

равноценности, присущей другим стадиям, нет больше самого закона ценности; есть лишь нечто, похожее на эпидемию ценности, на разрастание метастазов ценности, на ее распространение и рассеяние, зависящее лишь от воли случая. Строго говоря, здесь уже не следовало бы прибегать к самому понятию ценности, поскольку такое дробление, такая цепная реакция *делает невозможным какое-либо исчисление и оценку*. И вновь мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной той, что имеет место в физике микромира: *провести расчеты* в терминах прекрасного или безобразного, истинного или ложного, доброго или злого так же невозможно, как вычислить одновременно скорость частицы и ее положение в пространстве. Добро не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат. Каждая частица движется в направлении, заданном ее собственным импульсом, каждая ценность или часть ее лишь мгновение сверкает на небосклоне лицедейства, а затем исчезает в пустоте, перемещаясь вдоль ломаной линии, редко соприкасающейся с траекториями других ценностей. Такова схема *дробления* — нынешняя схема нашей культуры» (выделено М. М.) [1, с. 10,11].

Фрактал, будучи порождением количественного принципа, снимает это количество в самом себе: делает невозможным исчисление и оценку. Но выход из количества возможен, согласно логике движения категорий, лишь в сторону *меры*. Однако фрактальность есть *деформация меры*: это касается и дробных размерностей фракталов, и той трансформации искусства, которую Бодрийяр исследует в очерке «Трансэстетика» [1, с. 23—31]. Это прямое следствие отказа от мысли, от Идеи как цели познания, о котором говорилось в начале статьи в связи с движением от *мысли* к *представлению* у Делёза. Бодрийяр фиксирует это противоречие: «Может быть, в каждой системе, в каждом индивидууме заложено тайное стремление избавиться от идеи своего существования, от своей сущности с тем,

чтобы обрести способность размножаться и экстраполировать себя во всех направлениях? Но последствия такого распада фатальны. Всякая вещь, теряющая свою сущность, подобна человеку, потерявшему свою тень: она погружается в хаос и теряется в нем» [1, с. 12]. Место Идеи занимает здесь ее антипод — телесное «событие» [9, с. 290—292], а цинизм вытесняет нравственный закон.

В заключение отметим, что проникновение в логику фрагментарности, выявление ее понятия возможно лишь на путях следования классической мысли, которая фундируется *принципом тождества мышления и бытия*. Постмодернистская попытка преодолеть эту традицию должна быть оценена очень высоко в отношении выявления лакун и неопределенностей в диалектическом способе мышления, однако формализация фрактальности как прикладной логики позволяет утверждать примат *тотальности* логической Идеи, возможность проникновения ее даже в настолько радикальную противоположность, как «диффузионная логика» постмодернизма и снятие в себе этой последней; ведь «игрой копошащихся различий и топологических вариаций», которыми Делёз претендует опрокинуть гегелевскую диалектику тождества и различия, опрокидывается в лучшем случае лишь *представление* об этой диалектике. В то же время нельзя отрицать, что проработка этих философско-логических сюжетов, понимание необходимости появления, вносит существенный вклад как в понимание логики движения человеческих чувств (= теоретическую эстетику), так и в понимание всеобщих законов развития.

Список источников:

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. М.: Добросвет: КДУ, 2009. 257 с.
2. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 196 с. (Академический бестселлер).

3. Бурик М. Л. Человек и экономика в виртуализированном мире. М.: Аграр Медиа Групп, 2016. 268 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. 1929—1958. Т. 5: Наука логики / пер. Б. Г. Столпнера. М.: Государственное издательство, 1937. 714 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
6. Кант И. Сочинения: в 6 т. 1963—1966. Т. 3: Критика чистого разума. М.: Мысль, 1964. 799 с.
7. Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1932. 920 с.
8. Лифшиц М. А. Почему я не модернист? М.: Искусство — XXI век, 2009. 626 с. (Философские тетради).
9. Мареев С. Н., Мареева Е. В. История философии (общий курс): учебное пособие. М.: Академический Проект, 2003. 880 с.
10. Морозов М. Ю. Противоречие непрерывности и дискретности как существенное определение фрактального // Проблемы современного образования. 2021. № 5. С. 9—22; URL: <http://pmedu.ru/images/2021-5/922.pdf> (дата обращения 14.05.2022).
11. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая Газета, 1996. 440 с.
12. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая Газета, 1999. 440 с.
13. Тарасенко В. В. Познание как фрактальное блуждание в мире [Электронный ресурс] // Московский международный синергетический форум: [сайт]. URL: <https://www.rinotel.ru/fractal/poznanie-kak-fraktalnoe-bluzhdanie-v-mire.html> (дата обращения 14.05.2022).
14. Чернышевский Н. Г. Бедность не порок. А. Островского // Полное собрание сочинений: в 15 т. 1939—1953. Т. 2: Статьи и рецензии. М.: Гослитиздат, С. 232—240.

References

1. Bodrijar Zh. Prozrachnost' zla / Per. s fr. L. Ljubarskoj i E. Markovskoj. M.: Dobrosvet: KDU, 2009. 257 s.
2. Bodrijar Zh. Paroli. Ot fragmenta k fragmentu. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2006. 196 s. (Akademicheskij bestseller).

3. Burik M. L. Chelovek i jekonomika v virtualizirovannom mire. M.: Agrar Media Grup, 2016. 268 s.
4. Gegel' G. V. F. Sochinenija: v 14 t. 1929—1958. T. 5: Nauka logiki / Per. B. G. Stolpnera. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1937. 714 s.
5. Deljo Zh., Gvattari, F. Chto takoe filosofija? M.: Institut jeksperimental'noj sociologii; Spb.: Aleteja, 1998. 288 s.
6. Kant I. Sochinenija: v 6 t. 1963—1966. T. 3: Kritika chistogo razuma. M.: Mysl', 1964. 799 s.
7. Literaturnaja jenciklopedija: v 11 t. T. 6. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1932. 920 s.
8. Lifshic M. A. Pochemu ja ne modernist? M.: Iskusstvo — XXI vek, 2009. 626 s. (Filosofskie tetradi).
9. Mareev S. N., Mareeva E. V. Istorija filosofii (obshhij kurs): uchebnoe posobie. M.: Akademicheskij Proekt, 2003. 880 s.
10. Morozov M. Ju. Protivorechie nepreryvnosti i diskretnosti kak sushhestvennoe opredelenie fraktal'nogo // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2021. № 5. S. 9—22; URL: <http://pmedu.ru/images/2021-5/922.pdf> (data obrashhenija 14.05.2022).
11. Nabokov V. V. Lekcii po russkoj literature. M.: Nezavisimaja Gazeta, 1996. 440 s.
12. Nabokov V. V. Lekcii po zarubezhnoj literature. M.: Nezavisimaja Gazeta, 1999. 440 s.
13. Tarasenko V. V. Poznanie kak fraktal'noe bluzhdanie v mire [Jelektronnyj resurs] // Moskovskij mezhdunarodnyj sinergeticheskij forum: [sajt]. URL: <https://www.rinotel.ru/fractal/poznanie-kak-fraktalnoe-bluzhdanie-v-mire.html> (data obrashhenija 14.05.2022).
14. Chernyshevskij N. G. Bednost' ne porok. A. Ostrovskogo // Polnoe sobranie sochinenij: v 15 t. 1939—1953. T. 2: Stat'i i recenzii. M.: Goslitizdat, S. 232—240.

Информация об авторе

М. Ю. Морозов — преподаватель, Гуманитарно-социальный институт (Московская область, г. Люберцы, д.п. Красково, ул. Карла Маркса, д. 117).

Information about the author

M. Yu. Morozov — lecturer, Humanitarian and Social Institute (Moscow region, Lubertsy, Kraskovo, ul. Karla Marksa, 117).

Статья поступила в редакцию 02.06.2022.

The article was submitted 02.06.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 131—138.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 131—138.

УДК 13; 294.3
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-131-138

Ступы в северном буддизме: философская составляющая

Наталья Раисовна Музафарова

*Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ,
Россия*

muzafar-nr@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является определение буддийских ступ как визуального символа философии северного буддизма. В статье освещены история появления ступ, виды ступ, символика их составляющих в философском контексте, ритуалы, связанные со строительством и функционалом ступ. Подтверждено, что в семантике ступ присутствует философская составляющая. Сделан вывод, что буддийские ступы являются уникальным визуальным символом философских идей северного буддизма. Данные, полученные в ходе исследования, успешно применены в педагогической практике по предметам: философия, религиоведение, культурология, искусствоведение на базе Бурятского государственного университета.

Ключевые слова: северный буддизм, ступа, философия, семантика.

Для цитирования: Музафарова Н. Р. Ступы в северном буддизме: философская составляющая // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 131—138. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-131-138>

Stupas in Northern Buddhism: philosophical component

Natalya Raisovna Muzafarova

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

muzafar-nr@mail.ru

Abstract: The purpose of the author's study is to define Buddhist stupas as a visual symbol of the philosophy of Northern Buddhism. The article highlights the history of the appearance of stupas, types of stupas, the symbolism of their components in a philosophical context, rituals associated with the construction and functionality of stupas. It is confirmed that there is a philosophical component in the semantics of stupas. It has been concluded that Buddhist stupas are a unique visual symbol of the philosophical ideas of Northern Buddhism. The data obtained in the course of the study have been successfully applied in pedagogical practice in the subjects: philosophy, religious studies, cultural studies, art history on the basis of the Buryat State University.

Keywords: Northern Buddhism, stupa, philosophy, semantics.

For citation: Muzafarova N. R. Stupas in Northern Buddhism: the philosophical component. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 131–138. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-131-138>

Во всех буддийских регионах в религиозном зодчестве (в организации архитектурного пространства, структуре зданий) проявляются важнейшие принципы буддийского миропонимания и мироустройства: иерархия сооружений по оси «вертикаль — горизонталь» и по сторонам света, насыщенность символикой цвета, формы и числа (в этом регионе любое архитектурное сооружение символизирует трехмерную модель идеального мира (мандала (санскр.); килкор (тиб.))). Глубокая взаимосвязь символики пространства с параллелями в микро- и макрокосме в северном буддизме обеспечивает символическое овеществление свойств материального и нематериального тел человека в предметной среде. Соответственно, одной из функций архитектурного пространства и всего искусства является помощь человеку в непрерывной духовной работе для достижения состояния просветления.

История. Ступа (санскр.)¹ — это особая форма архитектурного сооружения религиозного назначения. В каждой буддийской стране эти культовые объекты имеют свой характерный облик и являются мемориальными памятниками, мавзолеями, реликвариями, символами ума Будды.

Этимология индийского слова *ступа* (куча, груда) показывает, что изначально места поклонения святым представляли собой ограниченные пространства, где верующие оставляли камни в напоминание о паломничестве и где постепенно вырастали каменные курганы. Традиция создания каменных курганов на могилах или в иных памятных местах типична для многих культур древнего мира. Так, куполообразные надгробные памятники издревле возводи-

лись над захоронениями великих индийских святых и царей (кремация не считалась для них необходимой, поскольку они уже прошли сквозь огонь духовного очищения).

Согласно преданиям, еще при жизни Будды Шакьямуни ученики спрашивали его, как построить внешний реликварий для останков архата Шарипутры (санскр.), чтобы каждый желающий смог свободно подойти к святыне в любое время. В ответ на это Будда сложил свою накидку в виде квадрата, положил ее на землю, а сверху опрокинул свою пустую монашескую чашу / патру (санскр.), соорудив таким образом модель кургана. Впоследствии ступы создавались для сохранения кремированных останков самого Будды Шакьямуни, а также в ознаменование основных событий его жизни. Они долгое время оставались единственными зримыми символами памяти о нем, первыми местами паломничества и поклонения [4, с. 223]. Эти ранние индийские ступы представляли собой монументальные постройки, образующие объемный купол (анда (санскр.)), возводившийся на круглом основании, часто они имели ворота и ступени с балюстрадами, ведущие на более высокие кольцевые террасы. Купол, как правило, завершался кубическим образованием (хармика (санскр.)), в котором содержались реликвии; над ними возводился осевой столб (ясти (санскр.)), основание для купола, сложенного из уменьшающихся кверху дисков-зонтов (чаттравали (санскр.)). Впоследствии индийский вид ступы претерпел множество различных метаморфоз, адаптируясь к культурам стран, где распространялся буддизм [3, с. 121]. Размеры ступ стали весьма различны: от миниатюр, украшающих алтари, до подобий

¹ Чортен, mchod rten (тиб.); субргн (калм.); пагода, дагоба (кит.).

храмов. По структуре ступы делятся на закрытые (не имеющие доступа внутрь) и открытые для входа (с алтарными комнатами или молитвенными колесами-барабанами) [7, с. 47].

Изначальным назначением ступ было хранение реликвий великих духовных учителей, но со временем они стали сооружаться по самым разнообразным поводам и для разных целей: в священных местах — в ознаменование важных событий, а на перекрестках, горных перевалах и паломнических маршрутах — в качестве мест поклонения и алтарей. Ступы, сооружаемые в местах поклонения, не только гармонизировали пространство, но и, согласно представлениям верующих, даровали паломникам возможность накапливать заслуги (пунья (санскр.), *bsod nams* (тиб.)), способствовали успокоению, умиротворению, долголетию, избавлению от бед и препятствий, таких как болезни, голод, преступления. Постепенно ступы стали неотъемлемой частью любого буддийского храмового комплекса: согласно канону, комплекс необходимо должен включать три вместилища для тела, речи и ума Будды, соответственно, нарисованный образ или статуя Будды являются символом его тела, книги Дхармы — речи, ступа — ума [5].

В Тибете предтечами ступ были кубические каменные склепы, их использовали как усыпальницы для священнослужителей. Позднее Бишукама в тексте «Цуктор Дрима Гье Чунг» установил определенные правила формы и декора для ступ, и сегодня мы можем лицезреть стандартизированные ступы на территории, в интерьерах и на алтарях всех северобуддийских храмов. Нижняя часть ступы формирует основание львиного трона (асана (санскр.)), который по углам украшается вьющимися растительными узорами, обильно инкрустированными драгоценными камнями в виде росписи или барельефа, а по центру покрывается изображениями дхармачакры, вишваваджры, пары львов. В центре купола (*bum ra* (тиб.)) находится ниша-окно

(кунгарва (тиб.)) со скульптурой Будды, бодхисаттвы или слогом Хум. Эта часть ступы символизирует сердце. Над куполом располагается узкое основание хармики и сама кубическая хармика (в виде лотоса, стопки зонтов-колес). Колеса-зонты разделяются на 2 чередующихся вида: широкие «мужские» и узкие «женские»; над колесами — защитный зонт от дождя в виде лепестков лотоса. Далее — растущий лунный месяц, солнце и пламя, находящиеся на самой вершине ступы; с верхнего зонта могут свисать два скульптурных длинных шелковых украшения (раньше в Индии гирлянды изготавливали из живых цветов, но поскольку цветы быстро увядают, они были заменены шелковыми, расшитыми драгоценностями лентами с кистями). В наше время к петлям, расположенным под верхним зонтом, крепят также молитвенные флаги, которые расходятся по радиусу вниз длинными цепочками [1].

Виды ступ. При жизни и вскоре после ухода (паринирвана (санскр.)) Будды Шакьямуни были построены 2 ансамбля из первых 8 великих ступ, которые известны как «ступы Татхагаты 8 священных мест». Восемь священных мест — это 4 основные и 4 второстепенные (Лумбини, Бодхгайя, Сарнатх, Кушинагар, Раджагриха, Шравасты, Шанкасе) географические точки и возведенные на них культовые сооружения, где происходили главные события в жизни Будды. Будда советовал ученикам совершать паломничество к этим ступам, поскольку любые духовные практики, совершаемые в них, являются особенно продуктивными.

Вторые 8 ступ известны как «8 великих ступ реликвий в 8 городах»: в этих ступах содержатся 8 реликвий тела Будды. После кремации тела 8 индийских кланов разделили останки на 8 равных частей и построили в столицах своих племенных царств (в Кушинагаре, Раджагрихе, Капилавасту, Вайшали, Аллакаппе, Паве, Вишнудвипе, Рамагаме) ступы для хранения останков и поклонения Будде. Ни одна из оригинальных ступ

полностью не сохранилась до наших дней: на протяжении веков ступы ветшали и разрушались, на руинах возводились новые сооружения, в частности, внутри большой ступы в Сарнатхе заключены семь предыдущих ступ, словно в огромной каменной матрешке [7]. Однако развалины великих ступ еще можно увидеть в Санчи и Сарнатхе.

Формы ступ связаны с событиями из жизни Будды Шакьямуни. Их типология основана на форме купола и типе ступенек в центральной части, ведущих к нему.

1. Ступа рождения Сугаты (санскр.) символизирует рождение Будды в 563 г. до н. э. Согласно преданию, сразу после рождения чудесный младенец сделал 7 шагов в направлении каждой из четырех сторон света, а в тех местах, где его подошвы касались земли, моментально выросли лотосы. Ступа рождения была построена еще при жизни Будды его отцом Шуддходаной в садах Лумбини, и ее 4 цилиндрические ступени украшены изображениями лепестков лотоса [2, с. 140].

2. Ступа Просветления и победы над всеми препятствиями (Мары (тиб.)) имеет 4 ступени с уступами. Она посвящена событию, когда, согласно преданию, вечером перед Просветлением в возрасте 35 лет Будда устранил все завесы и препятствия в уме, преодолел угрозы и искушения демонов Мары под деревом бодхи в Бодхгае [2, с. 140]. Ступа Просветления была построена царем Бимбисарой в Бодхгае.

3. Ступа Поворота колеса Учения, мудрости, множества дверей-ворот (16 ворот) имеет 4 квадратных ступени с изображением дверей-ворот, символизирующих 108 историй или методов Учения Будды, 16 видов пустоты, 12 звеньев зависимого возникновения, восьмеричный путь, 6 совершенств и 4 истины. Она была построена первыми пятью учениками-аскетами в связи с появлением первого Учения Будды — поворотом колеса Дхармы в Оленьем парке Сарнатхи (Варанаси) [2, с. 141].

4. Ступа великих чудес, победы над иноверцами была построена Лисаби в роще Джетавана (Шравасти) в честь чудесной победы Будды над последователями неверных взглядов; 4 квадратных ступени ступы имеют выступы-секции, выдвинутые вперед на 1/3 своей высоты по 4 сторонам [2, с. 141].

5. Ступа схождения на землю из мира 33 богов Тушита. В 42 года Будда провел трехмесячное летнее затворничество в мире богов и вернулся на землю по тройной драгоценной лестнице, построенной в городе Санкасья (Шанкасе). Местные жители построили ступу в честь этого события; на 4 ступенях этой ступы с каждой из 4 сторон по центру есть 3 лестницы в 33 ступени [2, с. 142].

6. Ступа Примирения, Единства / yang chub snying por bdud btul mchod rten che, dhyen mchod rten (тиб.). Она имеет 4 восьмигранные ступени с равными сторонами, которые в сумме образуют 32 ступени. Построена в ознаменование устранения Буддой разногласий и споров в Сангхе. Будда примирил монахов и устранил раскол в бамбуковой роще Велувана в Раджагрихе (Раджгир). В ознаменование этого жители царства Магадха соорудили эту ступу [2, с. 142].

7. Ступа Совершенной, Полной Победы имеет 3 ступени цилиндрической формы. Считается, что ее воздвигли небесные существа в честь того, что в возрасте 80 лет Будда продлил свою жизнь по просьбе учеников [2, с. 142].

8. Ступа Паринирваны построена без ступеней и окон. Ее центральная часть имеет форму колокола. Такая простота внешнего вида символизирует полное растворение Будды в паринирване, где все концептуальные признаки и характеристики теряются в пустоте высшего абсолютного тела мудрости. Эту ступу возвело племя Мала [2, с. 143].

Изображения 8 великих ступ можно видеть в мандалах: они размещаются в соответствии с направлениями сторон света на внешнем круге мандалы на вершинах 8 особых гор, которые символизируют неподвижность

медитативной устойчивости, фокусирующейся на союзе великого блаженства и пустоты, а также единство трех тел будды [2, с. 144].

Символика. Определяющим свойством ступы является многоуровневый символизм. Пирамидальная форма является выражением иерархического строения космогенеза и его принципов. Ступа строго ориентирована по сторонам света, а в плане она представляет собой геометрическую диаграмму солярного цикла — проекцию микрокосма и воплощает в себе символизм метафизического Солнца, источника и центра мира [6, с. 99]. Как единая конструкция ступа представляет дхармакаю — абсолютную природу полностью просветленного ума.

Внутри ступы, как правило, расположен шест — символ «древа жизни», выполненный из цельного ствола сандала, расписанного мантрами, обмотанного тканью и нитями пяти цветов. Эта центральная ось ступы, в контексте буддийского топографического символизма, означает гору Меру, мировую ось или древо, которая, в свою очередь, символизирует связь, укрепление и умиротворение земли и неба. Особенная ступа с 7 ступенями и 17 колесами-зонтами воплощает символику космологии горы Меру (12 углов трех ступеней основания — это 4 основных континента и 8 субконтинентов, окружающих гору Меру, 7 верхних ступеней ступы — это символ 7 горных цепей, окружающих эту гору, купол ступы символизирует саму гору Меру). 6 частей хармики — это 6 измерений мира желаний: богов, полубогов, людей, животных, голодных духов, адских существ; 17 колес — это 17 уровней мира формы, а верхний зонт символизирует 4 высших бесформенных мира [13].

5 архитектурных частей ступы (трон, ступени, купол, зонты, навершие) полисемантичны. Они символизируют 5 элементов Космоса (землю, воздух, воду, огонь, пространство); 5 элементов существа (группу сознаний, группу ощущений, группу различ-

ний, группу формирующих факторов, группу форм); 5 каналов восприятия (слух, обоняние, вкус, осязание, зрение); 5 омрачений (гнев, глупость, страсть, ненависть, ревность); 5 основных цветов (желтый, синий, красный, зеленый, белый); 5 форм (квадрат, полукруг, треугольник, круг, отсутствие формы); 5 глав будда-семейств: Акшобхье, Ратнасамбхаве, Амитабхе, Амогасиддхи, Вайрочане [12, с. 333].

Ступа может также рассматриваться как символическое изображение фигуры сидящего Будды: в этой символической парадигме квадратное основание ступы может восприниматься как львиный трон, на котором восседает Будда, 4 квадратные ступени, поднимающиеся над вершиной основания, представляют собой скрещенные ноги Будды в позе ваджрасаны, полного лотоса (4 стороны этого квадратного уровня символизируют устойчивость и стабильность земли, из них 2 стороны представляют бедра Будды, одна — его спину, а четвертая — его лодыжки и стопы, сложенные в позе ваджрасаны). Купол символизирует торс Будды, кунгарва в точности совпадает с сердечным центром Будды. Хармика над куполом представляет лицо Будды и его глаза, которые смотрят в четырех направлениях. Часто на непальских ступах здесь рисуется пара глаз. Конический шпиль из 13 колес представляет выступ на макушке его головы. Верхний зонт — это эмблема царственного величия, которая парит над его головой, а навершие из луны, солнца и пламени символизирует его просветление. Деревянный осевой столб ступы представляет собой позвоночник Будды и его центральный канал [10, с. 91].

С архитектурной точки зрения, ступы подразделяются на 3 вида, соотносящиеся с 3 буддийскими путями шраваков, пратьекабудд и бодхисаттв. Ступа шраваков описывается как напоминающая имущество буддийского монаха: 4 ступени над основанием трона представляют его одежды, а их складки образуют 4 уровня. Купол символизирует перевернутую чашу для подаяний,

а хармика, шпиль и верхушка — форму железного посоха буддийского нищенствующего монаха кхаккхары.

Ступа пратьекабудд имеет квадратное основание, квадратный купол, 12 круглых зонтов-колец, над которыми находится Дхармачакра с 8 спицами. 13 зонтов-дисков, означающих 10 сил Будды и 3 совершенных Собрания, землю с окружавшими ее 12 астрологическими солнечными домами или преодоление 3 изначальных ядов, 12 звеньев взаимозависимого возникновения. Ученики Будды Шакьямуни спросили об устройстве ступы для архатов и его собственных реликвий, и Будда дал следующие наставления: ступа Татхагаты должна содержать 13 колец-зонтов, для ступ пратьекабудд — 5 зонтов, для ступ архатов — 4 зонта, для невозвращенцев — 3 зонта, для единой возвращающихся — 2 зонта, для вошедшего в поток — 1 зонт, для непосвященных практиков-мирян не полагалось зонта [9, с. 56].

Верхняя часть ступы называется «ступа плода», а нижняя — «ступа причины». Основание львиного трона символизирует «тело формы» (нирманакая (санскр.)), «ступа причины» из купола и хармики представляет «тело наслаждения» (самбхогакая (санскр.)), «ступа плода» из колец-зонтов и навершия — «тело абсолютной истины» (дхармакая (санскр.)) [8, с. 220].

Основание ступы имеет символическую параллель в пятиступенчатой основе, поддерживающей купол и львиный трон: 5 ступеней означают 5 путей к просветлению. Четырехгранный львиный трон символизирует и непобедимость Дхармы, и 4 вида бесстрашия Будды, и 4 безмерных качества. К трону ведут 3 ступени, символически воплощающие 3 драгоценности для Прибежища от страданий сансары. Кубическая основа львиного трона представляет 4 основные стороны и 4 промежуточных угла элемента земли. Первая из 4 нижних ступеней символизирует своими четырьмя сторонами 4 близких созерцания тела, чувств, ума и Дхармы. Вторая ступень

символизирует 4 великих отречения от недобродетельных действий. Третья ступень символизирует 4 «ноги» чудесной силы. Четвертая ступень символизирует своими четырьмя сторонами и вершиной 5 качеств нравственности. Узкая круговая основа купола над этими ступенями символизирует силу и мощь этих 5 аспектов нравственности. Купол представляет каплю элемента воды и 7 условий просветления. 8 углов хармики символизируют благородный восьмеричный путь. Осевой столб символизирует элемент огня и 10 знаний. Вокруг осевого столба находятся 13 колец, первые 10 из которых символизируют 10 сил Будды. 3 верхних кольца символизируют 3 близких созерцания. Зонт над этими кольцами символизирует элемент воздуха, защиту, великое сострадание Будды, искусные способы обучения. Он символизирует 4 бесформенных измерения. Если повернуть зонт помещается знамя с головой Макары (макарадхваджа), это символизирует победу над 4 марами [2, с. 139].

Растущая луна символизирует устремленность к просветлению и бодхичитту. Солнечный диск символизирует мудрость и пустоту. Союз солнца и луны представляет вместилище метода и мудрости, или относительной и абсолютной бодхичитты, а также божественное царство и коронование Будды по прошествии им 10 уровней совершенства / бхуми (санскр.) — состояние высочайшего просветления. Луна символизирует сердце просветления — бодхичитту (санскр.), солнце — трансцендентную мудрость / праджня (санскр.), драгоценность — просветление. Эфирное пламя-самоцвет просветления символизирует на внутреннем уровне — ветра лунного и солнечного каналов, воспламеняющие богиню Чандали, и ее восхождение по центральному каналу, а на внешнем — элемент пространства. Всё вместе это представляет ушнишу [2, с. 140].

Ритуалы. Многие великие тибетские мастера писали тексты-руководства по возведению ступ. Самые известные из них — это

труды Бутона Ринпоче (1290—1364), Деси Сангье Гьяцо (1653—1705), Мипхама Ринпоче (1846—1912). Ритуалы, которые необходимо проводить при строительстве и заполнении ступы, чрезвычайно сложны и детально разработаны. Они должны происходить под руководством квалифицированного Учителя. Только после его благословения ступа воспринимается как священный объект и энергетический центр, благоприятно воздействующий на окружение. Вначале необходимо провести ритуалы выбора места для строительства и получить разрешение у местных духов земли / нагов (санскр.) / лу (тиб.). После закладки фундамента и возведения стен начинается закладка заранее подготовленных ингредиентов — символов тела, речи и ума Будды: статуэтки, тексты, реликвии и т. д. В большие ступы закладывают многотомные книги поучений Будды / Канджур (тиб.) и комментарии к ним / Тенджур (тиб.), а в небольшие — тексты Праджняпарамиты (санскр.). Тысячи свернутых в трубочки мантр; 8 видов благих символов, субстанций, сокровищ; 5 видов драгоценных камней, металлов, лекарств, знаков, благоволий, хадаков; земля из святых мест; статуэтки Будд и бодхисаттв, лекарственные пилюли, монеты и др. Под основание ступы закладываются оружие и орудия труда, изображения мандал и защитных амулетов и др. В ступы, сооруженные в честь ухода великих Учителей, закладывают сосуды и статуэтки / ца-ца (тиб.) с их прахом. Иногда мумифицированные тела высоко реализованных мастеров целиком помещаются в ступы. Благодаря всем этим ингредиентам ступа становится священным сосудом [4].

Существуют различные формы поклонения ступам. Например, круговой обход (циркумбуляция) по часовой стрелке, во время которого читают молитвы / мантры (санскр.), благопожелания, поклоны и подношения. При этом мотивация должна быть направлена на сохранение Дхармы Будды, благо для всех существ, восхваление Учителя, очище-

ние завес и развитие всех качеств просветления. Также множество заслуг получают те, кто инициирует, совершает и спонсирует строительство и ремонт ступ. В Сутре «Путь Различения» Будда перечисляет 18 видов заслуг от участия в создании ступы [1, с. 50].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что сегодня во всех буддийских регионах идет активная реконструкция и реставрация, а также строительство новых ступ. При возведении ступ используются как традиционные методики и материалы, так и современные архитектурные инновации. Всё это свидетельствует об актуальности древней традиции в современности.

Библиографический список

1. *Берзин А.* Общий обзор буддийских практик: Лекции, прочитанные для Ленинградского общества буддистов в марте 1990 г. СПб.: Нартанг, 1993. 98 с.
2. *Бир Р.* Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / текст и ил.: Р. Бир; [пер. с англ. Л. Бубенковой]. М.: Ориенталия, 2011. XX, 406 с. (Самадхи).
3. *Говинда А.* Психокосмический символизм буддийской ступы. М.: Беловодье, 2006. 320 с.
4. *Далай Лама XIV.* Мир тибетского буддизма: Обзор его философии и практики: [пер. с англ.]. СПб.: Нартанг, 1996. 225 с.
5. *Далай Лама XIV.* Буддизм Тибета: [пер.]. М.: Нартанг; Рига: Угунс, 1991. 102 с.
6. *Музафарова Н. Р.* Традиции изобразительного искусства северного буддизма: монография. Чусовой, 2021. 186 с.
7. *Klimburg-Salter D.* The Kingdom of Bamiyan: Buddhist art and culture of the Hindu Kush. Naples; Roma: Istituto univesitario orientale, 1989. 226 p.
8. *Landaw J., Weber A.* Images of enlightenment: Tibetan art in practice. Boston: Shambhala, 2006. 264 p.
9. *Snodgrass A.* Symbolism of the Stupa. Ithaca, NY: SEAP Publ., 1985. 469 p.
10. *Stratton E.* The evolution of Indian Stupa architecture in East Asia. New Delhi: Vedams, 2000. 154 p.

11. Stupa or Chorten // Khandro: [Web]. URL: http://www.khandro.net/ritual_stupa_1.htm (дата обращения: 02.05.2022).

12. Visual dharma: the Buddhist art of Tibet: [catalogue of] an exhibition organized by the MIT Office of Exhibitions and the Nalanda Foundation [held at the] Hayden Gallery, Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, MA: Hayden Gallery; MIT, 1975. 524 p.

13. Xiong W. *Tibetan arts*. [Beijing]: China Intercontinental Press, 2005. 109 p.

References

1. Berzin A. *General overview of Buddhist practices: Lectures given to Leningrad Buddhist society, March 1990*. St. Petersburg, Nartan Publ., 1993. 98 p. (In Russian).

2. Beer R. *The encyclopedia of Tibetan symbols and motifs*. Boston, Shambhala, 1999. 392 p.

3. Govinda A. (Lama). *Psycho-cosmic symbolism of the Buddhist Stūpa*. Berkeley, CA, Dharma Publ., 1976. 102 p.

4. Gyatso Tenzin (Dalai Lama XIV). *The world of Tibetan Buddhism: An overview of its philosophy and practice*. Boston, Wisdom Publ., 1995. 224 p.

5. Gyatso Tenzin (Dalai Lama XIV). *The Buddhism of Tibet and the key to the middle way*. New York, Harper & Row, 1975. 104 p.

6. Muzafarova N. R. *Artwork traditions in Northern Buddhism*, monograph. Chusovoy, 2021. 186 p. (In Russian).

7. Klimburg-Salter D. *The Kingdom of Bamiyan: Buddhist art and culture of the Hindu Kush*. Naples, Roma, Istituto univesitario orientale, 1989. 226 p.

8. Landaw J., Weber A. *Images of enlightenment: Tibetan art in practice*. Boston, Shambhala, 2006. 264 p.

9. Snodgrass A. *Symbolism of the Stupa*. Ithaca, NY, SEAP Publ., 1985. 469 p.

10. Stratton E. *The evolution of Indian Stupa architecture in East Asia*. New Delhi, Vedams, 2000. 154 p.

11. Stupa or Chorten. *Khandro*. Available at: http://www.khandro.net/ritual_stupa_1.htm (accessed: 02.05.2022).

12. *Visual dharma: the Buddhist art of Tibet: [catalogue of] an exhibition organized by the MIT Office of Exhibitions and the Nalanda Foundation [held at the]*

Hayden Gallery, Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, MA, Hayden Gallery, MIT, 1975. 524 p.

13. Xiong W. *Tibetan arts*. China Intercontinental Press, 2005. 109 p.

Информация об авторе

Музафарова Наталья Раисовна — аспирантка профиля «Философия, этика и религиоведение», направления «Социальная и политическая философия», Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А), <https://orcid.org/0000-0002-7545-7801>

Information about the author

Natalya R. Muzafarova — postgraduate student at “Philosophy, ethics and religious studies” training programme, “Social and political philosophy” field of study, Banzarov Buryat State University (Russia, 670000, Ulan-Ude, Smolina str., 24A), <https://orcid.org/0000-0002-7545-7801>

Статья поступила в редакцию 17.06.2022.

The article was submitted 17.06.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 139—150.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 139—150.

УДК 32:177:[17:32(100)]
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-139-150

Мораль и политика: взаимоотношение в массовом сознании

Владимир Иванович Попов

Рубцовский индустриальный институт — филиал Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, Рубцовск, Россия

popov-vldm@yandex.ru

Аннотация. Автор статьи анализирует представленные в науке позиции о взаимоотношении в массовом сознании политики и морали. Рассматривает, как к данному вопросу относился Платон. Он считал, что идеальное государство (как воплощенная справедливость) для своего основания и функционирования нуждается во лжи. Аристотель, по сути, отождествил политику и мораль, так как в его трудах они стали единой «наукой». Другой подход к взаимоотношению политики и морали предложил Н. Макиавелли. Он развел эти явления и, по сути, противопоставил их друг другу.

В современной международной политике мы наблюдаем сейчас, как ежедневно попирают элементарные принципы морали.

Автор статьи пытается ответить на вопрос, возможно ли в современном политическом процессе, чтобы в массовом сознании укоренилась моральная политика. Он делает вывод: политика в России может стать и далее оставаться моральной, если создать социально-психологический климат, благоприятный для формирования гражданского общества и гражданской политической культуры нового уровня, а при создании учесть национальные особенности нашей страны, нашего российского менталитета.

Ключевые слова: политика, мораль, массовое сознание, западное общественное мнение, СМИ, демократические институты.

Для цитирования: Попов В. И. Мораль и политика: взаимоотношение в массовом сознании // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 139—150. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-139-150>

Morality and politics: relationship in the mass consciousness

Vladimir Ivanovich Popov

Rubtsovsk Industrial Institute, Branch of Polzunov Altai State Technical University, Russia
popov-vldm@yandex.ru

Abstract: The author analyzes the scientific positions on politics-morality relationship in the mass consciousness. He considers Plato's attitude to this issue. Ancient philosopher believed that the ideal state (as embodied justice) needs a lie for its foundation and functioning. Aristotle, in fact, equated politics and morality, as in his work they became one single “science”.

Machiavelli proposed another approach, separating these phenomena and, in fact, opposing them to one another.

In present-day global politics the daily trampling of elementary moral principles is witnessed.

In this work, the author tries to answer the question of whether there is a possibility, in the modern political process, for a moral policy to take root in the mass consciousness. He concludes that policy in Russia can become and remain moral if a socio-psychological climate favorable to the formation of civil society and civil political culture of a new level is created with consideration for national characteristics of Russia and Russian mentality.

Keywords: politics, morality, mass consciousness, Western public opinion, mass media, democratic institutions.

For citation: Popov V. I. Morality and politics: relationship in the mass consciousness. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 39—150. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-139-150>

События последних лет всё очевиднее убеждают нас, что Россия и весь мир переживают сегодня важнейший переломный момент истории. Попытки построения однополярного мира, где одна сверхдержава навязывает остальному миру правила игры, выгодные только ей, и игнорирует интересы других народов, сталкиваются со всё более нарастающим сопротивлением остального мира.

Современность осознается сегодня как переходность в широком смысле слова. Для ситуации переходности характерен пересмотр ряда представлений о мире, истории, ценностях. Современная социогуманитарная мысль фиксирует распад прежней ценностной системы, отказ от понятий «истина», «реальность», признание плюрализма человеческих «истин», что в свою очередь ведет к «плюрализму» ценностей, к релятивизации моральных ценностей и норм. Ситуация проблематична: «Если все в мире „одинаково ценно“, то обесцениваются понятия добра и зла как категории морали [8]. Порой мы наблюдаем, как эти категории и вовсе «выносятся за скобки» повседневной жизни. В данной ситуации проблема взаимоотношения политики и морали как никогда актуальна.

В разных направлениях социальных наук этот вопрос имеет многовековую историю исследования. В истории политической мысли сформулированы и сложились ряд подходов в оценке взаимоотношений этих общественных явлений. Один из них исходит из того, что политика должна иметь высоко-нравственные цели, выражать и реализовывать общее благо, опираясь на принципы высшей социальной справедливости. Платону приписывают слова о том, что «сила дарует права». Платон также считал, что идеальное государство как воплощенная спра-

ведливость нуждается для своего основания и функционирования во лжи. Это «лечебное средство» правители-философы использовали для того, чтобы убедить непросвещенных людей «поверить благородному вымыслу» [15].

Исходя из того, что для одного человека благом является то же, что для государства, Аристотель по сути отождествил политику и мораль, так как в его трактовке они стали единой «наукой». Вслед за Аристотелем, опираясь на античные представления о данной проблеме, подобного мнения в разное время придерживались также Э. Фромм, И. Бенгам, Дж. Хаксли и многие другие. Наиболее четко смысл подобной позиции сформулировал еще в конце XVIII века Э. Бёрк.

По мнению Э. Бёрка, соблюдать традиции значит действовать в соответствии с естественным ходом развития общества, с исторической памятью народа, с его вековой мудростью, которая оформляется в эти традиции. При этом важно, чтобы новые идеи и реформы не рушили «естественные» традиционные основы общества. Бёрк полагал, размышляя о моральной политике: «Человек, исполненный горячих и благих намерений, может желать, чтобы общество, к которому он принадлежит, было устроено иначе, чем он его застал; но честный патриот и подлинный политик всегда учитывает, как можно извлечь максимум из существующих ресурсов страны. Стремление сохранять и способность улучшать, вместе взятые — вот критерий государственного человека. Все остальное вульгарно в своем замысле и опасно в осуществлении» [2, с. 245].

Другой подход ко взаимоотношению политики и морали предложил Н. Макиавелли. Он развел эти явления и, по сути, противопоставил их друг другу. Макиавелли считал,

что правитель для создания стабильного и процветающего государства должен иметь жесткую вертикаль власти; при этом он может не отягощать себя никакими моральными принципами. В интересах государства он должен использовать хитрость и силу, и в зависимости от политической ситуации надевать маску льва или лисицы («Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков» [9]). Правитель может в интересах государства переступить через данную им клятву, отказаться от данного им слова, использовать для укрепления власти и государства ложь, вероломство, подкуп, подлость. Он может не обращать внимания на мораль, существующую в обществе, потому что на нем лежит ответственность за сохранение и укрепление государства. Макиавелли исходил из того, что в политике для достижения цели все способы хороши («... Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется» [9]).

Это означает, что Н. Макиавелли, по сути, противопоставлял политику и мораль. Он полагал, что мораль — дело гражданского общества, личной ответственности человека, а политика — область борьбы противоположных интересов разных социальных групп. Поэтому если в безнравственном обществе нравственный человек, стремящийся и желающий делать добро, не будет реалистом, то он ничего не сможет сделать на благо общества и просто погибнет. Поэтому если

в безнравственном обществе нарастает беззаконие и анархия, то для высшей цели спасения государства, законности и порядка государь (политик) вправе использовать любые меры, в том числе безнравственные («Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таким в самом деле, но внутренне надо сохранить готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что люди почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла» [9]).

По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, основателей классового подхода в науке, «„идея“ посрамляла себя, как только она отделялась от „интереса“» [10, с. 89]. То есть политика моральна, если она осуществляется в интересах трудящихся и эксплуатируемых масс. На таких же позициях стоял и В. И. Ленин. Для него «морали в политике нет, есть только целесообразность» (цит. по: [11, с. 166]). Из негативных оценок политики исходили и теоретики анархизма — в частности, М. А. Бакунин. Главным носителем политики он считал государство, приписывая, однако, ему «...господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а в крайнем случае бесцеремонного и откровенного» (см.: [1, с. 27])¹.

Говорят, что зло коренится в самой природе политической власти. Лорд Актон писал, что «власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» (цит. по: [18, с. 13]; в оригинале — “Power tends to corrupt

¹ Цитата из этого источника приведена в современной орфографии. — Прим. ред.

and absolute power corrupts absolutely” — [19]). Власть развращает не только ее обладателей, но и тех, кто ей подчиняется; так, Г. Моска, Р. Михельс, А. Бенгли, Г. Кан отрицали, что мораль сколько-нибудь серьезно влияет на политику.

Другой подход заключается в том, что политика и мораль различны — но могут быть соединены таким образом, что вторая в образе права выступит ограничительным условием первой. Подобные суждения о морали как об инструменте, который может сделаться регулятором и ограничителем политики, можно найти у Ж. Бодена, Т. Гоббса, А. Швейцера, А. Эпштейна, М.-К. Ганди. Эти мыслители исходили из того, что субъект политики должен ставить целью своего правления облагораживание политики моралью в процессе реализации власти.

Некоторые исследователи исходят из того, что политика связана с моралью на уровне *целей*, а на уровне *средств* они различаются до противоположности. Вопрос о связи средств и целей чаще всего обсуждают, касаясь темы взаимоотношении политики и морали.

Вместе с тем политическая практика дает понять, что цели и средства часто выступают как единое целое. Поэтому политика не становится более моральной, когда формулирует для себя моральные цели.

Макс Вебер, оценивая взаимоотношения политики и морали, исходит из того, что подобные связи существуют — и они-то и составляют «политическую мораль».

Он размышляет о понятиях «этики убеждения», происходящей из морали отдельной личности, и «этики ответственности», базирующейся на другой, политической, морали [3, с. 696—697]. В политике этика ответственности, направленная на достижение моральных целей, часто оказывается выбором между «большим» и «меньшим» злом. Этот вариант политической этики говорит о потребности общества в честных и высокоморальных политических лидерах, которые, однако, будут готовы, если потребуется, раз-

гребать авгиевы конюшни, оставленные предшественниками. Вебер считал, что реальные, а не идеальные качества таких политических лидеров — умеренность и осторожность в вопросах политической власти, желание и способность управлять политическими процессами так, чтобы творимое ими зло не было бóльшим, чем исправляемое. Высокий статус и положение требуют от этих политиков приносить в жертву собственную мораль во имя общего блага [3, с. 702—703]. Из этих суждений напрашивается вывод: политик — честный человек, который должен быть лгуном, когда он ведет политическую деятельность в интересах своего государства.

В отечественной науке, когда затрагивали данную проблему, ментальность властных групп, политических элит описывали с позиций политического *реализма*, тогда как политическая ментальность масс развивается и формируется в рамках политического *идеализма*.

«В узком политико-психологическом смысле менталитет представляет собой определенный, общий для членов социально-политической группы или организации своеобразный политико-психологический тезаурус ("словарь", "лексикон", призму восприятия и осмысления мира). Именно он и позволяет достаточно единообразно воспринимать окружающую социально-политическую реальность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными устоявшимися в общности нормами и образцами поведения, гарантированно адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга. В этом случае общий менталитет сам по себе является организующим фактором, образующим особую политико-психологическую общность людей на основе такого единого для всех ее членов менталитета» [13].

Народные массы пока не стали настоящими субъектами политики — и поэтому, существуя реально вне политики, не могут понять специфики политической морали. Как следствие, в общественном сознании сложились разные представления о стандартах

морали в политике. Так, с точки зрения политического идеализма, который широко распространен в либеральной социальной среде, политику трактуют с позиций сотрудничества, интеграции, взаимопомощи. Целью политического процесса провозглашают реализацию и защиту общечеловеческих ценностей, стремление к бесконфликтному существованию. Согласно постулатам политического реализма, движущая сила мировой политики и, шире, политики как таковой — это реализация интересов социальных групп (национальные интересы). Столкновение и противоречие интересов порождают конфликт — основную форму взаимодействия государств и других субъектов политики. И решающим фактором успеха в мировой политике всегда оказывается военная сила. (Как говорится, «хочешь мира — готовься к войне».) И если мораль в обществе относительно устойчива и консервативна, сохраняет устоявшиеся ценности, идеалы, нормы, представления, то в быстротекущей и развивающейся политике интересы и позиции меняются постоянно и непрерывно. «В политике нет вечных друзей и вечных врагов. Есть вечные интересы»². В этом многие исследователи видят саму суть политики.

В научных исследованиях по проблемам политического сознания его условно разделяют на элитарное и массовое. Общественное массовое сознание в форме идеологии, пропаганды и агитации, науки позволяет устанавливать причинно-следственные связи между различными социальными и политическими явлениями, позволяет понимать политическую действительность и ориентироваться в политической жизни.носителем и выразителем политического сознания в обществе чаще всего выступает политическая элита.

«Массовое сознание — один из видов общественного сознания, наиболее реальная форма его практического существования и воплощения. Это особый, специфический вид общественного сознания, свойственный значительным неструктурированным множествам людей ("массам"). Массовое сознание определяется как совпадение в какой-то момент (совмещение или пересечение) основных и наиболее значимых компонентов сознания большого числа весьма разнообразных "классических" групп общества (больших и малых), однако оно несводимо к ним» [14, с. 20].

Один из видов общественного сознания — политическое сознание. Массовое политическое сознание часто трактуют как совокупность индивидуальных ценностных установок, ориентиров, идеалов, представлений и т. п., которые приобретены через опыт участия в политическом процессе.

В политической истории России не раз предпринимались попытки направить политический курс в русло *общественной морали*, которую в массовом сознании воспримут как *нравственную*. Так, под влиянием прогрессивной русской общественности царское правительство в 1877 г. вступило в войну с Турцией за освобождение братьев-славян на Балканах — что впоследствии привело государство к жесточайшему финансовому кризису, так как расходы на войну в два раза превысили бюджет страны, а результаты победы были утрачены буквально через год (более подробно см.: [5, с. 169—170]). И несмотря на это, общественное сознание принимало решения русского правительства и императора как правильные и моральные действия. И в позапрошлом, и в прошлом (XX) веках Болгария воевала с нами (в том числе в двух мировых войнах) на стороне

² Полностью высказывание (оно принадлежит Генри Джону Темплу, третьему виконту Пальмерстону, это цитата из речи, произнесенной в палате общин 1 марта 1848 г.) звучит в оригинале так: «We have no eternal allies, and we have no perpetual enemies. Our interests are eternal and perpetual, and those interests it is our duty to follow» (цит. по: [20, с. 282]); а в русском переводе — так: «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их — наш долг» (цит. по: [4]). — *Прим. ред.*

наших противников, и сегодня она также занимает недружественную к России позицию, но представления о морали, существующие в массовом сознании, требовали от правящих элит решительных действий в поддержку Болгарии. И если бы эти действия не были совершены, то подобную политику в массовом сознании могли бы оценить как аморальную. Другой пример связан с попыткой сохранить Советский Союз и при этом не принимать жестких, непопулярных мер, насилия (под влиянием общественных настроений, отрицающих насилие в политике) — она закончилась развалом страны и очень серьезными потерями и жертвами (более подробно см.: [5, с. 169—170]).

Последние три десятилетия человечество переживает глубокие потрясения, которые не в последнюю очередь связаны с событиями, происходящими на постсоветском пространстве. Эти события, а также утрата коммунистической идеологии (которая до того во многом определяла приоритеты в политическом сознании общества) и развал страны не могли не повлиять на массовое сознание на территории республик бывшего Советского Союза.

Субъектом или носителем политической морали является так называемый политический класс, к которому относятся как стратегические специалисты и эксперты по определенным областям государственного управления, так и субъекты политического процесса, которые активны в политике и из кого в основном формируются политические элиты.

Так, в массовом сознании невозвращение долга однозначно трактуется как явление аморальное, а сейчас современный западный политический класс готов пересмотреть базовые документы Международного валютного фонда, чтобы обосновать, как именно Киевское правительство может не вернуть России суверенный долг (только чтобы создать дополнительные проблемы для российской экономики). После террористического акта против журналистов «Шарли Эбдо»

европейский политический истеблишмент вышел на улицы европейских городов с табличками «Я — Шарли» (что вполне соответствует представлениям о морали в западно-европейском общественном сознании), но при этом раньше те же люди не замечали гибели тысяч мирных жителей на востоке Украины, в странах Ближнего Востока, в Афганистане (что аморально уже на наш взгляд).

Сотни и тысячи лет существующие мировые религии осуждают насилие и убийства — а влиятельные субъекты глобальной политики в интересах узкой группы лиц организуют и финансируют террористические организации, чтобы расколоть европейское общество, посеять и спровоцировать вражду между христианским и мусульманским миром. Циничным и аморальным, на наш взгляд, выглядит то, что после атаки террористов на башни-близнецы в США американское политическое руководство начало войну в Афганистане (с многочисленными жертвами среди мирного населения) — и мировая общественность восприняла ее как законные и моральные действия США. В Донецкой и Луганской областях Украины за восемь лет погибло очень много мирных жителей — и действия России по прекращению войны на востоке Украины вызвали волну санкций и осуждение со стороны части мировой общественности.

Тысячелетиями мировые религии формировали в массовом общественном сознании отрицательное отношение ко лжи, воровству, лицемерию. Но сегодня политические элиты Запада активно поддерживают любые общественные, экономические, политические, социальные процессы, если они направлены против интересов России и русского мира — или вредят тому и другому. По сути, объединенный Запад ведет гибридную войну с Россией по всем направлениям. На территории Украины западное общественное мнение, СМИ, демократические институты и правительства не замечают убийства мирных жителей в Донбассе, перерождения радикального национализма в откровенный

фашизм. При этом объединенный Запад активно финансирует и накачивает вооружением Киевский режим. Становится всё более очевидно, что события на Украине — форма противостояния геополитических стратегических интересов США и ее союзников — и России. Средства массовой информации Западной Европы активно распространяют искаженную картину о происходящей спецоперации ВС РФ. Подмена понятий, лживая информация имеет цель создать из России в массовом европейском политическом сознании образ агрессора, врага европейских ценностей. Высокопоставленный военный (возможно, он сам отдавал команды бомбить сербские города) в прямом эфире рассуждает об агрессивности русских как о характерной черте национального характера. В последние годы политические элиты США в мировом информационном пространстве организовали яростную русофобскую кампанию: ее цель — расчеловечить образ русского, россиянина. Эта по сути своей аморальная политическая линия, которую проводят политические элиты Запада, вызывает всё большее неприятие значительной части мировой общественности. Всё больше людей и в Европе, и во всем мире начинает осознавать, что не готовы жертвовать своими национальными интересами ради навязываемых заокеанских транснациональных корпораций и их политических ставленников.

Отсюда следует вывод: моральность политики не тождественна общественной морали, представления о которой формируются в массовом сознании. Поэтому оценки происходящих в политике событий с позиций общественной морали могут радикально отличаться от официальных оценок политических руководителей. Но это, конечно, не означает, что политика безнравственна. В данном случае основной критерий нравственности другой. Суть его в соответствии политического курса национальным, государственным интересам. Национальные интересы — те, что не противоречат перспек-

тивным и текущим интересам основных социальных групп данного общества, а вполне сочетаются с ними. То есть политический курс, соответствующий интересам моего государства, есть для меня нравственная политика, и наоборот. Причем нравственный облик самого политика в данный момент — вопрос второй: главное — тот политический курс, который он проводит (см.: [17]).

За последние десятилетия в практику западного политического истеблишмента прочно вошла оценка событий, происходящих в мире, по двойным стандартам. Если войска НАТО бомбят столицу Сербии и погибают тысячи мирных жителей, в том числе дети, то мировое сообщество этого демонстративно не замечает. Мы связываем такое поведение с тем, что Сербия является историческим союзником России, а ослабление союзников России объединенный Запад рассматривает как инструмент влияния на Россию, направленного на то, чтобы ее «сдерживать» (читай: ослаблять). Перед этими трагическими событиями мировое общественное мнение через все средства массовой информации говорило об агрессивности сербов, внедряя в массовое сознание необходимость наказать Сербию. Европейская общественность благосклонно отнеслась к процессу оформления албанской республики Косово, к изгнанию или истреблению сербского населения, не замечая в этом признака геноцида. Косовары грабили и убивали мирных жителей, есть подтвержденные факты торговли органами людей из этой местности, при этом все преступления албанской армии оценивались международным сообществом как справедливые и соответствующие международному праву.

Образование республики Косово на исторических землях Сербии тоже не вызвало противодействия в западноевропейском политическом сообществе, где сослались на один из основных принципов международного права («Статья 3. Коренные народы имеют право на самоопределение. В силу

этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие» [6]).

Этот процесс самоопределения проходил по решению парламента и не сопровождался референдумом. Однако переход Крыма в состав России (хотя ему *предшествовал* референдум и он не противоречил основному принципу международного права о праве наций на самоопределение, на сохранение языка и культуры) так называемое мировое сообщество восприняло крайне негативно — потому что этот переход ведет к усилению России.

В современной международной политике мы наблюдаем сейчас, как ежедневно попирают элементарные принципы морали. Международная политика выстраивается сегодня согласно интересам ведущих западных держав, прежде всего США, но не базовых установкам международного права. В оценке действий России на международной арене, как уже было сказано, постоянно применяют двойные стандарты. Принципы международного права трактуют так, как угодно политическому руководству США. Политический истеблишмент США всеми средствами (информационными, финансовыми, дипломатическими и проч.) поддерживает действия участвующих в международном процессе своих союзников, если они направлены против интересов России и ее союзников. Все происходящие события мировому общественному мнению преподносят подконтрольные США средства массовой информации, такие как ВВС, CNN и др. Германский журналист Удо Ульфкотте в своей книге «Продажные журналисты. NB Любая правда за ваши деньги» описывает взаимоотношения западной политической правящей элиты и методы, с помощью которых она управляет средствами массовой информации, в результате которых любое событие в угоду заказчику может быть интерпретировано в нужном для него свете (см.: [12]).

Вызывает интерес информационная политика и реакция на происходящие на Украине события в США и у их союзников. Чтобы на общественное сознание западного сообщества не повлияли российские СМИ, которые предлагают другой взгляд на происходящие политические события, было закрыто более 50 российских информационных каналов.

Для российских СМИ в Западной Европе, США, Канаде и Японии принцип свободы слова остается действующим только на бумаге. Искажая картину происходящих политических событий, активно подменяют понятия. К примеру, капитуляцию и пленение националистического батальона «Азов» западной аудитории преподносят как «эвакуацию». Для мировой общественности суть происходящих политических событий становится более очевидной. Так, на заседании ООН 42 страны, население которых составляет более половины населения мира, не поддержали санкции Запада против России. Спустя год уже 72 страны не поддержали инициативу объединенного Запада об исключении РФ из состава ЕСПЧ.

При этом западная общественность не желает замечать, что на современной Украине возник и развивается откровенно фашистский режим. Дмитро Донцову, одному из идеологов украинского национализма, принадлежат слова о том, что «национальная идея должна была быть аморальной». Современная украинская государственность строится на идеологии фашизма. В современной политической практике значительная часть общества считает, что политическое руководство государства не может или не желает разрешать противоречия между политической и общественной моралью с помощью решения острых проблем, тормозящих развитие страны. Общественное мнение, политическая оппозиция и ее лидеры, зарождающиеся независимые средства массовой информации всё настойчивее требуют от политического руководства решительных и действенных мер

по борьбе с коррупцией, с вывозом капитала, по ограничению произвола естественных монополий, по улучшению инвестиционного климата, по повышению уровня жизни людей и пр.

Анализ происходящих в мире событий, связанных с Украиной и возвращением Крыма, дает богатый материал для оценок нравственности современной российской политики. Важнейшим показателем поддержки политического курса в последние годы служит рейтинг действующего российского президента. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), несмотря на снижение уровня жизни в России, рейтинг одобрения работы российского президента остается высоким. На 1 апреля 2022 г. он поднялся выше 80 % [17].

Столь высокий уровень одобрения работы президента зафиксирован впервые с момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

На наш взгляд, это выражает поддержку внешнеполитического курса президента по проведению специальной военной операции на Украине, цели которой — денацификация и демилитаризация Украины, прекращение политики геноцида в отношении граждан ДНР и ЛНР. Подобную поддержку действий российского руководства мы наблюдали во время проведения операции по борьбе с международным терроризмом в Сирии (см.: [7]).

Развитие кризиса на Украине усугубили острые мировые проблемы. Специальная военная операция России по денацификации и демилитаризации Украины по сути своей стала продолжением и развитием гибридной войны объединенного Запада против Российской Федерации. При этом страны Западной Европы ведут себя как послушные исполнители политической воли правительства США. Мировое массовое сознание всё больше воспринимает современное противостояние России и Запада как схватку «добра» и «зла», где на стороне «добра»

тысячелетние общечеловеческие ценности, традиции христианства и ислама, а на другой — неоязыческие и сатанинские обряды. Политическое руководство Европейского Союза в последние десятилетия практически полностью утрачивают свою политическую субъектность, игнорируя интересы собственных избирателей, активно обрабатывает массовое сознание, реализуя геополитические планы Соединенных Штатов.

Возникает вопрос, возможна ли вообще нравственная политика. И что могут предпринять общество и власть, чтобы сделать ее таковой? Может ли общественная мораль в России влиять на власть — и должна ли власть во всем прислушиваться к общественному мнению? На наш взгляд, такое возможно, если политики будут неукоснительно руководствоваться следующими принципами:

- деятельность политиков должна исходить из стратегических интересов государства;
- деятельность власти и права личности и общества должны соответствовать друг другу;
- для проведения моральной политики не следует выбирать неадекватные средства (даже «целесообразные»), т. е. политика сможет оставаться моральной, если поставленная в ней цель оправдывает не любые средства;
- требуется отказаться от популизма и вести с обществом открытый диалог о непопулярных, но необходимых мерах, честно и откровенно говорить о проблемах, быть открытыми для конструктивной критики;
- политика не будет моральной, если политик заплатит большим за меньшее (например, нашими жизнями и здоровьем за наше предполагаемое благополучие).

Политика в России может стать и далее оставаться моральной, если создать социально-психологический климат, благоприятный для формирования гражданского общества и гражданской политической культуры нового уровня, а при создании учесть национальные особенности России, наш исторический опыт, наш российский менталитет (см.: [16]).

Библиографический список

1. **Бакунинъ М. А.** Государственность и анархия: Борьба двухъ партий въ Интернаціональномъ Обществѣ Рабочихъ // Полн. собр. соч.: в 2 т. / М. А. Бакунинъ. СПб., Изд.-е И. Балашова, 1907. Т. 2. С. 1—266.
2. **Бёрк Э.** Размышления о революции во Франции // Размышления о революции во Франции и о прениях в некоторых лондонских обществах касательно сего события, содержащиеся в письме, предполагавшемся быть отправленным некоему благородному господину в Париж: сочинение высокопочтенного Эдмунда Бёрка / Э. Бёрк; перевела с англ. С. Векслер; под ред. А. Бабича; предисл. и примеч. К.-К. О'Брайена. London: Overseas Publications Interchange Ltd = OPI, 1992. С. 63—359.
3. **Вебер М.** Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер; перевели с нем. А. Ф. Филиппов, П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 644—706. (Социологическая мысль Запада).
4. **Виноградов В. Н.** Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182—209.
5. **Гаман-Голутвина О. В.** О столкновении морального и нравственного начал в российской политике // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 163—171.
6. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года // Организация Объединенных Наций: веб-сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 06.07.2022).
7. Доверие политикам // ВЦИОМ: сетевое издание. Политические рейтинги и индексы. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (дата обращения: 21.06.2022).
8. **Красильникова М. Б.** Этико-эстетические основания постмодернистской версии истории // Динамика морали в контексте современной культурной жизни России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Барнаул, Алтайская государственная педагогическая академия, 4 октября 2012 г.): сб. научн. статей / Отв. ред. С. А. Ан; ред. С. П. Волохов, А. Р. Голубева, В. И. Губанова. Барнаул, 2002. С. 105—110.
9. **Макиавелли Н.** Государь / пер. с итал. Г. Муравьевой. М.: Планета, 1990. 80 с.
10. **Маркс К., Энгельс Ф.** Святое семейство, или Критика критической критики: против Бруно Бауэра и компании // Полн. собр. соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2. М.: Издательство политической литературы, 1955—1981. Т. 2. 1955. С. 3—230.
11. **Мстиславский С. Д.** Записи о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 10 т. Т. 1—8. М.: Изд-во политической литературы, 1989—1991. Т. 5 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1990. С. 161—168.
12. О книге «Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги» // Litmore.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://litmore.ru/6273-prodazhnye-zhurnalisty-lyubaya-pravda-za-vashi-dengi.html> (дата обращения: 27.06.2022). — Обзор на кн.: Ульфкотте У. Продажные журналисты: любая правда за ваши деньги: пер. с нем. М.: Эксмо, 2015. 480 с.
13. **Ольшанский Д. В.** Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.
14. **Ольшанский Д. В.** Психология масс. СПб.: Питер, 2001. 363 с. (Мастера психологии).
15. **Платон.** Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунов. М.: Академический проект, 2015. 398 с. (Философские технологии).
16. **Попов В. И.** Взаимосвязь политической культуры и социально-политического климата в обществе: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. И. Попов; АГУ. Рубцовск, 2006. 20 с.
17. Рейтинг Путина в марте 2014 года, согласно соцопросам, вырос так сильно впервые с мая 2012 года, с даты инаугурации президента // Ежедневное петербургское сетевое издание «Фонтанка.ру»: общественно-политическое издание. Общество. 2014. 13 марта. URL: <http://www.fontanka.ru/2014/03/13/184/> (дата обращения: 22.06.2022).

18. **Чадвик О.** Предисловие // Очерки становления свободы / лорд Актон (Джон Эмерик Эдвард Дальберг-Актон); пер. с англ. Ю. Колкера; предисл. О. Чадвика. 2-е изд., доп. М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 7–37. (Библиотека ГВЛ).

19. **Acton J. E. E. D.** Acton-Creighton Correspondence // Online Library of Liberty = OLL [Электронный ресурс]. URL: <https://oll.libertyfund.org/title/acton-acton-creighton-correspondence> (дата обращения: 04.07.2022). Letter I [to Bishop Mandell Creighton]: Cannes, April 5, 1887.

20. **Guedalla Ph.** Palmerston. London: Hodder & Stoughton, 1950.

References

1. Bakunin M. A. Statehood and Anarchy: The Struggle of the Two Parties in the International Society of Workers // Complete Works: in 2 vol. St. Petersburg, Izdaniye I. Balashova = Publishing House of I. Balashov, 1907. Vol. 2. P. 1–266. (In Russian).

2. Burke E. Reflections on the Revolution in France, and on the proceedings in certain societies in London relative to that event. In a letter intended to have been sent to a gentleman in Paris. By the Right Honourable Edmund Burke / transl. from English [to Russian] by Sima Weksler; ed. by Andrei Babich with an introduction and notes by Conor Cruise O'Brien. London: Overseas Publications Interchange Ltd = OPI, 1992. 413 p. P. 63–359. (In Russian).

3. Weber M. *Politik als Beruf* = Politics as a profession // Selected Works / M. Weber; transl. from German [to Russian] by A. F. Filippov, P. P. Gaydenko. M.: Progress, 1990. 808 p. (Sotsiologicheskaya mysl' Zapada = Sociological Thought of the West). P. 644–706. (In Russian).

4. Vinogradov V. N. Lord Palmerston in European Diplomacy // Novaya I noveyshaya istoriya = Modern and Contemporary History. 2006. No 5. P. 182–209. (In Russian).

5. Gaman-Golutvina O. V. On the clash of moral and ethical principles in Russian politics // POLIS: Politicheskiye issledovaniya = Polis. Political Studies. 2005. No 3. P. 163–171. (In Russian).

6. The United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples = UNDRIP: adopted

by the General Assembly [A/RES/61/295] on Thursday, 13 September 2007 // United Nations = UN: [Web-resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (accessed: 06.07.2022). (In Russian).

7. Trust in Politicians // Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VCIOM): setevoye izdaniye = Russian Public Opinion Research Center (VCIOM): online publication. Politicheskiye reytingi i indeksy = Political Ratings and Indices. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (accessed: 21.06.2022). (In Russian).

8. Krasilnikova M. B. Ethical and Aesthetic Foundations of the Postmodern Version of History // The Dynamics of Morality in the Context of Contemporary Cultural Life in Russia: Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference (Barnaul, Altai State Pedagogical Academy, October 4, 2012): collection of scientific papers / executive ed. S. A. An; eds. S. P. Volokhov, A. R. Golubeva, V. I. Gubanova. Barnaul, 2002. P. 105–110. (In Russian).

9. Machiavelli N. di B. Dei. Il Principe = The Prince / Russian transl. from Italian by G. Muravieva. M.: Planeta = Planet, 1990. 80 p. (In Russian).

10. Marx K. H., Engels F. Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer & Consorten = The Holy Family, or Criticism of Critical Criticism. Against Bruno Bauer & Company // Complete Works: in 50 vol. / K. H. Marx, F. Engels; Russian transl. from German. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury = Publishing House of Political Literature, 1955–1981. Vol. 2. Moscow, 1955. P. 3–230. (In Russian).

11. Mstislavsky S. D. Notes on Lenin // Memoirs of Vladimir Ilyich Lenin: in 10 vol. Vol. 1–8. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury = Publishing House of Political Literature, 1989–1991. Vol. 5 / Institut marksizma-leninizma TsK KPSS = Institute of Marxism-Leninism of the CPSU Central Committee. M., 1990. 412 p. P. 161–168. (In Russian).

12. About the book “Vendacious Journalists. Any truth for your money” // Litmore.ru : [Web-resource]. URL: <https://litmore.ru/6273-prodazhnyezhurnalisty-lyubaya-pravda-za-vashi-dengi.html> (accessed: 27.06.2022). — Book review: Ulfkotte U. Vendacious journalists: any truth for your money: transl.

from German. Moscow: Eksmo, 2015. 480 p. (In Russian).

13. Olshansky D. V. Fundamentals of Political Psychology. Yekaterinburg: Delovaya kniga = Business Book, 2001. 496 p. (In Russian).

14. Olshansky D. V. The Psychology of Masses. SPb: Peter, 2001. 363 p. (Mastera psikhologii = Masters of Psychology). (In Russian).

15. Πλάτων (Plato). Πολιτεία = The Republic / Russian transl. from Ancient Greek by A. N. Egunov. M.: Akademicheskyy proyekt = Academic Project, 2015. 398 p. (Filosofskiyey tekhnologii = Philosophical Technologies). (In Russian).

16. Popov V. I. The relationship of political culture and socio-political climate in the society: socio-philosophical analysis: the abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sciences in Philosophy / V. I. Popov; ASU. Rubtsovsk, 2006. 20 p. (In Russian).

17. Putin's rating in March 2014, according to opinion polls, increased so much for the first time since May 2012, from the date of the president's inauguration // Ezhednevnoye peterburgckoye setevoye izdaniye «Fontanka.ru»: obshchestvenno-politicheskoye izdaniye = The daily St. Petersburg network publication "Fontanka.ru": social and political publication. Obshchestvo = Society. 2014. March 13. URL: <http://www.fontanka.ru/2014/03/13/184/> (accessed: 22.06.2022). (In Russian).

18. Chadwick O. The Introduction // The History Of Freedom And Other Essays / Lord Acton (John Emerich Edward Dalberg-Acton; transl. [from English to Russian] by Yuri Kolker; ed. by A. Babich; with an Introduction by O. Chadwick. 2nd ed. Moscow; Chelyabinsk: Sotsium = Socium, 2016. 315 p. (Biblioteka GVL = The Library of G. V. L.). P. 7—37. (In Russian).

19. Acton J. E. E. D. Acton-Creighton Correspondence // Online Library of Liberty = OLL: [Web-resource]. URL: <https://oll.libertyfund.org/title/acton-acton-creighton-correspondence> (accessed: 04.07.2022). Letter I [to Bishop Mandell Creighton]: Cannes, April 5, 1887.

20. Guedalla Ph. Palmerston. London: Hodder & Stoughton, 1950.

Информация об авторе

Попов Владимир Иванович — к. ф. н., доцент Рубцовского индустриального института, филиала ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова» (Россия, 658207, Алтайский край, г. Рубцовск, ул. Тракторная, д. 2/6); popov-vldm@yandex.ru

Information about the author

Vladimir I. Popov — Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor at Rubtsov Industrial Institute, Branch of Federal state budgetary educational institution of higher education "Altai State Technical University named after I. I. Polzunov" (Russia, 658207, Altai Krai, Rubtsovsk, Traktornaya st., 2/6); popov-vldm@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2022.

The article was submitted 02.06.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 151—161.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 151—161.

УДК 316.3
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-151-161

Наука и общественное мнение как институты духовной сферы: социально-философский анализ. Часть 2

Никита Николаевич Равочкин¹, Владимир Петрович Щенников²

¹Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

¹Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

²Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки
работников образования, г. Кемерово, Россия

¹*nickravochkin@mail.ru*

²*volodia.logos2011@yandex.ru*

Аннотация. С позиции социальной философии авторы рассматривают взаимовлияние науки и общественного мнения как институтов духовной сферы. Во второй части исследования анализируются особенности институционализации общественного мнения. Прослежена эволюция взглядов на общественное мнение. Графически представлена структура общественного мнения. Выявлены его сущностные характеристики и возможные варианты значения данного института для социума. Руководствуясь работами классиков и современных исследователей, авторы демонстрируют влияние общественного мнения на институт науки, что позволяет установить национально маркированные черты российской научной действительности.

Ключевые слова: наука, институт, общество, духовная сфера, общественное мнение, ценности, взаимодействия.

Для цитирования: Равочкин Н. Н., Щенников В. П. Наука и общественное мнение как институты духовной сферы: социально-философский анализ. Часть 2 // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 151—161. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-151-161>

Science and public opinion as spiritual sphere institutions: socio-philosophical analysis. Part 2

Nikita Nikolayevich Ravochkin¹, Vladimir Petrovich Shchennikov²

¹Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

¹Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

²Kuzbass Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators, Kemerovo

¹*nickravochkin@mail.ru*

²*volodia.logos2011@yandex.ru*

Abstract: From the standpoint of social philosophy, the authors consider the mutual influence of science and public opinion as institutions of the spiritual sphere. The second part of the study analyzes the features of the institutionalization of public opinion. The evolution of views on public opinion is traced. The structure of public opinion is graphically presented. Its essential characteristics and possible options for the significance of this institution for society are revealed. Guided by the works of classics and modern researchers, the authors demonstrated the influence of public opinion on the institution of science, which made it possible to establish the nationally marked features of Russian scientific reality.

Keywords: science, institution, society, spiritual sphere, public opinion, values, interactions.

For citation: Ravochkin N. N., Shchennikov V. P. Science and public opinion as spiritual sphere institutions: socio-philosophical analysis. Part 2. *Economic and Social Research*, 2022, no. (34), pp. 151—161. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-151-161>

Общественное мнение может рассматриваться в качестве социального института еще с древних времен, т. е. с момента перехода от потестарных структур к первым государственным формам. Это происходило на этапе формирования первых объединений людей, когда социальный приоритет постепенно утверждался над биологическим. Изначально данное установление регулировало поведение индивидов, которые предпочитали руководствоваться в своей жизни и в объяснении окружающей действительности ритуалами и традициями. Их инструментальное значение и позитивное восприятие объяснялось тем, что люди стремились обезопасить свое существование, в первую очередь от рисков и угроз со стороны природного мира, — и это обеспечило возможности выживания *Homo sapiens*. Общественное мнение помогало формировать дисциплину, так необходимую для последующего развития и артикуляции условий распределения трудовых обязанностей и для нормального функционирования зарождающихся в древнем социуме самых разных механизмов. Разумеется, что подобное категорирование общественного мнения может быть принято только лишь с учетом всех условностей, но примечательно, что представленная сущность данной формы социума высвечивает один из вариантов ее актуального понимания.

Укрепление первых государственных форм сопровождалось закономерными качественными сдвигами в развитии производительных сил, усложняя и дифференцируя социальные системы, что не могло не сказаться на структуре общественного мнения, в которой всё ярче прорисовывались волевой, интеллектуальный и эмоциональный компоненты. Также в последующем руководство обычаями и традициями приобретало те или иные формы одобрения и санкций, что позволяет говорить о высокой роли оценочного компонента. Примечательно следующее: несмотря на то что довольно продолжительный период общественное мнение существовало в качестве регулятора поведения индивидов, и в явной и в скрытой форме, сам термин появился в Англии лишь в XII в., когда Дж. Солсбери употребил его для обозначения моральной поддержки парламенту, оказываемой населением [13, с. 116—117]. Сегодня мы видим, что данная теоретическая конструкция вышла далеко за пределы англосаксонского мира, проникнув в другие государства. Теперь она также используется, например, для обозначения осуждения, порицания тех или иных решений, действий политических, социальных акторов.

В очередной раз можем провести аналогию между появлением общественного мнения, в современном его понимании, как

и большинства существующих сегодня социальных институтов — в нововременной период исторического развития — и формированием буржуазного строя, капиталистических отношений в период перехода от традиционных обществ к индустриальным. Выходит, институционализация общественного мнения тесно связана с модернизацией и укоренением плебисцитарных форм гражданского управления, и эта связь требует выработки и регламентации способов публичного самовыражения социальными группами своих интересов. Поэтому буржуа как наиболее активный класс Нового времени стремились укрепить свои позиции, сосредоточив активность на разработке имеющих идеологический эффект концептов, которые обеспечили бы им доминирующее положение в обществе. Сама идеология появилась позже, но современные интеллектуальные конструкты наиболее рельефно прорисовывают значимость права частной собственности. Позднее неоднородность общества и усугубляющееся социальное неравенство получили закрепление не только в морально-этических максимах, но и в нормах права. Наконец, следует отметить, что оформление вокруг общественного мнения сети множественных заинтересованных организаций (альянсы, партии, профсоюзы) не только позволяет говорить о его значимости для общественной жизни, но свидетельствует о буквальном приобретении этой формой социума всех признаков социального института.

Одновременно с усилением роли общественного мнения и умножением его взаимосвязей с иными институтами, институциями и практиками, «наступает период манипулятивной пропаганды с использованием социально-психологических, пропагандистских и коммуникативных механизмов» [13, с. 117], что дает основания полагать рассматриваемый объект как результат монополизации взглядов и мыслей населения, осуществляемой различными властными акторами, СМИ и элитами. По сути, эволюцию обще-

ственного мнения можно уложить в два магистральных направления: формирование релевантных конкретному социуму норм и практик (1) и их непосредственная институционализация (2). При этом важно помнить, что «развитость неофициальной стороны института определяет возможности реализации специфических социальных функций, развитость формальной — правовую, законодательную гарантию данной реализации» [12, с. 13].

Переходя к особенностям философского осмысления общественного мнения, укажем, что первые идеи о взаимосвязи отдельных индивидов и социального управления заложены еще античными мыслителями. Тем не менее первая теория общественного мнения принадлежит Г. В. Ф. Гегелю, который вложил в ее основу «принципы справедливости, подлинное содержание и результат всего государственного строя, законодательства и вообще общего состояния дел в форме человеческого здравого смысла» [4, с. 32]. Кроме того, немецкий идеалист сделал акцент на инструментальной роли общественного мнения, обозначив в его содержании соответствующие элементы. Так, помимо очевидно имеющих место заблуждений, искаженной информации и стереотипов, часть общественного мнения представляет верные суждения и истину [4, с. 43]. Другая заслуга Гегеля относительно рассматриваемого объекта заключается в том, что он провел демаркационные линии между властью и элитой, властью и другими социальными группами: правитель — это некоторый репрезентант интегрального мнения различных классов, соединяющий в себе вербализируемые, укорененные в сознании желаемые замыслы и стратегии общественного развития.

В прошедшем столетии осмысление феномена общественного мнения было продолжено Г. Тардом, он акцентировал внимание на развитии системы представлений о психологических явлениях в больших социальных группах. По его мнению, население

дихотомически может быть разделено на *толпу* и *публику*. При этом первая общность сплочена физически, активна и нетерпима, а вторая — рассеяна и пассивна, но при этом именно она, *публика* генерирует и модифицирует влияющие на общественное мнение идеи: «Творцом общественного мнения является некая публика с весьма подвижными и неясными границами, уходящими своими корнями в особенности массовых духовно-психологических процессов» [16, с. 117]. Публика составляет интеллектуальный компонент общественного мнения. Пожалуй, следует согласиться, что к интеллектуалам нельзя отнести всех и каждого, поэтому очевидно, что роль архитектора общественного мнения отводится *элите*. В равной мере отличительный признак рассматриваемого института дополняет его массовость. Таким образом, общественное мнение представляет собой не простой суммативный результат, который получился бы через «калькулирование», учет мнений отдельных индивидуумов, но ту самую, отмеченную Тардом, интегральную общность взглядов и убеждений, которые принадлежат некой совокупности людей: «Соединение психической энергии этих движений порождает дополнительную энергию, нейтрализующую сознательные рационально-логические элементы субъективной реальности индивида. Вследствие этого индивид, включенный в массу, попадает под влияние механизма коллективного внушения» [16, с. 251].

Стереотипам в процессах формирования общественного мнения придавал огромное, если не решающее, значение Н. Луман, выделяя такие качества, как «сиюминутность» и «адекватность настоящему моменту» [10, с. 113].

Социально-философский потенциал общественного мнения видел В. М. Хвостов, а потому указывал, что оно в обязательном порядке должно учитываться при определении траекторий государственного развития, а также усматривал в нем рациональное зерно в поиске альтернативных сценариев

будущего, вследствие чего оно ни в коем случае не должно подавляться [18].

Итак, мы видим безусловную актуальность института общественного мнения. Добавим к этому, что оно формируется под влиянием усиления и (или) осознания экзистенциальной угрозы, что и приводит к мгновенной реакции, которая в последующем кристаллизуется в системы устойчивых убеждений.

Отдельно следует остановиться на кратком обзоре трудов ряда ученых, критически относящихся к общественному мнению. В частности, Ф. Гольцендорф полагает, что природа генезиса общественного мнения во многом остается неясной — и это свидетельствует об «аморфности и обезличенности происхождения общественного мнения» [5, с. 39], что затрудняет его учитывание в процессе выработки решений. Значительно преумножили критические представления (ускорили развитие) об общественном мнении работы Л. Лоуэлла и У. Липпмана. В частности, Лоуэлл полагает, что влияние общественного мнения на процессы государственного управления переоценивается, и объясняет это тем, что рядовые граждане зачастую не обладают полнотой информации, необходимой для принятия соответствующих решений [22]. Аналогичной выглядит и позиция Липпмана. Безусловно, он признает значимость воздействия института общественного мнения на социальные процессы, в том числе связанные и с принятием решений, однако подчеркивает при этом, что данное влияние нельзя рассматривать как безграничное. Липпман считает, что «общественное мнение по многим вопросам застывает в форме стереотипа, что происходит при значительном участии средств массовой информации» [9, с. 267]. Отсюда следует, что современное общественное мнение не столько формируется внутри социума, сколько культивируется при помощи медиа. Таким образом, оно не восходит «снизу вверх», но насаждается

«сверху вниз», ввиду чего оно не отражает функционирующих в обществе взглядов и убеждений, но выступает результатом целенаправленного их формирования, а значит, используется как средство, например, обеспечения элитарного положения властей или закрепления существующей социальной несправедливости.

Обращает на себя внимание позиция П. Бурдьё, который полагал, что общественного мнения попросту не существует. Французский мыслитель подвергал сомнению даже саму возможность личности иметь какое-либо мнение по поводу обсуждаемого широкой общественностью круга вопросов и проблем. Согласно его логике, конгруэнтной представленной выше, суммирование мнений никоим образом нельзя воспринимать как общественные убеждения и взгляды, которые бы обладали регулятивным функционалом [1].

Вообще критический настрой свойственен большинству постмодернистов, которые категоризируют общественное мнение по аналогии с другими социальными феноменами — как симулякр, не являющийся частью объективной реальности, или «пустой знак», за которым ничего нет, а то и вовсе как очередную имитацию не относящихся к действительности процессов. В отечественном дискурсе следует отметить аналогичные взгляды на общественное мнение А. Цыганкова. Он полагает, что сегодня многие субъекты неспособны к рациональному выбору, что трансформирует форму правления отдельных стран и макрорегионов в олигархию, «управляющую плохо информированными гражданами» [19].

В современной России общественное мнение не только активно изучается, но и сознательно формируется при помощи других социальных институтов — государственной политики, образования, СМИ. Иными словами, в условиях современной социальной трансформации российское общественное мнение подвергается активной институ-

ционализации, становится средством социального управления, развития общества и государства. Среди наиболее распространенных определений общественного мнения выделим следующие:

1) «Оценочно окрашенное суждение социальной группы, общности, общества или мирового сообщества как целого, выраженное в высказываниях или поведенческих актах, по вопросам, представляющим общественный интерес» [12, с. 11];

2) «Специфическое проявление общественного сознания, сложное духовное образование, выражающее оценочное отношение (вербальное или невербальное) больших социальных групп, классов, народа в целом к актуальным проблемам действительности, представляющим общественный интерес» [13, с. 116];

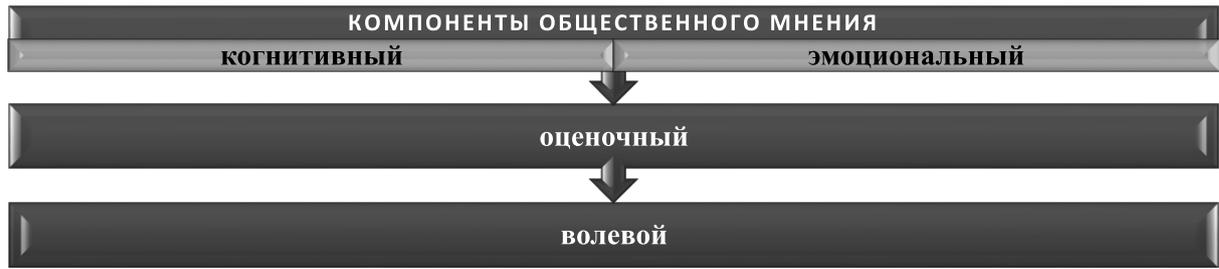
3) «Совокупность действительного отношения социума к событиям, происходящим в обществе» [15, с. 166].

Субъектом общественного мнения может выступать любая общность людей, которая, во-первых, осознает себя как целостность и, во-вторых, имеет каналы для обмена информацией [12, с. 12]. Исследователи выделяют в структуре общественного мнения четыре компонента.

1. *Когнитивный компонент* включает знания о различных фактах, феноменах или процессах. Нельзя не сказать, что эти знания могут быть полными или же фрагментарными, но одновременно с этим — достаточными для формирования «компетентного мнения», допускающего манипуляцию различными группами.

2. *Эмоциональный компонент* основан на настроениях, переживаниях и чувствах индивидов, на интегральной совокупности элементов восприятия объекта.

3. *Оценочный компонент* — это непосредственный анализ и дальнейшее конституирование отношения к объекту, что детерминирует выбор определенных поведенческих паттернов и стратегий.

Структура общественного мнения

4. *Волевой компонент* включает многочисленные варианты собственно интересубъективных взаимодействий между индивидами, напрямую связанных с объектом [2, с. 16; 12, с. 13].

Механизм, демонстрирующий взаимодействие перечисленных структурных компонентов, представлен на рисунке.

В зависимости от состояния общества, общественное мнение, которое в нем формируется, способно в равной мере выполнять как конструктивные, так и деструктивные функции. Сегодня данному институту отводится далеко не последняя роль в обеспечении и поддержании стабильности общества, а именно в переходе на желаемый многими акторами эволюционный путь общественного развития.

Рассмотрим сущностные характеристики общественного мнения. На наш взгляд, следует выделить его перманентность, в связи с тем, что возникновение дискуссий носит не спорадический характер, но при этом сам институт представляет собой своеобразную «социальную власть», поскольку регулирует поведение отдельных индивидов и различных групп, тем самым оказывая влияние на логику функционирования других структур и практик. Помимо этого укажем на весомые черты общественного мнения: публичность; аксиологичность; актуальность; личностная значимость; прагматичность [2, с. 15; 13, с. 118; 15, с. 166]. Применительно к социальной философии можно отобразить его суть в контекстуальной формулировке: консолидация общества вокруг наиболее злобо-

дневных экзистенциальных проблем с целью непосредственно повлиять на решение властных акторов, например, через ремоделирование наличных параметров и контекстуальных условий.

На следующем этапе исследования представляется целесообразным остановиться на изучении особенностей взаимодействия общественного мнения и науки, принимая во внимание их институциональную сущность. Прежде всего, обращаясь к пониманию науки как социального института, хотелось бы отметить, что императив универсализма, сформулированный Р. Мертоном, выводит науку на наднациональный уровень, поскольку подразумевает минимизацию влияния субъективных факторов на результаты научных исследований. Однако любой ученый является членом не только научного сообщества, но и общества в целом, его жизнедеятельность протекает в определенной социокультурной среде. С детства любой индивид вовлекается в систему коммуникативных взаимодействий, сформированных под влиянием культурной специфики. В целом культура, когниция, язык всегда тесно переплетены и взаимообусловлены, что позволяет сделать вывод, что несмотря на высокий уровень интернационализации, национальная наука испытывает влияние родной культуры. Науку, по словам М. Г. Ярошевского, «создают люди, взращенные на почве определенной национальной культуры. Они впитывают богатства этой исторически сложившейся культуры, ее самобытные социально детерминированные традиции. И это вовсе

не безразлично для направленности и стиля их мышления при открытии, выборе и решении строго научных проблем. За каждым выбором и решением стоит не абстрактный индивид с его общим для всех аппаратом переработки информации, а личность, в творчестве которой с различной степенью остроты сконцентрированы нужды и боли своего народа» [21, с. 117]. Иными словами, наука не изолирована от национального общества, формируется в рамках отдельной культурной модели, испытывает на себе влияние культурных особенностей.

В свою очередь, национальная наука, исследовательские школы стремятся к интеграции ученых, имеющих гражданство других государств и придерживающихся других культурных ориентаций, которые нивелируются вокруг универсальных когнитивных компонентов. Именно поэтому в процессе создания таких объединений культурно маркированные компоненты вытесняются, в результате чего формируются парадигмы. Как известно, эти «почти догматы» являются vitalными структурными элементами, во многом обуславливая профессиональную деятельность ученых за счет интериоризации и конституирования жизненных миров.

Влияние социокультурных детерминант на развитие института науки проявляется на трех уровнях:

1) индивидуальный: ученый усваивает и принимает культурные нормы как лично значимые;

2) институциональный — воздействие на личность исследователя со стороны системы национального воспитания, образования, на уровнях экономического, правового, технического и научного развития общества;

3) удаленный, на котором большую роль принимает на себя язык в его тесной взаимосвязи с мышлением и связанными с оформлением мировоззрения практиками, что может происходить за счет уникальных комбинаций его форм — мифологии, религии, искусства, философии [23].

Принимая во внимание выявленные социокультурные детерминанты, представляется возможным выявить также специфику влияния общества и общественного мнения на становление и современное развитие российской науки. Прежде всего, хотелось бы остановиться на религиозных факторах влияния. Важно добавить, что в России на протяжении десятилетий господствовало убеждение в том, что религия и наука — прямые антагонисты, исключаящие друг друга. В западноевропейской науке, наоборот, начиная с М. Вебера, сложилась социологическая традиция находить истоки формирования любых социальных институтов, в том числе и науки — в протестантской этике, системе религиозных верований. В последующем на данном направлении сосредоточился Р. Мертон — именно ему удалось зафиксировать корреляции между научным этосом и протестантизмом и сформулировать диспозиционные условия, которые позволяют подвести под общий знаменатель особенности их социального оформления на нововременном этапе мировой истории [11].

Несмотря на отсутствие в российском обществе широкого распространения идей протестантизма, да еще на повсеместное превалирование православия и отчасти, на определенных территориях, ислама, отечественная наука всё же неоднократно осуществляла рецепцию достижений европейской науки. Вне всякого сомнения, такого рода синтез не свободен от противоречий, на которые указывают И. П. Цапенко и А. В. Юревич: «Если западная наука является выражением протестантской этики, то российская православная культура должна была породить какую-то другую науку» [20, с. 125]. Не будем вдаваться в размышления, смогла ли бы Россия породить какую-либо иную науку, но современный вариант отечественной науки позволяет ей интегрироваться в мировую науку. Свидетельством может выступать повышение интенсивности академической мобильности, когда российские

ученые успешно осуществляют исследовательскую деятельность за пределами страны. Вместе с тем говорить о том, что религия и общественное мнение, сформированное, помимо прочих религиозных взглядов, православием, не оказывают влияния на формирование мировоззрения российских ученых, — нельзя.

Рассмотрим особенности христианских религиозных взглядов. На формирование трудовой этики православных большое влияние оказывает «душеполезность», значит, ценным признается труд, «направленный на раскрытие данного Богом таланта, на совершенствование и воспитание души» [7, с. 57]. И наоборот, деятельность, нацеленная на получение личных выгод, маркируется в православии как «пагубная» и «лишенная смысла» [8, с. 244]. Мы знаем, что в данном положении протестантизм кардинально отличается от других ответвлений христианских верований, прежде всего от православия и католичества, для которых характерна некоторая идеализация бедности, порицание стремления к накоплению земных благ, ориентация на достижение *царства Божиего* в будущем, что не предполагает накопления земных богатств. Для протестанта успех — это всегда его личный успех, это его форма служения Богу, за которую он может быть и должен быть награжден уже здесь, в жизни земной.

Под влиянием православия научная деятельность воспринимается как откровение и средство преобразования личности, не предполагающее и не требующее награды. Например, П. Л. Капица заявлял о получении им Нобелевской премии так: «ему труднее было дожить до этой премии, чем сделать открытие сверхтекучести гелия сорока годами раньше» [6, с. 505]. Ему вторил и В. Л. Гинзбург: «каждый физик может получить Нобелевскую премию, надо только дожить» [6, с. 287]. Как видим, отношение российских ученых к наиболее престижным наградам остается в некоторой степени иро-

ническим. Разумеется, было бы абсурдным утверждать, что все без исключения российские ученые не заинтересованы в получении международных наград, а все западноевропейские исследователи только и занимаются наукой исключительно ради наград, но аналитика социальной действительности дает основания для гипотезы: российские ученые в большей степени склонны воспринимать научную деятельность как своеобразную форму служения обществу. В доказательство рассмотрим результаты исследования общественного мнения. С одной стороны, большинство респондентов полагают, что ученый должен быть: 1) «умным эрудитом» или «образованным интеллектуалом»; 2) «честным», т. е. работать на благо социума [14, с. 59]. Соответственно, для россиян ученый — субъект, который приносит общественную пользу, а его научная деятельность способствует эволюционному развитию государства. С другой стороны, ученому общественным мнением предписаны такие качества, как высокий уровень развития интеллекта и эрудиции, стремление к служению государству, бескорыстие. Более того, респонденты отмечают низкий уровень материальных доходов российских ученых. Парадоксальной кажется ситуация, что образ бедного ученого не отталкивает россиян от научной деятельности: опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 2021 г. показывает, что «абсолютное большинство россиян (86 %) положительно отнеслись бы к решению своего ребенка или внука стать ученым и сделать научную карьеру» [3]. Другими словами, россияне, признавая, что российские ученые живут в бедности, готовы к тому, чтобы их дети стали учеными и жили в бедности. Подобную ситуацию можно объяснить влиянием исторических и религиозных факторов, а также национальной ментальностью: россияне всегда преклонялись перед людьми образованными, высокоинтеллектуальными, научная деятельность воспринималась как особое служение, социально

полезное, важное. Социальное признание и саморазвитие в данном случае приобретало более высокое значение, чем материальное благосостояние. В российских реалиях общественное мнение традиционно предписывало интеллигенту необходимость вести умеренный, даже аскетичный образ жизни: «интеллигенты могут напоминать монахов, которые отказываются от мира; интеллигент отказывается от мира бюрократического, государственного, он противопоставляет духовные ценности государственной системе» [17, с. 14].

Вернемся к влиянию православия на науку: обращенность к вечному формирует круг научных проблем и научных исканий. Как отмечают ученые, «под влиянием православия главной проблемой российской науки стала проблема человека, его судьбы и карьеры, смысла и цели истории, а не практические проблемы, служившие центром притяжения в Западной науке. В результате, несмотря на отдельные весьма громкие успехи российских естествоиспытателей, вплоть до XX века отечественная гуманитарная традиция была куда богаче естественно-научной» [20, с. 131].

Восприятие ученого как служителя обществу и государству исторически оказывало на научное сообщество постоянное давление, нацеленное на то, чтобы переориентировать науку на решение практических задач. В целом необходимость подчинять собственную научную деятельность достижению практических целей выступает серьезным ограничением для ученого, который не может вывести науку на новый уровень, — уровень, не связанный с решением практических задач, оторванный от прикладных проблем. Трагическим, наиболее наглядным примером нацеленности на решение практических задач стало уничтожение гуманитариев.

Далее рассмотрим общественное мнение как институт. Придание институту регуляторной силы следует относить к древнейшим временам, когда приоритетное место в во-

просах выживания человеческих общностей стало отводиться не биологическим, а социальным факторам. Однако развитие общественного мнения как социальной практики начинается с появления буржуазии, в частности с осознания этим классом собственных интересов, а также с формирования социальных институтов, направленных на защиту этих интересов. Сегодня формирование общественного мнения связано со становлением гражданского общества и поэтому претерпевает влияния таких социальных институтов, как образование, воспитание, внутренняя политика государства, СМИ и т. д. Таким образом, общественное мнение выступает, с одной стороны, инструментом инициации общественных трансформаций и реформирования социальных институтов, с другой — результатом функционирования этих установлений.

Подводя итог изучению влияния общественного мнения на становление и развитие науки, укажем на национально маркированные черты российской научной действительности. Несмотря на то что длительное время в России религиозные факторы влияния считались незначительными, именно они формировали как общественное мнение, так и науку. Под влиянием православия образовалась система представлений об ученом как о своеобразном служителе обществу и государству. В сознании россиян ученый наделен такими качествами, как: высокий интеллект, стремление служить обществу, бескорыстие. Научная деятельность воспринимается как средство личностного развития, подобное восприятие нацелено на общественное благо и не предполагает личных выгод.

Список источников

1. *Бурдье П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. *Вакуленко А. С.* Общественное мнение в социально-историческом процессе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Краснодар, 2014. 23 с.

3. ВЦИОМ представляет данные опроса россиян о современной науке [Электронный ресурс]. 19 мая 2021 г. // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauchpop-v-trende> (дата обращения 17.05.2022).
4. **Гегель Г. В. Ф.** Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
5. **Гольцендорф Ф.** Роль общественного мнения в государственной жизни. СПб.: Ф. Павленков, 1881. 139 с.
6. **Горобец Б. С.** Круг Ландау. Жизнь гения. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 361 с.
7. **Коваль Т. Б.** Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 55—70.
8. **Коннов В. И.** Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 242—249.
9. **Литман У.** Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
10. **Луман Н.** Реальность масс-медиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
11. **Мертон Р.** Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
12. **Несеверя Н. А.** Институционализация общественного мнения в трансформирующемся российском обществе: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Пермь, 2006. 28 с.
13. **Подручный М. В.** Общественное мнение как социальный институт // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 6: История, философия. 2020. № 2 (239). С. 115—118.
14. **Романович Н. А.** Современный ученый в зеркале общественного мнения // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1, № 3. С. 58—66.
15. **Синчук Ю. В.** [и др.] Общественное мнение как институт гражданского общества / Ю. В. Синчук, В. Ф. Соловьев, Б. Е. Власов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2020. № 3 (840). С. 162—170.
16. **Тард Г.** Общественное мнение и толпа. М.: Институт психологии РАН; КСП+, 1998. 416 с.
17. **Успенский Б. А.** Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М.: ОГИ, 1999. 152 с.
18. **Хвостов В. М.** Общественное мнение и политические партии. М.: т-во И. Д. Сытина, 1906. 63 с.
19. **Цыганков А.** Трамп и кризис олигархии [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdai-club.com/a/highlights/tramp-i-krizis-oligarkhii/> (дата обращения 17.05.2022).
20. **Юревич А. В., Цапенко И. П.** Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001. 198 с.
21. **Ярошевский М. Г.** Школы в науке // Психология науки. М.: Флинта, 1998. 310 с.
22. **Lowell A. W.** Public opinion and popular government. New York, 1926. 415 p.
23. **Oyserman D.** Cultural psychology: a new look / D. Oyserman, M. Kimmelmeier, H. Coon // Psychological Bulletin. 2002. Vol. 128, № 1. P. 110—117.

References

1. Bourdieu P. Sociologia politiki. M.: Socio-Logos, 1993. 336 s.
2. Vakulenko A. S. Obshchestvennoe mnenie v social'no-istoricheskom processe: avtoref. diss. kand. filos. nauk: 09.00.11. Krasnodar, 2014. 23 s.
3. VTsIOM predstavlyayet dannye oprosa rossiyan o sovremennoi nauke [Elektronnyi resurs]. 19 maya 2021 g. // VTsIOM: [sait]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauchpop-v-trende> (data obrashcheniya 17.05.2022).
4. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava. M.: Mysl', 1990. 524 s.
5. Gol'tsendorf F. Rol' obshchestvennogo mneniya v gosudarstvennoi zhizni. SPb.: F. Pavlenkov, 1881. 139 s.
6. Gorobets B. S. Krug Landau. Zhizn' geniya. M.: Izd-vo LKI, 2008. 361 s.
7. Koval' T. B. Etika truda pravoslaviya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1994. № 6. S. 55—70.
8. Konnov V. I. Vliyanie kul'turnogo konteksta na razvitie nauki v Rossii: sotsial'no-psikhologicheskii vzglyad // Vestnik MGIMO Universiteta. 2012. № 6 (27). S. 242—249.

9. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie*. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 s.
10. Luman N. *Real'nost' mass-media*. M.: Praxis, 2005. 256 s.
11. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. M.: AST, 2006. 873 s.
12. Nesevrya N. A. *Institutsionalizatsiya obshchestvennogo mneniya v transformiruyushchemsya rossiiskom obshchestve: regional'nyi aspekt: avtoref. diss. kand. sots. nauk: 22.00.04. Perm'*, 2006. 28 s.
13. Podruchnyi M.V. *Obshchestvennoe mnenie kak sotsial'nyi institut // Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya 6: Istoriya, filosofiya*. 2020. № 2(239). S. 115—118.
14. Romanovich N. A. *Sovremenniy ucheniy v zerkale obshchestvennogo mneniya // Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2010. T. 1, № 3. S. 58—66.
15. Sinchuk Yu.V. [i dr.] *Obshchestvennoe mnenie kak institut grazhdanskogo obshchestva / Yu.V. Sinchuk, B.F. Solov'ev, B. E. Vlasov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 2020. № 3(840). S. 162—170.
16. Tard G. *Obshchestvennoe mnenie i tolpa*. M.: Institut psikhologii RAN; KSP+, 1998. 416 s.
17. Uspenskii B.A. *Russkaya intelligentsiya kak spetsificheskii fenomen russkoi kul'tury // Russkaya intelligentsiya i zapadnyi intellektualizm: istoriya i tipologiya*. M.: OGI, 1999. 152 s.
18. Khvostov V.M. *Obshchestvennoe mnenie i politicheskie partii*. M.: t-vo I.D. Sytina, 1906. 63 s.
19. Tsygankov A. *Tramp i krizis oligarkhii [Elektronnyi resurs]*. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tramp-i-krizis-oligarkhii/> (data obrashcheniya 17.05.2022).
20. Yurevich A.V., Tsapenko I.P. *Nuzhny li Rossii uchenye?* M.: Editorial URSS, 2001. 198 s.
21. Yaroshevskii M.G. *Shkoly v nauke // Psikhologiya nauki*. M.: Flinta, 1998. 310 s.
22. Lowell A. W. *Public opinion and popular government*. New York, 1926. 415 p.
23. Oyserman D. *Cultural psychology: a new look / D. Oyserman, M. Kimmelmeier, H. Coon // Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128, № 1. R. 110—117.

Информация об авторах

Н. Н. Равочкин — доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

В. П. Щенников — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и художественно-эстетических дисциплин Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования (Россия, 650070, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3).

Information about the authors

N. N. Ravochkin — Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya str. 28); Associate Professor of the Department of Educational Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva str. 5).

V. P. Shchennikov — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Art and Aesthetic disciplines, Kuzbass Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators (Russia, 650070, Kemerovo region, Kemerovo, Zauzelkova st., 3).

Статья поступила в редакцию 30.04.2022.

The article was submitted 30.04.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 162—169.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 162—169.

УДК 179.9
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-162-169

Достоинство, личность, культура: ракурс И. Г. Фихте

Варвара Климентьевна Самохвалова

*Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации, Москва, Россия*

bar-bar@mail.ru

Аннотация. Понятия «личность», «культура», «достоинство» рассматриваются в диалектической взаимосвязанности и взаимозависимости. Вскрываются основные трудности их определений. Разбирается концептуальный подход И. Г. Фихте к соотношению понятий личности, культуры и достоинства через призму его общих метафизических принципов. Устанавливается двойственность понимания культуры И. Г. Фихте. Отмечается непреходящая ценность идеи Фихте, что культура является и должна пониматься как высшая конечная цель всего человечества.

Ключевые слова: личность, культура, достоинство, этика, этимология, фундаментальные категории, диалектическая взаимосвязь, цель, средство.

Для цитирования: Самохвалова В. К. Достоинство, личность, культура: ракурс И. Г. Фихте // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 162—169. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-162-169>

Dignity, personality, culture: I. G. Fichte's perspective

Varvara K. Samokhvalova

*Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

bar-bar@mail.ru

Abstract: In this work, the concepts of personality, culture, dignity are considered in dialectical interconnectedness and interdependence. The main difficulties of their definitions are revealed. The author investigates the conceptual approach of I. G. Fichte to the correlation of the concepts of personality, culture and dignity through the prism of his general metaphysical principles. The duality of understanding the culture of I. G. Fichte has been elucidated. The enduring value of Fichte's idea that culture is and should be understood as the highest ultimate goal of all mankind is noted.

Keywords: personality, culture, dignity, ethics, etymology, fundamental categories, dialectical relationship, mission, instrument.

For citation: Samokhvalova V. K. Dignity, personality, culture: I. G. Fichte's perspective. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 162—169. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-162-169>

Понятия «личность», «культура», «достоинство» представляются интуитивно ясными только при самом поверхностном обращении к ним, однако критические, пролонгированные усилия философов в деле установления для этих понятий окончательных и отчетливых определений, которым можно было бы приписать статус необходимых и всеобщих дефиниций, наталкиваются на непреодолимые трудности.

При попытках дать четкие определения этим понятиям первый ряд трудностей связывается мыслителем с их философским статусом понятий предельных, фундаментальных, а значит, не подлежащих процедуре дефиниции через что-то еще более всеобщее: через род и видовое отличие, — наподобие того, как мы можем определить, например, треугольник в качестве геометрической фигуры. В статусе первоосновных категорий рассматриваемые понятия могут быть не то чтобы определены в точном смысле этого слова, а лишь обозначены, например, через противопоставление таким же предельно абстрактным (и поэтому также в точном смысле не определяемым) понятиям, в неразрывном противоположении с которыми они чаще всего мыслятся. Например, личность — это не то, что общество; культура — это не то, что природа; достоинство — это не то, что его отсутствие, изъян и т. п.

Или же — при попытках всё же как-то определить эти понятия содержательно — можно пойти по пути перечисления ряда значений, которые мы мыслим в совокупности как принадлежащие искомому понятию. Например, таким образом дается определение этому понятию в «Новой философской энциклопедии», где «личность» соотносится с перечислением этимологических значений, присущих данному слову. Так, возводя

данное понятие к латинскому слову *persona* («маска» — лат. = «личина» — рус.) как обозначающему ритуальное или театральное приспособление (слепок с лица) для усиления звука голоса, т. е. по существу исполняющее роль резонатора, возникла традиция считать это слово производным от глагола *personare* — «громко звучать» [2]. В этой же энциклопедической статье указывается на существование и других этимологических подходов к определению понятия «личность». Например, в Средние века пользовалась известностью интерпретация Бонавентуры, сводящая происхождение слова *persona* к латинскому выражению *per se sonare*, означающему «звучать через себя» и акцентирующему в качестве обязательной характеристики личности наличие собственного голоса в метафорическом, естественно, смысле. Другая популярная в Средние века этимологизация (согласно авторитетному мнению К. В. Бандуровского, ложно приписываемая Исидору Севильскому) возводит слово *persona* к выражению *per se una*, что означает: «единая сама по себе». Однако, по мнению современных исследователей, устойчивым лингвистическим значением сейчас считается выведение термина *persona* из этрусского языка, из понятия *fersu* (маска), возможно восходящего к греческому *προσωπον* (лицо, передняя часть, маска) [2].

Уже из этих немногих примеров становится достаточно понятным, что этимологические интерпретации, в конечном итоге, требуют соотнесения устанавливаемых с их помощью значений определяемого понятия с определенными идеями и смыслами, которые мы уже заранее предчувствуем, предощущаем и тем самым предвосхищаем в качестве неотъемлемых существенных характеристик

только еще определяемого понятия. Если же перечень неотъемлемых атрибуций становится слишком обширным, в стремлении сделать понятийное описание как можно более подробным и точным, то вместе с уточнением понятие теряет свой первоначальный сугубо абстрактный смысл фундаментальной категории и переходит в статус понятия конкретного, не имеющего уже значения первоначальности.

Таким образом, пытаясь определить фундаментальные философские категории через выражающие их предельно абстрактные понятия, мы идем по пути либо установления первоначального значения слов, их обозначающих (этимологические определения), либо через перечисление существенных характеристик, которые исторически вкладывались в концепты осмысления этого понятия. Последний путь как раз объясняет историческую изменчивость и, в целом, полисемантическую, а также относительное непостоянство значения употребляемых абстрактных философских понятий.

Указанная трудность касается всех вообще фундаментальных категорий философии. Пожалуй, можно сказать, что наличие этой трудности не в последнюю очередь позволяет отличать собственно философские категории от понятийного ряда частных наук. К слову сказать, это именно та трудность, которую в свое время подметил Г. В. Лейбниц [5] и неразрешимость которой в значительной степени стимулировала направленность его философских интересов в русло гносеологических проблем.

Ранние рассуждения Лейбница о нормативных принципах строгого философского стиля через признание необходимости установления ясности первоначальных значений слов подвели его к постановке важнейшей гносеологической проблемы — к вопросу об отношении индукции и дедукции. Можно сказать, что заинтересованность Лейбница вопросом определения ясности первоначальных значений слов, в частности, послу-

жила отправным моментом к изменению исходных индуктивно-эмпирических методологических установок Лейбница на убежденность сугубо рационалистического толка, происходящую из признания необходимости присутствия в разуме первоначальных идей и принципов, которые служат условиями осмысленности всякого опыта, т. е. убедила достаточно еще молодого автора «Предисловия к изданию сочинения Марио Низолио...» в недостаточности только лишь индуктивной методологии в деле достижения истинного знания о природе вещей, даже в том случае, если речь идет о простой — так называемой моральной — достоверности.

Индукции как исходного принципа построения точного знания недостаточно даже в том случае, когда, кажется, никакой из бывших до сих пор опытов не давал поводов убедиться в чем-либо обратном тому, что высказывается в единичном индуктивном суждении, основанном на данных органов чувств: «Если универсалии есть не что иное, как собрания отдельных вещей, то из этого будет следовать, что нельзя получить никакого знания через демонстративное доказательство (посредством дедукции идеи), но только через умозаключение от единичного, то есть через индукцию. Но в таком случае вообще уничтожается всякое знание и торжествует победу скептицизм. И даже возражение, строящееся на так называемой моральной достоверности явлений (когда у нас нет видимого повода в ней сомневаться на основе всего доступного нам опыта), основано не на одной только индукции, но с неременной опорой на пресуппозиции, зависящие не от индукции единичных вещей, а от общей идеи, общего принципа. Поскольку, если бы пресуппозиции зависели от индукции, они нуждались бы в новых вспомогательных принципах, и даже моральная достоверность была бы бесконечно недостижима» [5, с. 95]. Так уже Лейбниц констатирует очевидную тщету надежды с помощью индукции достичь

совершенной достоверности в определении общих понятий [6].

Другой ряд трудностей, касающийся непосредственно разбираемых здесь трех понятий, связан с их взаимообусловленностью, с невозможностью построения отчетливых суждений о каждом из них, взятом изолированно, вне связи с двумя другими. Отчасти вторая трудность может рассматриваться как конкретизация трудностей первого ряда и связана именно с общим фундаментальным философским значением понятий личности, достоинства и культуры.

В самом деле, что можно сказать о культуре, не имея в виду носителя и творца культуры — личность? Ведь всё историческое развитие понятия «культура», насколько можно судить об этом сейчас, «шло от отождествления культуры со всем, что сотворено человеком, к анализу человеческой активности (деятельности, поведения и общения)» [8], благодаря которой как раз и возникла культура как «надприродная сфера человеческого бытия, искусственное, в противовес естественному, природному» [8].

С другой стороны, именно наличие культуры позволяет отличить просто индивида от личности, ведь как раз принадлежность к культуре наделяет индивида его личностным статусом в качестве участника историко-эволюционного процесса. Более того, вообще проблематично как-то иначе обособить понятие личности от других, родственных ему понятий (человек, субъект, индивид и т. п.), кроме как не связав понятие личности с культурой, с ее духовным содержанием: «С точки зрения философии существования и философии духа личность нельзя понимать как частное и индивидуальное в противоположность общему и универсальному. Это противоположение, характерное для природной и социальной жизни, в личности снимается. Сверхличное (дух культуры. — В. С.) конструирует личность, “общее” обосновывает в ней “частное”, и никогда сверхличное и “общее” не делает личность и “частное”

своим средством. В этом тайна существования личности, сопряжения в ней противоположностей» [3, с. 297]. Одним словом, исключительно принадлежность человека к культуре или, напротив, обнаружение в человеке определенного качества культуры позволяет говорить о нем в конечном итоге как о личности.

Наконец, «культурное» качество, которое позволяет вести речь не просто об индивиду, но именно о личности, нерасторжимо связано с понятием достоинства, поскольку, как в свое время писал В. С. Библер: «Там, где оскорблено и унижено человеческое достоинство, там нет индивида, способного жить “в горизонте личности”, то есть способного жить свободно, нравственно» [4, с. 57]. Поэтому проблема личного достоинства имеет значение не только в рамках отдельной судьбы человека, не только в границах индивидуального сознания: драматические следствия индивидуальной утраты чувства собственного достоинства затрагивают всю социальную реальность. В отсутствие достоинства не может идти речь о личности, в отсутствие личности не имеет никакого значения культура, и наоборот. Направленность этих взаимосвязей между рассматриваемыми понятиями принципиально двусторонняя и обратима, можно сказать, что она являет собой устойчивый пример проявления всеобщего принципа диалектической взаимосвязи фундаментальных категорий философии.

Трудности же третьего рода связаны с указанной в начале статьи полисемантической искомым определений, обусловленной изменчивым историко-культурным контекстом: в разные эпохи под названными понятиями подразумевалось нетождественное содержание. Например, уже Аристотель обратил внимание на многозначность понятия «достоинство»: «Достоинством <...> не все называют одно и то же, но сторонники демократии — свободу, сторонники олигархии — богатство, иные благородное происхождение,

а сторонники аристократии — добродетель» [1, с. 151]. И в современных аксиологических теориях, и в этике «достоинство» остается одним из самых часто употребляемых, в то же время наименее определенных понятий. Под ним понимают «как цену личности, устанавливаемую обществом, так и качество не сводимое к цене; образ Бога в человеке и признание права на самостоятельные решения; требование уважительного отношения и запрет на унижения. В спорах к человеческому достоинству апеллируют верующие и атеисты, консерваторы и либералы, сторонники и противники эвтаназии, абортов, трансгуманизма и т. п. При этом каждая заинтересованная сторона защищает свое понимание достоинства, как правило, несовместимое с представлениями оппонентов» [9, с. 305]. Таким же образом обстоят дела с определенностью понятия «личность»: при всем многообразии подходов к изучению личности именно многомерность личности признается ее сущностью. Это же относится и к определению понятия культуры.

Суммируя сказанное, можно заключить, что, во-первых, диалектическая взаимосвязанность этих трех понятий, позволяющая моделировать их непротиворечивое единство, не во все времена и не во всех концепциях выявляется с достаточной очевидностью и, во-вторых, даже при обнаружении указанного единства понятий (поскольку оно всё же непреложно, будучи необходимым) сам исторический контекст рассмотрения этого единства может оказаться слишком отстраненным или несвоевременным. Поэтому представляется актуальным в целях просвещения и популяризации специфической взаимосвязи данных аксиологических категорий обратиться к тем концептуальным решениям, которые имеют преимущество несомненной ясности и относительной простоты как в формулировке своих исходных задач, так и в аргументации решений и выводов.

Среди концепций, полностью отвечающих данным критериям, на мой взгляд¹, первостепенное значение имеют философские рассуждения И. Г. Фихте. Понятие личной культуры, восходящее к идее личного достоинства, раскрывается И. Г. Фихте в цикле его Публичных лекций «О назначении ученого» (1794). Эти лекции содержат именно то оригинальное понимание культуры, которое позволяет выявить и подчеркнуть диалектическое единство рассматриваемых понятий: личности, ее достоинства и собственно культуры. Последняя отождествляется мыслителем с высшей конечной целью всего человечества как высшей целью для каждого человека, составляющего человечество. Нахождение ответов на вопросы, каково назначение человека вообще и какими средствами он может вернее всего его достигнуть, Фихте полагает главной задачей философии: «Вся философия, все человеческое мышление и учение <...> — не имеет в виду никакой другой цели, как только ответ на поставленные вопросы...» [10, с. 483]. В качестве последней и высшей цели для каждого человека культура выступает воплощением идеи достоинства личности.

Культура есть высшее благо. Благо же определяется Фихте как полное согласие человека с самим собой. Следовательно, всякий человек должен быть и оставаться тем, что он есть сам по себе. Однако личность очевидным образом зависима от многого, по отношению к ней постороннего, и тем не менее она должна оставаться в согласии с самой собой. Следовательно, личность должна стремиться воздействовать непосредственно на сами вещи, от которых зависят чувства и представления человека; человек должен стремиться модифицировать их и привести в согласие с чистой формой своего Я, чтобы их представление согласовывалось с этой формой.

Человек не только привносит в первоначальную «мертвую и бесформенную массу»

¹ Специально этому вопросу был посвящен мой доклад на V Российском культурологическом конгрессе [7].

вещей *необходимый* порядок, но он дает им также и тот, который он *произвольно* выбрал: «И вещество вырастет для него во что-нибудь другое, если он предпишет ему иначе» [10, с. 476]. Свободная практическая деятельность — самодеятельность — человека обладает, по Фихте, универсальной облагораживающей способностью: «Вокруг него облагораживаются животные <...>. Более того, вокруг человека облагораживаются души; чем больше кто-либо — человек, тем глубже и шире действует он на людей» [10, с. 477]. Таков, по Фихте, каждый, кто может самому себе сказать: «Я — человек».

Таким образом, индивид как субъект нравственного действия, решения, поступка должен сам определять себя и никогда не позволять определять себя посредством чего-нибудь постороннего. Именно так и определяет Фихте личность — как человека, несущего свою цель в самом себе: «Для меня, который есмь Я — таков каждый, который есть Я» [10, с. 477]. Здесь самодеятельное Я Фихте наделяется статусом подлинной реальности. Чувство собственного достоинства есть результат осознания этого факта.

С другой стороны, культура понимается Фихте и в качестве *средства*, ведущего к достижению высшего блага (конечной цели) отдельную личность. Из приведенных выше рассуждений Фихте следует, что требование полного согласия с самим собой с необходимостью выявляет круг ответственности каждого человека: в зависимости от очерчивания сферы действительности Я можно проследить расширение или, напротив, сужение этого круга. Для этой операции по приведению внешних вещей (*Не-Я*) в соответствие тому, какими они должны быть (стать) согласно необходимым для каждой личности (*Я*) понятиям о них, недостаточно только стремления воли, но необходим особый навык. Именно приобретение этого навыка (а также приобретенная определенная степень его) называется Фихте культурой (но уже в понимании средства). Таким образом, культура

выступает у Фихте «последним и высшим средством для конечной цели человека — полного согласия с самим собой, поскольку человек рассматривается как разумно-чувственное существо» [10, с. 487], как личность. Следовательно, последней верховной целью человека как разумного, но *конечного*, как чувственного, но свободного существа есть подчинение себе всего неразумного, свободное овладение им, согласно своему собственному закону. Человек существует, чтобы постоянно становиться нравственно лучше и улучшать всё вокруг себя в нравственном смысле. И эта человеческая миссия осуществима исключительно в сфере культуры как внутренней свободы личности и только в свете исходной идеи достоинства — самосохранения свободы быть Я.

Несколько соображений иного порядка в качестве заключения.

Чувство собственного достоинства — недостаточное условие бытия человека в мдуше личности, но — необходимое, без которого «личность» невозможна. Хотя идея достоинства имеет историю, существующую более двух тысяч лет, на протяжении которой всё более развивались и расширялись этические и правовые выводы, касающиеся повседневности, политики, экономики и, наконец, культуры в целом, — одним из основных пороков современности видится именно отсутствие этого чувства: «На нашей современной жизненной шкале ценностей чувство достоинства занимает одно из последних мест. Это — первое место, от которого индивид легко, а то и облегченно, отказывается» [4, с. 57]. В этом по-прежнему состоит значительная человеческая беда, видится, так сказать, антропологический корень зла. Поэтому любые аналитические усилия, направленные на реконструкцию, актуализацию, концептуализацию и демонстрацию необходимой взаимосвязанности идей личности, достоинства и культуры (при всей неисчерпаемости их потенциала), остаются своевременными и важными, поскольку стремятся

выявить и утвердить надежный нравственный ориентир в непреходящей сложности жизни этого мира.

Библиографический список

1. **Аристотель.** Никомахова этика // Сочинения: в 4 т. / Аристотель. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53—295.

2. **Бандуровский К. В.** Личность // Новая философская энциклопедия: в 4 т.: интернет-версия издания [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; председатель науч.-ред. совета В. С. Степин. М.: Мысль, 2000—2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc2733a9b6524f7ca3ca4c2> (дата обращения: 04.03.2022).

3. **Бердяев Н. А.** Я и мир объектов (Опыт философии одиночества и общения) // Философия свободного духа: [сборник] / Н. А. Бердяев. М.: Республика, 1994. С. 230—316.

4. **Библер В. С.** Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М.: Политиздат, 1990. С. 16—57.

5. **Лейбниц Г. В.** Предисловие к изданию сочинения Марио Низолио «Об истинных принципах и истинном методе философствования против псевдофилософов» / пер. с лат. Н. А. Федорова // Сочинения: в 4 т. / Г. В. Лейбниц; ред., сост., авт. вступ. ст. и примеч. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин; пер. Я. М. Боровского и др. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 54—96.

6. **Самохвалова В. К.** К формированию научной риторики: Лейбниц о философском слоге // Наука как общественное благо: сб. науч. статей: в 7 т. / науч. ред. и сост. Л. В. Шиповалова, И. Т. Касавин. Т. 4. М.: Рус. о-во истории и философии науки, 2020. С. 39—43.

7. **Самохвалова В. К.** Фихте о личной культуре и культуре личности // Культурное наследие — от прошлого к будущему: Программа и тезисы докладов V Российского культурологического конгресса с международным участием. СПб.; М.: Ин-т наследия, 2021. С. 142.

8. **Степин В. С.** Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т.: интернет-версия изда-

ния [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; председатель науч.-ред. совета В. С. Степин. М.: Мысль, 2000—2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b> (дата обращения 04.03.22).

9. **Сычев А. А.** Эволюция представлений о достоинстве в истории этической мысли // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 3. С. 305—313. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2017-21-3-305-313>

10. **Фихте И. Г.** Сочинения. Работы 1792—1801 гг. М.: Ладомир, 1995. 655 с.

References

1. Aristotle. *The Nicomachean ethics*. London et al., Penguin Books, 2004. 400 p.

2. Bandurovskiy K. V. Personality. *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t.*, Internet version. (In Russian). Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc2733a9b6524f7ca3ca4c2> (accessed: 04.03.2022).

3. Berdyaev N. A. Myself and the object world. *Filosofiya svobodnogo dukha*, by N. A. Berdyaev. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 230—316. (In Russian).

4. Bibler V. S. Morality. Culture. Modernity (Philosophical reflections on life problems). *Eticheskaya mysl': Nauchno-publitsisticheskiye chteniya*. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 16—57. (In Russian).

5. Leibniz G. W. Introduction to Mario Nizolio's work "On the true principles and the true method of philosophizing, against the pseudo-philosophers". *Sochineniya*, by G. W. Leibniz, in 4 vol., vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1984, pp. 54—96. (In Russian).

6. Samokhvalova V. K. By the formation of scientific rhetoric: Leibniz on philosophical style. *Nauka kak obshchestvennoye blago*, coll. of scient. art., in 7 vol., vol. 4. Moscow, Russkoye obshchestvo istorii i filosofii nauki Publ., 2020, pp. 39—43. (In Russian).

7. Samokhvalova V. K. Fichte on personal culture and culture of personality. *Kul'turnoye naslediyе — ot proshlogo k budushchemu: Programma i tezisy dokladov V Rossiyskogo kul'turologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiyem*. St. Petersburg, Moscow, Russian Heritage Institute, 2021, p. 142. (In Russian).

8. Stepin V. S. Culture. *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t.*, Internet version. (In Russian). Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b> (accessed: 04.03.2022).

9. Sychev A. A. Evolution of the concept of dignity in the history of ethics. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya* = *RUDN Journal of Philosophy*, 2017, vol. 21, no. 3, pp. 305—313. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2017-21-3-305-313>

10. Fichte J. G. *Written works. Works from 1792 to 1801*. Moscow, Lodomir Publ., 1995. 655 p. (In Russian).

Информация об авторе

Самохвалова Варвара Климентьевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (Россия, 119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А).

Information about the author

Varvara K. Samokhvalova — PhD in Philos. (Philosophical Anthropology), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Humanities and Social Sciences, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Russia, 119285, Moscow, Vorobievskoe highway, 6A).

Статья поступила в редакцию 05.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 170—177.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 170—177.

УДК 1 (091 + 351.853.1 + 004.89)
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-170-177

К вопросу о проектировании мультимедийного контента объектов культурного наследия: онтологический аспект

Гузалия Ильгизовна Фазылзянова¹, Владимир Владимирович Неганов²,
Татьяна Юрьевна Соколова¹, Айдан Ильхамовна Агаева¹

¹ Национальный исследовательский университет "МИЭТ", Москва, Россия

² Московский государственный строительный университет, Москва, Россия

FazylzyanovaGI@mgsu.ru

Аннотация. Соавторами научного исследования с философской и культурологической точек зрения обоснована актуальность и практическая значимость проектирования, применения и интеграции мультимедийного контента и цифровых технологий в контексте развития современного общества и человека. Соавторы акцентируют внимание на онтологическом аспекте применения цифровых технологий, а также выявляют и обозначают возможные проблемы, связанные с этим. Кроме того, соавторы, приводя конкретные примеры и обоснования, доказывают, что существует целый ряд возможностей успешно использовать мультимедийные технологии для сохранения, презентации и репрезентации культурно-исторического наследия.

Ключевые слова: философия, онтологический аспект, культурология, мультимедийный контент, искусственный интеллект и цифровизация, сохранение нематериального культурно-исторического наследия, традиция и современность.

Для цитирования: К вопросу о проектировании мультимедийного контента объектов культурного наследия: онтологический аспект / Г. И. Фазылзянова, В. В. Неганов, Т. Ю. Соколова, А. И. Агаева // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 170—177. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-170-177>

On the issue of designing multimedia content of cultural heritage objects: ontological aspect

Guzaliya Ilgizovna Fazylzyanova¹, Vladimir Vladimirovich Neganov²,
Tatyana Yuryevna Sokolova¹, Aydan Ilhamovna Agayeva

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

² National Research Moscow State University of Civil Engineering (National Research University MGSU), Moscow, Russia

FazylzyanovaGI@mgsu.ru

Abstract: The co-authors of the research from the philosophical and cultural points of view substantiate the relevance and practical significance of the design, application and integration of multimedia content and digital technologies in the context of the development of modern society and man. The co-authors focus on the ontological aspect of the use of digital technologies, as well as elicit and identify possible problems associated with this. In addition, the co-authors provide specific examples and substantiation of evidence of a number of possibilities for the successful use of multimedia technologies for the preservation, presentation and representation of cultural and historical heritage.

Keywords: philosophy, ontological aspect, cultural studies, multimedia content, artificial intelligence and digitalization, preservation of intangible cultural and historical heritage, tradition and modernity.

For citation: Fazylzyanova G. I., Neganov V. V., Sokolova T. Yu., Agayeva A. I. On the issue of designing multimedia content of cultural heritage objects: ontological aspect. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 170—177. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-170-177>

История человечества наглядно демонстрирует, что происходит с людьми и целыми народами, в случае если они отрываются от собственных истоков и забывают о своем прошлом. Такие люди теряют связь с исторической реальностью, что приводит к подмене подлинных основ бытия их суррогатами, в том числе деструктивного характера. Возможность создавать новые, конструктивные ценности (которые позволили бы человеку реализовать свой творческий потенциал в онтологической перспективе, нацеленной на то, чтобы преобразовать окружающий мир, привести его к идеалу гармонии) представляется весьма затруднительной, если вообще вероятной. В связи с этим сохранение культурно-исторического наследия можно считать перспективным и актуальным способом формирования культуры в современном обществе. Безусловно, для успешной реализации данной программы всему обществу необходимо прикладывать усилия — и при этом учитывать, что «мероприятия по сохранению исторического и культурного наследия, проводимые в субъектах РФ, окажутся эффективными, если будут носить комплексный системный характер» [1, с. 22]. Если понимать роль сохранения культурно-исторической памяти общества так, то необходимо использовать весь ком-

плекс мероприятий для решения этих важных задач. Наиболее эффективно, по нашему мнению, проектировать и применять в данной сфере мультимедийный контент для сохранения объектов исторического наследия. Онтологический аспект в контексте данной проблематики может быть выражен в следующей формулировке: «виртуальный объект существует, хотя и не субстанциально, но реально; и в то же время — не потенциально, а актуально» [2]. Прежде всего, любая подобного рода деятельность должна начинаться с проектирования конкретной модели того, что будет сохранено.

В целом, деятельность, направленная на успешное сохранение исторического наследия, содержит в себе гораздо больше аспектов, чем просто бережная эксплуатация, реставрация и восстановление старых зданий и мест, имеющих историческое значение. Наряду с этим, существуют экономические, культурные, экологические и образовательные направления сохранения объектов культурно-исторического наследия. Потому необходимость сохранения этого наследия, несомненно, имеет общемировое значение и является чрезвычайно актуальной. В частности, Конвенция ООН «Об охране нематериального культурного наследия», подписанная и утвержденная 17 октября 2003 г.,

дает ясную дефиницию этого явления: «„Нематериальное культурное наследие“ означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» [3]. Процитированная выше международная конвенция также определяет возможные источники угроз для культурного наследия человечества и предлагает различные средства для его сохранения, «признавая, что процессы глобализации и социальных преобразований, создавая условия для возобновления диалога между сообществами, вместе с тем являются <...> источниками серьезной угрозы деградации, исчезновения и разрушения, которая нависла над нематериальным культурным наследием, в частности в результате нехватки средств для охраны такого наследия» [3]. В связи с этим важно отметить, что в настоящее время появляются всё новые информационные технологии и оборудование, использование которых имеет большие перспективы для решения этой задачи и открывает человеку новые горизонты видения реальности: «виртуальная реальность не выступает как автономный род бытия, онтологический горизонт. Она опознается как своеобразный суб-горизонт в горизонте энергий „здешнего истока“» [4, с. 345].

Один из актуальных и перспективных инструментов для сохранения культурно-исторического наследия — мультимедийный контент, который при проектировании моделей объектов культурного наследия расширяет возможности, связанные с развитием современных технологий. Ведущий американский специалист по философии искусственного интеллекта Джон Роджерс Сёрл полагает, что «разум по отношению к мозгу — это то же, что и программа по отношению к аппаратуре компьютера» [5].

Признание именно этого факта объясняет чрезвычайную популярность применения цифровых технологий в современную эпоху. При этом важно осознавать, что «создание искусственного интеллекта по аналогии с интеллектом человека, а также использование технологий на его основе в различных областях науки и техники требует особо пристального внимания и усилий, в частности, для дальнейшего совершенствования новейших технологий, создаваемых на принципах работы искусственного интеллекта» [6, с. 107]. Новые технологии можно использовать не только для оцифровки и архивирования форм культурного самовыражения, но и для трансляции смыслообразующей информации, образования и развития человека и общества. В данном случае нельзя не упомянуть о технологиях на основе искусственного интеллекта, в наше время получивших массовое распространение. Первым «автором и разработчиком "интеллектуальных машин"» и нового метода, который «излагает современную ныне концепцию искусственного разума как усилителя естественного», является русский ученый и математик Семен Николаевич Корсаков [7, с. 26, 32]. В России еще в 1832 г. С. Н. Корсаков, представляя всему миру свое научное открытие, опубликовал книгу на французском языке, чтобы она стала известна всему мировому научному сообществу [9]. На Западе «термин „искусственный интеллект“» [9] впервые сформулировал в 1956 г. американский математик, профессор Джон Маккарти. Конечно, нужно учитывать: хотя технология не заменит человеческое взаимодействие, она тем не менее может поддерживать информационные потоки, наполненные значимыми, с точки зрения культуры, смыслами, — и поддерживать не только новыми, но и инновационными способами.

Итак, для процесса коммуникации современного общества характерны изменения в восприятии культурного пространства, которые

выражаются в повсеместном использовании информационных и цифровых технологий. При этом важно принимать во внимание то, что цифровые технологии — только часть информационного процесса. Исследователи теорий в области изучения философии информации утверждают, что «все, без исключения, компоненты реальности обладают информационными свойствами, изучение которых необходимо как для решения практических задач, так и для формирования новой картины мира, в которой информационные компоненты являются принципиально важными» [10, с. 58—59]. Информационные технологии в общем виде представлены через передачу некоторого объема информации в контексте сохранения объектов культурно-исторического наследия. Цифровые технологии как часть информационных технологий реализуются в области передачи некоторых локальных объемов информации: в частности, например, как проектирование мультимедийного контента, различного вида 3D-модели, смарт-технологии и подобные им. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо акцентировать внимание на том факте, что существенное изменение роли мультимедиа в жизни современного человека обусловлено тем, что цифровые технологии проникли во все сферы социальной и личной жизни буквально каждого пользователя персонального компьютера.

Медиапоток доступен неограниченному числу пользователей и могут быть легко объединены в локальные и глобальные сети, в связи с чем возникают новые способы восприятия и взаимодействия с ними. Что касается интерактивных и иммерсивных 3D-моделей (от англ. *immersive* — «погружать»), которые «также называют технологиями расширенной реальности» [11], то можно вполне определенно утверждать: перспективы их применения практически не ограничены. Футуролог Роберт Скобл, проанализировав природу виртуальной и дополненной реаль-

ности, утверждает: «VR — это, когда ты видишь только виртуальное пространство. AR — одна реальность поверх другой: реальная поверх виртуальной и наоборот. Но в будущем разница исчезнет» [12]. В частности, если включать в мультимедийный контент все те элементы, которые делают его выразительным, как, например, орнамент, текстуры, звук, цвет и многие другие объекты материального и нематериального культурно-исторического наследия, то необходимо отметить, что мультимедиа активно внедряются и в сферу проектирования виртуальной среды, а также и развиваются ней. Примером такой формы сохранения культурно-исторического наследия на основе цифровых технологий могут считаться «исторические 3D-реконструкции Илурата, Старой Ладоги, интерьеров родового дома В. Набокова, храма на Нередице» [13, с. 6]. Еще одним примером использования подобного рода технологий может служить то, что в 2009 г. при воссоздании и проектировании японского города Киото XVII в. была применена методика восстановительной реконструкции с использованием технологий автоматизированной генерации городских ландшафтов (см.: [14, с. 22]).

Вместе с тем о глобальности задач 3D-моделирования, технологий визуализации и проектирования мультимедийного контента говорится в хартии «О сохранении цифрового наследия», принятой на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 15 октября 2003 г.: «Цифровое наследие состоит из уникальных ресурсов человеческих знаний и форм выражения. <...> Многие из этих ресурсов имеют непреходящую ценность и значимость и, таким образом, представляют собой наследие, которое необходимо сберечь и сохранить для нынешнего и будущих поколений» [15]. Использование технологий виртуальной реальности для погружения людей в реконструируемую и вновь проектируемую историческую среду становится всё более распространенным явлением.

Цифровые технологии не только активно задействованы в различных отраслях экономики, образования, науки и техники, но находят себе применение также в сфере общественных и личных отношений: «В современных условиях во всех отраслях экономики и практически во всех сферах жизни общества повсеместно используются самые современные технологии, разработанные на базе искусственного интеллекта» [6, с. 107]. Так, скажем, в настоящее время широко распространились технология виртуализации и создание виртуальных образов, что демонстрирует социально-культурный запрос на внедрение данного контента в повседневную жизнь людей. Например, в культурной сфере потребности всё чаще удовлетворяют концерты артистов, которые уже умерли, так как при помощи технологических средств мультимедийных технологий их выступления по-прежнему вызывают большой интерес. Кроме того, безусловное преимущество цифровых технологий состоит, с технологической точки зрения, прежде всего, в надежности и универсальности их применения в различных сферах. Так, например, оцифровывание важных для сохранения объектов позволяет визуализировать их в качестве виртуальных образов. Благодаря этому, реальность, которая зачастую недоступна человеку в ощущениях, не перестает для него существовать. Данное свойство цифровых технологий приобретает жизненно важное значение, когда заходит речь о людях с ограниченными возможностями здоровья. В частности, современные цифровые технологии приходят на помощь людям с нарушениями зрения. Так, например, в Баку с помощью технологии 3D-прототипирования был создан тактильный проект — бронзовый макет Ичери-шехер, предназначенный для инвалидов по зрению: «и те, кто „видит“ кончиками пальцев, теперь смогут оценить, как выглядит Ичери-шехер и расположенные на его территории Девичья

башня, дворец Ширваншахов, мечети, караван-сарай и другие достопримечательности, и даже его узкие улицы» [16]. Также, на примере Ичери-шехер и его орнамента, можно выявить богатство и разнообразие культурного наследия старинных городов и традиционного зодчества. В частности, орнамент может считаться одним из ярких примеров визуализации цивилизационной памяти народа — и служить средством трансляции истории между поколениями.

Таким образом, сохранение исторического наследия с помощью мультимедийных технологий существенно повышает качество жизни и приносит ощутимую пользу обществу не только в культурно-историческом, но и в экономическом, экологическом и социальном планах. Например, в том, что касается образования и воспитания, общество получает несомненную пользу, поскольку знание, преемство и уважение традиций своего Отечества — необходимая и важнейшая основа гражданского самосознания и понимания человеком своего места в мире, ибо «понимание как явление культуры является онтологическим феноменом» [17, с. 10]. Историческая память, присущая человеку, проецируется на все сферы его бытия. Вместе с тем практически утраченные или требующие особого отношения объекты подчас могут быть восполнены лишь при посредстве и при помощи мультимедийного контента в формате цифровых технологий. Применение электронных ресурсов может помочь наиболее целостно отобразить объекты материального и нематериального культурного наследия. При помощи данных ресурсов возможно реконструировать виртуальными средствами в том числе и объекты культурного наследия, которым грозит утрата.

В контексте анализа практической стороны данной проблематики возможно спрогнозировать несколько вариантов развития событий. Новые методы сохраняют историческое наследие в цифровом виде, благодаря

чему посредством виртуальной реальности создается возможность посещать его и знакомиться с ним в цифровом пространстве. Вместе с тем вполне возможна ситуация, при которой реальные культурно-исторические объекты утратят актуальность и привлекательность в глазах туристов, а их запросы полностью сместятся в сторону online-туризма. Поэтому, по нашему мнению, именно онтологический аспект мультимедийного контента объектов культурного наследия должен стать важным инструментом в создании виртуальной реальности, которая сохранит философскую и историческую составляющую культурного кода проектируемой среды и не утратит связи с историческим прототипом культурного наследия: «Исследовательская проблематика применения философских знаний имеет огромное значение как в контексте понимания смысла конкретной человеческой жизни, так и в общественно-глобальном плане» [18, с. 187]. Цифровой интерактивный контент проектируемых предметов и объектов трансформирует и саму проектную среду, ускоряя цифровизацию отрасли, особенно в традиционных «аналоговых» секторах, таких как театры, музеи и культурные центры. Будущее принадлежит синтезируемым моделям с их взаимосвязью, при этом соотношение в разных секторах культуры будет разным. Также изменяется и роль культуры. Помимо выполнения развлекательной, досуговой и образовательной функций, ее объекты станут благотворно влиять на психологическое здоровье и эмоциональное состояние людей. Взаимопроникновение и взаимовлияние контента культурного наследия стимулирует появление новых профессиональных объединений, что закономерно приводит к умножению разнообразия и к появлению новых форматов. В данном контексте представляется необходимым акцентировать внимание на том, что «виртуальная реальность есть особого рода образ реальности, тем или другим путем фор-

мируемый в сознании: в отличие от обычных образов, продуктов сознания и воображения, он выступает как действительная среда определенной деятельности человека» [4, с. 312].

Таким образом, в контексте рассматриваемой и анализируемой в данном научном исследовании проблемы, практическая реализация проектирования мультимедийного контента объектов культурного наследия представляется нам актуальной и значимой по следующим причинам: *во-первых*, сохранение культурного наследия стимулирует устойчивое и успешное возрождение и развитие городов. *Во-вторых*, формирует условия для создания рабочих мест, расширения налоговой базы и увеличения доходов от туризма. *В-третьих*, сохраненное историческое наследие становится необходимым звеном культурной связи между поколениями и служит важной инвестицией в настоящее и будущее общества. И наконец, цементирует все вышеуказанные компоненты онтологическое основание для осмысления места человека в культурно-исторической парадигме бытия.

Список источников

1. **Ширей Б. О.** Конституционные основы сохранения исторического и культурного наследия Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Саратов, 2013. 32 с.
2. **Грицанов А. А.** Виртуальная реальность // Постмодернизм: энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/40863> (дата обращения: 09.03.2022).
3. Конвенция об охране нематериального культурного наследия: принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединенных Наций: веб-сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 09.03.2022).
4. **Хоружий С. С.** О старом и новом. СПб.: Алетея, 2000. 477 с.
5. **Сёрл Д. Р. (Сирл Д. Р.)** Разум мозга — компьютерная программа? // В МИРЕ НАУКИ = Scientific American: иллюстрированный журнал: издание на русском языке. 1990. № 3. URL:

<https://psychosearch.ru/teoriya/psikhika/338-searle-john-razum-mozga-kompyuternaya-programma> (дата обращения: 09.03.2022).

6. **Неганов В. В.** Философские аспекты создания современных технологий на основе искусственного интеллекта в архитектуре и строительной сфере // *Современные технологии в мировом научном пространстве: методы, модели, прогнозы: монография*. Петрозаводск: Изд-во МЦНП «Новая наука», 2021. С. 93—110.

7. **Михайлов А. С.** Изобретения С. Н. Корсакова // Начертание нового способа исследования при помощи машин, сравнивающих идеи / С. Н. Корсаков; пер. с франц. А. С. Рамовой; под ред. А. С. Михайлова. М.: Изд-во МИФИ, 2009. С. 26—41.

8. **Karsakof S.** Aperçu d'un procédé nouveau d'investigation au moyen de machines à comparer les idées. St. Petersburg, 1832. 22 p., 2 pl.

9. Про искусственный интеллект // *ИнфоБлог.Рф*. URL: <https://инфоблог.рф/pro-iskusstvennyj-intellekt/> (дата обращения: 09.03.2022).

10. **Коллин К. К.** Наука для будущего: Цифровая реальность, философия информации и новое мировоззрение // *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 2-й Международной конференции (Москва, 7—8 февраля 2019 г.)*. М.: ИПМ имени М. В. Келдыша, 2019. С. 51—63.

11. **Лукашкин С.** Куда нас погружают иммерсивные технологии // Хабр: веб-сайт. URL: <https://habr.com/ru/company/vtb/blog/463707/> (дата обращения: 09.03.2022).

12. **Скоубл Р. (Скобл Р.)** Виртуальная реальность обезболивает лучше морфина // *Inc.: журнал для предпринимателей*. URL: <https://incrusia.ru/understand/futurolog-robot-skoubl-virtualnaya-realnost-obezbolivaet-luchshe-morfina/> (дата обращения: 09.03.2022).

13. **Бородкина Л. И., Румянцев М. В., Лаптева М. А.** Предисловие // *Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса: сборник научных статей / под ред. Л. И. Бородкина, М. В. Румянцева, Р. А. Барышева*. Красноярск: Изд-во СФУ, 2012. 196 с.

14. **Isoda Y.** Reconstruction of Kyoto of the Edo Era based on arts and historical documents: 3d urban model based on historical Gis data / Y. Isoda, A. Tsukamoto, Y. Kosaka, T. Okumura, M. Sawai, K. Yano, S. Nakata, S. Tanaka // *International Journal of Humanities and Art Computing*. 2009. № 1, 2. P. 21—38.

15. Хартия о сохранении цифрового наследия: принята 15 октября 2003 года // *Организация Объединенных Наций: веб-сайт*. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml (дата обращения: 09.03.2022).

16. В Баку представлен уникальный проект — макет Ичери шехер в бронзе для слепых [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/life/socium/2767810.html> (дата обращения: 09.03.2022).

17. **Фазылзянова Г. И.** Понимание художественного текста как креативно-онтологический феномен: автореф. дисс. ... докт. культурологии: 24.00.01. СПб., 2009. 40 с.

18. **Неганов В. В.** О духовно-нравственных аспектах преподавания философии в высших учебных заведениях // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10, № 1 (34). С. 186—188.

References

1. Shirey B. O. Constitutional foundations for the preservation of the historical and cultural heritage of the Russian Federation. Abstract of the dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.02. — Saratov, 2013. — 27 p.

2. Gritsanov A. A. Virtual reality // *Postmodernism. Encyclopedia* [Electronic resource]. URL: <https://fil.wikireading.ru/40863> (accessed: 09.03.2022).

3. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage // UNESCO: Portal. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (accessed: 09.03.2022).

4. Khoruzhiy S. S. About the old and the new. St. Petersburg: Aleteya, 2000. 477 p.

5. Searle J. R. Is the The Brain's Mind a Computer Program? // *Scientific American*. 1990, January. Vol. 262. No 1.

6. Neganov V. V. Philosophical aspects of the creation of modern technologies based on artificial intelligence in architecture and construction // *Modern technologies in the world scientific space: Methods, models, forecasts: Monograph*. Petrozavodsk: Publishing house of the ICNP "New Science", 2021. P. 93—110.

7. Michailov A. S. The inventions of S. N. Korsakov // *The outline of a new method of research using machines comparing ideas / S. N. Korsakov; transl. from French by A. S. Ramova, ed. by A. S. Michailov*. М.: МЕРФИ Publishing House, 2009. 44 p.

8. Aperçu d'un procédé nouveau d'investigation au moyen de machines à comparer les idées. St. Petersburg, 1832. 22 p., 2 pl.

9. About artificial intelligence // *InfoBlog.Ru*. URL: <https://инфоблог.рф/pro-iskusstvennyj-intellekt/> (accessed: 09.03.2022).

10. Kolin K. K. Science for the Future: Digital Reality, Philosophy of information and a new worldview // *Designing the future. Problems of digital reality: Proceedings of the 2nd International Confer-*

ence (February 7–8, 2019, Moscow). Moscow: IPM named after M. V. Keldysh, 2019. P. 51–63.

11. Where immersive technologies immerse us // Habr: web-site. URL: <https://habr.com/ru/company/vtb/blog/463707/> (accessed: 09.03.2022).

12. Scoble R. Virtual reality anesthetizes better than morphine // Inc: The Journal for entrepreneurs. URL: <https://incussia.ru/understand/futurolog-robot-skoubl-virtualnaya-realnost-obezbolivaet-luchshe-morfina/> (accessed: 09.03.2022).

13. Borodkin L. I., Rumyantsev M. V., Lapteva M. A. The Foreword // Virtual reconstruction of historical and cultural heritage in the formats of scientific research and educational process: Collection of scientific articles / Ed. by L. I. Borodkin, M. V. Rumyantsev, R. A. Baryshev. Krasnoyarsk: Publishing House of the Siberian Federal University, 2012. 196 p.

14. Isoda. Y. Reconstruction of Kyoto of the Edo Era based on arts and historical documents: 3d urban model based on historical Gis data / Y. Isoda, A. Tsukamoto, Y. Kosaka, T. Okumura, M. Sawai, K. Yano, S. Nakata, S. Tanaka. // International Journal of Humanities and Art Computing. 2009. № 1, 2. P. 21–38.

15. Charter on the Preservation of Digital Heritage. Accepted October 15, 2003 // UNESCO: Portal. URL: https://www.un.org/ru/ocuments/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml (accessed: 09.03.2022).

16. An unique project has been presented in Baku — a mock-up of Icheri Sheher in bronze for the blind people [Electronic resource]. URL: <https://www.trend.az/life/socium/2767810.html> (accessed: 09.03.2022).

17. Fazylzyanova G. I. Understanding of a literary text as a creative and ontological phenomenon: Abstract of the dissertation ... Doctor of Cultural Studies: 24.00.01. St. Petersburg, 2009. 40 p.

18. Neganov V. V. On the spiritual and moral aspects of teaching philosophy in higher educational institutions // Baltic Humanitarian Journal. 2021. Vol. 10. № 1 (34). P. 186–188.

Информация об авторах

Фазыльзянова Г. И. — доктор культурологии, кандидат педагогических наук, член Союза дизайнеров Российской Федерации, профессор Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ) (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), FazylzyanovaGI@mgsu.ru

Неганов В. В. — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

(НИУ МГСУ), (Российская Федерация, 129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26), vladimir.neganov@gmail.com

Соколова Т. Ю. — кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой инженерной графики и дизайна Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ) (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), sokolova-ta@mail.ru

Агаева А. И. — магистрант кафедры инженерной графики и дизайна Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ) (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), agayeva_aydani@mail.ru

Information about the authors

Guzaliya I. Fazylzyanova — Doctor of Cultural Studies, Candidate of Pedagogical Sciences, member of the Union of Designers of the Russian Federation, Professor of the National Research University of Electronic Technology (Russian Federation, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), FazylzyanovaGI@mgsu.ru

Vladimir V. Neganov — Candidate of Philosophical Sciences, Senior lecturer at Department of History and Philosophy of the National Research Moscow State University of Civil Engineering (National Research University MGSU), (Russian Federation, 129337, Moscow, Yaroslavskoe highway, 26), vladimir.neganov@gmail.com

Tatyana Yu. Sokolova — Candidate of Engineering Sciences, Associate professor, Head of the Department of Design and Engineering Graphics, National Research University of Electronic Technology (Russian Federation, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), sokolova-ta@mail.ru

Aydan I. Agayeva — undergraduate student at Department of Design and Engineering Graphics, National Research University of Electronic Technology (Russian Federation, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), agayeva_aydani@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.03.2022.

The article was submitted 25.03.2022.

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ,
ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА**
**PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM: EDUCATION, UPBRINGING,
HUMAN DEVELOPMENT**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 178–185.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 178–185.

УДК 159.9
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-178-185

**Коммуникативные технологии в онкологической практике:
векторы персонализированной медицины**

Светлана Игоревна Филиппченкова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия

sfilippchenkova@mail.ru

Аннотация. Раскрывается значение субъект-субъектной коммуникации для построения релевантной принципу партисипативности персонализированной медицины экзистенциально-психологической модели врачевания, предназначенной для онкологической практики. Представлены психологические особенности фигуры врача как субъекта врачевания в контексте реализации принципа партисипативности. Выявлены ярко выраженные проблемы профессиональной самореализации врача-онколога. Сделан вывод о необходимости разработки системы психологического сопровождения врачей-онкологов, включая психологические тренинги, групповое и индивидуальное консультирование по проблемам профессиональной деятельности.

Ключевые слова: онкологическая практика, принцип партисипативности, коммуникативные технологии, субъекты врачевания.

Финансирование: Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-013-00038/19А «Управление качеством жизни, связанным со здоровьем в онкологии: междисциплинарные подходы, экзистенциально-психологическая модель врачевания».

Для цитирования: Филиппченкова С. И. Коммуникативные технологии в онкологической практике: векторы персонализированной медицины // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 178–185. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-178-185>

**Communication technologies in oncological practice:
vectors of personalized medicine**

Svetlana Igorevna Filippchenkova

Tver State Technical University, Tver, Russia

sfilippchenkova@mail.ru

Abstract: The significance of subject-subject communication for the construction of the relevant to the principle of participatory personalized medicine existential-psychological model of healing, designed for oncology practice is revealed. Psychological peculiarities of doctor's figure as a healing subject in the context of implementation of the participative principle are presented. The pronounced problems of professional self-realization of oncology doctor are revealed. The conclusion about the necessity of development of psychological support system for oncologists, including psychological trainings, group and individual counseling by the problems of professional activity, has been made.

Keywords: oncological practice, the principle of participation, communication technologies, subjects of healing.

Funding: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research under Project № 19-013-00038/19A "Health-related quality of life management in oncology: interdisciplinary approaches, existential-psychological model of healing".

For citation: Filippchenkova S. I. Communication technologies in oncological practice: vectors of personalized medicine. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 178—185. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-178-185>

Согласно Программе фундаментальных научных исследований в РФ на период 2021—2030 гг.¹, приоритетное направление развития психологических и когнитивных наук составили исследования благополучия, удовлетворенности жизнью, психического здоровья человека (5.5.1.2), направление развития медицинских наук — разработка концепции персонализированной медицины с ее миссией сохранения качества жизни, а именно здоровья пациента и медицинского персонала (3.3.3.10.; 3.3.8.2.; 3.3.11.3.; 3.3.12.1.). В связи с этим обратим внимание на насущные проблемы отечественной медицины в онкологической практике. Сегодня в России сохраняется негативная динамика онкологических заболеваний [19], что предстает вызовом медицинскому и гуманитарному профессиональным сообществам. Неутешительная статистика инициирует использование новых технологий, включая информационные и коммуникативные, а также технологические инициативы персонализированной медицины — в качестве инструментов сохранения и повышения качества жизни населения. Как индикатор здоровья, в его навигационном понимании, качество жизни сегодня — ключевой показатель

медицинской деятельности в целом [16]. Как ключевая проблема персонализированной медицины, концепт «качество жизни» приобретает особую актуальность в связи с реализацией национальных проектов по улучшению качества жизни российского населения, где особое внимание уделяется высокоинформативным методам [2; 18]. Получение с помощью высокотехнологического меду-психологического диагностического инструмента полной информации о хронических заболеваниях — ключевая точка в построении эффективной системы управления здоровьем [7; 10]. Вместе с тем традиционный диагностический инструментарий, используемый в медицинской практике, не позволяет ответить на все вызовы персонализированной медицины. Поэтому обратимся к экзистенциально-психологической технологии, она ориентирована на принцип партисипативности в персонализированной медицине и идею управления качеством жизни через субъект-субъектное взаимодействие и диалоговую коммуникацию в профессиональной деятельности врача. Под принципом партисипативности понимается взаимодействие (коммуникация, общение) врача и пациента, основанное на интенции

¹ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2020 № 3684-р.

Рис. 1. Экзистенциально-психологическая модель врачевания в онкологической практике

действовать вместе в нелинейной, открытой, неопределенной ситуации, каковой является болезнь. Со стороны врача это означает быть готовым к такой сопряженной деятельности, нести «бремя ответственности» за совместное с пациентом решение, принятое согласно технологии излечения, достигать эффективности в процессе доверительного общения, что благоприятствует сотрудничеству и является основой диалоговой коммуникации субъектов врачевания [17]. Партиципативный подход способствует изменению менталитета и психологии всех субъектов врачевания (врача, пациента, медицинских работников, психолога) [17].

Такая коммуникативная технология демонстрирует результаты наших исследований в обобщенном виде, а также упорядочивает и разграничивает факторы взаимодействия субъектов в профессиональной врачебной деятельности [5; 6]. Эффективность

коммуникативного акта «врач — пациент» обусловлена персонифицированными идеалами, особенностями потребностно-мотивационной сферы, индивидуально переживаемым психическим состоянием [3; 9]. Реализовываясь в рамках персонализированной медицины и в контексте принципа партиципативности, эти личностные конструкты определенным образом влияют на качество жизни, обусловленное здоровьем субъектов врачевания. Они дают возможность изменения качества жизни, улучшения либо сохранения при оказании паллиативной помощи онкопациенту.

Согласно апробации результатов исследования качества жизни у пациентов онкологического профиля, для оказания квалифицированной медицинской помощи врач должен себя конституировать через профессиональную идентичность, которая как ряд целостных и устойчивых характеристик

профессионального развития личности представляет собой некий базис и является регуляторным механизмом профессиональной деятельности, дает возможность сохранить уникальность и константность работы врача. Перечислим эти значимые характеристики.

Такая характеристика, как *экзистенциальная исполненность*, позволяет врачу четко и объективно оценить проблему, выбрать адекватные средства для ее решения, дистанцироваться от ситуативных эмоциональных переживаний.

Рефлексивность дает возможность проанализировать не только состояние пациента, проблему, но и результаты своей деятельности, помогает спрогнозировать особенности течения заболевания и его последствий, а также способствует принятию альтернативных решений.

Доверие для врача имеет ключевое значение в выстраивании взаимоотношений с пациентами. Именно оно нивелирует скептическое отношение к пациентам, стремящимся контролировать деятельность врача. Более того, конфронтация — на почве привлечения к уголовной и административной ответственности за врачебные ошибки и причинение ущерба пациенту — в условиях доверия невозможна.

Ответственность как качество личности врача оказывает огромное, зачастую решающее влияние на результаты его профессиональной деятельности.

Характеристики физиологического и физического здоровья обеспечивают врачу его профессиональное здоровье, при ухудшении их качества снижается уровень оказываемой медицинской помощи, работоспособность и профессионализм.

Коммуникативные склонности необходимы врачу для коммуникации эффективной, с высокой частотой межличностных контактов — не только с пациентами, но и с их родственниками и коллегами по работе. Для этого необходимо уметь слушать собеседника, понимать значение невербаль-

ных средств общения, находить своевременно нужные слова для аргументации или формулировки вопросов, использовать тон голоса и скорость вербализации информации, а также уметь оставаться в рамках профессиональной роли.

Развитая *эмоциональная компетентность* означает, что специалист осознает и понимает не только свои эмоции, но и эмоции других, управляет реакцией на переживания собеседника и свои собственные, контролирует свое поведение и поведение собеседника.

Характеристика ценностей означает рефлексию целей. Цели приносят в жизнь значимость, осмысленность, временную перспективу; формируют терминальные ценности, среди которых: процесс жизни как ценность; результат жизни как смысл и ценность будущего. Такие ценностные установки сказываются на результативности профессиональной деятельности и уровне профессионализма врача.

Нонконформизм — стремление врача придерживаться результатов профессионального опыта, которые прямо противоречат господствующим в данной врачебной практике. Это детерминировано негативным оцениванием себя, результатов своего труда и возможностей профессионального развития и сопровождается чувством безысходности, которое часто приводит к негативизму, к лимитированию своей вовлеченности в работу за счет перекалывания обязанностей и ответственности на других людей, затем к изоляции от окружающих, отстраненности и неучастию — актам психическим, и далее — к редукции профессиональных обязанностей. Такие явления обычно сопровождают синдром эмоционального выгорания у врача [12; 13].

В разгар эпидемии, в июне 2020 г., было проведено исследование личностных детерминант профессионального выгорания у врачей-онкологов. Респонденты — врачи, заведующие отделениями ГБУЗ «Тверской областной

клинический онкологический диспансер», профессорско-преподавательский состав кафедры онкологии, хирургии и паллиативной медицины ТГМУ — 45 человек в возрасте от 34 до 73 лет (средний возраст $47,08 \pm 9,5$), в числе которых 21 женщина.

Перечислим авторские методики, которые составили психодиагностический инструментарий исследования:

1) В. В. Бойко, изучение уровня эмоционального выгорания (в модификации Е. Ильина) [1; 13; 14];

2) Т. П. Скрипкина, выявление уровня доверия [15];

3) А. В. Карпов, измерение рефлексивного потенциала [8];

4) Н. П. Фетискина, диагностика коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2), анализ коммуникативного потенциала [4, с. 263—265];

5) Н. Холл, диагностика «эмоционального интеллекта» [4, с. 57—59; 12];

6) Д. А. Леонтьев, «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) [11];

7) А. Лэнгле и К. Оглер, шкала экзистенции, исследование экзистенциального настроения, влияющего на оценку качества жизни [9], опросник SF-36 (качество жизни).

Для статистического анализа использован программный пакет SPSS Statistics 22.

В результате исследования выявлен низкий уровень рефлексивности, экзистенциальной исполненности и коммуникативных умений, что соответствует среднему или пограничному общему состоянию здоровья (или качеству жизни, связанному со здоровьем) у врачей-онкологов. Данные показатели не способствуют реализации партиципативной технологии взаимодействия субъектов врачевания. Это подтвердили релевантные психологические данные, полученные путем факторного анализа (с учетом результатов исследований, проведенных ранее).

Фактор «Параметры здоровья» объясняет примерно 14,5 % дисперсии. С высокими факторными нагрузками ($> 0,54$) в него

вошли субшкалы: «Ролевое, эмоциональное, физическое и социальное функционирование», «Самооценка психического состояния», «Общее здоровье» и «Жизнеспособность» методики SF-36, — так называемые параметры здоровья. Поэтому фактор дает оценку таких составляющих качества жизни, как: физические нагрузки, профессиональная деятельность, межличностное общение, эмоциональные переживания, связанные с результатами профессиональной деятельности, общее здоровье, психическое состояние и жизнеспособность.

Фактор «Ценности» объясняет примерно 13 % дисперсии. С высокими факторными нагрузками ($> 0,75$) в него вошли все субшкалы методики СЖО Д. А. Леонтьева. Фактор характеризует следующие интенции:

- наличие в жизни испытываемого целей, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу;
- возможность построить жизнь в соответствии со своими целями, задачами и представлениями о ее смысле;
- убеждение в том, что человек контролирует свою жизнь, свободно принимает решения и воплощает их в жизнь.

Фактор «Нонконформизм» объясняет около 11,4 % дисперсии. С высокими факторными нагрузками ($> 0,57$) в него вошли шкалы методики эмоционального выгорания В. В. Бойко: «Загнанность в клетку», «Личностная отстраненность», «Эмоциональная отстраненность», «Неудовлетворенность собой» и «Редукция профессиональных обязанностей», — а также субшкала методики КОС-2 «Коммуникативные умения». Поэтому фактор определяет установки, мнения, результаты восприятия, поведение, — прямо противоположные практикуемым в профессиональном сообществе.

Фактор «Экзистенциальная исполненность» объясняет около 11 % дисперсии. С высокими факторными нагрузками ($> 0,84$) в него вошли шкалы «Самодистанцирование», «Самотрансценденция», «Свобода»

и «Ответственность», шкалы экзистенции А. Лэнгле и К. Оглер. Фактор дает оценку сформированности таких персонифицированных качеств, как объективность в оценивании себя и ситуаций, самопринятие, решительность и ответственность.

Фактор «Эмоциональная компетентность» объясняет около 10,7 % дисперсии. С высокими факторными нагрузками ($> 0,49$) в него вошли шкалы «Распознавание эмоций других людей», «Самотивация», «Эмпатия», «Управление своими эмоциями», «Эмоциональная осведомленность» и «Интегральный уровень эмоционального интеллекта», согласно методике Н. Холла. Фактор характеризует интенции:

- осознание и понимание своих эмоций и возможности управлять ими и своим поведением, за счет управления эмоциями;
- понимание эмоций других людей, умение сопереживать текущему эмоциональному состоянию другого человека, а также готовность оказать поддержку;
- умение понять состояние человека по мимике, жестам, оттенкам речи, позе; умение воздействовать на эмоциональное состояние других людей.

Таким образом, выделенные латентные факторы «Параметры здоровья», «Ценности», «Нонконформизм», «Экзистенциальная исполненность» и «Эмоциональная компетентность» позволяют лаконично, в обобщенной форме представить переменные, обуславливающие взаимодействие субъектов врачевания в разрабатываемой экзистенциально-психологической модели.

Как было выяснено в результате исследования, образцовые, должные личностные и профессиональные особенности врача — как субъекта врачевания в построении высокотехнологичной диалоговой коммуникации — не проявили себя на практике. Формировать эти профессиональные качества необходимо у медиков на этапе обучения, чтобы оптимизировать их будущую профессиональную деятельность.

Подведем итог исследованию, проведенному в период пандемии COVID-19. Исследование эксплицировало критические показатели психологического и профессионального здоровья врачей. Такие облигатные дескрипторы, как эмоциональное выгорание и неразвитые коммуникативные склонности в профессиональной деятельности врачей, не координируют с реализацией принципа партисипативности в персонализированной медицине. Очевидно, что контекст профессиональной деятельности врачей в период пандемии усложнился, что обусловлено негативным влиянием ограничительных мер, самоизоляции, противоречивой и фейковой информации. Это не могло не отразиться на психологическом и профессиональном здоровье врачей. Напряженная ситуация спровоцировала такие ярко выраженные проблемы, как неудовлетворенность своей деятельностью, упрощение профессиональных обязанностей, эмоциональное и личностное отчуждение. Поэтому насущно необходимо сегодня разработать систему психологического сопровождения врачей-онкологов, с включением психологических тренингов, группового и индивидуального консультирования по проблемам профессиональной деятельности.

Список литературы

1. **Бойко В. В.** Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб., 2009. 278 с.
2. **Брызгалина Е. В.** Медицина в оптике искусственного интеллекта: философский контекст будущего // Человек. 2019. Т. 30, № 6. С. 54—71.
3. **Гришина Н. В.** Психологическое благополучие в экзистенциальном понимании: эмпирические особенности // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 8. URL: <http://psychostudy.ru/num/2016v9n48/1312-grishina48> (дата обращения: 04.03.2022).
4. **Фетискин Н. П.** [и др.] Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп /

Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. 488 с.

5. Качество жизни, связанное со здоровьем, у больных онкологического профиля / Е. А. Евстифеева, Р. Н. Чирков, С. И. Филиппченкова, Л. А. Мурашова, Д. А. Максимов, правообладатель Тверской государственной медицинской университет (Тверь); свид. о рег. № RU 2020620207; заявка 2020620070 от 27.01.2020; опубл. 04.02.2020.

6. Медико-психологическая характеристика качества жизни больных онкологического профиля / Е. А. Евстифеева, Р. Н. Чирков, С. И. Филиппченкова, Л. А. Мурашова, Д. А. Максимов; правообладатель Тверской государственной медицинской университет (Тверь); свид. о рег. № RU 2019620902; заявка 2019620745 от 14.05.2019; опубл. 29.05.2019.

7. *Зараковский Г. М.* Качество жизни населения России: психологические составляющие / Г. М. Зараковский. М.: Смысл, 2009. 319 с.

8. *Карпов А. В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45—57.

9. *Кривцова С. В.* Шкала экзистенции / С. В. Кривцова, А. Лэнгле, К. Орлер // Экзистенциальный анализ. 2009. Бюллетень № 1. С. 141—170.

10. *Лебедева А. А.* Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. С. 3—19.

11. *Леонтьев Д. А.* Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.

12. *Лэнгле А.* Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 3—16

13. *Макарова Г. А.* Синдром эмоционального выгорания. М.: Речь, 2010. 381 с.

14. *Орёл В. Е.* Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 90—101.

15. *Скрипкина Т. П.* Психология доверия: учеб. пособ. для вузов. М.: Академия, 2000. 264 с. (Высшее образование).

16. О стратегии развития здравоохранения РФ на период до 2025 г.: Указ Прези-

дента РФ № 254 от 6.06.2019 г. // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44326> (дата обращения: 04.03.2022).

17. *Филиппченкова С. И.* Психологическая составляющая взаимодействия врача и пациента: автореф. дис. ... доктора психологических наук: 19.00.03. Москва, 2013. 57 с.

18. *Sadkovsky I. A.* PPPM (Predictive, Preventive and Personalized Medicine) as a new model of national and international healthcare service and thus a promising strategy to prevent a disease: from basics to practice // International Journal of Clinical Medicine. 2014. No. 5. P. 855—870.

19. *Filippchenkova S. I.* [et al.] Hermeneutics of concepts of the existential-psychological healing model / S. I. Filippchenkova, E. A. Evstifeeva, L. A. Murashova // Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences: The International Scientific and Practical Conference (CILDIAH-2019). 2019. Vol. 69. SHS Web Conf. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/10/shsconf_cildiah2019_00041/shsconf_cildiah2019_00041.html (access date: 04.03.2022).

References

1. Bojko V. V. Sindrom jemocional'nogo vygoranija v professional'nom obshhenii. SPb, 2009. 278 s.

2. Bryzgalina E. V. Medicina v optike iskusstvennogo intellekta: filosofskij kontekst budushhego // Chelovek. 2019. Т. 30, № 6. S. 54—71.

3. Grishina N. V. Psihologicheskoe blagopoluchie v jekzistencial'nom ponimanii: jempiricheskie osobennosti // Psihologicheskie issledovanija. 2016. Т. 9, № 8. URL: <http://psystudy.ru/num/2016v9n48/1312-grishina48> (data obrashhenija: 04.03.2022).

4. Fetiskin N. P. [i dr.] Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitija lichnosti i malyh grupp) / N. P. Fetiskin, V. V. Kozlov, G. M. Manujlov. М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. 488 с.

5. Kachestvo zhizni, svjazannoe so zdorov'em, u bol'nyh onkologicheskogo profilja / E. A. Evstifeeva, R. N. Chirkov, S. I. Filippchenkova, L. A. Murashova, D. A. Maksimov, pravoobladatel' Tverskoj gosudarstvennyj medicinskij universitet (Tver'); свид. о рег.

№ RU 2020620207; заявка 2020620070 от 27.01.2020; opubl. 04.02.2020.

6. Mediko-psihologicheskaja karakteristika kachestva zhizni bol'nyh onkologicheskogo profilja / E. A. Evstifeeva, R. N. Chirkov, S. I. Filippchenkova, L. A. Murashova, D. A. Maksimov; pravoobladatel' Tverskoj gosudarstvennyj medicinskij universitet (Tver'); svid. o reg. № RU 2019620902; заявка 2019620745 от 14.05.2019; opubl. 29.05.2019.

7. Zarakovskij G. M. Kachestvo zhizni naselenija Rossii: psihologicheskie sostavljajushhie / G. M. Zarakovskij. M.: Smysl, 2009. 319 s.

8. Karpov A. V. Refleksivnost' kak psihicheskoe svojstvo i metodika ee diagnostiki // Psihologicheskij zhurnal. 2003. T. 24, № 5. S. 45—57.

9. Krivcova S. V. Shkala jekzistencii / S. V. Krivcova, A. Ljengle, K. Orgler // Jekzistencial'nyj analiz. 2009. Bjul'eten' №1. S.141—170.

10. Lebedeva A. A. Teoreticheskie podhody i metodologicheskie problemy izuchenija kachestva zhizni v naukah o cheloveke // Psihologija: Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2012. T. 9. S. 3—19.

11. Leont'ev D. A. Test smyslozhiznennyh orientacij (SZhO). 2-e izd. M.: Smysl, 2000. 18 s.

12. Ljengle A. Jemocional'noe vygoranie s pozicij jekzistencial'nogo analiza // Voprosy psihologii. 2008. № 2. S. 3—16

13. Makarova G. A. Sindrom jemocional'nogo vygoranija. M.: Rech', 2010. 381 s.

14. Orjol V. E. Fenomen "vygoranija" v zaru-bezhnoj psihologii : jempiricheskie issledovanija i perspektivy // Psihologicheskij zhurnal. 2001. T. 22, № 1. S. 90—101.

15. Skripkina T. P. Psihologija doverija: ucheb. posob. dlja vuzov. M.: Akademija, 2000 g. 264 s. (Vysshee obrazovanie).

16. O strategii razvitija zdavoohranenija RF na period do 2025 g.: Ukaz Prezidenta RF № 254 от 6.06.2019 g. // Prezident Rossii: oficial'nyj sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44326> (data obrashhenija: 04.03.2022).

17. Filippchenkova S. I. Psihologicheskaja sostavljajushhaja vzaimodejstvija vracha i pacienta: avto-ref. dis. ... doktora psihologicheskikh nauk: 19.00.03. Moskva, 2013. 57 s.

18. Sadkovsky I.A. PPPM (Predictive, Preventive and Personalized Medicine) as a new model of national and international healthcare service and thus a promising strategy to prevent a disease: from basics to practice // International Journal of Clinical Medicine. 2014. № 5. P. 855—870.

19. Filippchenkova S.I. [et al.] Hermeneutics of concepts of the existential-psychological healing model / S.I. Filippchenkova, E.A. Evstifeeva, L.A. Murashva // Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences: The International Scientific and Practical Conference (CILDIAH-2019). 2019. Vol. 69. SHS Web Conf. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/10/shsconf_cildiah2019_00041/shsconf_cildiah2019_00041.html (access date: 04.03.2022).

Информация об авторе

Филиппченкова С. И. — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии, Тверской государственный технический университет (Россия, 170001, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22, к. 240).

Information about the author

S. I. Filippchenkova — Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University (Russia, 170001, Tver, A. Nikitin embankment, 22, room 240).

Статья поступила в редакцию 22.03.2022.

The article was submitted 22.03.2022.

Институт лингвистического и педагогического образования (ЛПО),
Национальный исследовательский университет «МИЭТ»,
Россия, Москва, Зеленоград

**Итоги круглого стола Института ЛПО
«Актуальные вопросы современной лингвистики»
10 апреля 2022 г.**

Участники: магистранты и преподаватели, руководители диссертаций магистрантов Института лингвистического и педагогического образования при НИУ МИЭТ.

Тематика: рассмотрены методы преподавания иностранного языка с применением информационно-компьютерных технологий (ИКТ).

Материалы: представлены результаты практических разработок с применением таких ИКТ, как графический редактор CANVA, система управления обучением LMS, компьютерная программа Learning Apps.

Итоги: Участники сошлись во мнении, что использование ИКТ помогает мотивировать студентов, значительно повысить их заинтересованность в изучении иностранного языка. Также отмечено, что при внедрении инструментов ИКТ в образовательный процесс в ходе различных подходов к обучению упрощается коммуникация преподавателя и студента.

При рассмотрении методологии смешанного обучения, а именно совмещения форм традиционного и электронного обучения, — в соотнесении с типами научной рациональности, участники круглого стола, исходя из неравномерности развития дидактики в традиционном и цифровом образовании, подчеркнули, что все типы рациональности присутствуют в ней. Поэтому преподаватели иностранного языка вынуждены выбирать из огромного арсенала те методики обучения с применением ИКТ, которые релевантны целям обучающихся, чтобы заинтересовать их в приобретении знаний через доступные инструменты, мотивировать к познанию.

В ходе обсуждения трудностей перевода с английского языка на русский, связанных с цифровизацией всех сфер жизни, особое внимание было уделено неологизмам в учебниках по программированию и «ложным друзьям переводчика» в статьях по телекоммуникационным технологиям.

В итоге дискуссии участники пришли к единому мнению, что современная лингвистика как многоаспектная, постоянно меняющаяся и крайне актуальная область науки сопряжена со всем накопленным теоретическим и практическим опытом, не только в его ретроспективном значении, но и в применении к современности, с использованием современных технологических достижений.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 187—194.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 187—194.

УДК 37.013.73
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-187-194

Методологические аспекты смешанного обучения в соотношении с типами научной рациональности

Наталья Леонидовна Байдикова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

nataleon22@list.ru

Аннотация. Статья прослеживает исторические изменения методологических принципов образования в целом и такой его разновидности, как электронное обучение, в соотношении с типами научной рациональности. Автор делает вывод, что методология смешанного обучения соотносится со всеми типами научной рациональности исходя из неравномерности развития традиционной и цифровой дидактик. Традиционная дидактика предлагает подходы, согласующиеся с неклассическим и постнеклассическим типами рациональности, а педагогические идеи цифровой дидактики и многочисленные электронные средства претворения их в практику обучения остаются в рамках классической рациональности.

Ключевые слова: смешанное обучение, тип научной рациональности, классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность, цифровая дидактика.

Для цитирования: Байдикова Н. Л. Методологические аспекты смешанного обучения в соотношении с типами научной рациональности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. [Круглый стол Института ЛПО: Актуальные вопросы современной лингвистики]. 2022. № 2 (34). С. 187—194. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-187-194>

Methodological aspects of blended learning in relation to scientific rationality types

Natalia Leonidovna Baydikova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

nataleon22@list.ru

Abstract: The article traces the historical changes in the methodological principles of education as a whole and its variety, such as e-learning, in relation to the types of scientific rationality. The author concludes that the methodology of blended learning correlates with all types of scientific rationality because of the uneven development of traditional and digital didactics. Traditional didactics offers approaches consistent with non-classical and post-non-classical types of rationality, while the pedagogical ideas of digital didactics and numerous electronic means of implementing them into teaching practice remain within the framework of classical rationality.

Keywords: blended learning, type of scientific rationality, classical, non-classical and post-non-classical rationality, digital didactics.

For citation: Baydikova N. L. Methodological aspects of blended learning in relation to scientific rationality types. *Economic and Social Research* [Round table of the LPO Institute: Actual questions of modern linguistics], 2022, no. 2 (34), pp. 187–194. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-187-194>

Современное образование невозможно представить без широкого использования информационно-коммуникационных технологий. Множество научных работ последних десятилетий посвящено смешанному и онлайн-обучению, электронной среде, цифровым средствам обучения. Зарождается такая наука, как цифровая/ е-дидактика, которая стремится обобщить накопленный опыт внедрения электронных средств в практику обучения и дать ему теоретическое обоснование. При этом очень важно не упустить из виду фундаментальные, философские основания цифровизации образования, для того чтобы осознавать глубинные причины этого процесса и разумно регулировать степень их воздействия на образовательную систему.

Цель данной статьи – проследить исторические изменения методологических принципов образования, в том числе такой его разновидности, как электронное обучение, в соотношении с типами научной рациональности.

К настоящему времени в философии укрепилась типология научной рациональности, предложенная В. С. Степиным. Ученый выделяет классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности на основании трех критериев: 1) особенности системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) особенности средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) особенности ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки [1, с. 250].

В соответствии с выделенными критериями, классическая научная рациональность (XVIII – XIX вв.) в рамках механистической картины мира изучает объекты как простые системы, свойства которых однозначно определяются свойствами составляю-

щих элементов, т. е. целое и часть связаны отношениями причинного детерминизма. Для исследователя важен только сам изучаемый объект, в результате опытного исследования которого и обобщения фактов достигается единственно верная, абсолютная истина.

В XIX в. начинает зарождаться иной тип научной рациональности – неклассический, в контексте которого объект исследования воспринимается уже как сложная, саморегулирующаяся система, качество которой нельзя полностью свести к характеристикам составляющих ее элементов. Вопросы каузальности решаются в терминах вероятностной причинности, что приводит к релятивистской картине мира, в которой есть место не одной, а разным, порой альтернативным концепциям, доказывающим, что истина зависит от угла зрения на исследуемый объект. Субъекту познания важен не только объект исследования как таковой, но и сам процесс, деятельность, включенность в многообразие связей и отношений.

Постнеклассическая рациональность, как считает В. С. Степин [1], завоевывает свое место в системе научного знания в настоящее время. Объект исследования в такой системе научных координат – это не просто сложная, саморегулирующаяся система, а система, в которой один вид саморегуляции сменяется другим, т. е. происходит ее саморазвитие. Такую систему характеризует так называемая целевая причинность, превращающая в реальность некоторые из множества возможностей. К целевым ориентациям субъекта деятельности добавляются аксиологические факторы, включающие научную деятельность в социально-культурный контекст.

Характеристики классического, неклассического и постнеклассического типов рациональности занесены в таблицу 1.

Типология научной рациональности (по В. С. Степину)

№	Типы рациональности	Классическая рациональность (XVII – XIX вв.)	Неклассическая рациональность (XIX – XX вв.)	Постнеклассическая рациональность (XX – XXI вв.)
	Критерии			
1	Системная организация исследуемых объектов	Объект – это простая система, свойства которой определяются свойствами ее элементов	Объект – это сложная, саморегулирующаяся система, свойства которой полностью не определяются свойствами ее элементов	Объект – это сложная, саморазвивающаяся система, в которой происходит переход от одного вида саморегуляции к другому
2	Тип причинности	Причинный детерминизм	Вероятностная причинность	Целевая причинность
3	Тип картины мира	Механистическая	Релятивизм	Глобальный (универсальный) эволюционизм
4	Средства и операции деятельности	Описывается только объект исследования	Описывается не только объект, но и средства его исследования	Описывается не только объект и средства его исследования, но и аксиологические факторы
5	Идеалы и нормы науки	Абсолютно истинная картина мира	Относительная истинность картины мира, наличие альтернативных описаний реальности	Множественность вариантов развития мира
6	Основной метод построения теории	Очевидное и наглядное обобщение опытных фактов	Описание средств и операций познавательной деятельности	Построение сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркации
7	Ценностно-целевые ориентации субъекта деятельности	Субъект познания – чистый разум, выделяющий объект из мира	Субъект познания – деятельностный разум, включенный в мир	Субъект познания – носитель социокультурных ценностей

Выделенные В. С. Степиным типы рациональности согласуются с научными парадигмами в конкретных областях исследований, в том числе и в педагогической науке.

При этом широкое, повсеместное использование компьютерных средств для образовательных целей требует отдельного анализа методологических основ электронного обучения.

Электронные ресурсы, платформы, сервисы, устройства входят в группу технических средств обучения и противостоят традиционным средствам, таким, например, как печатные учебники и наглядные пособия. С этой точки зрения они выполняют определенные дидактические задачи и подчиняются логике учебного занятия. Но, с другой стороны, современные электронные средства предоставляют такие невиданные ранее технологические и обучающие возможности, что их дидактическая роль порой превосходит функции классических средств обучения. Наглядный пример тому – появление феномена смешанного обучения. Под смешанным обучением мы понимаем такую организацию обучения, при которой традиционное, контактное взаимодействие педагога с обучающимися с применением традиционных, неэлектронных средств обучения сочетается с обучением, опосредованным электронными (цифровыми) средствами. Исходя из двухкомпонентного состава смешанного обучения типы научной рациональности следует соотносить не только с философскими доктринами в образовании в целом, но и с методологическими подходами к электронному обучению, в частности.

Научные работы, посвященные философии образования, выявляют обусловленность развития образовательных парадигм историческими типами научной рациональности в определенных социокультурных условиях [2; 3].

Классическая рациональность как преобладающая научная парадигма эпохи Просвещения способствовала тому, что образование мыслилось как исторически и социально обусловленный процесс, а обучение и воспитание четко разграничивались, отражая дихотомию рационального и чувственного в человеке. М. Г. Заборская отмечает, что западноевропейские философы XVIII – XIX вв. подчеркивали значимость интеллектуального развития молодого поколения, тогда как русские мыслители отдавали приоритет мо-

рально-нравственному воспитанию [3]. Советская система образования, для которой принцип научности являлся одним из важнейших дидактических принципов, также опиралась на классический тип рациональности. Образование в рамках знаниевого подхода было нацелено на формирование объективной, непротиворечивой, единой картины мира у человека нового типа – высоконравственной личности, строителя коммунизма.

Несмотря на то, что отечественная педагогика на протяжении всего постсоветского периода предпринимает значительные усилия по наращиванию теоретического фундамента для перехода на следующую – неклассическую ступень своего развития, в практике обучения позиции классического рационализма остаются достаточно сильными.

Что касается обучения, опосредованного электронными средствами, то оно зародилось в рамках классической модели образования в виде технологий программированного обучения, которые впоследствии были реализованы с помощью компьютерных программ. Американский психолог Беррет Скиннер [4] в середине прошлого века разработал механическую обучающую машину, с помощью которой учащиеся могли самостоятельно осваивать материал в индивидуальном темпе. При выполнении заданий, которые были выстроены в порядке нарастания сложностей, учащиеся осуществляли самоконтроль, постепенно открывая окошки обучающей машины с правильными ответами. Программированное обучение Б. Скиннера носило линейный характер, так как не предусматривало выбора ни содержания, ни последовательности упражнений.

Примерно в то же самое время соотечественник Беррета Скиннера педагог Норман Краудер [5] предлагает так называемую разветвленную программу, которая позволяет сделать обучение более индивидуализированным, предлагая обучающемуся последующее задание в зависимости от его преды-

дущего выбора. Н. Краудер первоначально реализовал свою программу в учебных пособиях в традиционном печатном формате, а позднее выпустил уже и компьютерную программу.

Еще один тип программированного обучения – с помощью адаптивных программ – был разработан английским ученым Гордоном Паском [6]. То, что его адаптивная программа изначально предназначалась для реализации с помощью ЭВМ, обеспечило ей большие дидактические возможности по сравнению с линейной и разветвленной программами. Компьютерная адаптивная программа Г. Паска анализировала скорость выполнения заданий и количество совершённых ошибок и приспособлявала уровень сложности последующих заданий к возможностям учащихся. В адаптивных программах индивидуализации подвергается не только сама последовательность выполнения заданий, как в разветвленных программах, но и содержание обучения.

Несмотря на то, что современные компьютерные программы шагнули далеко вперед по своим техническим возможностям по сравнению с первыми обучающими программами, подавляющее большинство электронных средств обучения все еще находится в рамках философии классической рациональности. В качестве примера можно привести широко распространенные в практике обучения тесты и тренажеры различного рода. Электронные средства выполняют традиционные функции педагога: представляют определенную информацию, организуют ее усвоение до заданного уровня и контролируют правильность выполнения учебных действий. Тестовые задания как закрытого, так и открытого типа предполагают наличие правильных ответов, и даже адаптивные компьютерные программы могут построить индивидуальную траекторию обучающегося только в ограниченных пределах, не выходящих за границы заложенных в программе вариантов.

Следующая за классическим типом рациональности неклассическая научная рациональность способствовала зарождению и укреплению в философии образования таких приоритетов, как свобода, творчество, личность, которые отразились в принципах индивидуализма, плюрализма, толерантности. Признание важности иррационального, бессознательного наряду с рациональным началом в человеке привело педагогов к мысли о том, что воображение, фантазия, творчество делают процесс познания более эффективным, а обучение и воспитание слиты в единый, неразрывный процесс. В советской науке идеи неклассической рациональности можно найти в трудах известных психологов и педагогов – Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, С. А. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, В. А. Сухомлинского, Л. В. Занкова, Ш. А. Амонашвили и др. В практику обучения с конца прошлого столетия внедряются идеи индивидуализированного, личностно-деятельностного и личностно ориентированного подходов, гуманной педагогики, развивающего обучения, обучения в сотрудничестве, обучения, centered на ученике, проектной методики.

Следует отметить, что неклассические идеи зарождались и укреплялись в отечественном образовании в тот период, когда в научной парадигме уже происходил поворот к следующему типу рациональности – постнеклассическому, т. е. философия педагогики следует за философией науки не след в след, а с запозданием, так как ей необходимо определенное время для осмысления и интерпретации произошедших изменений. Как отмечает А. А. Соловьев, «исторический тип рациональности определяет научное содержание образовательных стандартов последующей эпохи» [7, с. 8].

Более того, проникновение новых идей в педагогическую науку не означает их немедленной реализации в практике обучения. Таким образом, в конце прошлого столетия науке в целом были уже присущи постнеклассические черты, а педагогика находилась еще

в русле неклассической философии, и предлагаемые ею инновации внедрялись в практику лишь отдельными педагогами-новаторами. Что касается информационно-коммуникационных технологий, то несмотря на свое бурное развитие, они решали образовательные задачи по-прежнему в рамках классической парадигмы.

В настоящее время философия образования трансформирует взгляды постнеклассической рациональности в такие принципы, как гетерогенность, мультикультуральность, культурная самоидентификация, толерантность, сотрудничество, социальная ответственность. М. Г. Заборская указывает, что постнеклассическое расширенное понимание рациональности включает еще эмоционально-образный и художественно-эстетический компоненты [3, с. 44]. Опираясь на указанные принципы, можно выделить следующие педагогические подходы: мультикультурный, культурологический, социокультурный, ценностный, гуманистический, антропологический, человекоцентрированный, междисциплинарный, интегрированный. Цель образования при этом меняет вектор направленности: из внешней, направленной на обучающегося («обучить, воспитывая и развивая»), она превращается во внутреннюю («стимулировать самообучение, самовоспитание, саморазвитие»).

Современная педагогика строится в рамках плюрализма образовательных идей, предлагающих вариативные возможности сочетания различных подходов, методов, средств и способов в постоянно меняющихся условиях. Речь идет, в том числе, и об использовании электронных средств обучения, но в традиционной дидактике они равноправны другим средствам и методам. Если же мы анализируем смешанное обучение, то электронные средства играют главенствующую роль в одном из его компонентов, и с этой точки зрения методология цифровой дидактики пока только ищет подходы, согласующиеся с неклассиче-

ским и постнеклассическим типами научной рациональности. Например, С. Ф. Сергеев [8] считает перспективной теорию иммерсивных обучающих сред, на основе которой можно создать средоориентированные модели «сложного обучения», реализуемые за счет облачных технологий и Интернета вещей (таблица 2).

Таким образом, методология смешанного обучения соотносится со всеми типами научной рациональности исходя из неравномерности развития традиционной и цифровой дидактик, лежащих в основе этого типа обучения. Традиционная дидактика предлагает обилие педагогических подходов, согласующихся с неклассическим и постнеклассическим типами рациональности. Цифровая дидактика находится сейчас только в стадии становления, ее задачей, по мнению В. И. Блинова, является определение целей, содержания и средств обучения применительно к запросам цифрового общества и особенностям современного подрастающего поколения [9, с. 17]. Пока же педагогические идеи цифровой дидактики и многочисленные электронные средства претворения их в практику обучения остаются в плоскости классической рациональности. Избыточность педагогических подходов, представленных в традиционной дидактике, с одной стороны, и электронных средств, имеющих в наличии у цифровой дидактики, с другой стороны, представляет основную проблему для современного смешанного обучения. Педагогу необходимо выбрать из огромного арсенала идей и средств традиционной и цифровой дидактик те, которые будут эффективны в определенных педагогических условиях, а также рационально сочетать и варьировать их для достижения постоянно меняющихся целей.

Соотношение типов научной рациональности и подходов
в педагогических науках

Типы рациональ- ности Педаго- гические науки	Классическая рациональность (XVII – XIX вв.)	Неклассическая рациональность (XIX – XX вв.)	Постнеклассическая рациональность (XX – XXI вв.)
Традиционная дидактика	XVII – XX вв. Дихотомия обучения и воспитания. Знаниевый подход с целью формирования объективной, непротиворечивой, единой картины мира	XX – XXI вв. Единство обучения и воспитания. Индивидуализи- рованный, лично-деятельно- стный, лично- ориентированный подходы, гуманная педагогика, развивающее обучение, обучение в сотрудничестве, центрированное на ученике, проектная методика	XXI в. Самообучение, самовоспитание, саморазвитие. Мультикультурный, культурологический, социокультурный, ценностный, гуманистический, антропологический, человекоцентри- рованный, междисциплинарный, интегрированный подходы
Цифровая дидактика	XX – XXI вв. Программированное обучение (линейные, разветвленные, адаптивные программы), тесты, тренажеры	XXI в. Иммерсивные обучающие среды, средоориентированные модели «сложного обучения», реализуемые за счет облачных технологий и Интернета вещей	

Список источников

1. **Степин В. С.** Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / Отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб.: Мирь, 2009. С. 249–295.

2. **Архипова О. В.** Идея образования в контексте постнеклассической культуры: автореф. дис. ... докт. филос. наук. С.-Петербург, 2012. 51 с.

3. **Заборская М. Г.** Философия образования как социокультурный феномен: автореф. дис. ... докт. филос. наук. С.-Петербург, 2005. 50 с.

4. **Skinner B. F.** Teaching Machines // Science, New Series. 1958. Vol. 128. Is. 3330. P. 969–977.

5. **Краудер Н.** О различиях между линейным и разветвленным программированием // Программированное обучение за рубежом: сб. ст. / под ред. И. И. Тихонова. М.: Высш. шк., 1968. С. 58–67.

6. **Pask G.** Heinz von Foerster's Self Organization, the Progenitor of Conversation and Interaction Theories // Systems Research. 1996. Vol. 13. No. 3. P. 349–362.

7. **Соловьев А. А.** Образование в контексте смены типов рациональности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2009. 20 с.

8. *Сергеев С. Ф.* Методологические и дидактические проблемы электронного обучения // Сборник научных статей XVIII Объединенной конференции «Интернет и современное общество» IMS-2015, Санкт-Петербург, 23-25 июня 2015 г. С. 105 – 120.

9. *Блинов В. И.* Цифровая дидактика: модный тренд или новая наука? // Современные проблемы профессионального и высшего образования: состояние и оценка: коллективная монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 14 – 24.

References

1. Stepin V. S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlichenija // Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura: kolektivnaja monografija / Otv. red. L. P. Kijashhenko, V. S. Stepin. SPb.: Mir#, 2009. S. 249–295.

2. Arhipova O. V. Ideja obrazovanija v kontekste postneklassicheskoj kul'tury: avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk. S.-Peterburg, 2012. 51 s.

3. Zaborskaja M. G. Filosofija obrazovanija kak sociokul'turnyj fenomen: avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk. S.-Peterburg, 2005. 50 s.

4. Skinner B. F. Teaching Machines // Science, New Series. 1958. Vol. 128. Is. 3330. R. 969–977.

5. Krauder N. O razlichijah mezhdju linejnym i razvetvlenym programmirovaniem // Programmirovannoe obuchenie za rubezhom: sb. st. / pod red. I.I. Tihonova. M.: Vyssh. shk., 1968. S. 58–67.

6. Pask G. Heinz von Foerster's Self Organization, the Progenitor of Conversation and Interaction Theories // Systems Research. 1996. Vol. 13. No. 3. P. 349–362.

7. Solov'ev A. A. Obrazovanie v kontekste smeny tipov racional'nosti: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Volgograd, 2009. 20 s.

8. *Sergeev S. F.* Metodologicheskie i didakticheskie problemy jelektronnogo obuchenija // Sbornik nauchnyh statej XVIII Obyedinennoj konferencii "Internet i sovremennoe obshhestvo" IMS-2015, Sankt-Peterburg, 23-25 ijunja 2015 g. S. 105 – 120.

9. *Blinov V. I.* Cifrovaja didaktika: modnyj trend ili novaja nauka? // Sovremennye problemy professional'nogo i vysshego obrazovanija: sostojanie i

ocenka: kolektivnaja monografija. M.: Izd-vo «Jekon-Inform», 2019. S. 14 – 24.

Информация об участнике

Байдикова Наталия Леонидовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент Института ЛПО, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, 1).

Information about participant

Natalia Leonidovna Baidikova — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Institute of LPO, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 04.05.2022.

The article was submitted 04.05.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 195—197.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 195—197.

УДК 37.013.32
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-195-197

Цифровые технологии при обучении иноязычной письменной речи учащихся старших классов

Мария Алексеевна Бычкова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

kengu-ru@live.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования цифровых технологий на уроках иностранного языка для обучения старшеклассников письменной речи. На примере компьютерной программы Learning Apps описывается подход на основе текста-образца, выявляются этапы и их задачи. Предлагаются упражнения, разработанные на компьютерной платформе Learning Apps и направленные на развитие иноязычной письменной речи старшеклассников.

Ключевые слова: инновации, технологии, обучающие приложения, информационно-коммуникационные технологии.

Для цитирования: Бычкова М. А. Цифровые технологии при обучении иноязычной письменной речи учащихся старших классов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. [Круглый стол Института ЛПО: Актуальные вопросы современной лингвистики]. 2022. № 2 (34). С. 195—197. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-195-197>

Digital technologies in teaching foreign language writing skills to high school students

Maria Alexeyevna Bychkova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

kengu-ru@live.ru

Abstract: The paper presents a discussion of opportunities that various digital computer technologies open up for improving writing skills and strategies of senior school students. On the basis of the LearningApps platform the paper extensively dwells upon the ‘sample text’-based approach, the stages and their tasks are identified. The paper proposes different types of exercises that were created on the basis of the LearningApps platform used to teach writing skills at EFL classes.

Keywords: innovations, technologies, educational applications, information and communication technologies.

For citation: Bychkova M. A. Digital technologies in teaching foreign language writing skills to high school students. *Economic and Social Research* [Round table of the LPO Institute: Actual questions of modern linguistics]. 2022, no. 2 (34), pp. 195—197. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-195-197>

В современном мире цифровые технологии завоевывают всё большую популярность в обучении различным дисциплинам, в том числе иностранному языку. Как утверждают исследователи, их применение на уроках иностранного языка делает процесс обучения более продуктивным [1, с. 50]. Компьютерные программы применяются для формирования и развития иноязычных языковых навыков, а также умений всех видов речевой деятельности, включая письменную речь.

Цель работы – показать преимущества использования цифровых технологий при обучении иноязычной письменной речи учащихся старших классов на примере компьютерной программы Learning Apps.

Обучать письменной речи можно двумя путями: «Сверху» и «Снизу» [2, с. 130]. Путь «Сверху» – путь от анализа текста-образца к выполнению определенного комплекса упражнений, постепенно приводящего учащегося к продуцированию своего собственного текста. Путь «Снизу» – путь, где учащийся создает отдельные предложения без текстовых опор, чтобы в конце прийти к написанию готового связного текста.

В своей работе мы будем использовать технологию обучения письменной речи путем «Сверху», в которой выделяются три этапа – рецептивный, репродуктивный и продуктивный [2; 3; 4]. В таблице представлены этапы обучения письму путем «Сверху» и их содержание.

На рецептивном этапе учащиеся читают англоязычный текст-образец. На репродуктивном этапе они выполняют упражнения по использованию лексико-грамматических структур из текста. На продуктивном этапе

учащиеся составляют свое письменное высказывание с опорой на текст-образец.

Для повышения эффективности обучения иноязычной письменной речи учащихся старших классов мы покажем возможности использования цифровых технологий на примере платформы Learning Apps. Преимуществами Learning Apps являются: доступ к платформе независимо от места нахождения учащегося, асинхронное взаимодействие учителя и обучающихся, интерактивные модули с разнообразными упражнениями, возможность их группировки и скачивания, общедоступность упражнений, создание аккаунтов для учеников, размещение готовых упражнений, применение ссылок полноэкранного представления.

При этом, как отмечает Н. Л. Байдикова, «технические устройства и используемые ими носители информации являются всего лишь средствами, а не самоцелью. Их использование должно подчиняться дидактической цели и быть методически оправданным» [5, с. 91], поэтому задания, выполняемые учащимися на платформе Learning Apps, были согласованы с методикой обучения письму путем «Сверху».

Программа Learning Apps позволяет реализовать все три этапа при обучении письменной речи путем «Сверху». В соответствии с задачами каждого этапа были разработаны упражнения и загружены в Learning Apps.

Первый этап – рецептивный – предполагает восприятие текста-образца, загруженного из учебника на платформу Learning Apps. Чтение текста также может осуществляться и непосредственно из учебника, однако его

Этапы обучения письменной речи с опорой на текст-образец

№	Этапы	Задачи этапов
1	рецептивный	– чтение и понимание текста; – выявление логики, структуры и особенностей оформления текста
2	репродуктивный	– воспроизведение лексико-грамматических структур из текста-образца
3	продуктивный	– продуцирование своего письменного высказывания на основе текстовой опоры

наличие в электронном формате более удобно для автономной работы учащегося и выполнения упражнений к тексту онлайн.

Упражнения на проверку понимания содержания текста, определение его структуры и логики построения также относятся к первому этапу методики обучения письму путем «Сверху». Для этой цели могут использоваться упражнения на определение верных и неверных высказываний по содержанию текста (True/ False Statements), формулирование ответов на вопросы, расположение частей текста в верном порядке. Такое упражнение, как заполнение пропусков фразами из текста, способствует усвоению лексико-грамматического материала текста-образца. Каждое новое упражнение располагается на отдельной интернет-странице, куда учащийся переходит по ссылке после выполнения предыдущего упражнения. Все выполненные упражнения проверяются автоматически, что позволяет учителю сэкономить время на проверку и больше времени уделить работе с учащимися над ошибками.

По последней ссылке учащийся переходит к упражнению продуктивного этапа обучения, где пишет письмо-ответ к письму-стимулу, используя текст, прочитанный им на первом этапе, тем самым продуцируя собственное высказывание на основе текста-образца.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в работе была использована технология обучения письменной речи путем «Сверху», в которой были три этапа — рецептивный, репродуктивный и продуктивный. Для повышения эффективности обучения иноязычной письменной речи были продемонстрированы возможности и перечислены преимущества использования цифровых технологий на примере платформы Learning Apps. В результате было доказано, что программа Learning Apps позволяет реализовать все три этапа при обучении письменной речи путем «Сверху». Также в соответствии с задачами каждого этапа были разработаны упражнения и загружены в Learning Apps. Итак, действительно, использование цифровых технологий для обучения письму учащихся старших классов имеет большие преимущества перед традиционным обучением.

Список источников

1. Бредихина И. А. Методика преподавания иностранных языков. Обучение основным видам речевой деятельности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 104 с.
2. Скалкин В. Л. Обучение диалогической речи: пособие для учителей. К.: Кнорус, 1989. 158 с.
3. Полякова Е. Н. Методика формирования самостоятельной письменной речи у детей. М.: ИРИС Дидактика, 2004. 230 с.
4. Худяков Н. Л. Технологии и методы преподавания иностранных языков: учебное пособие для студентов направления подготовки «Филологическое образование». Уфа: БГПУ, 2009. 196 с.
5. Байдинова Н. Л. Классификация технических средств обучения: лингводидактический аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (145). С. 86–91.

References

1. Bredihina I. A. Metodika predpodavanja inostrannyh jazykov. Obuchenie osnovnym vidam rechevoj dejatel'nosti. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. 104 s.
2. Skalkin V. L. Obuchenie dialogicheskoy rechi: Posobie dlja uchitelej. K.: Knorus, 1989. 158 s.
3. Poljakova E. N. Metodika formirovaniya samostojatel'noj pis'mennoj rechi u detej. M.: IRIS Didaktika, 2004. 230 s.
4. Hudjakov N. L. Tehnologii i metody predpodavanja inostrannyh jazykov: Uchebnoe posobie dlja studentov napravlenija podgotovki «Filologicheskoe obrazovanie». Ufa: BGPU, 2009. 196 s.
5. Bajdikova N. L. Klassifikacija tehnicheskikh sredstv obuchenija: lingvodidakticheskij aspekt // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 2 (145). S. 86–91.

Информация об участнике

Бычкова Мария Алексеевна — магистрант, Институт ЛПО, 2 курс, группа Л-22М, профиль «Инновационная лингводидактика», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, 1).

Information about participant

Maria Alexeyevna Bychkova — master's student, LPO Institute, 2nd year, group L-22M, profile Innovative Linguodidactics, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 25.03.2022.

The article was submitted 25.03.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 198—201.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 198—201.

УДК 372.881.111.1
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-198-201

Использование LMS Moodle для развития умений аудирования иноязычного текста

Артём Владимирович Глушенко

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

bleakgrey@gmail.com

Аннотация. Современная среда образования в Российской Федерации диктует новые условия, в которых приходится работать преподавателям и учиться студентам. За 2019—2021 гг. COVID-19 поощрял многие вузы переводить свои программы обучения в асинхронную онлайн-среду, что отражается на количестве аудиторных часов. Эффективная организация качественного урока по аудированию в цифровой среде — важная проблема в современном преподавании иностранных языков. Ее можно решить при помощи систем LMS (систем управления обучением), а именно Moodle — бесплатного, автономного и расширяемого продукта. В данной статье рассматривается потенциал использования Moodle для обучения аудированию иноязычного текста.

Ключевые слова: аудирование, LMS, Moodle, иноязычная коммуникативная компетенция.

Для цитирования: Глушенко А. В. Использование LMS Moodle для развития умений аудирования иноязычного текста // Экономические и социально-гуманитарные исследования. [Круглый стол Института ЛПО: Актуальные вопросы современной лингвистики]. 2022. № 2 (34). С. 198—201. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-198-201>

Using LMS Moodle to develop foreign language listening skills

Artem Vladimirovich Glushenko

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

bleakgrey@gmail.com

Abstract: The modern education environment in the Russian Federation has seen new conditions in which teachers and students need to work and study. During the COVID-19 pandemic of 2019—2021, many higher education institutions moved their curricula to an asynchronous online environment, which lowered the number of classroom hours. The issue of the effective organization of quality listening lessons in a digital environment is an important challenge in modern foreign language teaching. The research shows that the issue can be solved using LMS (Learning Management Systems), namely Moodle — a free, self-hosted, and extensible platform. This article explores the potential of using Moodle to teach listening at EFL classes.

Keywords: listening, LMS, Moodle, foreign language communicative competence.

For citation: Glushenko A. V. Using LMS Moodle to develop foreign language listening skills. *Economic and Social Research* [Round table of the LPO Institute: Actual questions of modern linguistics], 2022, no. 2 (34), pp. 198–201. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-198-201>

Современная образовательная среда в России стремительно изменяется из-за процессов глобализации, цифровизации, стремительного технического и экономического прогресса, а в образовательных программах отражаются тенденции личностно-деятельностной ориентации педагогики.

За последние годы (в особенности во время пандемии COVID-19 в 2019–2021 гг.) для многих преподавателей стала очевидна проблема в этой сфере: учебные программы всё чаще делают акцент на самостоятельную работу студентов, что сокращает аудиторские часы при большом объеме необходимой для усвоения информации [1, с. 141–142].

Это многократно увеличивает когнитивную нагрузку не только на преподавателей, но и на студентов, которые ввиду изоляции и нерационального распределения времени хуже приобретают новые речевые навыки – компетенцию УК-4 стандарта ФГОС ВО 3++ для бакалавров по неязыковым направлениям, которая позволяет эффективно осуществлять коммуникативный процесс, в том числе и устное общение [2, с. 5].

Современная методика преподавания ИЯ утверждает, что устное общение имеет две стороны – экспрессивную и рецептивную [3, с. 9]. В этом свете рассматривается важность аудирования – рецептивной, сложной мыслительно-мнемической деятельности, связанной с восприятием, пониманием и активной переработкой информации, содержащейся в устном речевом сообщении [4, с. 161]. Аудирование с полным пониманием содержания и смысла прослушанного текста, по утверждению П. К. Бабинской, – наиболее полезный и самый сложный вид аудирования, который ставит задачу как можно точнее уловить смысл текста и подразумевает

адаптированные под уровень учащихся (или немного выше этого показателя) тексты [5, с. 93]. Кроме аудирования с полным пониманием выделяются такие виды, как аудирование с пониманием частичной и основной информации.

Для обучения любому виду аудирования широко применяются как звукотехнические ТСО (мобильный телефон, диктофон, различные проигрыватели), так и средства программированного обучения (ПК, ноутбуки, микрокомпьютеры) [6, с. 238]. Сегодня одним из эффективных инструментов организации обучения является LMS (Learning Management System) – система управления обучением [7, с. 57–58].

Согласно компании iSpring, одного из поставщиков облачных решений LMS, их продукцией воспользовались по меньшей мере 59 000 клиентов: среди них есть как учебные организации, так и крупные компании, которые ищут решения для эффективного онбординга (вводного обучения и инструктажей) своих работников. Исходя из определения и описания существующих на рынке LMS можно сделать вывод, что они предлагают решение следующих задач [8]:

- создание единого источника курсов и учебных материалов;
- отслеживание эффективности процесса обучения;
- управление и назначение заданий учащимся;
- выставление оценок, обработка статистики, аналитика.

Наиболее популярным выбором преподавателей стала платформа Google Classroom. Тем не менее она отличается низкой степенью гибкости: в ней существует лишь несколько типов заданий, и к тому же

созданный в ней контент зависит от смежных сервисов Google (Drive, Docs, GMail). Платформа Moodle представляет собой бесплатную альтернативу, которая отличается наличием возможности локальной установки без зависимости от сторонних сервисов, а также возможностью настроить среду для обучения «под ключ» [9].

Анализ научной литературы показывает, что многие вузы давно используют средства LMS для эффективного контроля обучения, но использование Moodle для целенаправленного обучения аудированию является перспективным направлением для обучения студентов в реалиях повсеместной самостоятельной работы и быстро устаревающих материалов как в онлайн-, так и в офлайн-пространстве.

Moodle позволяет построить курс обучения из «курсов» – блоков активностей, которые развивают те или иные компетенции у учащихся. Курсы, в свою очередь, состоят из «ресурсов» – любой деятельности студентов, посредством взаимодействия с которыми они получают необходимые навыки. Для преподавателя доступно множество типов ресурсов: вики, база данных, анкета, журнал. Каждый тип по-своему полезен и представляет отдельную перспективную тему для исследований, но наиболее необходимую основу для развития навыков аудирования составляют «задания» – цифровая форма традиционных упражнений в методике преподавания ИЯ [10].

Задания могут содержать не только текст, но и медиаконтент (аудио, видео, прочие файлы). Moodle предоставляет множество способов организации упражнений, в том числе для достижения следующих целей [11, с. 5–6]:

- прогнозировать содержание материала из заголовка перед непосредственным прослушиванием текста;
- просматривать аутентичные видеоматериалы (TED-Ed, CNN, BBC);
- перечислять основные верные утверждения о тексте;

- отвечать на вопросы по содержанию текста;
- составлять план прослушанного текста.

Технические возможности Moodle позволяют создать множество языковых и речевых упражнений, а именно: множественный выбор, задания на соответствия, утверждения верно/неверно, а также «clozed», который может содержать в тексте комбинацию выпадающего списка, поля для ввода короткого ответа и (или) числового ответа.

При этом важно подбирать такие контрольные задания, которые будут адекватны объектам контроля аудирования – пониманию значения и пониманию смысла аудируемого текста [12, с. 83].

Таким образом, можно сделать вывод, что Moodle обладает прекрасным дидактическим потенциалом для обучения аудированию иноязычных текстов. Данный продукт бесплатен, автономен, а также предусматривает расширения функционала через «плагины», что оставляет огромный потенциал для будущих исследований на основе Moodle и технологий распознавания речи, антиплагиата и автоматической проверки заданий в свободной форме.

Список источников

1. *Ларионова В. А., Семенова Т. В., Мурзаханова Е. М., Дайнеко Л. В.* Экономические аспекты вынужденного перехода на дистанционное обучение, или какую цену заплатили вузы за дистант // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 141–142.
2. ФГОС ВО++ [Электронный ресурс]. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/090301_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 08.04.2022).
3. *Бредихина И. А.* Методика преподавания иностранных языков: Обучение основным видам речевой деятельности: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. 104 с.
4. *Гальскова Н. Д., Гез Н. И.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2005. 336 с.

5. **Бабинская П. К.** Практический курс методики преподавания иностранных языков: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2013. 285 с.
6. **Щукин А. Н.** Обучение иностранным языкам. М.: Филоматис, 2004. 224 с.
7. **Горожанов А. И.** LMS Moodle как инструмент разработки курсов иностранных языков – узлов обучающей виртуальной среды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 17 (756). С. 55–64.
8. iSpring Home Page [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ispringsolutions.com/> (дата обращения: 08.04.2022).
9. Moodle Features [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.moodle.org/311/en/Features> (дата обращения: 08.04.2022).
10. Moodle Quiz Activity [Электронный ресурс]. URL: https://docs.moodle.org/311/en/Quiz_activity (дата обращения: 08.04.2022).
11. **Абрамова И. Е., Шишмолина Е. П.** Обучение аудированию студентов неязыковых специальностей // Преподаватель 21 век. 2019. № 3. С. 72–81.
12. **Байдикова Н. Л.** Мультидисциплинарный подход к определению объектов контроля аудирования иноязычного текста // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 76–86.
5. Babinskaja P. K. Prakticheskij kurs metodiki prepodavaniya inostrannyh jazykov: Ucheb. Posobie. Minsk: TetraSistems, 2013. 285 s.
6. Shhukin A. N. Obuchenie inostrannym jazykam. M.: Filomatis, 2004. 224 s.
7. Gorozhanov A. I. LMS Moodle kak instrument razrabotki kursov inostrannyh jazykov – uzlov obuchajushhej virtual'noj sredy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2016. №17 (756). S. 55–64.
8. iSpring Home Page [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.ispringsolutions.com/> (data obrashhenija: 08.04.2022).
9. Moodle Features [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://docs.moodle.org/311/en/Features> (data obrashhenija: 08.04.2022).
10. Moodle Quiz Activity [Jelektronnyj resurs]. URL: https://docs.moodle.org/311/en/Quiz_activity (data obrashhenija: 08.04.2022).
11. Abramova I. E., Shishmolina E. P. Obuchenie audirovaniju studentov nejazykovyh special'nostej // Prepodavatel' 21 vek. 2019. №3. S. 72–81.
12. Bajdikova N. L. Mul'tidisciplinarnyj podhod k opredeleniju obyektov kontrolja audirovanija inozazychnogo teskta // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 2 (136). S. 76–86.

References

1. Larionova V. A., Semenova T. V., Murzahanova E. M., Dajneko L. V. Jekonomicheskie aspekty vyzhdenennogo perehoda na distancionnoe obuchenie, ili kakuju cenu zaplatili vuzy za distant // Voprosy obrazovanija. 2021. №1. S. 141 – 142.
2. FGOS VO++ [Jelektronnyj resurs]. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/090301_B_3_15062021.pdf (data obrashhenija: 08.04.2022).
3. Bredihina I. A. Metodika prepodavaniya inostrannyh jazykov: Obuchenie osnovnym vidam rechevoj dejatel'nosti: uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2018. 104 s.
4. Gal'skova N. D., Gez N. I. Teorija obuchenija inostrannym jazykam: Lingvodidaktika i metodika. M.: Akademija, 2005. 336 s.

Информация об участнике

Глуценко Артем Владимирович — магистрант, Институт ЛПО, 2 курс, группа Л-22 М, профиль «Инновационная лингводидактика», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, 1).

Information about participant

Artem Vladimirovich Glushenko — master's student, LPO Institute, 2nd year, group L-22M, profile Innovative Linguodidactics, National Research University of Electronic Technology (Russia, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 04.05.2022.

The article was submitted 04.05.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 202—205.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 202—205.

УДК 347.78.034
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-202-205

Особенности перевода «ложных друзей переводчика» с английского языка на русский в текстах по телекоммуникационным технологиям

Дарья Павловна Громова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

ciellaskliff@gmail.com

Аннотация. В статье дается определение понятия «ложные друзья переводчика» (ЛДП). На примере текстов телекоммуникационной тематики автор анализирует применимость способов перевода к данному лингвистическому явлению. В статье делается вывод, что не существует зависимости типа ЛДП от способа перевода. Основным способом перевода ЛДП является добавление.

Ключевые слова: перевод, «ложные друзья», термины, способы перевода, добавление.

Для цитирования: Громова Д. П. Особенности перевода «ложных друзей переводчика» с английского языка на русский в текстах по телекоммуникационным технологиям // Экономические и социально-гуманитарные исследования. [Круглый стол Института ЛПО: Актуальные вопросы современной лингвистики]. 2022. № 2 (34). С. 202—205. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-202-205>

Specific features of the translation of “false friends of translator” from English into Russian in telecommunication texts

Daria Pavlovna Gromova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

ciellaskliff@gmail.com

Abstract: The article gives the definition of “false friends of translator”. The author analyses the application of ways of translation to this linguistic phenomenon on the example of telecommunication texts. The article concludes that there is no dependence of a type of “false friends of translator” on a way of its translation. The main way of their translation is addition.

Keywords: translation, “false friends”, terms, ways of translation, addition.

For citation: Gromova D. P. Specific features of the translation of “false friends of translator” from English into Russian in telecommunication texts. *Economic and Social Research* [Round table of the LPO Institute: Actual questions of modern linguistics], 2022, no. 2 (34), pp. 202—205. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-202-205>

Перевод – достаточно сложный и трудоемкий процесс, который обеспечивает коммуникацию между специалистами, говорящими на разных языках. Одна из трудностей этой коммуникации заключается в наличии в обоих языках слов со сходной формой звучания и написания, так называемых ложных друзей переводчика, неадекватный перевод которых может привести к искажению коммуникации.

Изучением понятия ложных друзей переводчика (далее ЛДП) в разное время занимались такие ученые, как, например, М. Кеслер, Ж. Дерокинье, Ч. А. Фергюсон, Р. А. Будагов, К. Г. Готлиб, К. Ривьер, О. А. Агаркова, И. Н. Кузнецова, В. В. Алимов. Актуальность исследования обусловлена наличием сложностей перевода текстов по телекоммуникационным технологиям (далее ТКТ), сложностей перевода искажений, появляющихся при переводе, и в частности, сложностями передачи ЛДП в ТКТ.

Рассмотрим различные трактовки ЛДП лингвистами. По мнению М. Кеслера и Ж. Дерокинье, ЛДП – слова из двух языков, похожие внешне, но при этом не совпадающие по деннотации и коннотации (цит. по: [1, с. 124–125]). Например, *hut* – хижина (англ.) и шляпа, защита (нем.). Как понятно из примеров, говорящие на немецком языке при переводе могут под влиянием сходной формы принять одно значение слова за другое. По мнению Ч. А. Фергюсона (1994), слова, которые просто совпали по написанию, не являются ЛДП, которые в свою очередь имеют общую семантику и происхождение (цит. по: [1, с. 124–125]). Р. А. Будагов считает, что ЛДП – всего лишь слова с одинаковым звучанием, но разным значением [2, с. 125]. По мнению К. Г. Готлиба, ЛДП – это пара слов из разных языков [3, с. 10]. Их сходная форма является причиной искажения смысла предложения при переводе. Например, в предложении *Describe substation major equipment and how reliable telecommunications affect their operation* [4, с. 11] слово *major* означает «главный, основной»,

а не «майор». Исходя из представленных определений, можно заключить, что суть понятия ЛДП как раз в том, что сходная форма является причиной искажения смысла при переводе.

В рамках самого понятия ЛДП существует несколько подтипов. Традиционная классификация ЛДП была предложена М. Кеслером и Ж. Дерокинье и состоит из двух пунктов: полные и частичные ЛДП (цит. по: [1, с. 124–125]). В первую категорию входят слова, имеющие одинаковое написание, но разное значение. Например, *personnel* (сходно с русским словом *персональный, личный*, на самом деле значение этого слова – персонал). Ко второй категории относят слова с одинаковым написанием и иногда с общей семантикой. Например, слово *substation(s)* может означать *субстанцию (вещество)*, и в контексте (*...environments such as electric power substations... and other potentially dangerous locations*) становится ясно, что *sub* – это приставка к слову *station*. Поэтому в данном случае *substation* имеет значение не «вещество», а «подстанция». Р. А. Будагов расширил классификацию М. Кеслера и Ж. Дерокинье до четырех типов [2, с. 130]. Первый тип включает слова с сходным написанием и чтением, но с разным значением (*accurate* означает не «аккуратный», а «точный», и в семантической структуре слова *accurate* нет значения «аккуратный»). Второй тип объединяет слова со сходным написанием и произношением, но одно из значений в языке перевода совпадает со значением иностранного эквивалента, а другое значение отличается, например, слово *regular* имеет несколько значений: 1. «регулярный», 2. «средний, обычный». *For example, this occurs with coded modulations or when the communication channel is time shared by several users on a regular basis* [3, с. 2] (*Например, это происходит при кодированных модуляциях или когда канал связи регулярно используется несколькими пользователями*). *...and random data (significant deviations from the "regular" shape illustrated in the figure are possible for*

particular data patterns) [6, с. 121] (...и случайные данные (для конкретных шаблонов данных возможны значительные отклонения от «обычной» формы, показанной на рисунке)). Третий тип включает иностранные слова, значениям которых соответствуют несколько значений языка перевода (слово *biscuit* может переводиться на русский язык и как *бисквит*, *печенье*, и как *светло-коричневый*, и как *фарфор*, в том числе и *неглазурованный фарфор*). К четвертому типу относят различия в значениях и соответствии в разных языках единиц измерения (русский центнер равен 100 кг, немецкий – 50 кг). Разница значительная, поэтому данный тип очень важен, хотя в литературе встречается достаточно редко. В действительности, типов ЛДП в этой классификации три, так как четвертый тип практически нигде не встречается, за редким исключением.

В любом научном тексте, в частности по тематике телекоммуникационных технологий, помимо терминов наблюдается повсеместное использование общенаучной и специализированной научной лексики, в том числе присутствует и полисемантизм, когда одно значение слова повседневное, а второе – научное [7, с. 8], например, *architecture* – архитектура (зданий) / строение (микросхемы), *bound* – связь, отношения / уравнение. Термин может быть как одним словом, так и словосочетанием [8, с. 23].

В текстах научной направленности (за очень редким исключением) отсутствуют средства художественной выразительности, например, метафоры, аллегории, потому что научным текстам не нужна возможность множественного толкования содержания [7, с. 5], хотя сравнения изредка встречаются, что более характерно именно для англоязычных текстов. *The use in MP3 of a lossy compression algorithm is designed to greatly reduce the amount of data required to represent the audio recording and still sound like a faithful reproduction of the original uncompressed audio for most listeners...* [5, с. 323]. В данном случае сравнение используется для того, чтобы сделать

пример более наглядным и понятным для читателей. Аудиофайл, сжатый алгоритмом *lossy*, сравнивается с оригинальным, хотя его размер меньше и разница качества файла для большинства людей незаметна.

При анализе ряда отрывков из англоязычных учебников по ТКТ было выявлено более всего общенаучных терминов (считая повторы, так как все учебники относятся к сфере ТКТ и в них затрагиваются одинаковые аспекты данной научной сферы), менее всего специализированных терминов. Малое количество специальных терминов объясняется тем же, что и множественное количество общенаучных терминов: ТКТ – это одна из сфер технических наук, поэтому большинство терминов пришло именно отсюда.

Первоначально предполагалось выяснить, зависит ли способ перевода ЛДП от его типа. За основную была взята классификация ЛДП, предложенная Р. А. Будаговым, так как она самая полная. Разберем пример: *In applications where simplicity and robustness of implementation are more important than achieving optimum performance, differentially coherent and noncoherent demodulation are attractive alternatives to coherent detection* [6, с. 1]. В данном предложении присутствуют 4 ЛДП: *applications* (1 тип, имеет значения *аппликации, приложения, применения, области применения*), *more* (1 тип, имеет значение *больше*, но при прочтении по буквам может ошибочно быть принято за «море»), *differentially* (2 тип, схоже с дифференциал, переводится *по-разному*), *performance* (3 тип, имеет значения *представление, производительность*). В первом случае можно воспользоваться добавлением (в областях применения), во втором посмотреть в словаре, так как это слово со стандартным значением, в третьем случае используется добавление (по-разному / различным образом), в четвертом случае нужно выявить значение в специализированном техническом словаре. В предложении *Continuous phase modulation (CPM) encompasses a class of signaling schemes that conserve and*

reduce signal energy and bandwidth at the same time [6, с. 5] есть 3 ЛДП: *encompasses* (сходно с русским словом *компас*, в данном предложении имеет значение *охватывать*, относится к 1 типу), *class* (*класс, урок*; в данном контексте имеет значение *категория, класс*; относится к типам 2 и 3) и *conserve* (*консервировать*, в данном случае *сохранять, экономить*, относится к 3 типу). Во всех представленных типах ЛДП можно перевести с помощью специализированного словаря.

Данное исследование ЛДП на материале текстов из англоязычных учебников по телекоммуникационным технологиям не выявило зависимости типа ЛДП от способа перевода. Основным способом перевода ЛДП в текстах ТКТ оказалось добавление.

Список источников

1. Жукова И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2013. 263 с.
2. Будагов Р. А. Человек и его язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 429 с.
3. Готлиб К. Г. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М.: Советская энциклопедия, 1972. 448 с.
4. Blume S. W. High voltage protection for telecommunications. N.Y.: Wiley, 2011. 260 p.
5. E-Saba M. Fundamentals of communication systems and networks. Cairo: Hakim Press, 2018. 638 p.
6. Mengali U., Aldo N. Synchronization techniques for digital receivers. Springer, 1997. 520 p.
7. Титова Ю. В., Капустина Т. В. Основы технического перевода: учебное пособие по дисциплине «английский язык» для студентов энергетических специальностей технических вузов. Ульяновск: УлГТУ, 2016. 170 с.
8. Яшина Н. К. Учебное пособие по переводу научно-технической литературы с английского языка на русский. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. 112 с.

References

1. Zhukova I. N. Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii. M.: Flinta: Nauka, 2013. 263 s.
2. Budagov R. A. Chelovek i ego jazyk. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. 429 s.
3. Gotlib K. G. Nemecko-russkij i russko-nemeckij slovar' «lozhnyh druzej perevodchika». M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1972. 448 s.
4. Blume S. W. High voltage protection for telecommunications. N.Y.: Wiley, 2011. 260 p.
5. E-Saba M. Fundamentals of Communication Systems and Networks. Cairo: Hakim Press, 2018. 638 p.
6. Mengali U., Aldo N. Synchronization Techniques for Digital Receivers. Springer, 1997. 520 p.
7. Titova Ju. V., Kapustina T. V. Osnovy tehničeskogo perevoda: uchebnoe posobie po discipline «anglijskij jazyk» dlja studentov jenergetičeskikh special'nostej tehničeskikh vuzov. Ul'janovsk: UIGTU, 2016. 170 s.
8. Jashina N. K. Uchebnoe posobie po perevodu nauchno-tehničeskoj literatury s anglijskogo jazyka na russkij. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2015. 112 s.

Информация об участнике

Громова Дарья Павловна — магистрант, Институт ЛПО, 2 курс, группа Л-21М, профиль «Переводоведение и перевод в сфере высокотехнологичных отраслей экономики», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, 1).

Information about participant

Daria Pavlovna Gromova — master's student, LPO Institute, 2nd year, group L-21M, profile Translation and translation in the field of high-tech industries, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 04.05.2022.

The article was submitted 04.05.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 206—213.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 206—213.

УДК 372.881.111.1
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-206-213

Рациональность использования ИКТ при обучении иностранным языкам

Наира Владимировна Даниелян

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

vend22@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются инновационные подходы с применением ИКТ к преподаванию иностранного языка в вузе на примере реализации метода Teach-Test-Teach (ТТТ). В результате проведенного эксперимента на основании данного метода было выявлено, что использование ИКТ в процессе обучения значительно повышает заинтересованность студентов и помогает увеличить их мотивированность в изучении английского языка. Автор делает вывод, что ИКТ упрощают коммуникацию между преподавателем и обучающимся при внедрении разнообразных инструментов и подходов в образовательный процесс.

Ключевые слова: интерактивное обучение, информационно-коммуникационные технологии, ИКТ, коммуникативный метод Teach-Test-Teach, ТТТ, системный подход.

Для цитирования: Даниелян Н. В. Рациональность использования ИКТ при обучении иностранным языкам // Экономические и социально-гуманитарные исследования. [Круглый стол Института ЛПО: Актуальные вопросы современной лингвистики]. 2022. № 2 (34). С. 206—213. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-206-213>

Rationality of using information and telecommunication technologies in teaching foreign languages

Naira Vladimirovna Danielyan

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

vend22@yandex.ru

Abstract: The article considers the innovation approaches, information and computer technologies being used in the process of teaching foreign languages at higher school. The example under consideration is Teach-Test-Teach (TTT) method. The experiment carried out by the author demonstrates that using information and computer technologies significantly increases students' motivation to learn English. The author concludes that these technologies simplify the teacher-student communication allowing to introduce various software tools and approaches to the educational process.

Keywords: interactive training, information and computer technologies, communicative method Teach-Test-Teach, TTT, system approach.

For citation: Danielyan N. V. Rationality of using information and telecommunication technologies in teaching foreign languages. *Economic and Social Research* [Round table of the LPO Institute: Actual questions of modern linguistics], 2022, no. 2 (34), pp. 206—213. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-206-213>

В современном мире преподавание иностранного языка всё более смещается в сферу применения информационных технологий, т. е. аудиторное «живое» взаимодействие преподавателя и студента замещается различными интерактивными формами. Как отмечает С. В. Титова, «с появлением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые предоставляют огромные объемы знаний и информации в любое время и в любом месте, возникла потребность в специальных компетенциях в сфере образования и обучения. Сегодня тот факт, что ИКТ уже не просто можно, а необходимо внедрять в педагогический процесс, никто не подвергает сомнению» [1, с. 118]. Применение ИКТ-технологий будет рассмотрено в данной статье в рамках понятия «интерактивное обучение».

Согласно Е. В. Коротаевой, интерактивное обучение — это «специальная форма организации преподавателем познавательной деятельности. Она подразумевает вполне конкретные и прогнозируемые цели. Одна из таких целей состоит в создании комфортных условий обучения, при которых учащийся чувствует свою успешность, интеллектуальную состоятельность, что делает продуктивным сам процесс обучения» [2, с. 108]. Можно полагать, что поскольку интерактивное обучение предполагает в своей основе использование разнообразных ИКТ, то основной акцент здесь делается на комфортность обучения как пространственную, так и временную. В своей статье «Проблемы информационной культуры в лингвистическом образовании» мы определяем интерактивность как подход к обучению, при котором «обучающиеся выполняют множество заданий для выработки у них навыков критического мышления, которое невозможно без

использования системного подхода к процессу образования» [3, с. 191].

В качестве примера рассмотрим применимость интерактивности к преподаванию иностранного (английского) языка коммуникативным методом Teach-Test-Teach (ТТТ) с целью оптимизации учебного процесса. ТТТ — один из методов, при котором обучающиеся выполняют задание без какой-либо поддержки со стороны преподавателя [4]. Он необходим для выявления существующих проблем у обучающихся группы по изучаемой теме. Затем, основываясь на результатах анализа, преподаватель пишет план урока или уроков для их преодоления. Повторное тестирование позволяет выявить, решены ли возникшие проблемы или необходимы дополнительные действия. Рассмотрим применимость данного метода в коммуникативной методике на конкретных примерах.

Способы оптимизации обучения фонетическим навыкам

ТТТ был рассмотрен и опробован автором данной статьи на основании статьи А. С. Senouг «Исследование эффективности метода ТТТ при обучении произношению». Проведя эксперимент более чем с 694 учениками из стран Европы, Южной Америки и Африки, приехавшими на проживание в Чикаго и изучающими английский язык как иностранный, он приходит к важному выводу, что «предварительное тестирование и изучение списка слов в течение недели не дали 100 %-го овладения фонетикой. Хотя некоторые ученики во многих классах произносили слова отлично после недельного изучения, средний уровень среди всех учеников был далек от идеального. Хотя в большинстве случаев произношение стало приемлемым. Возможно, результаты

в обучении произношению были бы лучше, если бы выбор списков слов для учеников разного уровня знания языка был бы сделан с учетом их способностей» [5, с. 706].

Е. С. Блик отмечает такие положительные стороны применения метода ТТТ на уроках иностранного языка, как активность учеников, увеличение их мотивированности, а также экономичную трату времени при объяснении новых тем, поскольку после предварительного тестирования можно объяснить действительно только неизвестные данной группе аспекты [6].

Приняв во внимание все выделенные специалистами в применении данного метода на практике моменты, студентам первого курса технического направления подготовки был предложен тест на проверку их фонетических навыков на первом занятии в электронном формате, результаты проверки которого будут храниться у них неограниченное время. Так как будущая специальность тестируемых студентов связана с обучением в сфере электроники и наноэлектроники, то им был предложен тест на правильное написание слов по их произношению.

Для проведения предварительного тестирования по теме наноэлектроника решено было использовать современный подход. Для этого преподавателем был заранее создан словарь в программе Quizlet – учащийся прослушивает произношение слова не более 3 раз и печатает в открывшееся окно услышанное значение. Из 20 студентов группы полностью с заданием справилось только 3 человека.

Проанализировав допущенные ошибки, было дано задание каждому студенту не только выучить уже занесенные в словарь в данной программе слова, но и добавить не менее 3 своих новых слов по теме наноэлектроника к следующему занятию.

На каждом занятии студенты прослушивали слова, занесенные друг другом, с помощью преподавателя выбирали 20 новых слов для выучивания их произношения к следующему

занятию, тем самым пополняя свой активный фонематический и понятийный словарь. В конце каждого урока в программе Quizlet студентам давался аналогичный тест на все выученные к данному моменту слова по их произношению.

На каждом уроке в течение прошедших 8 недель обучения с начала семестра студентами группы была освоена лексика в объеме примерно 150 новых слов. Как и в исследовании Senour, ни о каком 100 %-м усвоении произношения предлагаемой лексики всеми студентами группы речи не идет, однако уровень значительно возрос. Студентов привлекала интерактивность подобного тестирования, а также активное участие в процессе обучения и поиска материала. Таким образом, выявленная на данном этапе практическая значимость метода ТТТ заключается в переходе от пассивного (как было ранее при тестировании «gap-fill» на бумаге) к активному учащемуся.

Обучающимся в ходе работы над фонетикой в лингафонном кабинете дается задание записать, прослушать и оценить как свое произношение пройденного словаря, так и других студентов группы (по выбору преподавателя), используя программу <https://voicethread.com/>.

Это значительно повышает заинтересованность студентов и помогает увеличить их мотивированность к изучению английского языка. Также более слабые студенты достаточно быстро повышают уровень фонематических навыков благодаря постоянному повторению слов, запоминанию новых и ориентированию в звучании английских слов.

Эффективность использования ИКТ при изучении грамматики

При обучении грамматическим навыкам метод Test-Teach-Test (ТТТ) представляется наиболее эффективным. Для его реализации необходимо первоначально выяснить уровень обучающихся, в нашем случае студентов. Как отмечает Р. Paudel в статье «Использование метода ТТТ при обучении на заня-

тиях по английскому языку», необходимо планировать занятие на 1 уровень выше текущего состояния студентов. Он упоминает 2 преимущества метода:

— начиная с теста, учитель может выслушать студентов и узнать, что им необходимо преподавать в плане грамматики;

— студенты видят пробелы в своих знаниях и становятся более восприимчивыми к новым знаниям на занятии по языку [7, с. 20–21].

По мнению М. Е. Ивановой, метод ТТТ предпочтителен при проведении вводного занятия с новой группой, так как вместо «устной дискуссии. Кто из учащихся что-то знает об изучаемом явлении» [8, с. 67], каждому учащемуся предъявляется тест. Так как сегодня учащиеся не просто хотят узнать свой результат и его пояснение, т. е. информативную составляющую, но и принять участие в увлекательном занятии, поэтому лучше перевести вектор с представления преподавателем правильных ответов на обсуждение в группе со стороны студентов с их собственными пояснениями каждого вопроса и дискуссией по поводу того или иного мнения. Поэтому можно организовать проверку ответов в парах, что значительным образом позволит студентам чувствовать себя свободнее и легче вступить в обсуждение результатов на английском языке по окончании проверки. Преподаватель руководит дискуссией студентов и помогает им найти правильные ответы в случае затруднения.

F. Boundjema в работе «Метод ТТТ в преподавании ESL» отмечает, что данный метод позволяет преподавателю выявить специфические особенности и трудности каждого обучающегося и соответствующим образом обратиться к ним [9]. Даже самые пассивные учащиеся вовлекаются в процесс и могут адекватно оценить уровень своих знаний, чтобы понять, над каким грамматическим аспектом им необходимо поработать. Чтобы заинтересовать учащихся и предупредить списывание ответов при выполнении теста,

необходимо заинтересовать студентов перед выполнением теста и мотивировать их на важность получения и анализа собственного результата с целью совершенствования языковых навыков.

Далее преподавателем составляется план урока, содержащий пояснения темы на основании ошибок учащихся. Необходимо преподнести материал доступно и понятно, уделив основное внимание наиболее распространенным ошибкам и убедив студентов, что нет ничего страшного в их непонимании некоторых сложных явлений изучаемой темы. При дополнительной проработке эти ошибки обязательно будут исправлены каждым студентом в своих знаниях индивидуально. Далее преподавателем предлагается новый тест, результаты которого также анализируются студентами в парах с выделением исправленных ошибок в изучаемой теме. Студенты объясняют преподавателю оставшиеся неясные моменты и еще раз прорабатывают их в домашнем задании.

Так, автором статьи был составлен материал на грамматическое задание по теме «Функции инфинитива в предложении», что всегда представляет значительную трудность для студентов технических направлений подготовки. Студентам 1 курса технического направления подготовки (группе из 25 человек с уровнем владения языком примерно В1) было предложено задание:

1. Предварительно ознакомиться дома с теорией по данной теме (представлена на странице преподавателя в электронной среде вуза).

2. На занятии просмотреть видео “5 Ways to Use Infinitives”.

3. В качестве теста выполнить задание на функции инфинитива в предложении. Далее студенты в парах обсудили полученные результаты на английском языке, проверяя ошибки друг друга, при контроле преподавателя.

4. Преподаватель подготовил презентацию, которая содержала анализ основных ошибок студентов.

5. Для закрепления изученного материала студентам было дано домашнее задание выполнить упражнения самостоятельно и прикрепить результаты на странице курса к следующему занятию.

В итоге применения метода ТТТ к изучению грамматики студенты понимают и начинают применять инфинитив в различных функциях в письменной и устной речи, при этом процесс обучения оптимизируется и обогащается посредством использования ряда интерактивных технологий, что значительно повышает качество занятий и увеличивает вовлеченность и заинтересованность студентов в образовательном процессе.

Интеграция ИКТ в лексические занятия по английскому языку

Урок, основанный на методике ТТТ при обучении лексике, можно разделить на 5 этапов:

- 1) обсуждение темы урока;
- 2) «test» – первоначальное тестирование на знание лексики;
- 3) «teach» – анализ преподавателем полученных результатов, выявление проблемных мест в знаниях учащихся данной группы (например, преподаватель выписывает и объясняет студентам, используя наглядный материал и упражнения, значение незнакомых слов, предлагает проделать разнообразные упражнения на их контекстуальное употребление на письме и в речи);
- 4) «test» – повторное тестирование после отработки новой для студентов лексики;
- 5) свободная практика (дебаты, ролевые игры и т. д.).

Как отмечает Е. С. Блик, в данной методике очень важно соблюсти порядок этапов, а не их содержание [6, с. 10]. Для успешной реализации ТТТ, можно, например, начинать с упражнений, а затем, если необходимо, вернуться к разделу объяснения нужных языковых единиц.

Были выявлены следующие преимущества применения метода ТТТ на уроке иностранного языка:

- 1) создание атмосферы сотрудничества между преподавателем и обучающимися;
- 2) экономия учебного времени, так как преподаватель не объясняет обучающимся уже знакомый им материал;
- 3) перенос ответственности за обучение на самих студентов, поскольку они максимально задействованы в ориентации и процессе построения каждого занятия;
- 4) постоянная активность всех студентов группы как в ходе тестирования, так и обучения на стадии «teach»;
- 5) коммуникативная практика студентов;
- 6) применимость методики к любому языковому материалу.

К недостаткам метода ТТТ можно отнести:

- 1) затянутость урока, если обучающиеся слабо или почти не владеют изучаемым материалом;
- 2) сложность подготовки преподавателя к подобным занятиям, так как не всегда возможно предсказать, какие трудности могут возникнуть у обучающихся;
- 3) как отмечает Т. Bowen, «студенты, которые еще не знакомы с данной методикой, начав работу с выполнения задания, могут решить, что урок будет скучным, и потерять мотивацию» [10].

Однако следует отметить, что, как было установлено в данном параграфе, применение коммуникативной методики в процессе преподавания разных языковых аспектов позволяет устранить его недостатки. Создание «обучающей оболочки» [11] из различных электронных инструментов, таких как игры, электронные словари, Google classroom, видео- и аудиозаписи, средства обратной связи, тестовые задания, позволяют расширить образовательные возможности, индивидуализировать обучение, повысить мотивацию студентов и создать базис для их самообразования и самосовершенствования в течение жизни (life-long learning). По мнению И. В. Алешановой и Н. А. Фроловой, «социальная зрелость специалистов проявляется

в том, что они становятся активными пользователями полученных в ходе обучения знаний и навыков и при этом ориентированы на непрерывное образование» [12]. Именно подход с применением ИКТ позволяет реализовывать такую компетенцию, стимулируя интерес к приобретению новых знаний обучающимися через доступные инструменты познания.

Важной составляющей образовательного процесса становится не только применяемый метод, но и систематизация процесса обучения посредством ИКТ, так как «сегодня актуализируется разработка подходов к использованию дидактического потенциала современных информационных технологий в развитии личности обучаемого, раскрытии его креативности, формировании у него способностей к альтернативному мышлению» [13, с. 4]. Системный подход способствует процессу освоения обучающимися внешних смысловых структур, в результате становящихся внутренними. В итоге они находят себя во «внешнем, воспринимают в себя и усваивают то, что выступает перед ними объектом» [14, с. 21], т. е. становятся участниками образовательного процесса, а не просто «встроенными наблюдателями», как при традиционном подходе. Следовательно, коммуникативная методика с применением ИКТ основана на двух основных принципах:

– «знание получено не пассивно, а построено обучающимися;

– функция познания – адаптивная и служит для организации практической деятельности» [15, с. 39], т. е. изначальному пониманию студентом применимости полученных знаний в речевой практике на иностранном языке, а не их теоретической значимости, как часто бывает при традиционном подходе к обучению.

Можно заключить, что основным преимуществом использования ИКТ в процессе обучения иностранному языку является дидактический характер применяемых технологий, которые позволяют не только разно-

образить и сделать более привлекательным процесс изучения иностранного языка, но и упростить коммуникацию между преподавателем и обучающимся при применении разнообразных методов, компонентов и инструментов.

Список источников

1. **Титова С. В.** Информационно-коммуникационная компетенция педагогов и новые образовательные стандарты высшей школы // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 4. С. 118–131.
2. **Коротаяева Е. В.** Организация взаимодействия в образовательном процессе школы. М.: Национальный книжный центр: ИФ «Сентябрь», 2016. 192 с.
3. **Даниелян Н. В.** Проблемы информационной культуры в лингвистическом образовании // Вып. 7: Информационно-коммуникативные стратегии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации. М.: МГУ, 2016. С. 185–194.
4. **Hadfield J.** The TKT-teaching knowledge. 2014 // Slideshare [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/jehny.yon/the-tkt-teaching> (дата обращения 16.04.2022)
5. **Senour A. C.** An Investigation of the Effectiveness of the Test-Teach-Test Method of Instruction in Spelling // The Elementary School Journal. May, 1930. Vol. 30, No. 9. Pp. 700–706 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/995879?seq=1#meta-data_info_tab_contents (дата обращения 12.04.2022).
6. **Блик Е. С.** Использование методики ТТТ в обучении студентов английскому языку // Актуальные проблемы психологии и педагогики: Сборник трудов международной научно-практической конференции. Уфа: Научный центр «АЭТЕРНА», 2014. С. 8–11.
7. **Paudel P.** Use of TTT method in English as a Foreign Language Classes // Journal of NELTA Surkhet. January, 2018. Vol. 5. Pp. 20–21 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yadi.sk/i/ix-vRwVLY1LuxA> (дата обращения 20.04.2022).

8. **Иванова М. Е.** Использование методики ТТТ как эффективный способ формирования грамматической составляющей лингвистической компетенции учащихся // Повышение академической мобильности преподавателей и студентов, в рамках сотрудничества РЭУ им. Плеханова с международной образовательной корпорацией PEARSON: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции / под ред. М. В. Зарудной. М.: PEARSON, 2016. С. 65—71.
9. **Boundjema F.** TTT technique for ESL learning // Slideshare [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slideshare.net/innovative14/test-teach-test-technique-for-esl-classes> (дата обращения 19.04.2022).
10. **Bowen T.** Teaching approaches: task-based learning [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.onestopenglish.com/methodology-the-world-of-elt/teaching-approaches-task-based-learning/146502.article> (дата обращения 11.04.2022)
11. **Нужа И. В., Смирнова И. В.** ИКТ в обучении иностранному языку: от традиционного учебника к виртуальной обучающей среде // НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/01/21/1305681531/text.pdf> (дата обращения 20.04.2022)
12. **Алешанова И. В., Фролова Н. А.** Профессионально-ориентированный подход в обучении иностранным языкам в техническом вузе // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. 2012. № 6. Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7959> (дата обращения 21.09.2021).
13. **Уруймагова Т. У.** Современные информационные технологии в формировании коммуникативной компетентности студентов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Владикавказ, 2005. 24 с.
14. **Habermas J.** Theorie des kommunikativen Handelns. Bd.2. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981. 640 S.
15. **Даниелян Н. В.** Конструктивистский подход в современном научно-рациональном познании // Полигнозис. 2011. № 3-4. С. 38—50.
1. **Titova S. V.** Informacionno-kommunikacionnaja kompetencija pedagogov i novye obrazovatel'nye standarty vysshej shkoly // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2011. № 4. S. 118-131.
2. **Korotaeva E. V.** Organizacija vzaimodejstvija v obrazovatel'nom processe shkoly. M.: Nacional'nyj knizhnyj centr, IF «Sentjabr'», 2016. 192 s.
3. **Danieljan N. V.** Problemy informacionnoj kul'tury v lingvisticheskom obrazovanii // Vyp. 7: Informacionno-kommunikativnye strategii v lingvistike, lingvodidaktike i mezhkul'turnoj kommunikacii. M.: MGU, 2016. S. 185-194.
4. **Hadfield J.** The TKT-teaching knowledge. 2014 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slideshare.net/jehny.yon/the-tkt-teaching> (дата обращения 16.04.2022)
5. **Senour A. C.** An Investigation of the Effectiveness of the Test-Teach-Test Method of Instruction in Spelling // The Elementary School Journal. – May, 1930. Vol. 30, No. 9. Pp. 700-706 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/995879?seq=1#metadata_info_tab_contents (дата обращения 12.04.2022).
6. **Blik E. S.** Ispol'zovanie metodiki TTT v obuchenii studentov anglijskomu jazyku // Aktual'nye problemy psihologii i pedagogiki: Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ufa: Nauchnyj centr «AJeTERNA», 2014. S. 8-11.
7. **Paudel P.** Use of TTT method in English as a Foreign Language Classes // Journal of NELTA Surkhet. January, 2018. Vol. 5. Pp. 20-21 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yadi.sk/i/ix-vRwVLY1LuxA> (дата обращения 20.04.2022).
8. **Ivanova M. E.** Ispol'zovanie metodiki TTT kak jeffektivnyj sposob formirovanija grammaticheskoj sostavljajushhej lingvisticheskoj kompetencii uchashihhsja // Povyshenie akademicheskoj mobil'nosti преподаvatelej i studentov, v ramkah sotrudnichestva RJeU im. Plehanova s mezhdunarodnoj obrazovatel'noj korporaciej PEARSON: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. PEARSON, 2016. S. 65-71 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: (дата обращения 10.04.2022)
9. **Boundjema F.** TTT technique for ESL learning // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.slideshare.net/innovative14/test-teach-test-technique-for-esl-classes>

References

test-technique-for-esl-classes (data obrashhenija 19.04.2022).

10. Bowen T. Teaching approaches: task-based learning // [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.onestopenglish.com/methodology-the-world-of-elt/teaching-approaches-task-based-learning/146502.article> (data obrashhenija 11.04.2022)

11. Nuzha I. V., Smirnova I. V. IKT v obuchenii inostrannomu jazyku: ot tradicionnogo uchebnika k virtual'noj obuchajushhej srede // [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/data/2013/01/21/1305681531/text.pdf> (data obrashhenija 20.04.2022)

12. Aleshanova I. V., Frolova N. A. Professional'no-orientirovannyj podhod v obuchenii inostrannym jazykam v tehničeskom vuze // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2012. № 6 // [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7959> (data obrashhenija 21.09.2021).

13. Urujmagova T. U. Sovremennye informacionnye tehnologii v formirovanii kommunikativnoj kompetentnosti studentov. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogičeskikh nauk. Vladikavkaz, 2005. 24 s.

14. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd.2. Frankfurt am Main: Suhrkamp 1981. 640 S.

15. Danieljan N. V. Konstruktivistskij podhod v sovremennom nauchno-racional'nom poznanii // Polignozis. 2011. № 3-4. S. 38-50.

Информация об участнике

Даниелян Наира Владимировна — доктор философских наук, доцент, профессор Института ЛПО, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, 1).

Information about participant

Naira V. Danielyan — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of LPO, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 04.05.2022.

The article was submitted 04.05.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 214—217.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 214—217.

УДК 372.881.111.1
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-214-217

Обучение школьников иноязычной монологической речи с помощью интеллект-карт платформы CANVA

Кристина Юрьевна Майорова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

kristina.mayorowa2017@yandex.ru

Аннотация. Одной из основных тенденций современного образования является активное внедрение информационных технологий. Для полноценного развития личности учащегося крайне важно использовать не только техническую составляющую информатизации, но и творческую. Эффективность обучения во многом зависит от того, какой наглядный материал используется педагогом. Презентации, игровые задания, интерактивные учебники, инфографика и многое другое требует яркого, качественного, понятного графического решения. Все эти возможности предоставляет созданный в 2012 г. в Австралии графический редактор CANVA. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены возможности платформы CANVA в обучении монологической речи.

Ключевые слова: монологическая речь, интеллект-карта, иноязычная коммуникативная компетенция.

Для цитирования: Майорова К. Ю. Обучение школьников иноязычной монологической речи с помощью интеллект-карт платформы CANVA // Экономические и социально-гуманитарные исследования. [Круглый стол Института ЛПО: Актуальные вопросы современной лингвистики]. 2022. № 2 (34). С. 214—217. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-214-217>

Teaching monologue with CANVA's mind map at EFL classes

Kristina Yurievna Maiorova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

kristina.mayorowa2017@yandex.ru

Abstract: One of the main trends in modern education is the active introduction of information technology. For the full development of the student's personality it is extremely important to use not only the technical component of informatization, but also the creative component. The effectiveness of training depends largely on what visual material is used by the teacher. Presentations, game tasks, interactive textbooks, infographics, and much more require a bright, high-quality, understandable graphic solution. All these possibilities are provided by the graphic editor CANVA created in Australia in 2012. This article will review the possibilities of CANVA platform in teaching monological speech.

Keywords: monologue, mind map, foreign language communicative competence.

For citation: Maiorova K. Yu. Teaching monologue with CANVA's mind map at EFL classes. *Economic and Social Research* [Round table of the LPO Institute: Actual questions of modern linguistics], 2022, no. 2 (34), pp. 214–217. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-214-217>

Одной из главных задач, решаемых на сегодняшний день образованием, является обеспечение условий, способствующих личностному развитию учащихся в процессе продуктивной учебной деятельности. Одним из условий достижения данной цели является формирование у школьников автономии [1], при этом интеллект-карты могут использоваться в качестве средства самоорганизации и самоконтроля, упорядочения мыслительного процесса при составлении монологического высказывания на иностранном языке.

В научно-исследовательской литературе монологическое высказывание рассматривается как вербальная форма продуктивной речевой деятельности, обращенная к собеседникам, характеризующаяся развернутостью или непрерывностью высказывания. Порождение высказывания является сложным процессом как на иностранном, так и на родном языке, так как предполагает активизацию в речи приобретенных ранее умений – «извлечение из памяти лексических и фразеологических единиц относительно обсуждаемого понятия, предметного и коммуникативного содержания» [2], соблюдение логики и непрерывности, смысловой законченности, коммуникативной направленности.

Обучение монологическому высказыванию базируется на навыках и умениях, сформированных на первоначальном этапе обучения, включающих описание, сообщение, рассказ, рассуждение в рамках бытовой, учебно-познавательной и социальных сфер деятельности человека.

Обучение школьников иноязычной монологической речи, как уже говорилось выше, достаточно сложный процесс. Трудности связаны с одной стороны, со слож-

ностью составления монологического высказывания – соблюдения логики, высказывания собственной точки зрения, приведения аргументации, иллюстративных примеров; с другой стороны, разным уровнем подготовки обучающихся одной группы, ограниченным набором языковых средств, неспособностью компенсировать их недостаток.

Одним из эффективных способов работы при формировании иноязычной коммуникативной компетенции является применение интеллект-карт, сочетающих в себе широкие возможности для обучения, развития и стимулирования мотивации к изучению английского языка. Ю. А. Власова считает, что навыки, приобретенные в результате использования интеллект-карт, помогут ученикам не только в усвоении материала, они станут тем фундаментом, на котором сформируется личность, способная мыслить творчески и созидать разумно.

Рассмотрим организацию работы по использованию интеллект-карт в процессе обучения говорению. Рассмотрим возможности использования интеллект-карт при знакомстве с новой темой Learning more about London [3].

На первом этапе педагог знакомит учащихся с темой урока и задает вопрос: "You know that the capital of England is London. What associations do you have with this city?". Все ответы учащихся должны фиксироваться учителем на доске. Так, ученики могут называть следующие слова, ассоциирующиеся у них с Лондоном: lord, rains, Sherlock Holmes, aristocrat. Associations for the word "London": England city capital of Great Britain Paris queen country tower rain English clock bridge big fog Britain Ben island English people language

Thames live prince bus people song Europe travel river flag palace beauty long tea Tower of Albion king. Параллельно с учителем ученики на своих местах, создают рисунок, используя платформу CANVA [4].

CANVA — это онлайн-сервис для создания элементов графического дизайна. Работа в этом сервисе основана на использовании готовых шаблонов в качестве «канвы» для создания собственного дизайна.

Ключевое преимущество данного редактора заключается в его простоте.

Второй этап работы включает разъяснение педагогом цели создания интеллект-карты — составить рассказ, опираясь на созданный рисунок.

Для проверки фоновых знаний обучающихся о столице Великобритании учитель задает вопрос:

What can you say about the capital of the UK?

Ученики генерируют свои идеи, учитель их записывает на доске:

It's very beautiful.

London is different to other cities.

London has different types of buildings.

Последующие ответвления, характеризующие аспекты Лондона, составляются подобным образом.

Таким образом, в результате вопросно-ответной игры рисуется интеллект-карта по теме London.

Последний этап является основным. Этот этап предполагает устное высказывание по созданной учениками интеллект-карте. Интеллект-карта в данном случае является опорой для ученика. Сильные учащиеся могут и не воспользоваться своей интеллект-картой, но слабые обучающиеся обязательно будут опираться на свою карту [5].

Чтобы повысить мотивацию к говорению, важно озвучить критерии оценивания [6]. Для этого можно дать право ученикам самим выделить критерии оценки. Обычно учащиеся предлагают такие критерии, как количество предложений в рассказе и ис-

пользование новой лексики. На этом этапе нельзя забывать о том, что основное внимание уделяется говорению, а не интеллект-карте, ведь она служит в качестве плана, вербальной опоры. В данном случае мы определяем интеллект-карту как статичную опору обучения монологу на английском языке, которая визуализирует ментальную организацию вербальных и невербальных элементов в смысловом пространстве разговорной темы в виде открытой разветвленной схемы.

В заключение можно сделать следующие выводы.

При использовании интеллект-карт для формирования навыков монологической речи, в зависимости от уровня владения иностранным языком, продолжительности выступления, для закрепления изучаемых языковых единиц обучающимся предлагается: коллективная разработка карты к первому тексту, составление сообщения по тексту на основе карты, составление индивидуальных карт к другому тексту; воспроизведение сообщения с опорой на интеллект-карту. Далее выполняются упражнения, нацеленные на создание собственного устного сообщения: выбор темы сообщения осуществляется в рамках изучаемого раздела дисциплины; формулируется идея сообщения, которой хотелось бы поделиться; продумывается структура высказывания (продумывается введение и заключение сообщения, подбираются вводные фразы, составляются вопросы); формулируются 2-3 тезиса, раскрывающие идею; при необходимости составляется полный текст сообщения либо ментальная карта.

Критерии оценки монологического высказывания, заявляемые заранее, включают: выбор идеи, фонетическое, лексическое и грамматическое соответствие языковым нормам, наличие структуры сообщения, раскрытие тезисов, коммуникативные приемы работы с аудиторией, невербальное поведение, соблюдение временного лимита.

Преимущество использования созданных на платформе CANVA интеллект-карт

состоит в возможности их дальнейшего расширения и дополнения. Так, применительно к рассмотренному выше примеру на следующих уроках педагог дает задание по работе с текстом. Выполняя задание педагога, учащиеся могут открыть созданную на платформе CANVA интеллект-карту и продолжить вносить в нее новые слова и словосочетания. На этапе контроля говорения созданная интеллект-карта поможет учащимся.

Таким образом, создание интеллект-карт на платформе CANVA способствует повышению эффективности обучения школьников иноязычной монологической речи.

Список источников

1. **Байдикова Н. Л.** Характеристики продуктивной учебной деятельности студентов вузов // Наука и школа. 2017. № 6. С. 85–89.

2. Английский язык: Английский с удовольствием Enjoy English: учебник для 5 кл. общеобразоват. учр. / М. З. Биболева, О. А. Денисенко, Н. Н. Трубанева. Обнинск: Титул, 2013. 208 с.

3. **Власова Ю. А., Зайцева А. В.** Мониторинг сформированности социально- коммуникативных компетенций с использованием метода интеллект-карт // Профессиональное образование и рынок труда. 2014. № 6. С. 24–26.

4. CANVA [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.canva.com/ru_ru/ (дата обращения: 07.04.2022).

5. **Захарова А. В.** Организационно-педагогические условия применения интеллект-карт для обучения говорению на уроках иностранного языка // Психологическая и педагогическая основа современной образовательной среды: сб. ст. Международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна, 2019. С. 58–61.

6. **Давиденко Е. С.** Использование информационных карт для подготовки студентов к иноязычному профессиональному общению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 12 (672). С. 124–132.

References

1. Bajdikova N. L. Charakteristiki produktivnoj uchebnoj dejatel'nosti studentov vuzov // Nauka i shkola. 2017. № 6. S. 85–89.

2. Anglijskij jazyk: Anglijskij s udovol'stvием Enjoy English: uchebnik dlja 5 kl. obshheobrazovatel'no-uchrezh. / M. Z. Biboletova, O.A. Denisenko, N. N. Trubaneva. Obninsk: Titul, 2013. 208 s.

3. Vlasova Ju. A., Zajceva A. V. Monitoring sformirovannosti social'no- kommunikativnyh kompetencij s ispol'zovaniem metoda intellekt-kart // Professional'noe obrazovanie i rynek truda. 2014. № 6. S. 24–26.

4. Canva [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.canva.com/ru_ru/ (data obrashhenija: 07.04.2022).

5. Zaharova A. V. Organizacionno-pedagogicheskie uslovija primenenija intellekt-kart dlja obuchenija govoreniju na urokah inostrannogo jazyka // Psihologicheskaja i pedagogicheskaja osnova sovremennoj obrazovatel'noj sredy: sb. st. Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ufa: Ajeterna, 2019. S. 58–61.

6. Davidenko E. S. Ispol'zovanie informacionnyh kart dlja podgotovki studentov k inozazychnomu professional'nomu obshheniju // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. № 12 (672). S. 124–132.

Информация об участнике

Майорова Кристина Юрьевна — магистрант, Институт ЛПО, 2 курс, группа Л-22М, профиль «Инновационная лингводидактика», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, 1).

Information about participant

Kristina Yurievna Maiorova — master's student, LPO Institute, 2nd year, group L-22M, profile «Innovative Linguodidactics», National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 04.05.2022.

The article was submitted 04.05.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 218—221.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 218—221.

УДК 347.78.034
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-218-221

Особенности перевода неологизмов компьютерной тематики с английского языка на русский (на материале пособий по программированию)

Гузель Зуфаровна Муханова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

guzelmukhanova@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена изучению неологизмов, появившихся в области компьютерных наук. Автором статьи предлагается классификация неологизмов по морфологической структуре, а также рекомендации по их переводу. Статья раскрывает, как структура нового слова может подсказать в выборе переводческой трансформации.

Ключевые слова: неологизм, перевод, информация, компьютерные науки, Интернет.

Для цитирования: Муханова Г. З. Особенности перевода неологизмов компьютерной тематики с английского языка на русский (на материале пособий по программированию) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. [Круглый стол Института ЛПО: Актуальные вопросы современной лингвистики]. 2022. № 2 (34). С. 218—221. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-218-221>

Features of computer neologisms translation from English into Russian (on the material of programming manuals)

Guzel Zufarovna Mukhanova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

guzelmukhanova@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the study of neologisms that have appeared in the field of computer science. The author proposes a classification of neologisms by morphological structure, as well as recommendations for their translation. It reveals how the structure of a new word can help with the choice of translation transformation.

Keywords: neologism, translation, information, computer science, the Internet.

For citation: Mukhanova G. Z. Features of computer neologisms translation from English into Russian (on the material of programming manuals). *Economic and Social Research* [Round table of the LPO Institute: Actual questions of modern linguistics], 2022, no. 2 (34), pp. 218—221. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-218-221>

Научно-технический прогресс с каждым годом набирает обороты. В сфере информационных технологий прогресс происходит особенно быстро, так как автоматизация применяется во всех сферах науки и техники. Соответственно, во многих отраслях развитие зависит от вычислительных мощностей, что делает компьютерные науки и науки о данных одними из самых бурно развивающихся и постоянно меняющихся сфер знаний.

Такое быстрое развитие информационных технологий непрерывно рождает в языке большое количество новых слов, т. е. неологизмов [1]. Согласно определению А. Рея, неологизмы — «слова, элементы слов или фразы, значение которых предполагают эффективное функционирование в определенной модели коммуникации, при этом, используемая языковая форма в данном языке в предшествующий период времени не встречалась» [2, с. 77].

С развитием информационных технологий и внедрением их в нашу жизнь, русский и многие другие языки переживают значительные изменения. Появляется так называемый компьютерный стиль языка, который отличается большим количеством англицизмов и неологизмов, которые по сфере употребления могут быть официальными или неофициальными. Компьютерные неологизмы — новые слова в сфере компьютерных наук [3]. Они появляются в языке семантически или лексически [4]. Семантические неологизмы — слова, которые уже были в языке, однако приобрели новые значения или оттенки значения. Лексические неологизмы — слова, которые образуются путем уже существующих в языке продуктивных словообразовательных моделей. Также в отдельную группу выделяют авторские неологизмы.

Говоря о структурных особенностях неологизмов, характерных для терминологии компьютерных наук, можно выделить три основные группы терминов: простые, сложные и составные.

Простые неологизмы представляют собой одно слово, полученное методом аффиксации или конверсии. В аффиксацию входят суффиксальный метод, т. е. добавление суффикса, префиксальный — добавление приставки и префиксально-суффиксальный — добавление в одно слово и суффикса, и приставки. Рассмотрим несколько примеров неологизмов, полученных аффиксальным способом: *multithreading* (многопоточность), *demonetize* (демонетизировать), *ungoogleable* (не ищущийся в Google). Также простые неологизмы могут быть получены конверсией, т. е. переходом слов из одной части речи в другую [5], например, *to blog* (вести блог).

Проанализировав перевод простых неологизмов, можно прийти к выводу, что самым эффективным методом является морфемный перевод, т. е. подбор русских морфем-эквивалентов. Например, для суффикса *-ing* в русском языке есть эквиваленты *-ция*, *-ие*, которые можно использовать при переводе (*dynamic typing* (динамическая типизация), *web indexing* (веб-индексирование)).

Сложные неологизмы — термины, полученные путем словосложения. Они могут быть однокомпонентными, т. е. представляющими собой одно слово (*neuroevolution* — нейроэволюция), двухкомпонентными — представляющими собой два слова, пишущихся через дефис (*Server-side* — серверная сторона), или многокомпонентными — представляющими собой три или более слова, пишущихся через дефис (*call-by-value* — вызов по значению).

Проанализировать перевод сложных неологизмов непросто, так как каждый термин требует индивидуального подхода и более широкого анализа с учетом контекста. Однако можно проследить тенденцию, что большинство слов переводятся калькированием, при котором каждая составная часть слова переводится отдельно и на выходе в языке перевода получается словосочетание.

Осталось рассмотреть составные неологизмы, т. е. отдельно пишущиеся, семантически целостные сочетания, образованные путем соединения двух и более слов (digital citizen – цифровой гражданин, facial technology – технология распознавания лиц, shadow banning – теньная блокировка). К этой группе также относятся разного рода аббревиатуры, например, Artificial Intelligence Markup Language (AIML) (язык разметки для искусственного интеллекта) [5]. Большинство составных неологизмов переводятся подбором эквивалентов на русском языке или описательным методом.

Таким образом, компьютерные науки являются источником огромного количества неологизмов, которые не успевают вноситься в словари. Было установлено, что структурные особенности неологизмов влияют на перевод и выбор переводческой трансформации. Если новое слово не имеет устоявшегося эквивалента в языке перевода, то необходимо проанализировать его структуру, чтобы понять, по какой словообразовательной модели оно было создано. Если слово простое и получено методом аффиксации, то самым правильным решением будет калькирование суффиксов и префиксов английского языка и передача их соответствующими морфемами русского языка. Однако если найти аналог морфемы не удастся, то можно воспользоваться транслитерацией. Если слово сложное и получено посредством словосложения, то применяется калькирование каждого простого слова внутри сложного на русский язык. Если это не удастся сделать, то можно передать одно из простых слов транскрипцией. Если перед нами не просто слово, а целое составное терминологическое сочетание, то лучшим способом перевода будет экспликация или описательный перевод. Новые слова, несомненно, вызывают трудности для переводчиков, однако если знать словообразовательные модели и проводить структурный анализ новых слов и словосочетаний, то это поможет сделать выбор переводческой

трансформации и добиться правильного и корректного перевода.

Список источников

1. **Попова Т. В.** Русская неология и неография: учебное пособие. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. 96 с.
2. **Rey A.** Essays on terminology. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1995. 223 p.
3. **Селиванова Е. А.** Лингвистическая энциклопедия. Полтава: Довкилля, 2010. 844 с.
4. **Фахрутдинова М. Т.** Функционирование неологизмов IT-сферы в русском языке новейшего периода (на материале текстов электронных СМИ) // Вестник ТГГПУ. 2021. №1 (63). [Электронный ресурс ограниченной доступности]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-neologizmov-it-sfery-v-russkom-yazyke-noveyshego-perioda-na-materiale-tekstov-elektronnyh-smi> (дата обращения: 05.03.2022).
5. **Jones M. T.** Artificial Intelligence: A Systems Approach. Hingham: Laxmi Publications Pvt Limited, 2008. 498 p.

References

1. Popova T. V. Russkaja neologija i neografija: Uchebnoe posobie. Ekaterinburg: GOU VPO UGTU-UPI, 2005. 96 s.
2. Rey A. Essays on terminology. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1995. 223 p.
3. Selivanova E. A. Lingvisticheskaia jenciklopedija. Poltava: Dovkillja, 2010. 844 s.
4. Fahrutdinova M. T. Funkcionirovanie neologizmov IT-sfery v russkom jazyke novejshego perioda (na materiale tekstov jelektronnyh SMI) // Vestnik TGGPU. 2021. №1 (63). [Jelektronnyj resurs ogranichennoj dostupnosti]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-neologizmov-it-sfery-v-russkom-yazyke-noveyshego-perioda-na-materiale-tekstov-elektronnyh-smi> (data obrashhenija: 05.03.2022).
5. Jones M. T. Artificial Intelligence: A Systems Approach. Hingham: Laxmi Publications Pvt Limited, 2008. 498 p.

Информация об участнике

Муханова Гузель Зуфаровна — магистрант, Институт ЛПО, 2 курс, группа Л-21М, профиль «Переводоведение и перевод в сфере высокотехнологичных отраслей экономики», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, 1).

Information about participant

Guzel Zufarovna Mukhanova — master's student, LPO Institute, 2nd year, group L-21M, profile Translation and translation in the field of high-tech industries, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 04.05.2022.

The article was submitted 04.05.2022.

ЛИЧНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО PERSONALITY. SOCIETY. STATE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 222—228.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 222—228.

УДК 354:101.1:299.512
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-222-228

Конфуций о принципах, условиях и критериях эффективности государственного управления

Владимир Георгиевич Зазыкин

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

zazykin.vladimir@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы главные принципы, условия и правила (требования) государственного управления, критерии его эффективности в свете высказываний Конфуция, раскрыто их психологическое содержание. Показано, что мысли Конфуция о факторах эффективности государственного управления не утратили значимости по прошествии нескольких столетий. Утверждается, что сформулированные Конфуцием требования к субъектам государственного управления являются основополагающими для кадровой политики на государственном уровне.

Ключевые слова: Конфуций, государство, управление, принципы, условия, критерии эффективности государственного управления, субъект управления.

Для цитирования: Зазыкин В. Г. Конфуций о принципах, условиях и критериях эффективности государственного управления // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 222—228. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-222-228>

Confucius about governance principles, conditions and efficiency criteria

Vladimir Georgievich Zazykin

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia

zazykin.vladimir@yandex.ru

Abstract: In this work, key principles, conditions, and rules (requirements) of governance and its efficiency criteria are analyzed in the context of the sayings of Confucius. Their psychological content is revealed. It was shown that Confucius' ideas about governance efficiency factors are still relevant throughout the centuries. It has been affirmed that requirements to governmental entities formulated by Confucius are fundamental for public administration's personnel policy.

Keywords: Confucius, state, public administration, principles, conditions, governance efficiency criteria, management entity.

For citation: Zazykin V. G. Confucius about governance principles, conditions and efficiency criteria. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 222—228. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-222-228>

Введение. Сегодня Российская Федерация находится в весьма сложных политических и экономических условиях, вследствие чего существенно повысились требования к качеству государственного управления. Как и любое другое управление, оно осуществляется его субъектами, т. е. государственными служащими высокого и высшего уровня управленческой иерархии. Соответственно повышаются и требования к качеству их деятельности, уровню развития личностно-профессиональных качеств и управленческих умений, позволяющих эффективно осуществлять государственное управление. Однако научных исследований, в частности психологических, объектами которых были бы субъекты управления высокого и высшего уровня, крайне мало. Если таковые и проводились, результаты их по понятным причинам не обнародованы. Тем не менее руководителям даже высокого уровня необходимы рекомендации, которые повысили бы результативность их деятельности. Неоценимую помощь в этом может оказать накопленный человечеством опыт государственного управления, нашедший отражение в работах и высказываниях выдающихся мыслителей и деятелей прошлого. Среди них особое место занимает *Конфуций* (551—479 гг. до н. э.): его мысли и идеи носят вневременной характер, т. е. не только справедливы для любой общественно-экономической формации, но и всегда актуальны и значимы.

В свете обсуждаемой проблемы важно, что Конфуций долгое время занимал высокие должности государственной службы и имел немалый опыт управления. Его острый ум,

системность и прогностичность мышления, высочайший уровень психологической компетентности, опыт управления стали основанием для обобщений, которые представлены в сформулированных им требованиях, принципах, условиях и закономерностях, необходимых для эффективного управления.

В сфере внимания Конфуция было в основном государственное управление, осуществляемое на разных уровнях государственной иерархической системы. Его эффективность, указывал мыслитель, будет высокой при соблюдении конкретных принципов и условий, при оценке результативности с помощью состоятельных критериев и профессионализме субъектов такого управления. Важно, что многие мысли и идеи Конфуция сформулированы не только очень точно, но кратко и образно, с учетом психологии тех, кому они адресованы. Конфуций часто применял прием образного сравнения, что усиливало влияние его идей.

Рассмотрим психологическое содержание принципов, условий и критериев эффективного государственного управления, представленных в высказываниях Конфуция, а также требований, сформулированных им для субъектов управления¹.

Содержание принципов управления. По Конфуцию, основополагающий принцип государственного управления связан с его стратегической направленностью. Конфуций был уверен, что она состоит в *повышении нравственности* народа: «Преобразование в нравах — основа правильного правления». Конфуций указал и основной путь реализации этой стратегической направленности:

¹ Здесь и далее цитаты из работ Конфуция приводятся по п. 5 и 6 списка литературных источников.

«Добрую нравственность народа может упрочить просвещение». Система просвещения в Российской Федерации постоянно реформируется на протяжении последнего десятилетия. При этом правильность проводимых реформ вызывает серьезные сомнения, как и то, может ли такое управление увеличить добрую нравственность народа.

Следующим главным принципом эффективного государственного управления (как, впрочем, и любого другого) Конфуций считал *продуманную и обоснованную кадровую политику*. Он говорил: «Управлять — значит правильно ставить всех на свои места». Истинность этого принципа многократно подтверждалась в практике любого управления. Данная мысль Конфуция стала своеобразным императивом и часто повторялась на протяжении столетий. Вспомним хотя бы известное высказывание И. В. Сталина: «Кадры решают всё». Представляется, что эта мысль особенно актуальна для современной отечественной государственной кадровой политики.

Необходимым предварительным условием проведения грамотной кадровой политики Конфуций называл повышение образованности населения, его интеллектуального уровня: «Когда в государстве будут мудрые люди, тогда и управление государством может процветать».

В кадровой политике, по Конфуцию, важно выдвижение на управленческие должности людей, отличающихся не только профессионализмом, глубокими знаниями, устойчивой мотивацией к выполнению своего долга, но и высоким уровнем *морально-нравственных качеств*: «Если отдать должное честным людям и возвысить их над нечестными, то народ будет преданным, покорным. Если же вы будете бесчестных людей ставить над добродетельными и отдавать им преимущество над честными, истинно добродетельными людьми, тогда народ не будет ни покорным, ни преданным». Нарушение данного принципа отрицательно сказывается на эконо-

мике государства и нравственном состоянии общества, чему можно привести немало примеров.

Конфуций был уверен, что один из ключевых принципов государственного управления — *«следование пути середины»*. Оно должно проявляться в избегании любых крайностей. Крайности в управлении, по Конфуцию, являются следствием недостаточных прогностических способностей субъекта управления, неумения анализировать и принимать точные и своевременные решения. Конфуций считал, что в управлении должна доминировать эволюционная стратегия.

Правители, придерживающиеся принципа «пути середины» в управлении, по Конфуцию, — наиболее «сильные и правильные». Представим высказывания Конфуция, отражающие данный принцип:

- «Высший человек идет по пути середины»;
- «Приемлемая середина как принцип управления является высшим принципом, жаль, что редко кто из людей пользуется им»;
- «Главный принцип правления — умеренность и избегание всяких крайностей. Излишняя мягкость или излишняя суровость — вредны».

Вместе с тем Конфуций отмечал: «Трудно найти людей, которые держатся середины, поэтому приходится иметь дело с людьми нерешительными или несдержанными; несдержанные хватаются за всё, а нерешительные стараются избегать сложных дел».

Практика управленческой деятельности показывает, что при крайностях в управлении действительно допускается много ошибок, потому что трудно прогнозировать все возможные последствия импульсивно принятых решений и определить возникающие из-за них непредвиденные ситуации. К тому же несдержанные руководители в силу своей импульсивности не умеют этого делать. Естественно, это приводит к оплошностям, часто непоправимым. Присущий таким руководителям стиль работы распространяется

и на исправление собственных ошибок, что только порождает новые, в результате образуется порочный круг проблем и ошибок. Излишне самоуверенные руководители из опасения потерять репутацию не признаются в своих ошибках, оправдывают их влиянием так называемых жестких объективных обстоятельств. Начальники такого типа часто блокируют чьи-либо интересы, что приводит к недовольству и оппозиционности, создает неблагоприятную психологическую атмосферу напряженности и тревоги. Нормализацию психологического климата они считают несущественной и не склонны этим заниматься.

Другая крайность, нерешительность в управлении, сопровождается избеганием проблем, снижением активности и ответственности. Это приводит к застою. При нерешительном руководителе управлять начинают другие люди, преследующие свои личные или узкогрупповые интересы и не несущие никакой ответственности, так как они не имеют на то полномочий. Это приводит к хаосу в управлении [2; 3].

Главные условия осуществления эффективного государственного управления. Конфуций сформулировал и обосновал эти условия в приводимых далее высказываниях.

«Управляя царством <...> нужно серьезнее относиться к делу, быть правдивым, уважать людей, экономить средства в расходах, побуждать сам народ к труду».

Заметим, «побуждать сам народ к труду» можно как при помощи различных стимулов, так и личным примером. Особого внимания заслуживает условие «экономить средства в расходах»: «умеренность в расходах» часто упоминается в трудах Конфуция. Очевидно, что речь идет о расходах на содержание аппарата и самого субъекта управления. Это крайне важное для государственного управления условие, так как гражданам далеко не безразлично, как тратятся взимаемые с них налоги. Однако получить объективную информацию об этом они

могут не всегда. Ранее мы вынуждены были констатировать: «В нашей стране о сокращении расходов на содержание аппарата государственного управления и первых лиц мы не слышали очень давно. Мало того, эти цифры являются чуть ли не государственной тайной» [1, с. 14].

Критерии эффективности государственного управления. Первый и, на наш взгляд, самый главный критерий констатирует приоритетную значимость *результативности* управленческой деятельности. Конфуций говорил так: «Если дела правителя верны, то за ним и пойдут люди без всяких приказов, если дела правителя не верны, то народ не повинуется ему, хотя и ему приказывают». Этот критерий не требует комментариев в силу его очевидной неоспоримости.

Следующий критерий тесно связан с наглядными *проявлениями* результативности управления. Конфуций утверждал: «Хорошо управлять государством — это когда удовлетворены те, кто рядом, и возвращаются те, кто был далеко». Остановимся на нем подробнее.

Первая часть критерия позволяет оценить удовлетворенность «тех, кто рядом». В классовом обществе разная направленность значимых интересов в большинстве случаев препятствует достижению всеобщей удовлетворенности. Тем не менее в определенных ситуациях возможно и согласование интересов, и недопущение дисбаланса в пользу «определяющего меньшинства» или «тривиального большинства». В этом и состоит профессионализм руководителя на государственном уровне.

Вторая часть критерия связана с оценкой ситуации в стране глазами «тех, кто был далеко», она весьма актуальна в сложившихся сегодня обстоятельствах. Как известно, человек склонен стремиться туда, где лучше. Если в родной стране жить лучше, чем в других, уехавшие из нее люди начинают возвращаться. Возвращение зарубежных соотечественников на родину — первый признак

благополучия страны как результата правильного управления. Заметим, что в психологии управления ориентация на этот критерий свидетельствует о профессионализме в государственном управлении [1; 2; 3].

Еще один важный критерий эффективности государственного управления констатирует обязательность учета *потребностей* объекта управления. Конфуций утверждал: «Если в государстве много еды и много оружия, есть доверие народа к правителю».

Потребности человека порождают желания, чувства, стремления, побуждающие к активности для поиска средств и возможностей их удовлетворения. В этом своем высказывании Конфуций отмечал первоочередную роль двух витальных потребностей: в пище и в безопасности. Именно они являются основополагающими. Если они не удовлетворены, все другие потребности у людей тоже будут не удовлетворены, а это серьезный психологический прессинг, формирующий недоверие и отрицательное отношение к управляющей системе. Если население страны голодает и не чувствует себя защищенным, в такой обстановке не может идти речи об эффективном управлении и доверии к его субъектам. А Конфуций предупреждал: «...Без доверия народа правительство не может стоять». Отсюда результативность деятельности субъектов государственного управления должна быть высокой, а их поведение и коммуникации — такими, чтобы вызывать доверие людей. Оно, повторимся, обуславливается результативностью управленческой деятельности. При наивысшей результативности управления доверие превращается в убежденность относительно его правильности, веру в субъекта управления. С психологической точки зрения важно, чтобы люди хорошо осознавали «правильность управления», для этого им должна быть очевидна значимость достигнутых результатов именно для них.

Основные требования, предъявляемые к субъектам государственного управления, т. е. усло-

вия, имеющие *субъективный* характер. Главное из них — добродетельность. «Правитель, который проповедует добродетель, — утверждал Конфуций, — сходен с северной полярной звездой, которая занимает свое почетное место среди обращающихся возле нее созвездий». Иными словами, такой правитель ярко выделяется в лучшую сторону на фоне других.

Другие требования по сути являются констатацией достоинств и недостатков субъектов управления. Конфуций уделял им особое внимание.

Сначала остановимся на *достоинствах* субъекта управления государством. По Конфуцию: «Благородный муж экономен, заставляя людей работать, не озлобляет их, в своих стремлениях не алчен, в своих мыслях он не спесив, не жесток и пользуется уважением». Следовательно, субъект, осуществляющий государственное управление, должен:

— быть экономным (особенно, как отмечалось ранее, в расходах «на себя» и аппарат управления);

— не быть спесивым, надменным, чванливым, не допускать пренебрежительного отношения к другим, относиться к людям с уважением;

— быть не жестоким, но справедливым и объективным;

— заслуживать уважение.

«...Не показывайте никому мрачного лица, будьте со всеми приветливы, обходительны и доброжелательны», — советовал Конфуций правителям.

Мыслитель выделял и главные *недостатки* субъекта управления государством: «Если народ наказывать вместо того, чтобы просвещать, это будет жестокостью; если народ не предупреждать, а затем от него требовать решительных действий, то это будет насилие; быть медленным, а самому давать приказы быстрее закончить работу, значит поступать низко; суля людям награды, но затем не выполнять обещанное, это значит быть алчным».

Иными словами, главные недостатки руководителя — злоупотребление наказаниями при управлении; неумение или нежелание просвещать народ (необразованными людьми управлять легче); безответственность и алчность.

Согласно Конфуцию, субъект государственного управления должен постоянно транслировать положительные образцы деятельности, поведения и отношений:

— «Главная цель правления — добрая нравственность народа. Она зависит не от законов, а от примеров, какие дает им высшая власть»;

— «Правление состоит в том, чтобы предупреждать народ своим примером и трудиться для него (народа. — В. З.)».

В этом случае сработают психологические механизмы подражания, так как большинство людей склонны следовать образцам поведения, которые дают им представители власти. Об этом задолго до Конфуция говорили китайские мудрецы Шунь и Яо: «Государь, что сосуд, а народ, что вода. Какую форму имеет сосуд, такую форму примет налитая туда вода» [4]. Транслируемые образцы поведения, по Конфуцию, должны отличаться высокой нравственностью, добродетельностью и благородством, тогда они будут особенно влиятельными.

В завершение отметим, что мысли Конфуция об эффективности государственного управления не потеряли своей актуальности. Особую значимость они приобретают в критических для страны ситуациях, когда возрастает цена допусаемых при управлении ошибок. Соблюдение в современном государственном управлении отмеченных Конфуцием принципов, условий и требований, несомненно, должно повысить его эффективность.

Библиографический список

1. Богданов Е. Н., Зазыкин В. Г. Конфуций о субъективных условиях эффективного государственного управления // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 7—15.
2. Зазыкин В. Г., Смирнов Е. А., Грузов Ю. В. Мудрость Конфуция: истоки психологии и акмеологии управления. Иваново: Ивановский фил. РАНХиГС, 2014. 110 с.
3. Зазыкин В. Г. Об истоках психологии и акмеологии управления в высказываниях Конфуция // Акмеология. 2014. № 3 (51). С. 89—98.
4. Искусство властвовать: пер. с кит. М.: Белые альвы, 2001. 288 с. (Каноны).
5. Конфуций: Жизнь, учение, мысли, изречения и афоризмы / сост. В. В. Юрчук. 3-е изд., с изм. Минск: Современное слово, 2001. 384 с.
6. Мудрость Конфуция: афоризмы и поучения. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 304 с. (Мир в картинках).

References

1. Bogdanov E. N., Zazykin V. G. Confucius about subjective conditions of effective governance. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 2014, no. 2, pp. 7—15. (In Russian).
2. Zazykin V. G., Smirnov E. A., Gruzov Yu. V. *Wisdom of Confucius: origins of psychology and acmeology of management*. Ivanovo, Ivanovo Branch of RANEPА, 2014. 110 p. (In Russian).
3. Zazykin V. G. About the origins of psychology and acmeology of management in the sayings of Confucius. *Akmeologiya*, 2014, no. 3 (51), pp. 89—98. (In Russian).
4. *The art of government*. Moscow, Belye al'vy Publ., 2001. 288 p. Kanony Series. (In Russian).
5. Yurchuk V. V. (red). *Confucius: life, teachings, thoughts, sayings and wisecracks*. 3rd ed., amend. Minsk, Sovremennoye slovo Publ., 2001. 384 p. (In Russian).
6. *Wisdom of Confucius: wisecracks and preachments*. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2010. 304 p. Mir v kartinkakh Series. (In Russian).

Информация об авторе

Зазыкин В. Г. — заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории психологического консультирования и психотерапии Психологического института Российской академии образования (Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4).

Information about the author

V. G. Zazykin — Honoured Scientist, Dr. Sci. (Psy.), Prof., Senior Fellow at Laboratory of Counseling and Mental Therapy, Psychological Institute of Russian Academy of Education (Russia, 125009, Moscow, Mokhovaya street, 9/4).

Статья поступила в редакцию 15.03.2022.

The article was submitted 15.03.2022.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат А4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию предоставляются:

1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата А4 с четким и ясным шрифтом;

2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);

3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);

4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 10 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — до 6 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга запятой, в конце точка не ставится.

Текст печатается через полтора интервала с размером шрифта не менее стандартного машинописного (Times New Roman, кегль 13). Абзацы отделяются друг от друга одним маркером конца абзаца (применение этого символа в других целях не допускается), ширина отступа (1,25 м) устанавливается в меню Word *Формат* → *Абзац*; набор текста начинается с левого края; по правому краю текст не выравнивается; текст набирается без переносов. Все слова внутри абзаца разделяются только пробелом. Перед знаками препинания пробелы не ставятся, после них — один пробел. Не допускается применение разрядки, псевдографики, а также стилей.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черными, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Векторные рисунки предоставляются в форматах EPS или SVG (версии не выше Adobe Illustrator CS5, <https://inkscape.org/>). Текст и линии на рисунке должны быть редактируемыми (текст не «в кривых»).

Полутоновые рисунки (фотографии) принимаются только в градациях серого, могут быть предоставлены в формате TIFF (без компрессии) или в виде оттиска на матовой бумаге (предпочтительный формат 9 × 12). Использование MS Word не допускается.

Бумажные оттиски рисунков должны быть пронумерованы и подписаны (на обороте каждого рисунка разборчиво написать порядковый номер, фамилию и инициалы автора). На иллюстрациях, по внешнему виду которых трудно или невозможно определить их расположение, следует сделать пометки «верх» и «низ».

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (–) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Пронумерованные формулы (нумеруются только те, на которые есть ссылки в тексте) выносятся отдельной строкой и располагаются по центру. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции \lim , \lg , \ln , \arg , const , \min , \max и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в алфавитном порядке.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

— для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для *материалов конференций, школ, семинаров*: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

— для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по каталогу «Пресса России» агентства «Книга-Сервис» в любом отделении Почты России

Этические нормы публикационного процесса

Редакционный совет и главный редактор научного журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (ЭСГИ) придерживаются принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (*Committee on Publication Ethics, COPE*), Совета по этике, Ассоциации научных редакторов и издателей, а также учитывают ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

Во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиат, изложение недостоверных сведений и др.), в целях обеспечения высокого качества научных публикаций, признания общественностью полученных автором научных результатов, каждый член редакционного совета, автор, рецензент, издатель, а также учреждения, участвующие в издательском процессе, обязаны соблюдать этические стандарты, нормы и правила и принимать все разумные меры для предотвращения их нарушений. Соблюдение правил этики научных публикаций всеми участниками этого процесса способствует обеспечению прав авторов на интеллектуальную собственность, повышению качества издания и исключению возможности неправомерного использования авторских материалов в интересах отдельных лиц.

Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения указанных ниже правил.

Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор (или коллектив авторов) осознает, что несет первоначальную ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, что предполагает соблюдение следующих принципов:

— авторы статьи должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований; заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы;

— авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в предоставленной рукописи, полностью оригинальны, при этом заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника, а чрезмерные заимствования, так же как плагиат в любых формах, включая неоформленные цита-

ты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы;

— необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования — в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования;

— авторы не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале;

— в качестве соавторов статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования, при этом среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании;

— если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Нарушения публикационной этики

При возникновении ситуации, связанной с нарушением публикационной этики со стороны редактора, автора или рецензента, требуется обязательное расследование. Это распространяется как на опубликованные, так и неопубликованные материалы. Редакционный совет обязан потребовать разъяснения без привлечения лиц, которые могут иметь конфликт интересов с одной из сторон.

Редакция журнала ЭСГИ защищает репутацию авторов и внимательно относится ко всем случаям обнаружения плагиата в статьях. В целях обеспечения объективности редакция тщательно исследует каждый случай и рассматривает аргументы всех заинтересованных сторон.

Прежде чем предпринимать дальнейшие действия, редакционный совет стремится получить максимально точную информацию у авторов спорной публикации или владельцев авторских прав и изучает ее. Решение редакции беспристрастно, объективно и не зависит от третьих лиц.

Редакция журнала ЭСГИ оставляет за собой право не реагировать на обвинения в плагиате, если обвинитель предоставляет недостоверную персональную информацию либо действует в неэтичной или угрожающей форме. Редакция не обязана выносить на обсуждение случаи предполагаемого плагиата с лицами, не имеющими к нему прямого отношения.

Ethical Norms of Publishing

Editorial Board and Editor-in-Chief of the journal *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* (ESGI) are committed to publication ethics principles adopted by international community, notably presented in Guidelines of Committee on Publication Ethics, COPE and of Russian Association of Science Editors and Publishers, Ethics Board; they also take advantage of valuable experience of respected international journals and publishing houses.

In order to avoid unfair practice in publication activities (plagiarism, statement of unreliable information etc.) and to ensure high quality of scientific publications and recognition of authors' scientific results by the public, each member of Editorial Board, author, reviewer, editor, and each of organizations participating in publishing process must observe ethical standards, norms and rules and take all reasonable measures to prevent their violation. The observance of scientific publication's ethical rules by all participants of this process contributes to assurance of authors' intellectual property right, to improvement of publications' quality and eliminates the possibility of author's materials unlawful use for the convenience of particular persons.

Editorial team reserves the right to decide against publication of a paper in the event that below specified rules are violated.

Principles to which the science publication author should comply

Author (or group of authors) is / are aware of his / her / their primary responsibility for novel nature and reliability of scholarly results, which is premised on the observance of following principles:

- the authors of a paper must provide reliable results of undertaken study; demonstrably wrong or fabricated statements are unacceptable;
- the authors must guarantee full originality of research results stated in the manuscript they provide, it being understood that borrowed fragments or statements must be presented as citations, with obligatory reference to primary author(s) and source, while excess borrowing, as well as any form of plagiarism, including text copying without source attribution, text recycling or misappropriation of other's research results, are unethical and unacceptable;

- the contributorship of all persons who influenced in some way or other the study progress, must be acknowledged; notably, the paper must contain references to works relevant to the pursuance of research;

- the authors must not provide to the journal a manuscript sent to another journal and being under consideration there nor a paper already published in another journal;

- all persons who contributed considerably to the pursuance of research must be listed as paper's coauthors, with that it is unacceptable to list among coauthors the persons who did not participate in the research;

- if the author detects significant errors or inaccuracies in the paper on the stage of its consideration or after its publication, he / she must notify the editorial team of that as soon as possible.

Publication ethics violations

Should there be situation related to publication ethics violation on the part of editor, author or reviewer, mandatory investigation is required. This is applicable to published as well as unpublished materials. Editorial Board must require explanation with no involvement of persons who might have conflict of interest with either party.

The ESGI journal editorial team protects authors' reputation and is attentive to all cases of plagiarism detection in the papers. For the sake of objectivity the editorial team investigates thoroughly each case and considers the reasons of all parties involved.

Before taking any future action the Editorial Board endeavors to obtain the most accurate information possible from the authors of publication at issue or from copyright holder and studies it. Editorial team's judgment is impartial, objective and not influenced by third parties.

The ESGI journal editorial team reserves the right to be without responding to plagiarism claims if the accuser provides unreliable personal information or acts in unethical or threatening way. Editorial team has no obligation to submit for discussion the cases of supposed plagiarism with person not having a direct relationship to it.